

ИНСТИТУТ СЛАВЯНОВЕДЕНИЯ РАН

СЛАВЯНСКИЙ МИР: ОБЩНОСТЬ И МНОГООБРАЗИЕ

**Материалы конференции
молодых ученых**

*в рамках Дней славянской письменности
и культуры*

20–21 мая
2025 г.

МОСКВА
2025

УДК 930.85
ББК 63.3(0=Слав)
С47

Ответственные редакторы:

Е. С. Узенёва, О. В. Хаванова

Редколлегия:

С. А. Борисов

А. В. Грасько

А. М. Дронов

Н. В. Евстафьев

Г. А. Маркадеев

П. В. Мошечков

О. С. Румянцева

Славянский мир: общность и многообразие. Материалы конференции молодых ученых в рамках Дней славянской письменности и культуры. 20–21 мая 2025 г. / Отв. ред. Е. С. Узенёва, О. В. Хаванова. — М.: Институт славяноведения РАН, 2025. — 466 с. : ил.

ISSN 2619-0869

DOI: 10.31168/2619-0869 (серия)

DOI: 10.31168/2619-0869.2025 (выпуск)

Более двадцати лет Институт славяноведения РАН отмечает День славянской письменности и культуры традиционной научной конференцией. С 2014 г. она проходит в формате конференции молодых ученых. В 2025 г. участники из Москвы, Санкт-Петербурга, Воронежа, Казани, Калининграда, Нижнего Новгорода, Ростова-на-Дону, Уфы, а также Белоруссии, Боснии и Герцеговины, Германии, Италии, Казахстана и Китая продолжили эту традицию. Вновь обсуждался широкий круг проблем, связанных с историей славянских народов от Средних веков до наших дней в национальном, региональном, этноконфессиональном и международном контексте, историей культуры южных и западных славян; с типологией славянских языков и диалектов, лингвогеографией, социо- и этнолингвистикой; с формированием, развитием, современным состоянием и перспективами славянских литератур и пр.

УДК 930.85

ББК 63.3(0=Слав)

© Коллектив авторов, текст, 2025

© Институт славяноведения РАН, 2025

Секция
«**ИСТОРИЯ**»

ПРОБЛЕМЫ ИЗУЧЕНИЯ ИСТОРИИ ЦЕРКВИ

DOI: 10.31168/2619-0869.2025.01

Об историографии вопроса определения даты смерти святого Мефодия

Кирилл Алексеевич Юрьев

Воронежский государственный университет,
Воронеж, Российская Федерация;
e-mail: kirill.yuriev2012@yandex.ru
ORCID: 0009-0009-0787-3254

Ключевые слова: святой Мефодий, историография, миссионерская деятельность, Великая Моравия, А.В. Горский, И.М. Мартынов, И.В. Ягич

On the Historiography of the Issue of Determining the Date of Death of Saint Methodius

Kirill A. Yuriev

Voronezh State University,
Voronezh, Russian Federation;
e-mail: kirill.yuriev2012@yandex.ru
ORCID: 0009-0009-0787-3254

Keywords: Saint Methodius, historiography, missionary activity, Great Moravia, A.V. Gorsky, J.M. Martinov, I.V. Jagić

Точная дата не всегда является целью исторического исследования, но играет в нем важную роль, например, в качестве точки опоры. Еще большую значимость даты имеют для создания народного культа. В церковной традиции су-

ществовало несколько дат почитания Кирилла и Мефодия как вместе, так и по отдельности. В латинской традиции они вместе почитались: 9 марта¹, 5 июля, 11 мая². Последняя дата была характерна и для православных³. Кирилла почитали отдельно 14 февраля⁴, а Мефодий отдельно почитался православными 6 апреля⁵.

В утверждении почитания святых братьев Кирилла и Мефодия можно выделить несколько важных дат: 863 г. — начало просветительской деятельности братьев среди моравских славян, 869 г. — дата смерти святого Кирилла и 885 г. — дата смерти святого Мефодия. Именно эти три даты играли важную роль в подъеме интереса к кирилло-мефодиевской теме и соответствующим празднованиям в Российской империи и Советском Союзе⁶. При этом, если первые две даты не вызывали особых дискуссий, то третья долгое время была предметом активных размышлений ученых.

Причиной этого была недостаточная источниковая база. Сохранилось не так много памятников, где говорилось бы о смерти Мефодия, еще меньшее их количество было доступно исследователям на ранних этапах изучения вопроса. Поэтому изначально исследователи были вынуждены для решения этого вопроса строить умозрительные концепции.

Так, В. Гаек считал, что Мефодий дожил до 910 г., данное мнение впоследствии разделил Я. Стредовский. Современник Гаека — С. Сарницкий писал, что Мефодия казнил в период 894—906 гг. сын моравского правителя Святополка I — нитранский князь Святополк, которого иногда называют Святополком II. Однако постепенно исследователи начали приходить к мысли, что Мефодий скончался раньше моравского князя Святополка I, то есть до 894 г. Такое мнение, например, выразил Г. Добнер, а В. Копитар относил это событие к периоду 884—894 гг.⁷

А.Л. Шлецер активно работал со славянскими источниками, среди которых стоит отметить четьи минеи Дмитрия Ростовского, где содержались уникальные данные из биографии Кирилла, но не Мефодия, поэтому он также не имел четкого представления о точном времени его упокоения, сообщая,

что тот смог дожить до 899 г.⁸. И. Добровский в своей монографии, посвященной святым братьям, разбирал теории предшественников, отвергая одну за другой. Почти незатронутыми критикой остались расплывчатые формулировки Добнера и Шлецера. Что интересно, информацию недавно открытого на тот момент греческого «Жития святого Климента (Охридского)» он подверг критике⁹, хотя этот документ привлек его внимание больше, чем открытые Шлецером славянские жизнеописания братьев¹⁰. Автор источника писал, что Мефодий скончался по прошествии двадцати четырех лет служения в сане архиепископа, то есть, предположительно, в 892 г. Однако, по мнению Добровского, архиепископство Мефодия длилось тринадцать лет — до 881 г., когда он удалился из Моравии в Рим, а общий срок проповеди среди моравян длился восемнадцать лет. Соответственно судьба Мефодия после 881 г. — неизвестна¹¹.

В некотором смысле революционным открытием в данном вопросе следует считать статью А.В. Горского 1843 г., где были разобраны славянские жития святых братьев, которые впоследствии стали называться «Паннонскими»¹². Там впервые прозвучала точная дата смерти Мефодия — 6 апреля 885 г.¹³. После публикации статьи Горского были изданы и сами «Паннонские» жизнеописания братьев, которые, по выражению П.А. Лаврова, «...заняли первое место в ряду источников о Кирилле и Мефодии»¹⁴.

Однако не все исследователи разделяли подобный взгляд. Например, русский историк-эмигрант И.М. Мартынов считал, что данные источники содержат большое количество вымыслов, поэтому не понимал всеобщего восторга по их поводу¹⁵. В своих воззрениях он был не одинок, периодически появлялись новые документы, которые, по мнению некоторых исследователей, указывали на другую дату смерти Мефодия. Так, В. Виттенбах полагал, что Мефодий скончался в 892 г.¹⁶. А в 1879 г. немецкий историк П. Эвальд на основе анализа новооткрытых на тот момент регест писем Римских Пап «сдвинул» дату смерти Мефодия с 885 г. на 887 или 888 гг.¹⁷. Как сообщил И.В. Ягич, позицию Эвальда разде-

лили Ф. Миклошич и Ф. Рачки¹⁸. Его оппонентом в дискуссии стал И.М. Мартынов, который, сравнив новооткрытые Папские регесты и Папское письмо моравскому правителю Святополку, пришел к выводу, что документы были написаны после смерти Мефодия в 885 г. или начале 886 г., что подтверждает данные «Паннонского жития»¹⁹. Аргументы историка-эмигранта убедили Эвальда, впоследствии признавшего правоту оппонента²⁰. Также выводы Мартынова признали справедливыми И.В. Ягич²¹, А.Д. Воронов, К.Я. Грот и другие. При этом, И.И. Малышевский назвал аргументы Мартынова неверными, полагая, что Папские письма были составлены еще при жизни Мефодия, хотя он считал верным свидетельство «Паннонского жития» о 6 апреля 885 г. как дате смерти Мефодия²².

Вероятно, тут дело было в некотором антагонизме историков православного и католического направления. Так, православный Малышевский регулярно подчеркивал вероисповедание того или иного исследователя, отсылая к соответствующей традиции аргументации (католической, протестантской, православной)²³. В свою очередь католик Мартынов критиковал «Паннонские жития» в пику исследователям православного направления, которые были ими очарованы больше остальных²⁴.

Впоследствии 885 г. как дата смерти святого Мефодия закрепилась в трудах большинства исследователей, серьезных дискуссий по данному вопросу не возникало.

Если говорить о том, кто сыграл наиболее важную роль в деле утверждения данной даты смерти святого, то тут стоит признать, что «ключевых» персон было несколько — А.В. Горский, открывший «Паннонские жития», где содержалась необходимая информация, и И.М. Мартынов, сумевший утвердить дату, несмотря на критическое отношение к источнику. Однако и «не ключевые», в данном случае, исследователи внесли весомый вклад своей поддержкой. При этом, будет сложно составить полный список этой категории ученых, так как их большое количество, в данной работе были упомянуты только несколько фамилий: И.В. Ягич, К.Я. Грот,

А.Д. Воронов, И.И. Малышевский. В этом плане деление на «ключевых» и «не ключевых» условно, так как А.В. Горский и И.М. Мартынов в историографии заняли более скромное место, нежели, например, тот же И.В. Ягич — ученый с мировым именем, который активно продвигал идею 885 г. в качестве даты смерти Мефодия, поэтому его слова для широких масс, вероятно, звучали «громче», чем слова Мартынова, известного, в основном, в научных и церковных кругах.

Сам процесс выявления даты смерти Мефодия, как можно заметить, хотя и был на повестке научных изысканий, но его нельзя назвать основным, он скорее имел второстепенное значение.

Возвращаясь же к началу данной работы, стоит отметить, что установление точной даты способствовало не только активным празднованиям в церковной, государственной и народной среде, но и появлению целого ряда научных работ, приуроченных к памятной данной дате. Например, вышеупомянутая работа И.И. Малышевского изначально публиковалась по частям в «Трудах Киевской духовной академии» в 1885 г. к тысячелетнему юбилею смерти Мефодия, а в 1985 г. к 1100 летнему юбилею был выпущен сборник «Великая Моравия, ее культурное и историческое значение» — самая крупная обобщающая работа на русском языке по этой теме на данный момент²⁵. Удивительно, как успехи в вопросе второстепенной важности смогли повлиять на развитие целого направления исторической науки.

Примечания

- ¹ *Баталова С.* По следите на боландистите, или за първите приноси в научното изследване на изворите за живота и делото на св. Кирил и св. Методий // *Palaeobulgarica*. 2022. Г. XLVI. Брой 1. С. 100.
- ² *Martinov J.* Annus Ecclesiasticus Graeco-Slavicus, Editus Anno Millenario Sanctorum Cyrilli et Methodii, Slavice Geatis Apostolorum. Brussels, 1863. P. 168–171.
- ³ *Ibid.* P. 126.
- ⁴ *Ibid.* P. 170.
- ⁵ *Martinov J.* Saint Méthode Apôtre des Slaves et les lettres des souverains pontifes conservées au British Museum // *Revue des questions historiques*. 1880. Т. XXVIII. 1er Octobre. P. 294.

- ⁶ *Белякова Н.А.* Кирилло-мефодиевские юбилеи в России и СССР в контексте конструкций национальной и религиозной идентичности в странах славянского мира и выстраивания отношений с католицизмом // Научный диалог. 2015. № 1 (37). С. 82–103.
- ⁷ *Martinov J.* Saint Méthode Apôtre des Slaves... P. 393.; *Добровский И.* Кирилл и Мефодий. Словенские Первоучители / Пер. с нем. М.П. Погодина. М., 1825. С. 91–94.
- ⁸ *Шлецер А.Л.* Нестор. Русския летописи на древле-славенском языке / Пер. с нем. Д. Языкова. СПб, 1816. Ч. II. С. 449.
- ⁹ *Добровский И.* Кирилл и Мефодий... С. 91–94.
- ¹⁰ *Лавров П.А.* Материалы по истории возникновения древнейшей славянской письменности // Труды Славянской комиссии / Ред. Б.М. Ляпунов. Л., 1930. Т. I. С. VIII.
- ¹¹ *Добровский И.* Кирилл и Мефодий... С. 91–94.
- ¹² *Лавров П.А.* Материалы по истории... С. IX.
- ¹³ *Горский А.В.* О свв. Кирилле и Мефодии // Москвитянин. 1843. Ч. III. № 6. С. 434.
- ¹⁴ *Лавров П.А.* Материалы по истории... С. IX–X.
- ¹⁵ *Martinov J.* Annus Ecclesiasticus Graeco-Slavicus... P. 168–171.
- ¹⁶ *Martinov J.* Saint Méthode Apôtre des Slaves... P. 393.
- ¹⁷ *Ewald P.* Die Papstbriefe der Brittischen Sammlung // Neues Archiv der Gesellschaft für Ältere Deutsche Geschichtskunde zur Beförderung einer Gesamtausgabe der Quellschriften Deutscher Geschichten des Mittelalters. 1879. Bd. 5. H. 1. S. 408.
- ¹⁸ *Ягич И.В.* Вопрос о Кирилле и Мефодии в славянской филологии. Речь И.В. Ягича. Приложение к I-му Т. Записок Императорской Академии Наук. № 1. СПб., 1885. С. 37.
- ¹⁹ *Martinov J.* Saint Méthode Apôtre des Slaves... P. 391–397.
- ²⁰ *Ewald P.* Nachrichten // Neues Archiv der Gesellschaft für Ältere Deutsche Geschichtskunde zur Beförderung einer Gesamtausgabe der Quellschriften Deutscher Geschichten des Mittelalters. 1881. Bd. 6. S. 470–471.
- ²¹ *Ягич И.В.* Вопрос о Кирилле и Мефодии... С. 37.
- ²² *Малышевский И.И.* Святые Кирилл и Мефодий первоучители славянские. Киев, 1886. С. 339–342.
- ²³ Там же. С. 336–342.
- ²⁴ *Лавровский П.А.* Итальянская легенда (окончание) // Журнал Министерства Народного Просвещения. 1886. Ч. ССXLVII. Авг. С. 235–275.
- ²⁵ От редакции // Великая Моравия, ее историческое и культурное значение / Отв. ред. Г.Э. Санчук, Й. Поулик. М., 1985. С. 3–5.

DOI: 10.31168/2619-0869.2025.02

Мотив воздаяния Девы Марии и святых в чешскоязычной католической литературе эпохи Барокко

Наталья Руслановна Белова

МГУ имени М.В. Ломоносова
Москва, Российская Федерация;
e-mail: thenatusik@yandex.ru
ORCID: 0000-0001-8637-2013

Ключевые слова: Чехия, католическая церковь, рекатолизация, святые, ересь

The Retribution of the Virgin Mary and the Saints in the Czech-Speaking Catholic Literature of the Baroque Era

Natalia R. Belova

Lomonosov Moscow State University
Moscow, Russian Federation;
e-mail: thenatusik@yandex.ru
ORCID: 0000-0001-8637-2013

Keywords: Bohemia, Catholic church, recatholicisation, saints, heresy

Почитание святых было одним из основных элементов католической религиозности раннего Нового времени, окончательно оформленной декретами Тридентского собора, а также одним из столпов габсбургской модели благочестия (*Pietas Austriaca* в терминологии Анны Корет¹). Другими составляющими *Pietas Austriaca* были культ Святого Креста, почитание Девы Марии и евхаристическая набожность, то есть почитание Святых Даров (при этом в католической проповеди всегда подчеркивались отличия католического отно-

шения к Евхаристии от протестантского: причащение мирян под одним видом и учение о пресуществлении). В Чешских землях после битвы у Белой горы (1620 г.) начался период всеобщей и насильственной рекализации, в этих условиях католическая проповедь и литература в целом должны были способствовать распространению и закреплению в сознании верующих всех этих элементов религиозности. В эпоху Барокко создается множество жизнеописаний святых, особенно тех, кто был наиболее важен для Чешских земель (святой Вацлав, святая Людмила, святой Ян Непомуцкий). Выходят и многочисленные сочинения, посвященные Деве Марии и ее почитаемым образам.

Одним из популярных мотивов барочной литературы становится сюжет о воздаянии Девы Марии и святых своим обидчикам и осквернителям. Идея наказания грешников и еретиков, оскорбляющих святых, не была изобретением эпохи Барокко. Однако этот сюжет позволяет выявить некоторую специфику католической религиозности раннего Нового времени.

В побелогорской литературе обидчиками и ненавистниками святых и Девы Марии являются в первую очередь не-католики. Победа над «еретиками» в Белогорской битве связывается со Страконицким образом Девы Марии. Согласно легенде, кармелит Доменик а Езу Мария вдохновлял католические войска на битву с помощью этой иконы («И взяв этот образ, нес его на Белую гору, и когда там была битва, держа в одной руке Распятие, а в другой этот изрубленный образок, напоминал католическому войску, чтобы храбро сражались с еретическими иконоборцами и мстили им за великую обиду, нанесенную Богоматери»)². Под «великой обидой» подразумевается случай, произошедший незадолго до сражения, когда протестанты во главе со своим предводителем Мансфельдом — «великим ненавистником святых образов и всей католической набожности», рубили и секли Страконицкий образ³. Иезуит Богуслав Бальбин описывает случай, произошедший с паном Ондржеем Штернберком, который «вернувшись из Франции, где он перешел в кальви-

нистскую ересь, все святые образы так страшно возненавидел, что был бы рад их все уничтожить»⁴. В порыве ненависти он принес несколько икон пивовару, чтобы тот бросил их в огонь под котлом и варил пиво, то есть икона не только уничтожается, но и подвергается унижениям. Однако ненавистника Богородицы настигло возмездие, икона, «выскочив из огня, полетела прямо ему в голову и так его ударила, что он лишился рассудка»⁵. Непочтение к святым образам в данном случае — характерный признак еретика-некатолика.

Побелогорская рекатолизация требовала большего контроля над повседневной жизнью населения со стороны католической церкви, поэтому в барочных жизнеописаниях святых много внимания уделяется совершенным ими чудесам, их мощам и изображениям, связанным с ними и Девой Марией центрам паломничества. Иногда отдельный раздел посвящается наказанию тех, кто не почитает Богородицу или святых, например, глава «Святой Вацлав — славный победитель врагов»⁶ или глава жития святого Прокопа, «в которой рассказывается о чудесном наказании некоторых осквернителей и хулителей святого Прокопа»⁷. При этом в более ранних жизнеописаниях святого Вацлава, например, в житии, написанном Карлом IV⁸, нет сюжета об осквернении изображений или мест, связанных со святым, и воздаянии обидчикам со стороны князя.

Помимо непочтительного отношения к святым изображениям еретики и грешники могут быть наказаны за пренебрежение церковными праздниками. Так, святой Прокоп является косцам, которые в праздничный день косили траву, и карает их⁹. Иезуит Антонин Кониаш рассказывает о женщине, которая в день Рождества Богородицы чесала шерсть. Когда ей сказали, что в праздничный день нельзя работать, она сердито ответила: «Да разве Мария не такая же была, как другие женщины?». Как только женщина произнесла эти слова, гребни приросли к ее рукам и никак не отрывались. Так она была наказана и добилась прощения только после долгого покаяния¹⁰. Пышные церковные праздники в побелогорский период — еще одна черта католической ре-

лигиозности, позволяющая отличить католика от еретика, поэтому авторы с помощью назидательных примеров показывают верующим необходимость почтительного отношения к праздникам.

Важно, что проповедники рассказывают не только о давних, но и о современных событиях. Например, в жизнеописании святого Прокопа приведен случай 1685 г., когда один монах из Сазавского монастыря отправился в паломничество в Стару-Болеслав и увидел женщину, торгующую иконами и религиозной литературой. Он узнал, что двадцать лет назад она стирала в день святого Прокопа, за что была наказана и с тех пор чтит праздник святого¹¹.

Сюжет о воздаянии некаатоликам за их преступления против веры встречается и в барочном жизнеописании святого Вацлава — небесного покровителя и защитника Чешского королевства. Под 1336 г. помещена история Йиндржиха из Альтдорфа, который посоветовал королю Яну Люксембургскому перенести двенадцать серебряных изображений апостолов, находившихся у гроба святого Вацлава, в королевскую сокровищницу. После этого король приказал расплавить эти статуи и начеканить монету, чтобы расплатиться с долгами. Этот случай — не выдумка барочного писателя, а исторический факт. Но автору в данном случае важно было показать нанесенное святому Вацлаву оскорбление и наступившее осквернение святыни возмездие. Сообщается, что Йиндржих сам помогал выносить изображения из храма, но «вечера того дня живым не дождался», а король в тот же день ослеп¹².

В 1619 г., когда «еретики» заняли храм святого Вита, раздались голоса Вацлава и других похороненных в соборе святых, говоривших: «Давайте убираться отсюда»¹³. После этого удача отвернулась от некаатоликов, они проиграли битву у Белой горы и были вынуждены признать Фердинанда II, а некаатолические проповедники были изгнаны из города¹⁴. Ян Франтишек Бецковский упоминает другой случай, произошедший в том же 1619 г., во время правления Фридриха Пфальцского. Собор святого Вита подвергся разорению,

были осквернены иконы и другие находящиеся в храме святыни. Один нектолик ворвался в собор и хотел ударить топором Распятие в капелле святого Вацлава, чтобы отсечь Христу голову. Однако Распятие осталось нетронутым, а еретик упал на землю и вскоре умер в мучениях¹⁵. В этом эпизоде переплетены святовацлавский культ и почитание Святого Креста, воздаяние грешнику осуществляется с помощью Распятия, но происходит это в капелле святого Вацлава.

Таким образом, сюжет о воздаянии святых и Богородицы своим обидчикам — еретикам и грешникам — имеет большое значение в контексте католической религиозности раннего Нового времени. Используя это сюжет, авторы акцентируют внимание на важных элементах *Pietas Austriaca* и тридентского католицизма, например, почитании изображений и церковных праздников, а наказанию подвергаются прежде всего нектолики, то есть еретики.

Примечания

- ¹ Coreth A. *Pietas Austriaca. Österreichische Frömmigkeit im Barock*. Wien, 1982.
- ² Balbin B. *Přepodiwná Matka SwatoHorská MARYA, W Zárazcích, a Milostech swých na Hoře Swaté nad Městem Pjžbrami Hor Střjbrných, den po dni wjc a wjc se stkwě-gjcy*. Litomyšl, 1666. S. 459.
- ³ Ibidem.
- ⁴ Ibid. S. 458.
- ⁵ Ibidem.
- ⁶ Kadlinský F. *Žiwot a Sláwa Swatého Wácslawa Mučedlnjka, Knžete, Krale, a Pátrona Českého*. Praha, 1702. S. 83.
- ⁷ Bridel B. *Giskra Sláwy Swato-Prokopské, W weliké Pustině Ržjcenin Klástera Sazawského přes dvě stě Let skrytá*. Praha, 1699. S. 192.
- ⁸ Karel IV. *Literární dílo*. Praha, 2000.
- ⁹ Bridel B. *Giskra Sláwy Swato-Prokopské*. S. 193.
- ¹⁰ Koniáš A. *Postylla, Aneb Celo-Ročnj Weykladowé, Na wssecky Nedělnj y Swátečnj Epistoly, Těž Ewangelia*. Praha: v Ignácy Frantisska Prussy, 1756. S. 755.
- ¹¹ Bridel B. *Giskra Sláwy Swato-Prokopské*. S. 195–196.
- ¹² Kadlinský F. *Žiwot a Sláwa Swatého Wácslawa*. S. 88.
- ¹³ Ibid. S. 90.
- ¹⁴ Ibidem.
- ¹⁵ Beckovský J. *Katolického Žiwobyjt Nepohnutedlný Základ, Od Swatých Otcůw, Duchownjch Sněmůw, Starého a Nowého Zákona, y od samého Krysta Pána postawený; Třemi neporussytedlnými Slaupy, Genž gsau: Wjra, Náděge, Láska, vbezpečeny;*

Wjce než Tisýcy rozličně shromážděnými, a gisté pohnutedlnými Příkladý, kteřj každýho z nás, čeho nasledowati y čeho se vzdalowati máme, wyučugi, potwrzený. Praha, 1707. S. 200–201.

DOI: 10.31168/2619-0869.2025.03

Понятия «мученик» и «мученичество» в сочинении протоиерея Иоанна (Корчинского) «Страдальцы и мученики за веру православную и народность русскую...»*

Виктор Ильич Короневский

Санкт-Петербургский государственный университет,
Санкт-Петербург, Российская Федерация;
e-mail: iliich2000@mail.ru
ORCID: 0000-0001-5910-6799

Ключевые слова: мученик, мученичество, Иоанн Корчинский, мартиролог, православие, Западная Русь, Гродненская епархия

“Martyrs” and “Martyrdom” in the article by archpriest Ioann Korchinskii “Sufferers and Martyrs for the Orthodox Fate and the Russian Nation...”

Viktor I. Koronevskii

St. Petersburg State University,
St. Petersburg, Russian Federation;
e-mail: iliich2000@mail.ru
ORCID: 0000-0001-5910-6799

Keywords: martyr, martyrdom, Ioann Korchinskii, martyrologist, Orthodoxy, Western Rus', Grodno Diocese

* Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 24-28-00538): «Понятия и категории в социально-политическом дискурсе государств Восточной Европы в Раннее Новое время».

Одним из деятелей, оставивших заметный след в истории церковно-общественной жизни Гродненской епархии начала XX в. является протоиерей Иоанн (Корчинский; 1864—1935). С 1900 г. он занимал должность инспектора церковно-приходских школ епархии, впоследствии став настоятелем кафедрального Софийского собора, активным участником Гродненского церковно-археологического комитета, одним из лидеров местного Софийского православного братства¹. Протоиерей Иоанн также известен изданием ряда предназначенных для народного чтения агиографических сочинений и сборников паралитургических произведений². Из-под пера автора, воззрения которого на прошлое Западного края находились в русле концепции М.О. Кояловича³, выходили и исторические труды, среди которых наиболее популярен «Краткий исторический очерк православия в пределах Гродненской губернии и житие св. преподобномученика Афанасия Филипповича».

Практически неизвестным на данный момент остается другое сочинение гродненского протоиерея на историческую тематику, которое, как правило, не фигурирует в перечнях его произведений и не упоминается в работах исследователей его творчества: «Страдальцы и мученики за веру православную и народность русскую в Западной Руси, в частности в Гродненской губернии». Работа, опубликованная в трех частях в июне — июле 1909 г. на страницах «Гродненских епархиальных ведомостей» (№24—25, 27, 29) подписана не полным именем автора, а инициалами «И. К.». Однако на принадлежность текста Иоанну (Корчинскому), помимо инициалов, указывают также выраженная ориентированность текста на читателя из простонародья и схожее с бесспорно написанными им работами описание ряда сюжетов (мученичества Афанасия Брестского, истории Коложской церкви и др.), в связи с чем факт его авторства, на наш взгляд, можно считать установленным.

Нацеленность текста на широкие круги населения, выражающаяся не только в стиле и содержании, но и в подзаголовке («Посвящается простому западнорусскому народу»),

а также настойчивый акцент на теме мученичества дают основание поставить вопрос о трактовках автором понятий «мученичество» и «мученик»⁴. Иными словами, какое представление о «мучениках» и «мученичестве» протоиерей Иоанн (Корчинский) стремился донести до своего читателя, в роли которого, по-видимому, в первую очередь должен был выступать представитель «простого западнорусского народа»?

Работа разделена на шесть глав, из которых первая посвящена противопоставлению современных автору «измен» православной вере и русской народности древней стойкости русского человека, который «готов был скорее принять мучения и смерть»⁵, вторая и третья сжато излагают общие для последователей идей М.О. Кояловича тезисы об исконности православия и поздней привнесенности католицизма в Западной Руси, а также об унии как главном источнике последующих проблем православного русского народа. В свою очередь, последние три главы представляют собой своеобразный «мариолог», предоставляющий краткие сведения о «мучениках» времен введения Брестской унии и преследований православных в первой половине XVII в. (4 глава), событий 1760-х гг. (5 глава), а также восстания 1863 г. (6 глава)⁶.

Список лиц, включенных в данный «мариолог», может быть разделен на несколько групп. Во-первых, мученики, уже почитавшиеся в Православной церкви: Афанасий Брестский (Филиппович) и Даниил Черкасский (Кушнир). Во-вторых, лица, на тот момент не признанные святыми: патриарший экзарх Никифор, архимандрит Леонтий Карпович, двое (не считая Даниила Кушнира) православных, погибших в 1760-е гг., и сорок три жертвы восстания 1863 г. В-третьих, особые группы людей, чье «мученичество» связывается с тем или иным явлением западнорусской жизни XVII—XIX в.: православные, убитые студентами иезуитских школ, погибшие при защите своих храмов от посягательств католиков, казненные за убийство Иосафата Кунцевича жители Витебска, погибшие от рук повстанцев в 1863 г. российские солдаты. При этом, не именуясь «мучениками» напрямую, в ряду тако-

вых упоминаются и православные, которых, как отмечает автор, уже после погребения вырывали из могил по приказу Иосафата Кунцевича. Протоиереем также используются широкие обобщения: он неоднократно отмечает, что страдал «западнорусский народ» («русский народ») или же «кровные наши предки, наши прадеды, деды, а может быть и отцы»⁷. Состав приведенного Иоанном (Корчинским) перечня дает основания полагать, что с его точки зрения индивидуальные и коллективные акты мученичества, имевшие место в разное время в разных регионах Западной Руси, складываются в единое протяженное по времени «мученичество», в рамках которого в роли «мучеников» предстают не столько отдельные лица и группы, сколько соединенная единой судьбой общность, которую автор обозначает как «западнорусский народ».

Идеалы, за которые шло на «мученичество» указанное сообщество, обозначаются протоиереем как «вера православная» и «народность русская». Хотя в рамках данного подхода народность определяется не только через конфессиональную принадлежность, но и через язык⁸, связь между преданностью православной вере и принадлежностью к русской народности остается неразрывной. Соответственно «мученичество» за православную веру оказывается в то же время и «мученичеством» за русскую народность. Вероятно, именно поэтому в перечне фигурирует экзарх Никифор — грек по происхождению, который в рамках реконструируемой логики оказывается «мучеником» не только за православие, но и за народность.

Причиняемые неприятелями «мучения» в тексте не исчерпываются фактами убийств, включая также притеснения польскими помещиками крестьян, практику отдачи православных церквей в аренду евреям и прозелитизм католического духовенства, направленный на то чтобы «морочить» народ⁹. В этом же ряду автор видел и упомянутое им извлечение из могил погребенных тел во времена Иосафата Кунцевича. Соответственно, физическое убийство в контексте работы протоиерея Иоанна понимается не как обязательная

составляющая «мучений», а скорее как их крайнее проявление. Самому «мученичеству» автор придает более широкое значение, которое может быть соотнесено с истязанием, пользуясь его выражением, «души» народа, насилием над привязанностью последнего к своей вере и народности.

В целом, трактовка Иоанном (Корчинским) «мучеников» и «мученичества» не совпадает с традиционным христианским пониманием мученичества как смерти праведника за веру, при этом оставаясь далекой и от представлений о «секулярном» (пусть даже сохраняющим религиозные коннотации) мученичестве за нацию, свойственных национализмам XVIII—XX вв.¹⁰ Под пером гродненского протоиерея понятия «мученик» и «мученичество» получают расширительное толкование, предполагающее смещение акцентов с отдельных лиц на общность («западнорусский народ»), с конкретных актов на продолжавшийся на протяжении нескольких столетий процесс и с физического убийства, которое при этом остается важным маркером «мученичества», на насилие над вероисповеданием и принадлежностью к народности. При этом, хотя идеалов, за которые идут на «мученичество», оказывается два, они связаны настолько тесно, что чье-либо «мученичество» за один из них (веру) является для автора основанием причислить его к «мученикам» за оба (веру и народность). Соответственно, в рамках рассматриваемого сочинения «мучеником» оказывается не столько отдельный человек (признанный Церковью святым или нет) или совокупность таковых, сколько «западнорусский народ», а его «мученичество» в первую очередь представляет собой протяженное во времени перенесение посягательств на чувство принадлежности к православию и русской народности.

Примечания

- ¹ Горны А. Святар, гісторык, патрыёт: старонкі жыцця і творчасці протаіерэя Іаана Карчынскага // Гродненские епархиальные ведомости. 2012. № 2. С. 14–16.
- ² Лабынцев Ю.А., Щавинская Л.Л. Гродненские сборники народной паралитургии — религиозные маркеры массовых представлений православного населения в последнее десятилетие Российской империи // Славянский мир в третьем тысячелетии. 2016. Т. 11. С. 396–401.

- ³ Черепица В.Н. Михаил Осипович Коялович. История жизни и творчества. Гродно, 1998. С. 234–235.
- ⁴ Определения «страдальцы» и «мученики» используются автором как взаимозаменяемые.
- ⁵ I. К. Страдальцы и мученики за веру православную и народность русскую в Западной Руси, в частности в Гродненской губернии // Гродненские епархиальные ведомости. 1909. № 24–25. С. 246.
- ⁶ Исторический контекст «мученичеств» конца XVI — первой половины XVII в. и периода восстания 1863 г., по Иоанну (Корчинскому), см.: *Иоанн (Корчинский), протоиерей*. Краткий исторический очерк православия в пределах нынешней Гродненской губернии и житие св. преподобномученика Афанасия (Филипповича). Гродна, 1902. С. 17–23, 48–49. Применительно к контексту 1760-х гг. см. сочинения близких Иоанну (Корчинскому) по взглядам авторов, в частности: *Коялович М.О.* История воссоединения западнорусских униатов старых времен. СПб., 1873. С. 19–113.
- ⁷ I. К. Страдальцы и мученики за веру православную и народность русскую в Западной Руси, в частности в Гродненской губернии // Гродненские епархиальные ведомости. 1909. № 24–25. С. 254–259, 263; № 27. С. 271.
- ⁸ Там же. № 24–25. С. 246.
- ⁹ Там же. С. 259–260.
- ¹⁰ *Зыгмонт А.* «Dulce et decorum est»: феномен мученичества в западных национализмах XVIII–XX вв. // Социологическое обозрение. 2019. Т. 18. № 3. С. 162–163.

DOI: 10.31168/2619-0869.2025.04

Историческое обоснование автокефалии православной церкви в Польше

Анастасия Александровна Чибисова

Независимый исследователь,
Москва, Российская Федерация;
e-mail: aachibisova@mail.ru
ORCID: 0000-0003-3698-5836

Ключевые слова: автокефалия, польская церковь, православие, Мелетий (Метаксакис), Константинопольский патриархат

Historical Justification of the Autocephaly of the Orthodox Church in Poland

Anastasia A. Chibisova

Independent researcher,
Moscow, Russian Federation;
e-mail: aachibisova@mail.ru
ORCID: 0000-0003-3698-5836

Keywords: autocephaly, Polish Church, Orthodoxy, Meletios (Metaxakis), Patriarchate of Constantinople

В 1925 г. православная церковь в Польше, находившаяся в юрисдикции Московского патриархата, получила автокефалию из рук Константинопольского патриархата. У современников и даже создателей этой автокефалии существовало понимание ее не совсем канонического, а значит и не вполне законного характера. Польские власти осознавали, что автокефалия, введенная административным путем без учета существующей исторической и канонической традиции, может привести к расколу православной церкви в Польше. Поэтому, изучая процесс получения польской церковью независимости, представляется очень важным поставить вопрос о том, на каких исторических и канонических основаниях базировался автокефальный проект польского правительства. Настоящее исследование будет посвящено именно исторической аргументации, которую приводили польские власти в пользу автокефалии православной церкви в Польше.

Попытки аргументировать претензии православной церкви в Польше на самостоятельное существование предпринимались уже на первоначальном этапе обсуждения проблемы автокефалии в польских политических кругах. Незначительное количество сохранившихся документов по этому вопросу показывает отсутствие системности в этом обсуждении. Польские власти в целом не преследовали цель создать ка-

кую-то новую историческую концепцию. В основном экспертами, занимавшимися данным вопросом, раскрывалась общая история православия на польских землях в различные эпохи. Полякам удалось найти ряд исторических прецедентов организации независимого управления православной церковью, относящихся преимущественно к временам польско-литовского государства. Историческая аргументация польского правительства базировалась на нескольких ключевых сюжетах. Первый период «автокефального»* бытия православной церкви на польско-литовских землях связывался с кратковременным существованием в 1371—1391 гг. независимой Галицко-Волынской митрополии¹, которая была изыскана польским королем Казимиром III Великим у константинопольского патриарха**.

Второй случай организации на польско-литовских землях независимой церкви польское правительство видело в событиях XV в. В 1414 г. литовский князь Витовт созвал собор епископов Литвы, на котором белорусские и украинские епископы самостоятельно выбрали киевским митрополитом Григория Цамблака. После того как константинопольский патриарх Евфимий II отказался поставить Цамблака митрополитом, 15 ноября 1415 г. был созван собор в Новогрудке, на котором под председательством князя Витовта было принято решение самостоятельно посвятить Цамблака, несмотря на отсутствие разрешения со стороны патриарха². Назначение Григория, проведенное волей князя Витовта, вызвало неприятие в Константинополе и патриарх, вместе с московским митрополитом Фотием ответили на это отлучением Григория от церкви³. В 1458 г. Григорий (Мамма), униатский константинопольский патриарх, находящийся в изгнании в Риме, поставил на Киевскую митрополицию

* Автокефалия не совсем корректно в данном случае понималась как независимость от власти московского митрополита.

** Казимир Великий не дожил до реализации своих планов, он умер в ноябре 1370 года, а соборное деяние, оформившее поставление отдельного митрополита в Галицкую митрополию, было издано в мае 1371 года уже при Людовике I Великом.

кафедру Григория Болгарина, ученика митрополита-униата Исидора. Благодаря благосклонности польского короля Казимира IV, Григорий быстро получил поддержку на территории польско-литовского государства. Созванный в Москве в 1459 г. собор епископов отказался признавать Григория и принял решение о прекращении общения с ним. В 1467 г. Григорий в результате длительных переговоров был все же признан константинопольским патриархом Дионисием I, после чего фактически окончательно оформился раскол некогда единой Киевской митрополии на две части, одна из которых, польско-литовская, попала под номинальную власть константинопольского патриарха. Именно с этого момента польское правительство отсчитывало второй период существования независимой православной церкви на польских землях, делая упор на то, что власть константинопольского патриарха была чистой формальностью. Этот независимый период в истории православной церкви на восточных территориях I Речи Посполитой заканчивался, по мнению польского правительства, в 1686 г., когда возглавляемая митрополитом Гедеоном (Святополк-Четвертинским) Киевская митрополия перешла в юрисдикцию Московского патриархата, а король Ян III Собеский по Вечному миру 1686 г. с Россией, признал право киевского митрополита на духовную власть над находящимися на территории Польши православными епархиями⁴.

Таким образом, проект автокефалии Польской православной церкви, который разрабатывался польским правительством, подразумевал не объявление новой автокефалии, а возобновление прежнего самостоятельного существования православной церкви, имевшего место во времена польско-литовского государства. Как видно, все исторические аргументы подводили к тому, что православная церковь на территории Польши в разные времена обладала широкой самостоятельностью в рамках юрисдикции Константинопольского патриархата. В связи с этим вести разговор об автокефалии в этих условиях не приходится, однако именно на этих аргументах польское правительство предполагало

обосновывать право православной церкви в Польше на независимое от Московского патриархата существование. Но при этом бывшая, пусть и формальная, юрисдикция Константинопольского патриархата над польскими православными также не принималась в расчет, что хорошо показали переговоры В. Барановского с константинопольским патриархом Мелетием (Метаксакисом) в 1922–1923 гг.⁵, то есть добиваться перехода из-под юрисдикции Московского патриархата в юрисдикцию Константинопольского патриархата, что соответствовало бы исторической традиции, польские власти не планировали. Отдельно стоит отметить, что при этом в польских документах не дается никаких оценок событиям 1686 г. (за исключением устных заявлений, сделанных польскими дипломатами в Фанаре в разные годы), связанным с переходом Киевской митрополии в состав Московского патриархата, которые до сих пор не получили однозначной историко-канонической оценки⁶.

Примечания

- ¹ Pismo Ministerstwa Wyznań Religijnych i Oświecenia Publicznego // Archiwum Akt Nowych (далее — AAN). Ministerstwo Wyznań Religijnych i Oświecenia Publicznego (далее — MWRiOP). Sygn. 1026. K. 372.
- ² Воронич Т. Вопрос об автокефалии православной церкви в Польше. Оттиск из газеты Виленская речь № 177, 178, 180. Вильно, 1923; Niezależność białoruskiej cerkwi prawosławnej // AAN. MWRiOP. Sygn. 960. K. 418.
- ³ Niezależność białoruskiej cerkwi... K. 418.
- ⁴ Pismo Ministerstwa Wyznań Religijnych i Oświecenia Publicznego w sprawie konferencji prasowej z powodu przybycia Delegacji Phanaru // AAN. MWRiOP. 1001. K. 169; Pismo Ministerstwa Wyznań Religijnych i Oświecenia Publicznego w sprawie konferencji prasowej z powodu przybycia Delegacji Phanaru // AAN. MWRiOP. 959. K. 36.
- ⁵ Чибисова А.А. Представления польского правительства о роли Константинопольского патриархата в православном мире в контексте переговоров с патриархом Мелетием IV (Метаксакисом) об автокефалии Польской православной Церкви (1922–1923) // Славяноведение. 2020. № 5. С. 99–111.
- ⁶ Подробнее см.: Воссоединение Киевской митрополии с Русской православной церковью, 1676–1686 гг. Исследования и документы / под общ. ред. митрополита Волоколамского Илариона. М., 2019.

СИМВОЛЫ И САКРАЛЬНОЕ В ИСТОРИИ СЛАВЯН

DOI: 10.31168/2619-0869.2025.05

Символическое значение мечей, преподнесенных в дар древнерусским князьям: англосаксонские и скандинавские параллели

Валерия Андреевна Есис

Национальный исторический музей Республики Беларусь,
Минск, Республика Беларусь;
e-mail: e.valeriyaandreevna@gmail.com
ORCID: 0009-0007-9868-2394

Ключевые слова: мечи, дары, Древняя Русь, религиозные представления, мифологические параллели, «Беовульф», саги

Symbolic Meaning of Swords Presented as a Gift to the Ancient Rus' Knyazes: Anglo-Saxon and Scandinavian Parallels

Valeriya A. Yesis

The National Historical Museum of the Republic of Belarus,
Minsk, Republic of Belarus;
e-mail: e.valeriyaandreevna@gmail.com
ORCID: 0009-0007-9868-2394

Key words: swords, gifts, Ancient Rus, religious perceptions, mythological parallels, Beowulf, sagas

Элементы престижа, регалии, воинский атрибут — существуют самые разные трактовки символического значения мечей в эпоху Древней Руси. Будучи оружием исключитель-

но профессиональных воинов — княжеских дружинников и знатных людей, — они окружались мифологическими представлениями, традициями и ритуалами. В ряде случаев, мечи преподносились в качестве подарков либо привозились как военные трофеи. В связи с этим возникает вопрос, менялось ли в такой ситуации символическое значение оружия, и каким образом оно воспринималось в среде князя и его дружины. Данная работа направлена не только на рассмотрение данных случаев в истории Древней Руси, но и на проведение их сравнительного анализа с англосаксонской и скандинавской культурами.

Англосаксонские и скандинавские представления связывают древние верования, уходящие корнями в германскую мифологию, развивавшуюся в рамках индоевропейской языковой семьи, куда входили и славяне. Для изучаемой темы наибольший интерес представляют произведения героического эпоса, такие как англосаксонская поэма «Беовульф» и скандинавские саги. Однако использование данных материалов ограничено двумя факторами: в эпосе воспоминания об исторических событиях «сплавлены» с мифами; переход от устного творчества к «книжному» сопровождался изменениями в содержании песен, связанными с процессом христианизации¹.

Письменное упоминание случая преподнесения оружия князю в качестве дара в истории Древней Руси связано с мирным договором с Византией 971 г. Согласно Повести временных лет (далее — ПВЛ), «греки» просили мира дважды. В первый раз послы пришли к князю Святославу с богатыми дарами в виде золота и дорогих тканей, но он лишь повелел их «схоронить», даже не взглянув. Во второй раз, по наставлению своих советников, царь послал Святославу «мечь и ино оружье», которое князь с радостью принял: «Онъ же, приимъ, нача любити, и хвалити, и цѣловати цесаря...» — и согласился на мир².

Обмен дарами, в том числе и оружием, между знатью и монархами в средневековой Европе являлся стандартной практикой налаживания дипломатических отношений. На-

пример, в письме Карла Великого королю Мерсии Оффе, первый упоминает, что отправил второму в подарок пояс, меч и др.³. Скандинавские «королевские саги» содержат сведения о преподнесении оружия конунгами среди даров при заключении мирных договоров. Так, в «Саге о Харальде Суровом» описано, как Харальд обменялся дарами с норвежским конунгом Магнусом во время раздела Норвегии. Среди них были «одежды, оружие и всяческие другие ценные вещи»⁴.

Мотив преподнесения меча как выражения дружественных намерений и уважения закрепился и в древнегерманском героическом эпосе, нашедшем свое отражение в «Беовульфе». Разворачивающийся сюжет подвигов главного героя сопровождается вручением мечей либо их преподнесением в качестве дара. Так, «меч знаменитый» конунг вручил Беовульфу за победу над Гренделем⁵. Перед битвой с Матерью Гренделя герой получил меч из рук приближенного конунга, Унферта, сына Эгглафа:

*«...старинный Хрунтинг,
лучший из славных
клинков наследных...»⁶*

В битве оружие оказалось непригодно, однако Беовульф вернул его Унферту с благодарностью. Конунгу же он преподнес «меч гигантов», а именно золотую рукоять от меча, сразившего чудовище, поскольку в ходе битвы клинок был расплавлен⁷. Позднее Беовульф также одарил мечом человека конунга, стражника, охранявшего его корабли:

*«...дабы этим отличием,
древним лезвием,
страж гордился
в застольях бражных»⁸.*

Постоянный обмен мечами по ходу сюжета поэмы был призван не только служить знаком уважения и благодарности, но и укреплять договорные отношения. В связи с этим, в историографии одаривание мечами и прочим оружием иногда рассматривается как вариант принятия обязательств воинов по отношению к конунгу⁹. Позднее, в результате слия-

ния языческой и христианской культурных традиций, меч стал важным элементом рыцарской этики. Передача меча в ряде ритуалов — коронации нового правителя, посвящения в рыцари и т. д. — символически утверждала главную обязанность правящих сословий: защита своей страны и ее жителей¹⁰. Меч как символ начала самостоятельного правления князя передавали своим сыновьям¹¹.

Таким образом, обмен дарами в отношениях между правителями средневековых государств сопровождал как заключение мира, так и налаживание политических союзов. Ритуал служил средством выражения уважительного отношения и предполагал принятие сторонами на себя определенных обязательств, что прослеживается и в истории Древней Руси. Однако существует и другая сторона рассматриваемого вопроса — выдача мечей в ряде случаев воспринималась как символ покорности. Так, Адам Бременский в «Деяниях архиепископов Гамбургской церкви» писал, что короли данов Зигфред и Хальфдан отправили королю Восточной Франкии Людовику Немецкому «золотой по самую рукоятку меч и прочее, с просьбой о мире»¹².

Мотив выдачи мечей как большого позора также прослеживается в «Беовульфе» в сюжете о данах и хадобардах. В попытке прекратить давнюю кровную вражду между племенами, внука данского конунга Хальфдана, убитого королем хадобардов Фродо, Фреавара, дочь Хродгара, была выдана замуж за Ингельда, сына Фроды, убитого сыновьями Хальфдана. Однако по сюжету Беовульф предсказывает, как во время пира один из старых хадобардских воинов увидит на данских посланниках оружие и доспехи, присвоенные ими как военные трофеи, и разожжет ненависть в сердце Ингельда:

*«Узнаешь ли ты, друг,
меч прославленный,
твоего отца [...]*
*А теперь в этом зале
сын убийцы сидит,
той добычей кичащийся...»*¹³

Отнятый врагом меч воспринимается как напоминание о поражении, а отказ от мести — как признание своего унижительного положения. Отметим, что отрывок, где Унферт передал Беовульфу свой меч, также имеет неоднозначную трактовку: когда он преподнес Хрунтинг герою, он признал потерю своей славы и подчинение этому великому воину¹⁴:

*«...не он ведь решился,
жизнью рискуя,
на подвиг в пучине,
чем честь и славу
свою поущербил!»¹⁵*

Следы негативного восприятия выдачи мечей можно найти также в «Старшей Эдде», а именно в «Перебранке Локи». Во время пира у Эгира Локи, осыпая оскорблениями собравшихся богов, вступил в спор с Фрейром. Он припомнил его сватовство к Герд, дочери Гюмира, когда Фрейр был вынужден отдать за невесту помимо золота «меч свой в придачу»¹⁶. Локи язвительно упрекнул его в том, что без своего оружия ему нечем будет сражаться, когда наступит Рагнарёк¹⁷.

Учитывая вышеперечисленные сведения, приведенный ранее отрывок из ПВЛ, когда Иоанн I послал Святославу в дар меч, может быть рассмотрен под другим углом. Возможно, в рамках представлений восточнославянского населения, этот жест был воспринят князем и его окружением не просто как часть стандартного процесса преподнесения даров, знак уважения. Посланный византийским царем меч в их глазах мог выглядеть как признание силы и превосходства правителя Древней Руси.

Однако, в ПВЛ данная ситуация обрисована в ином свете. Образ Святослава как князя-воина и убежденного язычника в ПВЛ довольно стереотипен: «Бѣ бо и самъ хоробръ и лепокъ, ходя аки пардусъ, войны многы творяше»¹⁸. Поэтому причина, по которой князь равнодушно отнесся к богатым дарам царя, но принял меч, также изложена согласно данной характеристике: «Лють сей мужъ хочеть быти, яко имѣннѣя не брежет, а оружье емлетъ» — утверждали прибли-

женные цесаря, советуя ему согласится на мир¹⁹. Соответственно, почтенное отношение к оружию летописцем-христианином объяснялось исключительно «дикостью» князя.

Таким образом, варианты символической трактовки случаев преподнесения мечей древнерусским князьям, на примере дара византийского цесаря князю Святославу, диаметрально противоположны. С одной стороны, обмен оружием в средневековой Европе являлся распространенной практикой налаживания дипломатических и дружественных отношений. С другой стороны, выдача мечей в ряде случаев воспринималась как символ покорности. Данное утверждение верно как для восточнославянской, так и для англосаксонской либо скандинавской культур.

Примечания

- ¹ Беовульф. Старшая Эдда. Песнь о Нибелунгах / Ред. С. Шлапоберская // Библиотека всемирной литературы. М., 1975. Серия 1. Т. 9. С. 5.
- ² Повесть временных лет / Пер. О.В. Творогова. СПб., 2004. Т. 1 [Электронный ресурс]. URL: http://lib.pushkinskiydom.ru/?tabid=4869&ysclid=lt2kkju3hz235781217#_edn93 (дата обращения: 19.06.2024).
- ³ Härke H. The circulation of weapons in Anglo-Saxon society // Rituals of power from Late Antiquity to the Early Middle Ages / eds. F. Theuws and J.L. Nelson. Leiden, Boston and Cologne, 2000. P. 381.
- ⁴ *Снорри Стурлусон*. Сага о Харальде Суровом // Круг Земной / Изд. подг. А.Я. Гуревич, Ю.К. Кузьменко, О.А. Смирницкая, М.И. Стеблин-Каменский. М., 1980. С. 414–415.
- ⁵ Беовульф... С. 77.
- ⁶ Там же. С. 98.
- ⁷ Там же. С. 107–108; С. 114.
- ⁸ Там же. С. 119.
- ⁹ Härke H. The circulation of weapons... P. 379.
- ¹⁰ Флори Ж. Идеология меча. Предыстория рыцарства. СПб., 1999. С. 24, 166.
- ¹¹ Марзалюк І.А. Ад Русі і Літвы да Беларусі: вытокі і генезіс беларускага народа. Мінск, 2025. С. 22.
- ¹² *Адам Бременский*. Деяния архиепископов Гамбургской церкви // Славянские хроники / Перевод с лат. И.В. Дьяконова, Л.В. Разумовской, ред.-сост. И.А. Настенко. М., 2011. С. 25.
- ¹³ Беовульф... С. 126.
- ¹⁴ Hughes G. Beowulf, Unferth, and Hrunting: an interpretation // English Studies, 1977. N 58. P. 393–395.

¹⁵ Беовульф... С. 98.

¹⁶ Там же. С. 232.

¹⁷ Там же.

¹⁸ Повесть временных лет. URL: http://lib.pushkinskiydom.ru/?tabid=4869&ysclid=lt2kkju3hz235781217#_edn93 (дата обращения: 19.06.2024).

¹⁹ Там же.

DOI: 10.31168/2619-0869.2025.06

Люди со сверхъестественными свойствами в «Историческом сведении Войска Донского о Верхне-Курмоярской станице» Е.Н. Кательникова*

Артём Юрьевич Перетяtko

Институт социологии и регионоведения ЮФУ,
г. Ростов-на-Дону, Российская Федерация;
e-mail: ArtPeretatko@yandex.ru
ORCID: 0000-0003-2779-2223

Ключевые слова: донская историография, казачья мифология, сакрализация войны, Е.Н. Кательников

People with Miraculous Qualities in “The Don Host’s Historical Information about the Verkhne-Kurmoyarskaya stanitsa” by E.N. Katel’nikov**

Artyom Yu. Peretyatko

Institute for Sociology and Regional Studies SFedU
Rostov-on-Don, Russian Federation;
e-mail: ArtPeretatko@yandex.ru
ORCID: 0000-0003-2779-2223

Keywords: Don historiography, Cossack mythology, sacralization of war, E.N. Katel’nikov

* Исследование выполнено при поддержке Программы стратегического академического лидерства Южного федерального университета («Приоритет 2030»).

** The research was supported by the Strategic Academic Leadership Program of the Southern Federal University (“Priority 2030”).

В первые десятилетия XXI в. различные аспекты мировосприятия донских казаков начали вызывать все больший интерес у ученых. Им специально посвящены, например, глава «Представления о времени и пространстве (хронотоп казачьей культуры)» в монографии Т.С. Рудиченко¹, а также статьи М.А. Рыбловой². Однако в этих исследованиях почти не уделено места специальному рассмотрению сверхъестественного. Оговоримся, что мы используем определение «сверхъестественное» как приблизительное и условное, связанное с чудесами, мифическими существами, влиянием на людей разного рода высших сил и т. п. В контексте мировосприятия донских казаков определение более корректного термина затруднительно именно потому, что, даже в тех немногочисленных случаях, в которых этнографами зафиксировано наличие у донских казаков обрядов/представлений, потенциально связанных с трансцендентными силами, вопрос о природе этих сил не ставился. Например, Т.С. Рудиченко фиксировала «действия при проводах казака на службу, имеющих значение оберегов»³. Ею указывалось, что казаку следовало «выходить “лицом к дому”», подобно тому, как «православный выходит из храма», и «в представлениях казаков это способствовало благополучному возвращению домой»⁴. Однако никаких подробных пояснений и версий появлений данного обряда, а также ответа на вопрос как именно «правильный» выход из дома влиял на благополучное возвращение казака с военной службы, у Т.С. Рудиченко нет.

В этой статье мы бы хотели обратить внимание на значение сверхъестественных сюжетов в «Историческом сведении Войска Донского о Верхне-Курмоярской станице, составленном из сказаний старожил и собственных примечаний 1818 года декабря 31 дня»⁵ Е.Н. Кательникова. Это в определенном смысле уникальный этнографический источник: описание истории, обычаев, быта и религиозных представлений одной из донских станиц, выполненное в начале XIX в. ее жителем, не имевшим образования. Е.Н. Кательникову посвящен ряд исследований, включая монографию Н.А. Мининкова⁶. Однако и специалистами по донской исто-

риографии сверхъестественные сюжеты в данном сочинении Е.Н. Кательникова отмечены не были.

Возможно, это связано со специфической формой подачи Е.Н. Кательниковым подобных сюжетов. В его работе нет специального раздела о народных верованиях, а раздел «Религия» носит сугубо фактический характер. В нем описываются станичные священники и то, как местных жителей «прельщали в раскол», причем ни со священниками, ни со старообрядцами сюжеты о чудесах не связываются⁷.

Однако в «Историческом сведении» присутствуют два персонажа, обладающие сверхъестественными способностями с точки зрения современного читателя, но не самого Е.Н. Кательникова.

Обратимся к первому из двух героев, более подробно описанному. Его звали Фолимон Киреевич, и он жил в середине XVIII в.⁸ Какого-либо названия, связанного с его способностями (колдун, ведьмак и т. п.) в тексте не дается, зато подчеркивается, что Фолимона Киреевича чаще других выбирали «ватажным атаманом», то есть командиром отряда, состоящего из казаков нескольких станиц и направляемых на озеро Маньч за солью⁹. Именно объясняя этот факт, Е.Н. Кательников приводит описание способностей Фолимона Киреевича, явно превосходящих обычные человеческие возможности, а также рассказы о трех его «подвигах». Эти способности были связаны с важными для ватажного атамана сведениями о походе: даже оставшись в станице, Фолимон Киреевич якобы знал, что происходило с казаками, ушедшими на Маньч, и говорил об этом, а позже эти факты подтверждались¹⁰. «Подвиги» его типологически схожи, они являются следствием неуязвимости, которой наделяет участников ватаги их предводитель: атаман или его отряд подвергается нападению численно превосходящего противника, но в итоге оказывается, что он «никакого вреда не сделал»/«не сделал им никакого вреда»/«калмыки сколько не пускали стрел, но они падали, не долетая»¹¹. Обратим внимание также на упоминание магических средств защиты. Е.Н. Кательников упоминает, как в ходе самого масштабного из трех описанных подвигов

(на сотню казаков напало около тысячи врагов), когда противник временно отступил, Фолимон Киреевич, «помолясь Богу», поставил вокруг своего отряда некие вешки, а когда позже киргизы дошли до этих меток, то прекратили преследование казаков¹².

Таким образом, Фолимон Киреевич умеет видеть на расстоянии, отводить вражеские стрелы от себя и подчиненных. При этом его подвиги описываются автором в ряду других сражений казаков, лишенных какой-либо сверхъестественной подоплеки (так, до них описывалось убийство казаками переправившегося через Дон калмыка, а после — ограбление калмыками казенных барок¹³).

Второй персонаж, демонстрирующий сверхъестественные способности — некая «старуха, называемая Гока», которая появляется в тексте лишь единожды¹⁴. Упоминается, будто бы во время вторжения «горского князька Цукура» в 1769 г. Гока вдруг начала говорить, что набег завершен и «неприятель, взявши Романовскую станицу», удалился, и это произошло именно в день ее захвата. При этом станица находилась в ста верстах¹⁵. И здесь интересен контекст: перед фрагментом о провидении Гоки Е.Н. Кательников пишет, что во время вторжений часть казаков «со святыней (образами из церкви. — А. П.) отправляли дненошные крестные ходы и молебствия»¹⁶.

И Фолимон Киреевич, и Гока описаны Е.Н. Кательниковым в разделе его книги «Соседственные неприятели»¹⁷. Таким образом, в тексте Е.Н. Кательникова необычные, сверхъестественные в современном понимании способности оказываются связаны в первую очередь с войной. Для него было не вопросом веры, а безусловным фактом то, что во время военных действий казаки и казачки могут демонстрировать необычные способности. Источник их не назывался, но им очевидно был православный Бог — одно из чудес произошло после молитвы Фолимона Киреевича, а другое контекстуально связано с крестными ходами и молебнами.

Кроме того, Е.Н. Кательников в разделе своего труда «Царские слуги» приводил написанное им самим стихотво-

рение, в котором казачья служба и война прямо соотносились со служением Богу. Ребенок-казак мечтает, что дойдет до самого Бога, и

*«Где моя служба — покажет Он мне;
Там-то, за небом служба моя,
Там-то поскачу, побью, постреляю,
Пу-пу-пу, пу-пу-пу — Бей, коли всех!»¹⁸.*

Его дед, видя это, плачет от умиления и обращается к Богу:

*«Господи Боже наш, будь покровитель
Вере и верности, крепость даруй,
В брани победу, и славу, и мир»¹⁹.*

Интересно, что в другом тексте, затрагивающем верования донских казаков начала XIX в., — а именно в воспоминаниях И.И. Краснова, — описывается, как казаков, уходивших на службу в 1812 г., провожали такими словами: «Война — дело святое; на сражении твори молитву, да читай “Живый в помощи Вышнего”; скоромным же словом не бранись и черного имени не называй. За Царя умирать не бойся и не закрывай своего лица. За это нам светлые венцы»²⁰. Таким образом, для Е.Н. Кательникова и как минимум некоторых его современников-донских казаков самая война выступала формой служения Богу.

Более того, у Е.Н. Кательникова данная идея доходила до логического завершения: поскольку война была служением Богу, во время военных действий казаки могли получать по его воле способности, превосходящие обычные человеческие. В заключение отметим, что, возможно, именно восприятие военной службы по присяге царю как служения Богу привело в 1820-е гг. Е.Н. Кательникова к еретическим с точки зрения православно-церковных кругов взглядам, согласно которым Александр I трактовался как новое воплощение Иисуса Христа²¹.

Оговоримся, что текст Е.Н. Кательникова не позволяет ответить на целый ряд вопросов: например, о том, существовали ли в других станицах представления о людях,

обладающих сверхъестественными свойствами, о возможных дохристианских элементах в казачьих представлениях о сверхъестественном и т. п. Мы, однако, хотели показать более частный факт, заслуживающий, тем не менее, внимания: в одной из самых первых и классических работ о донском казачестве зафиксированы сверхъестественные сюжеты, прежде не привлекавшие внимание исследователей, и это позволят обозначить проблему важности поиска схожих сюжетов у позднейших авторов — что, в свою очередь может углубить наши представления о мировосприятии донских казаков, добавив сюжеты, связанные, как минимум, с влиянием на людей высших сил.

Примечания

- ¹ Рудиченко Т.С. Представления о времени и пространстве (хронотоп казачьей культуры) // Рудиченко Т.С. Донская казачья песня в историческом развитии. Ростов-на-Дону, 2004. С. 15–37.
- ² Рыблова М.А. Убогие, халаумные и обмершие в донской казачьей общине: статусы и функции // Народы и религии Евразии. 2024. Т. 29. № 2. С. 78–90; Она же. Образы «своих» и «чужих» в топонимии и топонимических преданиях донских казаков // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4. История. Регионоведение. Международные отношения. 2023. Т. 28. № 2. С. 57–68; Она же. Сакральные локусы и их почитание в традиции донских казаков // Народы и религии Евразии. 2021. Т. 26. № 4. С. 70–82.
- ³ Рудиченко Т.С. Донская казачья песня... С. 28.
- ⁴ Там же.
- ⁵ Кательников Е.Н. Историческое сведение Войска Донского о Верхне-Курмюрской станице, составленное из сказаний старожилов и собственных примечаний 1818 года декабря 31 дня. Новочеркасск, 1886.
- ⁶ Мининков Н.А. Донской историк есаул Евлампий Никифорович Кательников. Ростов-на-Дону, 2011.
- ⁷ Кательников Е.Н. Историческое сведение... С. 24–25.
- ⁸ Там же. С. 28, 30.
- ⁹ Там же. С. 28.
- ¹⁰ Там же.
- ¹¹ Там же. С. 28–30.
- ¹² Там же. С. 28–29.
- ¹³ Там же. С. 27–28, 30–31.
- ¹⁴ Там же. С. 27.
- ¹⁵ Там же.

- ¹⁶ Там же.
- ¹⁷ Там же. С. 26–31.
- ¹⁸ Там же. С. 34.
- ¹⁹ Там же.
- ²⁰ Воспоминания старого донца. Из посмертных записок генерал-лейтенанта Краснова // Военный сборник. 1873. № 12. С. 379.
- ²¹ *Мининков Н.А.* Донской историк... С. 67–91.

ГОРОД И ОБЩЕСТВО В РАННЕЕ НОВОЕ ВРЕМЯ

DOI: 10.31168/2619-0869.2025.07

Семья в г. Нимбурке в эпоху Тридцатилетней войны. По данным завещаний

Никита Сергеевич Соколов

Национальный Полоцкий
историко-культурный музей-заповедник,
Полоцк, Республика Беларусь;
e-mail: 17is.sakalou.m@pdu.by
ORCID: 0009-0007-5081-5477

Ключевые слова: Нимбурк, Тридцатилетняя война, горожане, завещания, демография, семья

Family in Nymburk During the Thirty Years' War. According to Testaments

Nikita S. Sokolov

National Polotsk Historical
and Cultural Museum-Reserve,
Polotsk, Republic of Belarus;
e-mail: 17is.sakalou.m@pdu.by
ORCID: 0009-0007-5081-5477

Keywords: Nymburk, Thirty Years' War, citizens, testaments, demography, family

Завещания (лат. тестаменты) являются одним из важных источников по самым различным темам. На сегодняшний момент данный тип источников в чешской историографии, активным образом используется при изучении сословий,

таких как шляхта и бюргерство¹. Изучают тестамент и как часть правовой культуры². Помимо этого, тестаменты являются одним из важнейших источников по изучению семьи и семейных отношений³.

В данной работе мы взяли тестаменты жителей города Нимбурка над Лабой в эпоху Тридцатилетней войны⁴. Сами документы были составлены на чешском языке. В статье мы рассмотрим семейные отношения жителей города и демографическую ситуацию на основе завещаний в период, когда город переживал весьма тяжёлые времена.

Сам Нимбурк находится недалеко на восток от Праги. На 1607 год в нём находилось 200 домов, что делает его средним по размеру королевским городом в рассматриваемый период времени⁵. Город имел серьезные укрепления, а также высокий экономический уровень бюргерства.

Данный город играл весьма важную роль в чешской истории, в том числе и в событиях Тридцатилетней войны.

Всего за изучаемый период времени, было записано 55 тестаментов. Из них 45,5 % приходится на завещания, составленные мужчинами, и 54,5 % женщинами.

Как видно, женщины составляли завещание чуть чаще, чем мужчины. При этом из всех завещаний, составленных женщинами, на вдов приходится 56,6 %. Из них на долю вдов без детей, приходится 64,7 % (36,6 % от всех женских тестаментов). На долю вдов с детьми приходится 35,3 % (20 % от всех женских тестаментов). Только 43,3 % женщин завещали имущество и при живых мужьях, и при наличии детей. Стоит также добавить, что не все вдовы без детей не имели родственников. На них приходится 63,6 %. Некоторые завещали своим сестрам, братьям, матерям или зятям.

Видно, что в рассматриваемое время вдовство было распространенным явлением, тем более в эпоху войны. Стать вдовой было весьма легко, причем еще до появления детей. Так, за год до начала войны, в 1617 году, Йиржи Тырнковский завещал своей жене Дороте и сыну Йиржи все свое имущество⁶. Уже в том же году, его жена стала вдовой, и, вступив в наследство, составила свое завещание, по которому отдава-

ла все свое имущество брату и племяннику, про сына ничего не было сказано. Это говорит о том, что муж и сын умерли в одно время⁷.

Отсутствие детей и мужа ставили женщину в весьма тяжелую ситуацию. Оно толкало ее незамедлительно определить себе наследников, которые должны были заботиться о ней. Весьма часто такими людьми становились ближайшие родственники, хотя были и исключения. Порой женщины могли завещать свое имущество и друзьям, хотя такое явно происходила при полном отсутствие родни.

Стремление завещать свое имущество хоть какой-то родне, пусть даже формальной, проявляется в назначении своими наследниками зятев⁸. При том, что в некоторых завещаниях наследниками являются сестра и зять, вместе с их детьми, а в некоторых только зять, что говорит о смерти своей сестры и отсутствие в этом браке детей. Тем не менее от этого данный человек не переставал быть зятем, в связи с чем, при отсутствии иных родственников, и становился наследником.

Однако видно, что и замужние женщины с детьми, пусть и в меньшей, но тоже в довольно степени, также активно составляли завещания. Здесь причины не всегда ясны, однако можно предположить, что составление завещания происходило под воздействием неблагоприятных обстоятельств. Самым частым из них была болезнь. Эта причина часто фигурирует как в женских, так и в мужских завещаниях. С учетом развития медицины в то время, а также эпидемиологической ситуации, любая болезнь с большой долей вероятности приводила к смертельному исходу.

Это обстоятельство весьма часто стимулировало составление завещания.

Необходимо отметить, что на вдовцов приходится только 20 % всех мужских завещаний. Из них 60 % (12 % от всех мужских завещаний) вдовцов имели либо детей, либо родственников. Только 40 % (8 % всех мужских завещаний) из них завещали имущество иным людям. Таким образом, оказаться вдовцом, да еще и без каких-либо родственников, было гораздо меньшей вероятностью.

Стоит также посмотреть, каким родственникам завещали наследство и как его распределяли.

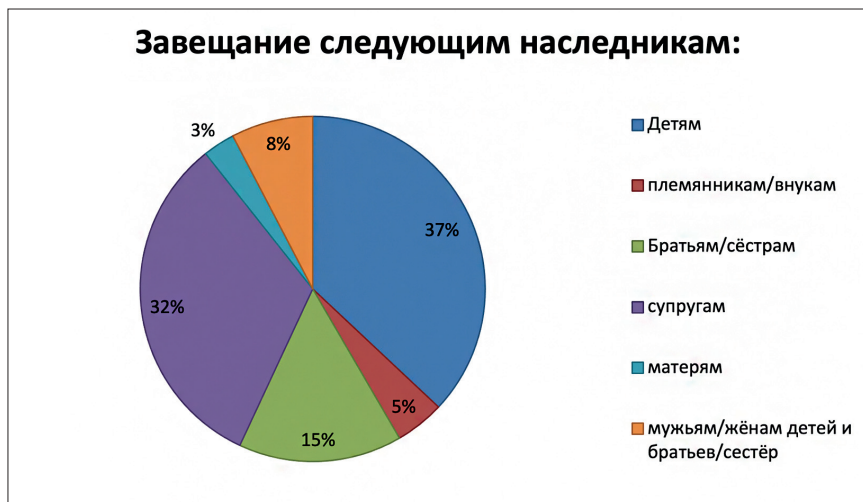

Рис. 1⁹

Видно, что в основном завещали детям и супругам, если таковые имелись. Ближайших родственников, таких как братья, сестры, родители, своими наследниками делали нечасто. Интересно, что встречаются тестаменты, где в качестве наследника фигурирует мать, но при этом нет ни одного завещания, где фигурировал бы отец. Мужьям и женам своих детей, а также своих братьев и сестер, оставляли что-либо еще реже.

Стоит также добавить, что только в 42,5 % завещаний фигурирует один из этих типов наследников. В остальных обычно завещают женам и детям, либо сестрам и братьям и т. д.

Насчет распределения наследства нужно сказать, что чаще всего, если речь шла о завещании детям и супругам, а также братьям и сестрам, старались распределить все поровну. Хотя в иных регионах существовали и другие традиции, согласно которым жена получала $1/3$, а $2/3$ — дети¹⁰.

При этом абсолютно не важен был пол ребенка. Дочери и сыновья получали равные доли. Но были и исключения. Так, Петр Собеславский свое имущество распределил не совсем поровну между своими детьми. Старшему сыну Петру он оставил 100 коп мейсенских грошей, а младшему Матвею только 70. Старшей дочери Катерине он оставил 80 коп, а младшей Магдалене только 40. При этом у него была еще падчерица, которой он оставил 30 коп мейсенских¹¹.

Как мы видим, своим старшим детям завещалось больше, чем младшим, при этом пол ребенка был не столь важен. Старшая дочь получила больше, чем младший сын. При этом сам Собеславский объяснял составление завещания, желанием предотвратить недопонимание между детьми.

В 1618 году Томаш Сламик составил завещание, в котором своей жене он не выделил часть наследства, но поручил ее своим детям. Они были обязаны о ней заботиться. При этом данная обязанность касалась только сына Яна и старшей дочери Людмилы. На вторую дочь Магдалену обязанность заботиться о матери не входила, но она имела часть наследства. Причины такого распределения обязанностей проясняются дальше. Томаш завещает еще и своим внукам от первых двух детей некоторые суммы. Таким образом, на момент завещания Магдалена явно была еще несовершеннолетней.

Своему внуку Матею от дочери Людмилы он завещал 20 коп. мейсенских грошей. Эти деньги отдавались его матери до его совершеннолетия, после которого она обязана была отдать ему всю сумму. Дороте, своей внучке от сына Яна, он завещал 6 коп мейсенских грошей, которые должны были быть ей отданы сразу после его смерти¹². Здесь мы видим, что внуку от дочери завещали гораздо больше, чем внучке от сына. Сложно точно ответить на вопрос о причинах такого распределения.

Наличие детей не всегда гарантировало, что только им достанется собственность. Часть ее, как уже было показано, могли получить сестры или братья.

Так, интересным распределением наследства является testament Вацлава Чатаинского, который составил его в 1624 г.

К этому моменту его жена уже умерла, но от нее осталась дочка Дорота, которой он оставил практически все, кроме части библиотеки. Ее он завещал своему брату Адаму¹³.

Стоит также рассмотреть количество детей в семьях, исходя из завещаний. Из всех тестаментов, взятых нами, только в 45,45 % случаях завещатели имели хотя бы одного ребенка. В среднем на семью приходилось 2,68 ребенка. Были семьи, где имелось гораздо больше среднего показателя. Если определить их как семьи с 4 и большим количеством детей, то на их долю выпадает 20 %. В большинстве своем семьи были не многодетными, а с учетом высокой детской смертности в ту эпоху, является неудивительным, что большинство завещателей на момент написания теста мента не имело детей. Также неудивительным является то, что внукам редко что завещали. В ту эпоху дожить до них удавалось нечасто.

Таким образом, в рассматриваемый период было составлено больше женских завещаний, нежели мужских. При этом основная доля женских завещаний приходится на вдов, в отличие от мужских, где вероятность вдовства составляла менее четверти. В основном наследниками становились супруги и дети, реже братья и сестры. Еще меньше завещали родителям, племянникам и внукам. При этом имущество обычно делилось поровну между супругами и детьми, независимо от пола. Только в 45,45 % случаях, завещатель имел хотя бы одного ребенка. Среднее количество детей на одну семью приходилось 2,68.

Примечания

¹ Мельников Г.П. Социально-экономическая структура населения Праги в первой половине XVI в. // Проблемы всеобщей истории / отв. ред. Ю.М. Сапрыкин. М., 1976. С. 200–216; *Он же*. Источники по социально-экономической истории чешского города первой половины XVI в. // Проблемы всеобщей истории / под ред. Е.Ф. Язькова и И.Л. Маяк. М., 1977. С. 235–251; *Он же*. Методы статистической обработки источников по социально-экономической истории позднего средневековья (на примере городских книг Праги XVI в.) // Великий Октябрь и всемирно-исторический процесс / ред. колл. Ю. А. Поляков и др. М., 1977. С. 194–195; *Он же*. Социально-экономическая структура населения Пра-

- ги и политическая борьба пражских горожан в первой половине XVI в. Автореферат... канд. ист. наук. М, 1977. 20 с.; *Borovský T.* Čas středověkých měšťanských testamentů (Příklad Brna v pozdním středověku) // *Pozdně středověké testamenty v českých městech / sest. K. Jišová a E. Doležalová.* Brno, 2006. S. 55–71; *Štachová N.* Šlechtické testamenty v listinné praxi českých zemí do roku 1306 // *Časopis pro právní vědu a praxi.* 2012. N 3. S. 245–256; *Jišová K.* Testamenty novoměstských měšťanů v pozdním středověku. Disertační práce. Praha, 2008. 289 s.
- ² *Viduna D.* Testamentární posloupnost v římském právu a její reflexe v českém právu: Rigorózní práce. Praha, 2015. 176 s.; *Pixa W.* Testament v Českém, Rakouském, Německém a Švýcarském právu. Rigorózní práce. Praha, 2019. 122 s.
- ³ *Král P.* Žena ve šlechtických testamenech v 16. a 17. Století // *Česko-Slovenská historická ročenka.* 2001. №1. S.157–167; *Jirková P.* Testamentární praxe v Jihlavě v letech 1578–1624 (Testamenty jako prameny pro dějiny rodinných struktur, historickou demografii a sociotopografii). Disertační práce. Praha, 2011. 259 s.
- ⁴ Liber testamentorum města Nymburk z let 1617–1708. URL: ebadatelna.soapraha.cz/a/2136/1 (дата обращения 09.03.2025).
- ⁵ *Řurčanský M.* Česká města a jejich správa za třicetileté války: Zemský a lokální kontext. Praga, 2013. S.169.
- ⁶ Liber testamentorum města Nymburk z let 1617–1708. URL: ebadatelna.soapraha.cz/a/2136/2
- ⁷ Liber testamentorum města Nymburk z let 1617–1708. URL: ebadatelna.soapraha.cz/a/2136/3
- ⁸ Liber testamentorum města Nymburk z let 1617–1708. URL: ebadatelna.soapraha.cz/a/2136/95
- ⁹ Ibidem.
- ¹⁰ *Jirková P.* Testamentární praxe...S. 56.
- ¹¹ Liber testamentorum města Nymburk z let 1617–1708. URL: ebadatelna.soapraha.cz/a/2136/8
- ¹² Liber testamentorum města Nymburk z let 1617–1708. URL: ebadatelna.soapraha.cz/a/2136/12
- ¹³ Liber testamentorum města Nymburk z let 1617–1708. URL: ebadatelna.soapraha.cz/a/2136/29

DOI: 10.31168/2619-0869.2025.08

Три Софии XVI в.: балканский город в сочинениях православных, западнохристианских и мусульманских авторов

Никита Владимирович Евстафьев

Институт славяноведения РАН,
Москва, Российская Федерация;
e-mail: nikichan1@yandex.ru
ORCID: 0000-0002-6965-4112

Ключевые слова: Османская империя, XVI в., София, имагология, Матей Грамматик, Антун Вранчич, Стефан Герлах, Эвлия Челеби

Three Sofias of the 16th Century: Balkan City in the Writings of Orthodox, Western Christian and Muslim Authors

Nikita V. Evstafyev

Institute of Slavic Studies RAS,
Moscow, Russian Federation;
e-mail: nikichan1@yandex.ru
ORCID: 0000-0002-6965-4112

Keywords: The Ottoman Empire, sixteenth century, imagology, Matthew the Grammarian, Antun Vrančić, Stefan Gerlach, Evliya Çelebi

В XVI в. София была одним из важнейших политических и экономических центров Османской империи, именно этот город был столицей Румелийского бейлербейства, в состав которого входила большая часть Балканского полуострова¹. Помимо всего прочего, София была средоточием торговли, через этот город проходило несколько важнейших дорог,

среди которых особое место занимал древний Диагональный путь, идущий к Константинополю². Благодаря своему важному значению для Османской империи, София в XVI в. (и в более раннее время) стала объектом усиленной исламизации, к середине столетия уже большинство жителей города составляли мусульмане, хотя этот процесс был вызван по большей части косвенными, социально-экономическими факторами³.

По этим причинам неудивительно, что София занимает достаточно большое место в сочинениях различных авторов — будь то православные агиографы, западноевропейские путешественники, проезжавшие через город по дипломатическим и торговым делам, или же мусульмане. В статье рассматриваются и сопоставляются представленные в сочинениях различных авторов образы балканского города на примере Софии, при этом упор делается в первую очередь на религиозную сферу, в частности, на образы церквей и мечетей — этот акцент объясняется разной конфессиональной принадлежностью рассматриваемых авторов. Отдельное внимание будет обращено на возможные точки пересечения в сочинениях людей разных религий — обращают ли они внимание на одни и те же явления и объекты?

Довольно краткое описание Софии можно увидеть в житии новомученика св. Георгия Нового Софийского (ум. 1515) за авторством священника Пейо. Так, Пейо упоминает, что София («Сред'чьский град нарицаеми Софиа»), куда из родного Кратово перебрался юноша Георгий, «врѣхоу горы стое»⁴. Однако это указание, конечно, не является лишь только географическим, это прямая отсылка к Нагорной проповеди Иисуса Христа и образу «Града на холме», причем дальше в тексте жития сам мученик сравнивается с Градом, который стоит на холме, освящен божественным сиянием и поэтому не может укрыться от внимания врагов православной веры. Таким образом, священник Пейо создает сакральный образ Софии⁵. Православный книжник, Матей Грамматик, великий ламбадарий Софийской митрополичьей церкви, автор жития св. Николая Нового Софийского (ум. 1555) дает более

подробное описание этого города, содержащее некоторые явные географические указания. В частности, книжник отмечает, что город расположен в «македонии» и «велицей европии»⁶. Однако важнее всего для Матея Грамматика, как и для Пейо, создать сакральный образ города, подчеркнуть его связь с традицией мученичества: как нового, так и раннехристианского⁷. Для этого история новомученика св. Николая Нового Софийского связывается с историями его предшественников: двух софийских мучеников св. Георгия Нового Софийского (ум. 1515) и св. Георгия Новейшего Софийского (ум. 1530-е гг.)⁸. Но вспоминает Матей Грамматик также и о раннехристианском мученике Ферапонте Сардийском («С(ве)щенном(у)ч(е)ника Ферапонта», «житель... места того»)⁹, который погиб в Сардах (совр. Сарт в Турции) в малоазийской Фригии еще во второй половине III в.¹⁰ Св. Ферапонт не имеет никакого отношения к «месту тому», то есть Софии/Сердике, судя по всему, он был по созвучию (Сердика и Сарды) отнесен к этому городу. Это, однако, могло быть сделано не по ошибке, а сознательно, с целью подчеркнуть преемственную связь между раннехристианскими мучениками и святыми, погибшими от рук османов. Автор жития, таким образом, показывает непрерывность в Софии традиции святости и жертвенности в борьбе за веру¹¹.

Рассказывая о судьбе мученика, Матей Грамматик подробно останавливается и на тех, кто стремился погубить его. Это были не только обычные мусульмане-жители Софии, которых из-за их кровожадности книжник сравнивает с дикими зверями, но также и некоторые примечательные личности. На суде против Николая мусульмане дали письменные показания, среди них главным был некий уважаемый старец («старейшина съ диаволомь»), «лютый волк» («люти влькъ») и «великий ревнитель» ислама («велика некоего ревнителя и поборника яже о вере своеи»), этого же человека Матей Грамматик обвиняет и в гибели другого софийского мученика — св. Георгия («нъ и многострадалнаго георгия новаго [...] Егоже м(ь)ч(е)нию виновнь съи быс»)¹². Как предполагает Р. Градева, этот персонаж жития мог быть реальным

человеком: суфием Бали Эфенди, который, как известно из османских источников, действовал в Софии в первой половине XVI в. и принимал активное участие в распространении ислама среди немусульманских жителей Софии, а также в процессе укрепления суннитской ортодоксии¹³. Суфийские ордена и дервиши играли значимую роль в распространении ислама среди балканских христиан¹⁴, возможно, именно поэтому Матею Грамматику было особенно важно изобразить одного из этих суфиев в таком резко негативном ключе. Этот суфий был настолько хорошо известен в Софии и ее окрестностях, что память о нем сохранялась и во второй половине XVII в.: его имя упоминает в своем сочинении знаменитый османский путешественник Эвлия Челеби как «софиянца Бали Эфенди из секты байрамитов», последователям которого принадлежало текке в крепости Штип в Македонии¹⁵, его ученики отличались «благочестием»¹⁶.

В то же время необходимо отметить, что Эвлия Челеби не останавливается подробно на описании Софии, ограничиваясь упоминанием множества «прекрасных мечетей» в окрестных селах, при этом он, вероятно, сознательно умалчивает о христианских храмах, упоминая лишь те, которые были превращены в мечети (например, церковь в крепости Штип)¹⁷.

В то же время православные церкви Софии привлекают внимание многих западных путешественников¹⁸ — в том числе те церкви, которые играют определенную роль в мучениках балканских мучеников. Так, в уже упомянутом ранее житии св. Георгия Нового сказано, что после гибели юноша был похоронен в церкви св. Марины («...погибают его въ храме с(ве)тые м(оу)ч(е)н(и)це Марине»)¹⁹, куда после обращения в мечеть ротонды св. Георгия (ок. 1500 г.) была перенесена кафедра Софийской митрополии. При этом о данной церкви почти ничего неизвестно, неясно, когда она была построена и неясно, когда и при каких обстоятельствах она была разрушена²⁰. Однако именно эту церковь (и «болгарское училище» (нем. *Bulgarische Schuhl*) при ней) в своем «Дневнике» упоминает немецкий путешественник и лютеранский

богослов Стефан Герлах: «Главная его [митрополита] церковь — св. Марины (нем. *Seine Haupt-Kirch ist zu St. Marina*), вся исписана и иконы поновлены», «у алтаря в гробу лежит тело св. Стефана, который был болгарским королем (нем. *Bulgarischer König*)»²¹. Под «болгарским королем» Стефаном, очевидно, имеется в виду сербский король Стефан II Милутин (1282–1321), чьи мощи действительно были перенесены в Софию ок. 1460 г.²² Эти же мощи упоминаются и в житии св. Георгия Софийского («покажу ти краля Милутина, въ граде семь лежащаго, како почиваетъ якоже уснуви») ²³, и в житии св. Николая Софийского («С(вя)т(о)го и великаго иже въц(а)рехъ краля стефана иже и милоутина ... чьстных мощей») ²⁴. При этом отметим, что Герлах ни слова не говорит о мученике св. Георгии Софийском и его мощах, которые должны были находиться в этом посещенном им храме.

Как и Эвлия Челеби, многие западные путешественники описывают в Софии и ее окрестностях также и мусульманские храмы, которые заметно выделяются на фоне других городских строений. В частности, хорват и католик Антун Вранчич, бывший дипломатом на службе Габсбургов и посещавший Османскую империю во второй половине XVI в., так характеризует облик города: «в самом городе (лат. *Zophia*) нет ни одного примечательного здания, почти ни одного каменного строения... Однако он украшен храмами турецкого вида, а также их выступающими круглыми колоннами (лат. *columnis cochleis*) ²⁵, которые, будучи возведены довольно высокими наподобие наших башенок-кампаний (лат. *in campanilium nostrorum morem*) ²⁶, придают городам вид, никоим образом не некрасивый (лат. *Urbibus non indecorat*) ²⁷» ²⁸. Православные же книжники (в первую очередь не скупившийся на детали Матей Грамматик), следуя определенной религиозной модели мартириев и цели укрепления православных христиан в их вере, не называют мусульманские храмы Софии иначе, как «капищами», в которых возносится «богоненавистная молитва» и звучит «великий вопль»: «и все тогда б(о)гомрьских храмы и капища от них напльняема бехоу. по скв(е)рьнномуу тех обычаю. вънегда

на вы́соту б(о)гоненавистно́ую м(о)л(и)тво́у сво́ю произы́ти извы́кше. безчи́нне съ вели́ким вы́племь и грѣдынею»²⁹.

Таким образом, в сочинениях людей разных конфессий — православных, мусульман и западных христиан (католиков и протестантов) — представлены три отличных друг от друга образа Софии, которые, однако, имеют некоторые заметные пересечения. Для православных книжников, авторов житий мучеников, важно было подчеркнуть преемственность между современными им святыми и их предшественниками, связанными с Софией, при этом образы мусульман и их храмов в агиографии имеют строго отрицательный оттенок. Османский путешественник Эвлия Челеби, напротив, описывает «прекрасные мечети» в окрестностях города и вспоминает софийского суфия Бали Эфенди, чей образ, возможно, нашел свое отражение и в агиографии в однозначно негативном ключе. Для западных путешественников мусульманские храмы также имеют достаточно привлекательный вид, однако они обращают внимание и на православные церкви, посещают их и даже описывают хранившиеся в них святые мощи — те самые мощи, которые упоминают также православные книжники.

Примечания

- ¹ *Градева Р.* Към въпроса за религиозната атмосфера в Османската империя: София в средата на XVI век. // Българският шестнадесети век / ред. Б. Христова и др. София, 1996. С. 149–150.
- ² *Георгиева Ц.* Пространство и пространства на българите. XV–XVII век. София, 1999. С. 298–299.
- ³ *Тодоров Н.* Балканский город XV–XIX вв. М., 1976. С. 67; *Barkan Ö.L.* Essai sur les données statistiques des registres de recensement dans l'Empire ottoman aux XVe et XVIe siècles // Journal of the Economic and Social History of the Orient. 1957. Vol. 1. N 1. P. 34–35.
- ⁴ *Богдановић Д.* Житије Георгија Кратовца // Зборник историје књижевности / Одељење језика и књижевности САНУ. Београд, 1976. Књ. 10. С. 236.
- ⁵ *Biliarsky I., Tsibranska-Kostova M.* Historical Memory and Orthodox Faith: Byzance Après Byzance in Sofia Under Ottoman Rule // Вестник ВолГУ. Серия 4. История. Регионоведение. Международные отношения. 2021. Т. 26. № 6. P. 346.
- ⁶ *Сырку П.А.* Очерки из истории литературных сношений болгар и сербов в XIV–XVII веках. Житие св. Николая Нового Софийского по единственной рукописи

- XVI в. СПб., 1902. С. 36, 38. (Сборник отделения русского языка и словесности Императорской Академии Наук. Т. LXXI. № 2)
Здесь и далее строчные или прописные буквы в начале имен и географических названий переданы так же, как в источнике.
- ⁷ *Biliarsky I., Tsihranska-Kostova M.* Historical Memory and Orthodox Faith... P. 341.
- ⁸ *Сырку П.А.* Очерки из истории литературных сношений... С. 117–118.
- ⁹ Там же. С. 39.
- ¹⁰ *Biliarsky I., Tsihranska-Kostova M.* Historical Memory and Orthodox Faith... P. 345.
- ¹¹ *Дроснева Е.* Поглед към българското историческо познание през XVI век // Българският шестнадесети век. С. 25–26.
Связь между Софией, областью вокруг нее и св. Ферапонтом вероятно, возникла еще до того, как Матей Грамматик написал свое житие. Позднее это обстоятельство вылилось в формирование культа болгарского новомученика Ферапонта Софийского, епископа Трынского, которого Паисий Хилендарский упоминает в своем сочинении «История славяно-болгарская» как одного из трех софийских мучеников вместе со св. Георгием Новым и св. Николаем Новым. На этот факт обращали внимание еще К. Иречек и П.А. Сырку — *Сырку П.А.* Очерки из истории литературных сношений... С. ССLXXII–ССLXXV.
- ¹² Там же. С. 128–129.
- ¹³ *Gradeva R.* Apostasy in Rumeli in the Middle of the Sixteenth Century // Arab Historical Review for Ottoman Studies. 2000. Vol. 22. P. 314–315.
- ¹⁴ *Стайнова М.* Ислам и исламская религиозная пропаганда в Болгарии // Османская империя. Система государственного управления, социальные и этно-религиозные проблемы / отв. ред. С. Ф. Орешкова. М., 1986. С. 86–93.
- ¹⁵ *Евлия Челеби.* Пътепис / Превод от османотурс., съст. и ред. на Стр. Димитров. София, 1972. С. 24.
- ¹⁶ Там же. С. 32.
- ¹⁷ Там же. С. 23, 34.
- ¹⁸ Образу Балкан и православного христианства на Балканах в сочинениях западноевропейских авторов посвящены в том числе некоторые современные работы. См., к примеру, совсем недавний сборник статей: *The Manifold Faces of the East. Western Images of the Post-Byzantine Christian World in the Age of Reformation* / Eds. I.-A. Tudorie, D. Benga. Paderborn; Leiden; Boston, 2024 (Eastern Church Identities, vol. 18).
- ¹⁹ *Богдановић Д.* Житије Георгија Кратовца... С. 259.
- ²⁰ *Градева Р.* Софийската катедрална църква, XV — началото на XIX век // Балканите. Модернизация, идентичности, идеи. Сборник в чест на проф. Надя Данова / ред. Ю. Константинова и др. София, 2011. С. 579.
- ²¹ *Герлах Ст.* Дневник на едно пътуване до Османската порта в Цариград. София, 1976. С. 264; *Stephan Gerlachs deß Aeltern Tage-Buch der von zween glorwürdigsten römischen Kaysern, Maximiliano und Rudolpho ...* Frankfurt am Main, 1674. S. 521.
- ²² *Павловић Л.* Култови лица код Срба и Македонаца. Смедерево, 1965. С. 94.
- ²³ *Богдановић Д.* Житије Георгија Кратовца... С. 239.
- ²⁴ *Сырку П.А.* Очерки из истории литературных сношений... С. 43.
- ²⁵ Скорее всего имеются в виду минареты.

²⁶ Вероятно, колоколен.

²⁷ Примечательно, что в болгарском переводе данного отрывка двойное отрицание *non indecoram* переведено как «придают городу некрасивый вид», что меняет смысл этого предложения на противоположный — Антон Вранчич (1553–1567) // *Йонов М.П.* Немски и австрийски пътеписи за Балканите XV–XVI век. София, 1979. С. 185.

Благодарю Н.Н. Наумова за помощь в составлении точного перевода этого предложения.

²⁸ *Iter Buda Hadrianopolim anno 1553 exaratum ab Antonio Verantio... // Alberto Fortis.* Viaggio in Dalmazia. Volume Primo. Venezia, 1774. P. XXX.

²⁹ *Сырку П.А.* Очерки из истории литературных сношений... С. 112–113.

DOI: 10.31168/2619-0869.2025.09

Территориальная локализация и продолжительность фиксации гайдучества на территории Румелии в XVI – начале XVII века

Никита Сергеевич Даниленков

Нижегородский государственный университет
им. Лобачевского

Нижний Новгород, Российская Федерация;

e-mail: danilenkov20016@gmail.com

ORCID: 0009-0004-7162-5777

Ключевые слова: разбойничество, маргинальные группы, Османская империя, турецкая райя, харам

Territorial Localization and Duration of the Fixation of Haiduism on the Territory of Rumelia in the XVI – Early XVII Century

Nikita S. Danilenkov

Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod
Nizhni Novgorod, Russian Federation;

e-mail: danilenkov20016@gmail.com

ORCID: 0009-0004-7162-5777

Keywords: Brigandage, marginal groups, Ottoman Empire, Turkish rayah, haram

Деятельность разбойничьих групп, по-видимому, в значительной степени зависит от естественных условий местности, в которой они орудуют. Наличие труднодоступных мест, где можно укрыться и избежать погони или ответного нападения, было крайне важным условием для существования бандформирований. Гайдуки XVI — начала XVII века на территории Болгарии не являлись исключением из этого правила. В связи с этим гайдучество можно рассматривать как спонтанно возникающее и исчезающее явление, во многом производное от ландшафтной среды, в которой совершались нападения. Под гайдуками в данном случае понимаются представители разбойных групп совершавшие нападения на местное население с целью грабежа на территории Болгарии и Македонии. Данные источников об интенсивности грабежей позволяют судить о разной продолжительности гайдуческой активности на данных территориях. Соответственно, уточнение информации о продолжительности фиксации такой активности позволит прояснить причины спонтанного возникновения разбойничества на территории Болгарских земель.

Сложности, которые возникают при анализе маргинальных и бесписьменных групп, объясняют использование в качестве источников записок путешественников, ферманов и кадийских регистров. В данном случае невозможно без косвенных данных определить деятельность гайдучества в регионах Румелийского эяялета.

В XVI веке гайдучество начинает охватывать большие территории в сравнении с XV столетием. Так, помимо территории современной Болгарии, отряды разбойников начинают появляться и в районах современной Северной Македонии. Приказ 1578 г. указывает на участие в разбойных нападениях целого поселения¹.

Стоит отметить, что указанное свидетельство базируется на информации от жителей соседнего села, которые были недовольны грабежами. Невозможно сказать, насколько достоверна информация об участии в гайдуцких отрядах 78 человек. Однако наличие разбойничьих групп со второй

половины 1560-х гг. и до конца 1570-х гг. в данном регионе подтверждается другими свидетельствами. Приказ 1565 г. о наказании «неверных», которые «взбунтовались и отказались покориться перед шариатом», был адресован скопскому бею и прилепскому главному судебно-административному управителю². Кроме того, ферман 1573 г. описывает ущерб от нападения разбойников на тимары возле Манастира (современный город Битола) и Прилепа³.

Указанная в свидетельствах местность — это территория западной Македонии. Деятельность разбойников может быть примерно очерчена Селечка-горами и Бабуной на востоке, Плакенскими горами и Бабой — на западе, Бушевыми горами — на севере. Важно отметить, что после 1578 г. уже не встречаются упоминания о разбойных отрядах на данной территории. Иными словами, нападения в данной части Северной Македонии являются крайне коротким эпизодом в рамках общего повышения активности разбойнических нападений во второй половине XVI века по всей юго-западной и центральной части Румелийского эялета.

Турецкая власть прекрасно понимала удобство для гайдуков плоскогорной территории, переходящей из густых лесов в мелкие ущелья, но стремилась обезопасить лишь основные пути транзита в Северной Македонии. Один из османских ферманов 1586 г. регламентирует строительство крепости в ущелье Качаник (на границе между современной Северной Македонией и Сербией), которое пролегает между Скопской Черной Горой и Шар-Горой к северу от современного Скопье, из-за того, что там «...собираются разбойники для преступлений...»⁴. Данная крепость имела важное значение, о чем свидетельствует повторный приказ о строительстве 1590 г.⁵ Причиной для постройки фортификаций в этом районе были группы гайдуков, которые появлялись в большом количестве в северной части современной Северной Македонии. В 1583-м⁶, 1586-м и 1595 гг.⁷ в районе ущелья Качаник и его окрестностях действовало несколько групп, которые совершали нападения на местное население. Невозможно сказать, была ли это одна и та же группа,

однако именно это место в качестве гнезда гайдуков фигурирует чаще других в османской документации, что может указывать на многочисленность их отрядов. Активность гайдучества здесь фиксировалась на протяжении 12 лет. Таким образом, основным регионом деятельности разбойнических группировок в последней четверти XVI века можно считать район между современными городами Приштина и Скопье в районе ущелья Качаник.

Распространение разбойных групп на территории современной Болгарии во второй половине XVI — начале XVII века претерпевало ряд изменений. В свидетельствах путешественников и в османской документации второй половины XVI века можно найти данные о единичных встречах с гайдуками на пути в Визе⁸, недалеко от Эдирне⁹ и возле Трояновых врат¹⁰. Деятельность подобных гайдуцких групп в данный период выглядит разрозненной и определённой исключительно факторами местности, на которой они орудуют. Особо выделяется на данном фоне деятельность 2000 гайдуков в районе Стара Планины, о которой пишет Ливинус Хулсиус¹¹, однако активность данных отрядов больше относится к военным действиям периода Долгой войны.

К началу XVII столетия ситуация несколько меняется. Земли западной Болгарии становятся основной территорией, на которую распространяются гайдуцкие отряды. В 1611-м¹² и 1618¹³ гг. встречаются упоминания о нападениях бандитов возле Софии. На западной территории современной Северной Македонии происходят грабежи со стороны «священников-разбойников» — монахов Лесновского монастыря, которые «объединились с харамами»¹⁴. В данном случае харамы, несмотря на широту употребления термина по отношению к разным преступникам, имеют конкретную характеристику грабителей и могут соотноситься с гайдуками, несмотря на сложности в сопоставлении самих слов «харам» и «гайдук», как равнозначных. Одновременно с указанными разбойниками продолжают существовать группы, которые продолжают свои нападения на территории Эдирне¹⁵ и Трояновых врат¹⁶.

Таким образом, можно говорить о расширении деятельности гайдуков, несмотря на потерю ими Качаникского ущелья в конце XVI столетия. Также стоит отметить преемственность некоторых территорий. Особенно возле Трояновых врат, где присутствие разбойничьих отрядов упоминалось еще в XV веке¹⁷.

Конечно, нельзя говорить, что разбойничество — это новое явление для Болгарских земель¹⁸. Рассмотренная география указывает на то, что места локализации гайдуков можно условно разделить на две группы. В первую входят территории, на которых гайдуки орудовали в относительно короткий промежуток времени. Грабежи в данном случае были для местного населения кратковременным «промыслом» в силу меняющихся обстоятельств времени и условий существования. В этом случае невозможно говорить о том, что разбой являлся постоянной формой деятельности местного населения. В определенный момент нападения прекращались, благодаря деятельности османской власти или в силу изменения условий. Иную ситуацию можно пронаблюдать на территориях, которые имеют преемственность в деятельности разбойных групп. Разбойничество в данных местностях существовало давно и кристаллизовалось в «ремесло» местного населения. Это подтверждается большими временными промежутками между свидетельствами. На протяжении нескольких веков источники утверждают наличие на конкретной территории гайдуцких групп.

Таким образом, благодаря анализу локализации и продолжительности фиксации разбойных групп на территории Болгарских и Македонских земель можно говорить о некоторой неоднородности гайдучества. На протяжении XVI–XVII века разбойничество, как явление неустойчивое в территориальном размещении, могло меняться под воздействием внешних сил и где-то вовсе пресекаться. Несмотря на это, на землях Болгарии в данный период местность возле Трояновых врат и в округе Эдирне на траектории основного транзитного пути в Константинополь была регулярной зоной активности гайдуцких отрядов, что позволяет говорить о некоторой специфике способов заработка местного населения, занимавшегося разбоем на протяжении многих поколений.

Примечания

- ¹ Върховната власт изисква да се залови голяма хайдутска дружина от Битолско // *Цветкова Б.* Хайдутството в българските земи през 15/18 век. София, 1971. Т. 1. С. 84.
- ² Бунтовници поемат хайдутските пътеки в Прилепско // Там же. С. 80–81.
- ³ Хайдутите в Битолско и Прилепско // Там же. С. 81–82.
- ⁴ Властта нарежда да се изгради твърдина в Качаншкия проход за отбрана срещу хайдутите // Там же. С. 90.
- ⁵ Набиране на работници за строежа на Качанишката крепост — охрана против умножилите се хайдутите // Там же. С. 91.
- ⁶ Султанска заповед за преследване хайдутите и метежни елементи // Там же. С. 85–86.
- ⁷ Хайдутски дружини господствуват в Скопие // Там же. С. 92.
- ⁸ *Бонгарс Ж.* Пътните бележки от България // Френски пътеписи за Балканите. XV–XVIII вв. / Съст. и ред. Б. Цветкова. София, 1975. С. 177.
- ⁹ *Лескалопие П.* Фрагменти от пътните // Там же. С. 153–154.
- ¹⁰ Пътеписецът на Контариновото пратеничество за българските хайдутите // *Цветкова Б.* Хайдутството в българските земи... С. 85.
- ¹¹ Хайдутите подпомагат войските на Михаил Витязул в България // Там же. С. 93.
- ¹² *Льофевр.* Пътеписецът за Балканите // Френски пътеписи... С. 186.
- ¹³ В Софийско и Златишко се подвизава хайдутска чета на Бързак // *Цветкова Б.* Хайдутството в българските земи през 15/18 век. Т. 1. С. 101.
- ¹⁴ Монаси подпомагат хайдутите в Югозападните Български земи // Там же. С. 99–100.
- ¹⁵ Томазо Алберти за хайдутите в Източна България // Там же. С. 99.
- ¹⁶ *Кайлсхайм А.В. фон.* Описание на пътуването от Константинопол до Прага по суша. 1617 год // Немски и австрийски пътеписи за Балканите XVII — средата на XVIII в. София, 1986. Т. 6 / Увод, подбор и коментар М. Йонов. С. 58.
- ¹⁷ *Брокиер Б. де ла.* Задморско пътешествие. София, 1968. С. 35.
- ¹⁸ *Пасько Н.В. Полывянный Д.И.* Разбойничество в Болгарии накануне и в первые века османского господства // Дриновский Збірник. 2013. Т. 6. № 6. С. 263–269.

**ОБРАЗ «ДРУГОГО»
В РУССКО-ПОЛЬСКИХ ОТНОШЕНИЯХ
В РАННЕЕ НОВОЕ ВРЕМЯ**

DOI: 10.31168/2619-0869.2025.10

**Антикоролевская оппозиция
Речи Посполитой в донесениях
русского резидента П. Возницына
(1688–1689 гг.)**

Ярослава Валентиновна Мартынова

Институт славяноведения РАН,
Москва, Российская Федерация;
e-mail: prantasta@gmail.com
ORCID: 0000-0002-3296-0650

Ключевые слова: история русско-польских отношений, резидент, польский королевский двор, внутриполитическая жизнь, Речь Посполитая

**Anti-Royal Opposition
of the Polish-Lithuanian Commonwealth
in the Reports of the Russian Resident
P. Voznitsyn (1688–1689)**

Yaroslava V. Martynova

Institute of Slavic Studies RAS,
Moscow, Russian Federation;
e-mail: prantasta@gmail.com
ORCID: 0000-0002-3296-0650

Keywords: history of the Russian-Polish relations, resident, Polish royal court, domestic political life, the Polish-Lithuanian Commonwealth

Заключение договора о Вечном мире в 1686 г. между Россией и Польшей открыло новую страницу в их отношениях. Стороны договорились об обмене резидентами¹. Предложение Посольского приказа о возобновлении деятельности постоянными дипломатическими представительствами объяснялось необходимостью незамедлительного обмена стратегической информацией и необходимостью координации совместных военных действий союзников в борьбе с Османской империей и ее вассала — Крымского ханства: «чтоб их царскому величеству и королевскому величеству по доношению обоих резидентов о всяких государственных делах было известно»². В самом начале 1688 г. в Польшу в качестве резидента прибыл Прокофий Богданович Возницын. Ему поручалось присматриваться «к тамошнему поведению», писать обо всем, что происходило при королевском дворе и отсылать в Москву «всякие ведомости»³. Согласно инструкции, полученной от В.В. Голицына, он должен был также «домогацца всякими мерами накрепко» «быть всегда при дворе королевского величества»⁴. Стоит отметить, что он вел переговоры с польской стороной на равных, был осведомлен о внутривосточном состоянии дел соседнего государства, собирал информацию их разных источников.

Время пребывания П. Возницына на резиденции в Польше выпало на период нарастания внутривосточного конфликта между сторонниками короля и оппозиции в лице литовских магнатов Сапегов — Казимежа Яна и его брата Бенедикта. К про-королевской партии в интересующий нас период примыкали следующие военные и политические деятели. Особое место занимал товарищ Яна Собеского со времени рокоша Любомирского — Марек Матчинский, конюший великий коронный (с 1676 г.), воевода бельский (1686–1689 гг.), с 1689 г. получивший должность великого подскарбия коронного. Лидером партии двора⁵ был староста любельский, секретарь Яна Собеского, получивший должность референдаря великого коронного в 1688 г., Станислав Антоний Щука. Доминик Миколай Радзивилл, выбранный на варшавском сейме 1681 г. под натиском литовских послов и вопреки воле

короля подканцлером литовским до конца 1680-х гг. проводил неоднозначную политику в отношении Сапег, жалуясь на их поведение с одной стороны, при том всегда обращался к их имени с достоинством⁶. Становление Доминика Радзивилла в качестве решительного сторонника короля произошло в период резидентуры П. Возницына в Польше в 1688–1689 гг. Именно на этот период пришелся земельный спор подканцлера со своим шурином, сыном великого гетмана литовского Ержи Станиславом Сапегой. В ходе двух незавершившихся сеймов 1688 г. в Гродно и в 1689 г. в Варшаве подканцлер литовский обрушивался на королевскую оппозицию. Также к сторонникам короля можно отнести маршалка надворного литовского Яна Кароля Дольского, Ежи Альбрехта Денхоффа, епископа пшемысльского, с 1688 г. великого канцлера коронного⁷, Стефана Биджиньского, каштеляна сандомирского, человека, абсолютно преданного Яну III⁸.

После смерти двух влиятельных представителей магнатской оппозиции в 1682 г. гетмана великого литовского и воеводы виленского Михаила Казимежа Паца, а через два года канцлера литовского Христофора Зигмунта Паца, им на смену пришли магнаты⁹ Сапег: Казимеж Ян, гетман великий литовский и воевода виленский и его брат Бенедикт, подскарбий великий литовский. Своим возвышением Сапег были обязаны Яну Собескому, поддержавшим их в борьбе с влиятельными Пацами¹⁰. Усиления политического влияния в Литве Сапег началось после смерти гетмана великого литовского Михаила Казимежа Паца в 1682 г. и получения Казимежем Яном должности гетмана великого литовского и воеводы виленского. Казимеж Ян на 1690 г. был самым богатым магнатом, во владении которого насчитывалось без земель коронных (польск. *królewszczyzn*) 18 000 домовладений (польск. *dymów*), но с наибольшей вероятностью их было больше — около 21 тыс.¹¹.

Донесения П. Возницына ценны тем, что он оставил воспоминания стороннего наблюдателя о жизни королевского двора, перепетях разворачивавшейся в Речи Посполитой политической борьбы, и таким образом передал атмосферу

эпохи правления Яна III Собеского. Благодаря поступавшим сообщениям резидента, русское правительство было осведомлено о взаимоотношениях противоборствующих партий. В марте 1688 г. Возницын встречался с гетманом великим литовским Казимиром Сапегой в Гродно после несостоявшегося сейма. Гетман в разговоре пожаловался, что «его королевское величество к ним zelo немилостив»¹². Речь идет о гетмане и его брате Бенедикте, литовском подскарбии. В то же время, когда король собирался отъехать из Гродно в Вильно 20 (10) марта, появился «пашквиль его королевскому величеству», в котором критиковалось, что король хотел на разорвавшемся сейме в Гродно представить своего старшего сына в качестве наследника престола для одобрения шляхтой. До Возницына дошли сведения, что были «сысканы те которые тот пашквиль писали, подскарбия литовского пана Сапегы челядь». В ходе проведенного следствия было установлено, что написать его им велел «господин подскарбий». Король отреагировал на данный враждебный со стороны партии Сапегов акт, приказав сжечь «пашквиль» на смоляной бочке¹³. Польская исследовательница А. Чарнецка пишет о не дошедшем до наших дней пасквиле, о котором известно из сохранившейся копии «Ответа на лист из Вены от надежного корреспондента написанного до одного из остающегося при нашем дворе»¹⁴. В сохранившемся документе перечисляются контраргументы про-королевской партии на предъявленные оппозицией обвинения за произошедший в Берлине *blamaż* или афронт с произошедшей в тайне свадьбы Каролины Людвиги Радзивилл с курфюрстом пфальц-нейбургским Карлом III Филиппом в 1688 г. Изначально польская королевская семья вела переговоры о свадьбе своего старшего сына Якуба с княжной Радзивилл. Даже было получено согласие невесты. Однако вскоре после этого состоялось тайное венчание, о котором королевская семья не знала. В Польше данное событие было принято за оскорбление не только короля, но и всей Речи Посполитой.

Противостояние польского короля и подскарбия великого литовского отразилось и на положении Возницына, о чем

последний доложил своему руководству в лице В.В. Голицына в Москву: «...зело худой здесь порядок, королевское величество ничего совершенным указом учинити неможет, а господа сенатори нимало неслушают, аимянно зело противны Сапеги, что имне отних уже учинилось»¹⁵. Суть противостояния Собеского и Бенедикта Сапеги заключалась в отказе последнего оплатить расходы резидента царей на проезд от границы польского государства до места проведения сейма в феврале 1688 г. в Гродно, выделить «корма» для членов русского посольства и их коней и компенсировать иные траты, связанные с функционированием дипломатического представительства¹⁶. В ответ на требование короля, подскарбий заявлял, что «унего денег нет и дать нечего, и чтоб королевское величество изволил кнему, что мне [Возницыну] доведетца прислать асигнацию за своею рукою»¹⁷. Согласно традиции в княжестве Литовском, письма с требованием выплаты всегда подписывали хранители печати¹⁸. Русское посольство, вероятно, не было в курсе всех бюрократических тонкостей в функционировании литовских юрисдикций. Польская и литовская стороны, враждуя друг с другом, не сочли возможным объяснить русскому резиденту о необходимости обратиться к канцлеру или подканцлеру литовским. К несчастью, в начале марта у канцлера литовского М. Огинского случился обширный паралич. А подканцлер литовский Д. Радзивилл после разорвания гродненского сейма, обвинил подскарбия литовского в незаконном присвоении себе из государственных денег около 4 миллионов злотых¹⁹. Король, как сообщал Возницын, выпустил универсал и приказал разослать по «всем местам» «чтоб пошлин никто неплатил, потому что подскарбий скарб речи посполитой обращает насвой пожитки»²⁰.

Резидент поделился со своим руководством в Москве циркулирующим в Литве мнением, что «... господ Сапегов противность ик его королевскому величеству непочитание, что гетман литовской и воевода виленской Сапега, яко господарь сего княжества истолицы: невосхотел нововъезающаго государя своего вкняжество литовское, аимянно еще

в столицу, витати: исам тут быти. Так же ибрат его подскарбий»²¹. Польский король 22 апреля 1688 г. предпринял свою первую поездку в столицу Великого княжества Литовского по окончании сеймовых мероприятий в Гродно. В конце XVIII в. при дворе Сапег иезуит Казимеж Когновицкий выполнял заказ по написанию фамильной истории²². Отдельный том был посвящен великому гетману литовскому Казимежу Яну. Когновицкий описал якобы произошедший во время гродненского сейма эпизод, когда королевич Якуб поставил свое кресло рядом с тронном короля, на что гетман отодвинул кресло ногой и сказал: «Рядом с королем должно стоять, а не сидеть»²³. Автор сочинения писал, что якобы король называл Казимежа Сапегу «королем литовским»²⁴. Оба сообщения не имеют документальных подтверждений, но при этом передают отношение лидеров оппозиции к королю.

Возницын писал в Москву о непростых отношениях короля с магнатской оппозицией на протяжении всего своего пребывания в польско-литовском государстве. Некоторые поступки польского короля вызывали у него удивление. В донесении от 30 августа 1688 г., Возницын упомянул, что король выехал из Львова в направлении своих наследственных вотчин — Золочева и Жолквы. Находясь в Золочеве, Ян III не пожелал встретиться с представителем магнатов, воеводой руским и великим гетманом коронным Станиславом Яблоновским. Яблоновский, как и Сапег, входил в состав оппозиции магнатов королю и был одним ее «столпов» в армии²⁵. Король совершил неожиданный шаг, чтобы встреча не состоялась. Вот как это описал Возницын: «Когда будучи в Злочеве услышел королевское величество и что гетман воевода руской едет до его королевского величества, и уже есть за четверть мили, тогда королевское величество неожиданно и столового кушения из Злочева поехал, и толко выехал, а гетман приехал и нигде не стоя, 12 мил аж до Жолквы шол, за которым гетман бежал 3 мили и не мог постичь...»²⁶. Мотивы для подобного поведения со стороны короля Возницын не смог узнать в точности, однако собрал слухи, согласно которым Собеский поступил так по двум причинам. Пер-

вая заключалась в том, что король «...гневаецца на гетманов что они с неприятели недоброй порядок имели», а согласно второй он «...якобы гневался на гетманов себя от всякого слова свободна иметь, понеже болши нарекание имеют на его королевское величество»²⁷.

Трения между коронным гетманом С. Яблоновским и королем действительно имели место в конце лета — осенью 1688 г. В ходе военной кампании Собеский не выехал в войска, но и не спешил передавать все полномочия гетманам по командованию армией. Более того, в сентябре 1688 г., выехав из Жолквы в Золочев, король отдал распоряжение о сборе части войск в своем военном лагере, а не в гетманском. Приведенное выше свидетельство Возницына вполне логично ложится в указанную логику событий. По всей видимости, С. Яблоновский хотел лично объясниться с королем касательно своих полномочий в войсках, но тот не желал это обсуждать и уклонился от встречи.

В 1688 г. королевский двор безуспешно пытался примириться с Сапегами. Обе противоборствующие стороны не хотели идти на компромиссы и уступки. Прокофий Богданович так охарактеризовал Яна III Собеского: «... дивной то на свете государь, отнюдь никто намерения ево незнает, когда и что хочет делать, толко зато великой ропот и ненависть имеет...»²⁸. И добавил, что «...здесь все дела и тайны належат на королевском величестве и господа сенатори кроме господина Матчинского воеводы белского мало кто ведати может...»²⁹. Его противников он охарактеризовал следующим образом: «Сапеги, болшой брат гетман полутчи, итого нетак как покойного Паца хвалят, а подскарбей самой непостоянной человек»³⁰. В Вильно П. Возницын встречался с обоими братьями для урегулирования вопроса о возмещении понесенных им расходов на деятельность дипломатической миссии из «скарба Речи Посполитой». Он был направлен к Бенедикту Сапеге Домиником Радзивиллом, подканцлером литовским, так как «тот уряд належит наподскарбей вкаторой и королевское величество сам вступатис неповинен»³¹. Результатом этих переговоров Возницын остался недоволен и оста-

вил следующую нелестную характеристику младшего брата: «недай Боже слитовским подскарбием знатца, несколько дает, сколко сам возмет.»³². Помирить короля с Сапегами пыталась супруга Яна Собеского — Мария Казимира, что не привело к желаемому результату.

Пребывание П.Б. Возницына в Польше в течение полутора лет в качестве резидента русских царей, пополнило знания правительства и дипломатического ведомства о внутривосточной обстановке в стране, возможность оценить перспективы взаимных контактов, высветило круг проблем, на которые необходимо обратить внимание. Постоянная дипломатическая миссия должна была следить за реализацией достигнутых соглашений Вечного мира, не допустить сепаратных мирных переговоров польской стороны с Турцией. В Польше Возницын встречался с представителями партии короля и оппозицией. Стороны пытались привлечь его, как представителя царского правительства, на свою сторону и заручиться поддержкой русского правительства. В.В. Голицын рассчитывал заставить польскую сторону активизировать военные действия против турок и крымских татар путем постоянных напоминаний через своего представителя при короле. Недоверие по отношению к Яну Собескому побуждало внимательно следить за событиями, происходящими при его дворе. Инструментом постоянного наблюдения стала постоянная дипломатическая миссия по тому типу, как существовали миссии стран-участниц Священной лиги.

Русский дипломат представлял свою страну, царствующих монархов. Стоит отметить, что он вел переговоры с польской стороной на равных, был осведомлен о внутривосточном состоянии дел соседнего государства, собирал информацию из разных источников, оценивал поступавшие новости критически. Его отчеты или донесения включают ценные сведения о жизни королевского двора Яна III Собеского и помогают историками обогатить знания о непростой и одновременно легендарной фигуре спасителя Вены. Почерпнутая из донесений русского резидента информация поправляет картину внутривосточной жизни Речи Посполитой в 1688–1689 гг.

Примечания

- ¹ *Кочегаров К.А.* Речь Посполитая и Россия в 1680–1686 годах. Заключение договора о Вечном мире. М., 2008. С. 417.
- ² Российский государственный архив древних актов (далее — РГАДА). Ф. 79. Оп. 1. 1688–1689. Кн. 234. Л. 35 об.
- ³ РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. 1688–1689. Кн. 233. Л. 137–139.
- ⁴ Там же. Л. 403–403 об.
- ⁵ *Katenski A.* Polska a Brandenburgia-Prusy w drugiej połowie XVII wieku. Dzieje polityczne. Poznan, 2002. S. 281.
- ⁶ *Malejka A.* Z dziełów nominacji kancelarskich na Litwie w dobie Jana III Sobieskiego // *Czasy Nowożytnie.* 2001. T. X/XI. S. 110.
- ⁷ *Każmierczyk A.* Dworski projekt reform na Sejmie grodzieńskim 1692–1693 // *Acta Universitatis Wratislaviensis.* 1992. N 1418. S. 68.
- ⁸ *Wójcik Z.* Jan Sobieski 1629–1696. Warszawa. 1983. S. 407.
- ⁹ Польский ученый А. Рахуба высказал предположение, что понятие «магнатства» можно отнести к владельцам имений, в которых насчитывалось между 2000 и 3000 «дымов» (то есть домовладений).
- ¹⁰ *Wójcik Z.* Jan Sobieski... S. 415.
- ¹¹ *Rachuba A.* Magnateria — specyfika litewska // *Honestas et turpitude. Magnateria Rzeczypospolitej w XVI–XVII wieku / pod red. E. Dubas-Urwanowicz, M. Kupczewskiej, K. Łopateckiego i J. Urwanowicza.* Białystok, 2019. S. 66.
- ¹² РГАДА. Ф. 79. Оп.1. 1688. Кн. 235. Л. 34.
- ¹³ Там же. Л. 35.
- ¹⁴ *Czarniecka A.* Ojczyzna czy Liga święta? Koalicja antyturecka w propagandzie za czasów Jana III Sobieskiego (1684–1696) // *Jarmo Ligi świętej? Jan III Sobieski i Rzeczpospolita w latach 1684–1696 / Pod red. D. Milewskiego.* Warszawa, 2017. S. 96.
- ¹⁵ РГАДА. Ф. 79. Оп.1. 1688. Кн. 235. Л. 36.
- ¹⁶ В Литве система центральных органов отличалась большим объемом власти и компетенцией хранителей печати — канцлера и подканцлера. Великий литовский подскарбий принадлежал к канцелярии и одновременно исполнял должность великого писаря литовского. Подскарбий зависел от литовских хранителей печати, имевшими право контролировать выплаты из казначейства и за ними было оставлено право прилагать печать на ассигнациях (См.: Литовская метрика. Реестры подымного Великого княжества Литовского. Виленское воеводство 1690 г. / Подгот. А. Рахуба. Варшава, 1989. С. 8).
- ¹⁷ РГАДА. Ф. 79. Оп.1. 1688. Кн. 235. Л. 36.
- ¹⁸ Литовская метрика. Реестры... С. 8.
- ¹⁹ *Malejka A.* Z dziełów... S. 114.
- ²⁰ РГАДА. Ф. 79. Оп.1. 1688. Кн. 235. Л. 39.
- ²¹ Там же. Л. 39.
- ²² *Kognowicki K.* Życia Sapiehów i listy od monarchów, książąt i różnych panujących do tychże pisane. Wilno, 1790. T. 1.

²³ Ziober A. Kazimierz Jan Sapieha jako wzorzec osobowy magnata w świetle „Życ Sapiehów” autorstwa Kazimierz Kognowickiego // *Wschodni rocznik numanistyczny*. 2019. T. XVI. N 2. S. 109.

²⁴ Ibidem.

²⁵ *Wójcik Z. Jan Sobieski...* S. 415.

²⁶ РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. 1688. Кн. 235. 158.

²⁷ Там же. Л. 158–158 об.

²⁸ Там же. Л. 76.

²⁹ Там же. Л. 30 об.

³⁰ Там же. Л. 49 об.

³¹ Там же. Л. 43 об.

³² Там же. Л. 68 об.

ТЕРРИТОРИАЛЬНЫЕ СПОРЫ НА БАЛКАНАХ НА РУБЕЖЕ XIX–XX ВВ.

DOI: 10.31168/2619-0869.2025.11

Россия и сербская церковная политика в Старой Сербии во второй половине XIX – начале XX в.

Мария Фаруковна Аль-Сальхад

МГУ имени М.В. Ломоносова,
Москва, Российская Федерация;
e-mail: mari.alsalkhadi@mail.ru
ORCID: 0009-0005-4979-4248

Ключевые слова: консульства, национальная пропаганда, образовательная политика, сербская церковная юрисдикция

Russia and Serbian Church Policy in Old Serbia in the Second Half of the 19th – early 20th Century

Maria F. Al-Salkhadi

Lomonosov Moscow State University,
Moscow, Russian Federation;
e-mail: mari.alsalkhadi@mail.ru
ORCID: 0009-0005-4979-4248

Keywords: consulates, national propaganda, educational policy, Serbian ecclesiastical jurisdiction

В сербских планах по расширению границ государства после достижения независимости в 1878 г. Старая Сербия, находившаяся под властью Османской империи, занимала центральное место. Эта территория как для сербских первоинтерархов, так и для сербских политиков была неотъемлемой

частью возрождающегося Сербского государства, колыбелью сербского народа и оплотом сербского православия. Первоочередной задачей было расширить на эту территорию юрисдикцию Сербской церкви.

По сведениям русского тайного агента в Константинополе, Г.П. Беглери, уже в 1887 г., после получения Сербской церковью автокефалии (1879 г.), сербская сторона вела разговоры о восстановлении в Сербии патриаршества¹. Те же стремления наблюдались при визите митрополита Димитрия в Россию в 1913 г., когда он открыто обосновывал необходимость восстановления патриаршества как для России, так и для Сербии². В этой связи особое значение приобретало воссоединение с важнейшим для сербов центром православия и национальным символом — Печской патриархией. Вопрос о церковной политике в Старой Сербии занимал важное место в русско-сербских церковных отношениях. Судьба этой территории во многом зависела не только от внешнеполитических планов Сербии, албанских и болгарских национальных программ, но и от позиции великих держав.

В России пристально следили за ситуацией в этом «взрывоопасном» регионе. После поражения в Крымской войне необходимо было компенсировать ее последствия грамотной дипломатической работой, деятельностью на культурной и церковной ниве³. Поэтому повсеместно на просторах Юго-Восточной Европы начали открываться русские консульства, в частности в Скадаре, Скопье, Битоле, Янине, Цетинье, Сараево, Дубровнике, Мостаре, Риеке, Нише и Косовской Митровице⁴. Основной их задачей было покровительство славянскому населению, его защита и материальная поддержка⁵. Нередко консульства являлись посредниками при передаче денежных выплат для школ, церквей и монастырей, посылаемых из Сербии⁶. Для этой работы в условиях постоянного риска кадры подбирались с особой тщательностью: Старая Сербия была одной из тех «горячих точек», куда направляли наиболее квалифицированных и способных дипломатов. Такими были, например, С.В. Тухолка, И.С. Ястребов, Г.С. Щербина.

Поддержка России была, безусловно, важна для сербской политики в Старой Сербии. Тем более, что в течение долгого времени Сербия не имела официального представительства в этом регионе. В 1885 г. глава напредняцкого правительства Милутин Гарашанин сформулировал программу, ставшую основой сербского курса до 1903 г. Она предусматривала создание сети консульств и торговых агентств, под руководством которых должны были работать учителя и священники. Им правительство направляло особые указания и инструкции для «секретной деятельности»⁷. Делу распространения сербской идеи должны были служить и книжные лавки, игравшие роль центров национальной пропаганды. Однако эти масштабные проекты предполагалось реализовать не против Порты, а *против Болгарии* и болгарской агитации. Подобные настроения в документе вполне объяснимы, учитывая то, что программа создавалась в 1885 г., когда еще не прошла обида на скромные территориальные приобретения по Берлинскому трактату и когда Сербия начала не делавшую ей чести войну против Болгарии. Поэтому правительство стремилось привлечь на свою сторону Турцию, чтобы обеспечить успех распространения своего влияния в регионе⁸.

Курс на сближение с Портой отразился в заключении консульской конвенции в 1886 г. Отныне Сербия могла открывать консульства в Европейской Турции. Так, в 1887 г. сербское дипломатическое представительство появилось в Скопье и Салониках⁹, в 1888 г. — в Битоле, а в 1889 г. — в Приштине¹⁰. Основными обязанностями консулов были защита соотечественников от «зулума» (преследований и притеснений), развитие просвещения и расширение сербской пропаганды¹¹. Несмотря на явную напряженность, царившую в регионе в этот период, Сербия стремилась придерживаться мирной тактики культурно-просветительской экспансии.

Основным ее направлением стало развитие образования среди местных сербов. В 1893 г. Сербия получила разрешение открывать свои школы¹², что было значимым достижением сербской дипломатии, так как с этого момента просветительская работа на национальной основе стала носить легальный характер.

Проводя просветительскую работу среди сербского населения Старой Сербии, сербское государство встало перед необходимостью получить международное признание за собой прав на эту территорию. Сербию в ее устремлениях неизменно поддерживала Россия, однако русское правительство осознавало неподготовленность страны к масштабным военным конфликтам, поэтому настоятельно советовало сербам «умерить свои аппетиты». В сложившейся ситуации, не имея возможности закрепить свое присутствие в регионе на политическом уровне, Сербия стремилась распространить на него действие сербской церковной юрисдикции.

Для реализации этих планов необходимо было, прежде всего, обеспечить наличие сербского ставленника на кафедре Рашко-Призренского митрополита, представлявшей жизненный интерес для сербов. Такие попытки предпринимались еще с 1870-х гг.¹³. В 1896 г. сербскому посланнику Стояну Новаковичу, при поддержке русского посла в Стамбуле А.И. Нелидова, удалось добиться поставления сербского архимандрита Дионисия на Рашко-Призренскую митрополию¹⁴.

Это была первая серьезная победа Сербии. Она была тем более актуальна, что в этот период шла борьба за влияние в Македонии, где сталкивались интересы трех государств — Сербии, Болгарии и Греции. Борьба за Уксюбскую кафедру велась, в основном, путем национально-религиозной пропаганды, а также путем привлечения османской стороны в решения возникавших противоречий. В последние десятилетия XIX века Болгария вела активные переговоры с Портой о назначении болгарских владык на кафедры Македонии и Фракии. Константинопольская патриархия выступала категорически против подобных решений¹⁵. Это был чувствительный удар не только по престижу патриархии, но и по ее финансовому состоянию¹⁶ — с каждой отпадавшей епархией она лишалась значительного числа паствы и доходов. Поэтому патриархия затягивала переговоры с сербами, ссылаясь на препятствия, которые ей чинит Порта¹⁷.

В этих условиях сербы направили свои усилия на то, чтобы привлечь турецкие власти на свою сторону. В разгоравшийся

конфликт было вынуждено вмешаться российское представительство в лице А.И. Нелидова, который заявил, что Россия откажет сербам в поддержке их притязаний, если они продолжат вовлекать в церковные дела турецкое правительство¹⁸. Россия старалась держаться в стороне от болгаро-греческого церковного противостояния¹⁹, поэтому ее вмешательство на этот раз означало, что конфликт начал приобретать острый характер.

В 1901 г. сербам, наконец, улыбнулась фортуна, когда на Константинопольский патриарший престол вернулся Иоаким III, благосклонно отнесшийся к усилиям С. Новаковича и русского посольства²⁰. В 1902 г. Сербии удалось также договориться с греческим правительством о разграничении сфер влияния в Македонии (территория к югу от Битоли признавалась греческой, а к северу от Прилепа — сербской)²¹. В результате Сербия заручилась согласием Греции на поставление митрополита-сербца на Уксюбскую кафедру. После длительных переговоров в 1902 г. сербской и русской дипломатии удалось добиться от султана выдачи берата на Уксюбскую кафедру архимандриту Фирмилиану (Дражичу)²². Триумф был закреплен в 1910 г., когда на Велесско-Дибрскую кафедру был поставлен митрополит Варнава (Росич)²³ — будущий сербский патриарх.

Таким образом, для установления своего влияния в Старой Сербии сербским правительством был выбран путь мягкой силы. Действуя через консульства, учебные заведения и общественные организации, Сербия предпринимала попытки распространения национальной идеи среди местного населения и защиты его интересов перед Портой. В течение первого десятилетия XX века вся территория Старой Сербии оказалась под контролем Сербской церкви²⁴. Это означало успех сербской национально-религиозной политики и дипломатии. Немалую роль в этих достижениях сыграло участие русских дипломатических представителей, которые оказывали поддержку сербской стороне или останавливали ее, когда ситуация грозила выйти из-под контроля. Однако полностью урегулировать все политические и религиозные противоречия в регионе не удалось: вопрос о национальной

и церковной принадлежности Старой Сербии и Македонии стал одним из наиболее болезненных во время Балканских войн и Первой мировой войны.

Примечания

- ¹ Письмо Г.П. Беглери И.Е. Троицкому от 9 ноября 1887 г. // *Герд Л.А.* Россия и Православный Восток. Константинопольский патриархат в конце XIX в. СПб, 2003. С. 113.
- ² *Тимофеев А.Ю.* Поездка сербского митрополита Димитрия на празднование 300-летия дома Романовых в 1913 г. // Человек на Балканах. Памяти Андрея Леонидовича Шемякина (1960–2018) / под общ. ред. А.А. Силкина, Е.П. Серапионовой, Ю.В. Лобачевой. М.; СПб., 2020. С. 182.
- ³ *Терзич С.* Русский консул И.С. Ястребов о Старой Сербии // Из истории Сербии и русско-сербских связей 1812–1912–2012 / отв. ред. К. В. Никифоров. М., 2014. С. 126.
- ⁴ Там же.
- ⁵ *Аншаков Ю.П.* Российская дипломатия о положении славянского населения Старой Сербии (1902–1912 гг.) // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. 2014. Т. 16. № 3. С. 171.
- ⁶ *Тимофеев А.Ю.* Крест, кинжал и книга. Старая Сербия в политике Белграда (1878–1912). СПб., 2007. С. 74.
- ⁷ Там же. С. 216.
- ⁸ Там же.
- ⁹ Там же. С. 76.
- ¹⁰ *Перунчић Б.* Писма Српских конзула из Приштине 1890–1900. Београд, 1985. С. 14.
- ¹¹ Там же.
- ¹² *Тимофеев А.Ю.* Крест, кинжал и книга... С. 79.
- ¹³ Там же. С. 159.
- ¹⁴ *Герд Л.А.* Константинопольский патриархат и Россия, 1901/1914. М., 2012. С. 251.
- ¹⁵ См., например: Письмо Г.П. Беглери И.Е. Троицкому от 12 июля 1890 г. // *Герд Л.А.* Россия и Православный Восток. С. 186–187; Письмо Г.П. Беглери И.Е. Троицкому от 11 октября 1890 г. // Там же. С. 199.
- ¹⁶ *Герд Л.А.* Константинопольский патриархат и Россия, 1901/1914. С. 26.
- ¹⁷ Письмо Г.П. Беглери И.Е. Троицкому от 4 декабря 1896 г. // *Герд Л.А.* Россия и Православный Восток. С. 362–363.
- ¹⁸ Там же. С. 363.
- ¹⁹ *Герд Л.А.* Константинопольский патриархат и Россия, 1901/1914. С. 26.
- ²⁰ Там же. С. 100.
- ²¹ Там же.
- ²² Там же. С. 101. См. также: *Герд Л.А.* Россия и Православный Восток. С. 251.
- ²³ *Тимофеев А.Ю.* Крест, кинжал и книга... С. 163.
- ²⁴ Там же.

ВЗГЛЯДЫ НА МЕСТО СЛАВЯНСКИХ НАРОДОВ В ЕВРОПЕ В XVIII — НАЧАЛЕ XX В.

DOI: 10.31168/2619-0869.2025.12

Славистические изыскания и наследие И.Г. Гердера: этапы и характерные особенности

Алексей Алексеевич Лапунов

Институт истории,
Санкт-Петербургский государственный университет,
Санкт-Петербург, Российская Федерация;
e-mail: alexlapunov@gmail.com
ORCID: 0009-0008-6021-7179

Ключевые слова: Гердер, славяне, эпоха Просвещения, эпоха Романтизма, славяноведение, история идей

J.G. Herder's Slavic Studies and Heritage: Stages and Characteristic Features

Alexey A. Lapunov

Institute of History,
Saint Petersburg State University,
Saint Petersburg; Russian Federation;
e-mail: alexlapunov@gmail.com
ORCID: 0009-0008-6021-7179

Keywords: Herder, Slavs, the Age of Enlightenment, the Age of Romanticism, Slavic studies, history of ideas

Многие ученые отмечают большой вклад, который внес немецкий философ Иоганн Готфрид Гердер (1744–1803 гг.) в славяноведение и то колоссальное влияние, которое он ока-

зал на славянских ученых эпохи Романтизма конца XVIII — начала XIX века¹. Однако, несмотря на это, до недавнего времени сама славистическая сторона исследований Гердера оставалась в тени по сравнению с другими аспектами «штудий» немецкого философа. В имеющихся работах основной упор делается либо на изучение главы «Славянские народы» историософского труда «Идеи к философии истории человечества»², либо эти работы носят ознакомительный³ или поверхностный⁴ характер. В большинстве работ авторы не ставят целью изучить конкретно наследие Гердера⁵. Небольшим исключением служит работа Э. Дрювса «Гердер и славяне», где имеется глава⁶, посвященная взглядом Гердера на историю, фольклористику и культуру славянских народов. В монографии Л. Вульф также имеется несколько глав⁷, где анализируются взгляды Гердера на славянские народы. Однако анализ представлений немецкого философа является довольно однобоким — акцент сделан на ориенталистскую концепцию Э. Саида, поэтому взгляды Гердера интерпретируются в рамках идей ориентализма.

Целью доклада является рассмотрение славистического наследия И.Г. Гердера.

Стоит заметить, что исследователями его творчества данная проблематика не рассматривалась поэтапно, с анализом соответствующих работ, подходящих по тематическому и хронологическому критерию. Поэтому интересно было бы выделить основные этапы развития Гердером славянской проблематики, объединяя их в тематические группы.

Можно рассмотреть несколько этапов формирования гердерианских представлений о славянских народах и основные тематики, которые интересовали Гердера.

1. Ранний «поэтический» период жизни ученого, когда он жил и учился на своей родине в Восточной Пруссии, где мог сталкиваться с отставными солдатами-поляками⁸ и русскими в ходе Семилетней войны. С этим этапом связана публикация «Песни к Киру»⁹, посвященная Императору России Петру III, которая стала его первой дебютной опубликованной прозой.

2. Рижский «этнолингвистический» период деятельности Гердера, когда он с 1764 по 1789 года жил в Риге, где занимал должность учителя в соборной школе, а с 1765 г. — пасторского адъюнкта. Однако в немецкоязычном, по большей части, городе он мало контактировал с собственно самими русскими. Гердер довольно поверхностно познакомился с русским и польским языками, о чем говорит мимолетное упоминание особенностей фонетики русского языка в «Отрывочных заметках»¹⁰ и «Трактате о происхождении языка»¹¹. Судя по публицистическим заметкам¹², Гердер интересовался пятым изданием журнала Бюшинга «О Испании, Польши, особенно России».

К этому периоду можно отнести и «Дневник моего путешествия в 1769 году», написанный после того, как Гердер покидает Ригу и отправляется в Нант, где описывает земли, в которых никогда не бывал (Украину)¹³. Данное произведение написано под впечатлением от прочитанной им литературы о России и славянах¹⁴, и содержит его историософские рефлексии.

Характерными общими моментами для вышеназванных двух этапов является опосредованное знакомство со славянскими народами (в первую очередь через русских и поляков) и «нецеленаправленное» занятие славянской проблематикой: Гердер получал сведения о славянах из специальной литературы, а также в контексте исследований других тематик, не связанных непосредственно с этим народом. К тому же Восточная Пруссия и Рига — места жизни Гердера тех периодов — представляли собой по большей части немецкоязычные регионы¹⁵. Это объясняет поверхностное и отрывочное знание о русском и польском языках. Об этом можно судить на примере «Отрывочных заметок» и «Трактата о происхождении языка». Все меняется после того, как Гердер покидает Ригу. Уже после прибытия в Нант он заказывает ряд славистических работ. Так, в письме к своему другу И.Ф. Харткноху¹⁶, он дает ему заказ на несколько книг, где упоминаются славяне: «Я дал заказ Харткноху, на “Российские Анналы” Шлёцера, <...> д) “Российские сборники” Мил-

лера, е) “Трактаты” Бюшинга, ж) “Журнал Бюшинга” <...>». Эти книги повествуют об истории славянских народностей, в том числе и о древнем периоде.

3. Фольклористический этап жизни, когда интерес Гердера к славянам смещается в плоскость фольклористики. При составлении «Народных песен» в 1773 году Гердер пытается разыскать примеры славянского фольклора, что получается у него с трудом¹⁷. Чуть позже, в 1774 году Гердер с горечью отмечает факт отсутствия, как ему казалось, фиксации и собраний славянских народных песен¹⁸.

4. Историсофский этап, где пиком интереса Гердера к славянам безусловно является глава «Славянские народы»¹⁹ фундаментального трактата «Идеи к философии истории человечества». Она располагается в шестнадцатой части четвертой книги «Идей...», которая вышла в 1791 г. Как следует из переписки с Харткнохом, Гердер приступил к работе над ней сразу же после издания третьей книги еще в 1785 г., но испытывал трудности с ее написанием. Из той же переписки мы узнаем, что черновик книги был написан уже в 1788 г.²⁰ В этой главе немецкий философ излагает свое видение места славянских народов в картине всемирной истории. Гердер повторяет многие устоявшиеся к XVIII веку стереотипы о славянах. Он непосредственно находится под влиянием немецкой и богемской (чешской) славяноведческой историографии, опираясь на работы нескольких авторов: А. Шлёцера, И.К.В. Мёзена и К.Г. фон Антона²¹, а также Й.К. фон Йордана. Гердер или своеобразно «заимствует» и интерпретирует материал, полученный им из прочитанных работ, или же подтверждает какие-либо свои представления о славянских народах, которые могли сложиться у него на протяжении всей жизни. Можно сказать, что славяне Гердера — это удобный конструкт его собственных историсофских воззрений. Для Гердера они являются всего лишь звеном мировой истории, на примере которого он подтверждает свои гуманистические идеи. К тому же, немецкий философ конструирует образ славян как явный антипод немцев, используя подтверждающую этот тезис информацию²². Из гуманистиче-

ский идей немецкого философа²³ рождается и своеобразный гердерянский оптимизм — вера в великое будущее славянских народов²⁴. Именно этим он и привлечет славянскую интеллигенцию начала XIX века. После «Идей...» интерес Гердера к славянам снова затухает.

Итак, можно выделить четыре основных тематических этапа интереса Гердера к славянской тематике, каждому из которых соответствует та или иная проблематика: поэтический, лингвистический, фольклористический и историсофский. Несмотря на то, что тематики каждого этапа отличаются друг от друга, в них можно выделить ряд схожих моментов. Гердер, по большей части, знакомился со славянскими народами опосредовано, через специальную литературу. Более того, славяноведением Гердер занимался в контексте исследований других тематик, не связанных непосредственно с этим народом. Последний, историсофский этап, можно назвать апогеем славистического интереса Гердера, когда в главе «Славянские народы» его фундаментального трактата «Идеи к философии истории человечества», им было изложено собственное, достаточно оригинальное видение места славянских народов в картине всемирной истории.

Примечания

- ¹ См.: *Andraschke P., Loos H.* Ideen und Ideale: Johann Gottfried Herder in Ost und West. Breisgau, 2002. 339 p.; *Bittner K.* Herders Geschichtsphilosophie und die Slawen. Reichenberg, 1929. 150 p.; *Knoll S.* Herders Nationalismus — Debatte ohne Ende // Nationen und Kulturen / Hrsg. v. O. Regine. Würzburg, 1996. P. 239–248; *Loužil J.* K zápasu o J.G. Herdera u nás // Czech Literature. 2005. N 53(5). S. 637–653; *Maxwell A.* Herder, Kollár, and the Origins of Slavic Ethnography // *Traditiones: Journal of the Institute of Slovenian Ethnology.* 2011. Vol. 40. N 2. P. 79–95; *Zdeněk D.* Johann Gottfried Herder and the Czech National Awakening: A Reassessment. Pittsburgh: University of Pittsburgh, 2007. P. 1–53.
- ² *Собестианский И.* Учения о национальных особенностях характера и юридического быта древних славян. Историко-критическое исследование. М., 2011. С. 10–18.
- ³ *Жукова Е.П.* Гердер и славянство // Культурная жизнь Юга России. 2007. № 6 (25). С. 17–19
- ⁴ *Ягич И.В.* Энциклопедия славянской филологии. СПб., 1910. С. 75, С. 89, С. 120, С. 238–239, С. 245, С. 274, С. 366–368, С. 517–518, С. 523, С. 529, С. 596

- ⁵ *Лескинен М.В.* Характерология славян в русской интерпретации: способы изображения гендерных типов «этнического другого» во второй половине XIX в. // Токови Историје. 2014. № 3. С. 25.
- ⁶ *Drews P.* Herder und die Slaven. Materialien zur Wirkungsgeschichte bis zur Mitte des 19. Jahrhunderts // Slavistische Beiträge. 1990. Bn. 267. S. 11–69.
- ⁷ *Вульф Л.* Изобретая Восточную Европу: Карта цивилизации в сознании эпохи Просвещения. М., 2003. С. 447–461.
- ⁸ *Dobbek W.* Johann Gottfried Herders Jugendzeit in Mohrungen und Königsberg. Würzburg, 1961. S. 199.
- ⁹ *Herder J.G.* Gesang an den Cyrus // Sämmtliche Werke in 33 Bänden. Berlin, 1889. Bd. 29. S. 3–4.
- ¹⁰ *Herder J.G.* Über die neuere deutsche Literatur. Fragmente // Sämmtliche Werke in 33 Bänden. Berlin, 1877. Bd. 1. S. 187.
- ¹¹ *Herder J.G.* Abhandlung über den Ursprung der Sprache // Sämmtliche Werke in 33 Bänden. Berlin, 1891. Bd. 5. S. 12.
- ¹² *Drews P.* Herder und die Slaven. S. 20.
- ¹³ *Herder J.G.* Journal meiner Reise im Jahre 1769. Stuttgart, 1976. P. 77–78.
- ¹⁴ *Stavenhagen K.* Herders Geschichtsphilosophie und seine Geschichtsprophetie // Zeitschrift für Ostforschung. 1952. № 1. S. 26.
- ¹⁵ Об этом см.: *Von Eckardt J.W.A.* Die baltischen Provinzen Russlands. Leipzig, 1868. 482s.; *Livland im XVIII Jahrhundert.* Leipzig, 1876. 595 s.
- ¹⁶ *Herder J.G.* Briefe. Erster Band: April 1763 — April 1771. Weimar, 1977. S. 172.
- ¹⁷ *Herder J.G.* Volkslieder. Sämmtliche Werke in 33 Bänden. Berlin, 1885. Bd. 25. S. 322–323, S. 295–298, S. 444–449, S. 452–458.
- ¹⁸ *Гердер И.Г.* Избранные сочинения. М.; Л.: Государственное издательство художественной литературы, 1959. С. 69.
- ¹⁹ *Гердер И.Г.* Идеи к философской истории человечества. М., 1977. С. 470–472.
- ²⁰ *Гулыга А.* Гердер и его «Идеи к философии истории человечества» // *Гердер И.Г.* Идеи к философской истории человечества. С. 628–629.
- ²¹ Об этом см.: *Лапунов А.А.* Карл Готлиб фон Антон и Иоганн Готфрид Гердер // Вестник ТвГУ. Серия «История». 2021. №3 (59). С. 110–111.
- ²² *Лапунов А.А.* Вендская тематика в работах К.Г. фон Антона и И.Г. Гердера // КЛИО. 2022. №11 (191). С. 58–65.
- ²³ *Гердер И.Г.* Идеи к философской истории человечества. С. 433–434.
- ²⁴ Там же. С. 471.

Формирование взглядов Михала Чайковского на славянство

Дмитрий Сергеевич Паламарчук

Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Российская Федерация;
e-mail: toronir.bosmer@yandex.ru
ORCID: 0009-0003-1560-0383

Ключевые слова: Михал Чайковский, Адам Чарторыйский, панславизм, славянская идея

Formation of Michał Czajkowski's views on Slavdom

Dmitry S. Palamarchuk

Russian State University for the Humanities,
Moscow, Russian Federation; e-mail: toronir.bosmer@yandex.ru
ORCID: 0009-0003-1560-0383

Keywords: Michał Czajkowski, Adam Czartoryski, Pan-Slavism, Slavic idea

Михал Чайковский (1804–1886) — польский писатель и командир польско-казацких полков в Османской империи во время Крымской войны. По своим взглядам он был близок к панславизму и имел собственный проект славянской федерации на Балканах под властью турецкого султана. Идеи Михала Чайковского изложены в основном в его художественных произведениях, переписке и мемуарах. Они примечательны прежде всего в контексте развития и многообразия славянской идеи в XIX веке, в тот период, когда происходило формирование многих славянских наций. Он являлся представителем украинофильства в польской литературе и одновременно с этим нетипичным носителем сла-

вянской идеи. Достаточно сказать, что он в 1850 г. принял ислам и стал известен как Мехмед Садык-паша, а в 1872 г. уехал в Россию и перешел в православие. Поэтому важно, на наш взгляд, проследить возможные влияния на формирование этих взглядов и факторы, в связи с которыми они менялись.

Согласно семейной легенде, по материнской линии Михал Чайковский, будучи представителем волынской шляхты, являлся праправнуком Ивана Брюховецкого — гетмана Левобережной Украины, так как его дед, о котором речь пойдет далее, был женат на внучке гетмана Елене. Станислав, отец Чайковского, был киевским городничим и представителем Киевского воеводства на сейме, принявшим Конституцию 3 мая 1791 года¹. Михал вспоминает, что в детстве образцом для него был его эксцентричный дед Михал Глембоцкий, который «относился к казакам, как гордый шляхтич, к ляхам — как гордый казак, к русским и немцам — как непримиримый поляк»², в чем можно усмотреть параллели с его собственной идентичностью, которая отличалась двойственностью. В разных ситуациях и в разные годы Михал подчеркивал или свое польское, или казацкое происхождение³. Также он упоминает некоего пана Антоновича, «страстного украинофила и казака», который учил его верховой езде, и нищего (бродячего музыканта) по имени Левко, который рассказывал ему казацкие предания, народные басни и думки.

В 1812 г. Михал поступил в гимназию Вольсея в Бердичеве. Там, по его собственному высказыванию, «преобладали казацкий дух и традиции» и профессора тоже были страстными украинофилами. Среди них он отмечает поэта П.П. Гулак-Артемовского, ставшего впоследствии ректором Харьковского университета. Любопытно его свидетельство о том, что многие в его учебном заведении при спорах сходились на том, что Киев должен стать столицей всего славянства⁴. Эту мысль Чайковский будет высказывать в своих художественных произведениях, начиная с 1837 г., утверждая, что этот город является родиной всех славян, и называя его «настоящим царским городом славянства», а также «новым

Израилем в славянщине»⁵, в чем можно найти определенное сходство с идеями Кирилло-Мефодиевского общества, созданного в 1846 г. в Киеве. Члены этого общества, например Н.И. Костомаров, также были связаны с Харьковским университетом и выступали за славянскую федерацию с центром на Украине. Так, в их программном документе, «Книге бытия украинского народа» высказывается похожая идея: «Тогда скажут все народы, указывая на то место, где на карте будет нарисована Украина: “Вот камень, его же не брегоша зиждущий, той бысть во главу угла”»⁶. В гимназии Вольсея Чайковский учился 3 года, после чего продолжал обучение в лицее ордена Пиаристов, а позже на юридическом факультете Варшавского университета.

В Ноябрьском восстании Чайковский принял участие в 1831 г. в составе Волынского кавалерийского полка под командованием Кароля Ружицкого, мужа своей старшей сестры. После подавления восстания они в 1831–1832 гг. жили в австрийской Галиции⁷. В 1833 г. они прибыли во Францию. В первый год своего пребывания во Франции он, сопровождая Ружицкого, познакомился со многими деятелями такими как генерал Юзеф Дверницкий и поэт Богдан Залеский. Чайковский таким образом еще в первый год своего пребывания во Франции оказался вовлечен в круги польских демократов.

В 1834 г. Чайковский познакомился с поэтом Адамом Мицкевичем, с которым они стали близкими друзьями. Именно Мицкевич побудил его начать писать художественные произведения на польском⁸. Детальному сравнению литературного творчества и личным контактам Чайковского с Мицкевичем посвящена монография польского литературоведа Ю. Кияса⁹. Чайковского интересовали лекции Мицкевича о славянских литературах, в 1840-е он просил прислать их ему в Константинополь и неоднократно ссылался на них. Также «обидчивый и чрезмерно честолюбивый» Чайковский в переписке не только спокойно принимал острую критику Мицкевича, но даже старался оправдаться перед ним¹⁰. Все это говорит о его значительном авторитете в глазах Чайковского.

В 1836 г. Чайковский был одним из членов общества «Молодая Польша», значительную роль в котором играли лелевелисты. В том же году он присоединился к Конфедерации польского народа, выступавшей за восстание в Польше, а также немедленное освобождение и наделение крестьян землей. На короткое время он стал редактором печатного органа этой организации — газеты «Польская нация» (пол. *Naród Polski*)¹¹. Любопытно, что в своих воспоминаниях он ничего не пишет ни о «Молодой Польше», ни о Конфедерации. Скорее всего это связано с тем, что Чайковский, будучи часто обвиняемым в изменчивости взглядов, старался представить себя как последовательного сторонника Адама Чарторыйского.

В 1837 г. Чайковский издает книгу «Казацкие романы», в которой казаки воюют бок о бок с «братьями ляхами»¹² и которая принесла ему известность. После их публикации он знакомится с князем А. Чарторыйским, главой консервативного крыла польской эмиграции («Отеля Ламбер»). В примечаниях к книге Чайковский ссылается на «Историю Малой России» Д.Н. Бантыш-Каменского и «Анналы Малой России» Жана-Бенуа Шерера¹³. Большинство его произведений выстроено вокруг внутренних конфликтов в среде украинского казачества в XVII–XVIII веках, где симпатия автора явно на стороне пропольской партии. В них он высказывает мнение о том, что шляхта и казачество Речи Посполитой — единое рыцарское сословие¹⁴.

В 1841–1842 гг. в Константинополе было установлено постоянное агентство «Отеля Ламбер», во главе с Чайковским, которому подчинялись остальные польские агенты на Балканах¹⁵. Агенты располагались также в Яссах, в Белграде и в Добрудже. Их изначальные планы заключались в том, чтобы заручиться поддержкой южных славян и казаков, живущих в Османской империи, и «действовать на пользу Польши, и в случае сего действия превратить их в авангард против России, и содействовать восстанию в Украине и в Подолии». Об этом в 1840 г. пишет Винценцы Равский, осведомитель Третьего отделения, который сопровождал

Чайковского в его путешествии по Балканам, а также о том, что поляки собираются «воспользоваться расстройством Турецкого Правительства и близостью падения Порты»¹⁶. Чайковский также представил Шарлю-Эдуарду Понтюа, французскому послу в Царьграде письмо о славянах, живущих в Османской империи, где старался «доказать, какую пользу может извлечь французское правительство от славян, если будет поддерживать князя А. Чарторыйского, который с помощью этих народов намерен поднять восстание в Польше»¹⁷. Участники Отеля Ламбер при этом воздействовали на внутреннюю и внешнюю политику славянских государств и народов, в особенности Сербии, придерживаясь концепции славянской федерации, центром которой должна стать Польша¹⁸. Эту идею начинает высказывать Чайковский также и в своих произведениях, например, в романе «Стефан Чарнецкий» 1840 г.¹⁹.

Одним из первых реализованных проектов польской эмиграции на Балканах стала организация компании, занимавшейся выкупом поляков из плена и строительством колонии на азиатском берегу Босфора. Поселение получило название Адамполь. В рамках сделки французский орден лазаристов предоставил землю, а А. Чарторыйский выделил деньги на покупку скота и строительство, взамен получив исключительное право лично назначать управляющего колонией, которым стал Чайковский. Ему также удалось договориться с французским послом Франсуа-Адольфом де Буркенеом о том, чтобы всем полякам, относящимся к колонии, выдавались французские паспорта. Для этого было достаточно одного письменного обращения от Чайковского²⁰. Восточное агентство Отеля Ламбер получило таким образом юридическое прикрытие своей деятельности. Официально организация начала свою работу 3 марта 1842 г.²¹

Известно, что Чайковский какое-то время был сторонником туранской теории Ф. Духиньского. В историографии даже можно встретить утверждение о том, что Чайковским является предшественником Духиньского²². Однако при ознакомлении с его собственным творчеством можно убедиться

в обратном. В 1857 г. Чайковский выпускает сборник «Казачество в Турции: сочинение в трех частях», где некоторые главы в третьей части посвящены рассуждениям об истории Малороссии. В ней Садык-паша в своих рассуждениях о взаимоотношениях казаков и Москвы почти целиком цитирует «киевлянина Духиньского» и во всем ссылается на его «скромные, но уважаемые» работы, написанные в начале 1850-х²³. Начал распространять свою теорию «киевлянин» еще в 1847–1848 гг., публикуя статьи в журнале «Третье мая» (пол. *Trzeci Maj*)²⁴. В 1850 г. Духиньский был агентом «Отеля Ламбер» в Белграде. Именно в те годы его идеи были восприняты Чайковским, как и другими участниками польской эмиграции.

Сам Духиньский в переписке признавался, что цель его деятельности — добиться признания национальной самостоятельности русинов (украинцев), а также не дать славянским народам попасть под влияние России. В переписке с В. Замойским — видным деятелем консервативного крыла польской эмиграции и племянником А. Чарторыйского, 13 июля 1850 г. он сообщал о том, что планирует издать в Белграде журнал «на двух языках, польском и малорусском». Журнал должен был выступать в поддержку власти турецкого султана и дома Габсбургов над славянскими народами, для «освобождения их от Москвы и для свободного их развития», потому что упадок дома Габсбургов тут же привел бы к овладению Россией этими народами²⁵. При этом другой польский агент на Балканах, Людвик Зверковский по прозвищу «Ленуар», в переписке с Чайковским 22 августа называет теории Духиньского «туманными» (франц. *theories vaporeuses*)²⁶. В письме 30 августа Духиньский обещал прислать Чайке исторические материалы для нового романа: «Напиши, пожалуйста, хотя бы одну (повесть. — Д. П.) в духе наших потребностей, т. е. на основе Истории Русинов согласно изложению этой истории в последнее время самыми уважаемыми мужами»²⁷. Речь, несомненно, идет об «Истории Русов или Малой России», написанной в конце XVIII — начале XIX в. и впервые напечатанной в 1846 г. в Москве, где большое значе-

ние придавалось казачеству. Ответом на эту просьбу и стало издание «Казачества в Турции» с цитированием работ Духиньского. Также, 13 сентября он писал Чайковскому: «Только проблемой русинов мы можем оторвать южных славян от московской и чешской пропаганды»²⁸. В. Замойскому 15 марта 1852 г. Духиньский писал, что «Главная задача польской эмиграции сегодня: пробуждение русинизма, или же казачества»²⁹. Однако уже впоследствии Чайковский негативно отзывался о Духиньском в своих воспоминаниях³⁰.

Взгляды Михала Чайковского прежде всего сформировала казацкая культурная среда, в которой он воспитывался. Сыграли роль семейные традиции, соединявшие в себе шляхетское и казацкое происхождение, и учителя-украинофилы, такие как П.П. Гулак-Артемовский. Это выразилось прежде всего в возвеличивании им казачества как носителя народной традиции и повышенному вниманию к «Старому Киеву» как к важнейшему городскому центру. В этой связи, с нашей точки зрения, можно говорить о сходстве взглядов М. Чайковского и участников Кирилло-Мефодиевского общества. Значительное влияние оказало на него консервативное крыло польской эмиграции с их идеей о славянской федерации во главе с Польшей. Со временем эта идея эволюционировала в сторону поддержки власти Османской империи на Балканах как союзника в борьбе с Российской империей и противостояния русскому панславизму. Эти ключевые условия сформировали у Чайковского специфичную версию славянской идеи с польско-украинским оттенком, которая нашла отражение прежде всего в его ранних художественных произведениях, написанных в период с 1837 по 1841 г., а также в сборнике «Казачество в Турции» 1857 г.

Примечания

¹ Записки Михаила Чайковского // Русская старина. 1895. Т. 84. № 11. С. 162

² Там же. С. 168.

³ Волхонский М.А., Пригарин А.А., Сень Д.В. Панславизм Михала Чайковского и история казачества в Османской империи // Поляки в истории России: история и современность / отв. ред. А.И. Селицкий. Краснодар, 2007. С. 157–158.

- 4 Записки Михаила Чайковского... С. 170–172.
- 5 *Czajkowski M. Powieści Kozackie. Paryż, 1837. S. 142; Idem. Kozaczyzna w Turcyi: dzieło w trzech częściach. Paryż, 1857. S. 59.*
- 6 Кирило-Методіївське товариство: у 3 т. / упорядники І.І. Глизь, М.І. Бутич, О.О. Франко. Київ, 1990. Т. 1. С. 169.
- 7 Записки Михаила Чайковского... 1897. Т. 90. № 5. С. 381–385.
- 8 Записки Михаила Чайковского... 1898. Т. 93. № 2. С. 449.
- 9 *Kijas J. Michał Czajkowski pod urokiem Mickiewicza. Kraków, 1959.*
- 10 *Ibid. S. 119, 159, 161.*
- 11 *Zdrada J. Wielka emigracja po powstaniu listopadowym. Warszawa, 1987. S. 44; Фалькович С.М. Польская политическая эмиграция в общественно-политической жизни Европы 30–60-х годов XIX века. М.; СПб., 2017. С. 63–64.*
- 12 *Czajkowski M. Powieści kozackie. S. 128.*
- 13 *Ibid. S. 17, 264.*
- 14 *Ibid. S. 136; Idem. Hetman Ukrainy. Berlin, 1841. S. 146.*
- 15 *Златанов А. «Отел Ламбер» и конверсията на политический агент Михаил Чайковский // Исторически преглед. 2020. Vol. 76. N. 4. P. 7–8.*
- 16 Государственный архив Российской Федерации. Ф. 109. Оп. 214. Д. 21. Л. 4.
- 17 Там же. Л. 48–49.
- 18 *Фалькович С.М. Польская политическая эмиграция... С. 138–139.*
- 19 *Czajkowski M. Stefan Czarniecki: powieść historyczna. Berlin, 1840. T. 2. S. 2.*
- 20 Записки Михаила Чайковского... 1898. Т. 93. №7. С. 210–211.
- 21 *Торактаş Н. Polonezköy (Adampol) (1842–1922) — Kuruluş, Tabiyet Meselesi, İmar Faaliyetleri ve Sosyal Hayat // Belleten. 2015. T. 79. N 284. P. 296–297.*
- 22 *Жуков К.А. Вестернизация османского общества глазами польского ренегата: «Турецкие анекдоты» Михаила Чайковского (Садык-паши) // Христианство и русская литература. 2010. Т. 6. С. 203.*
- 23 *Czajkowski M. Kozaczyzna w Turcyi.... S. 311–318.*
- 24 *Duchiński F.H. Pisma Franciszka Duchyńskiego. Rapperswyl, 1901. T. 1. S. 2, 16–17.*
- 25 *Handelsman M. Ukraińska polityka księcia Adama Czartoryskiego przed wojną Krymską. Warszawa, 1937. S. 146.*
- 26 *Ibid. S. 147.*
- 27 *Ibid. S. 148.*
- 28 *Ibidem.*
- 29 *Ibidem.*
- 30 *Жуков К.А. Вестернизация османского общества... С. 199.*

DOI: 10.31168/2619-0869.2025.14

Взгляды Й. Штросмайера и М. Гранича на положение России в славянском мире по донесениям русских дипломатов (1870–1871 гг.)

Александр Михайлович Дронов

Институт славяноведения РАН
Москва, Российская Федерация;
e-mail: dronov839@gmail.com
ORCID: 0000-0002-7348-5219

Ключевые слова: Россия, славянский мир, Й. Штросмайер, М. Гранич, Е.П. Новиков, А.С. Ионин

The Views of J. Strossmayer and M. Granić on the Position of Russia in the Slavic World According to Reports of Russian Diplomats (1870–1871)

Aleksandr M. Dronov

Institute of Slavic Studies RAS
Moscow, Russian Federation;
e-mail: dronov839@gmail.com
ORCID: 0000-0002-7348-5219

Keywords: Russia, Slavic world, J. Strossmayer, M. Granić, E. Novikov, A. Ionin

В XIX в. основная часть хорватского народа в Габсбургской монархии населяла два региона: королевство Хорватии и Славонии, а также королевство Далмацию. С 1830-х гг. развивалось хорватское национальное движение, целью которого было укрепление хорватской национальной автономии и объединение населенных хорватами земель в границах Австрийской империи, были планы и создания федератив-

ного образования с сербами и словенцами и переустройства монархии из централистской в федералистскую с выделением особой южнославянской части, что соответствовало идеям австрославизма. Однако в 1867 г. Габсбургская монархия была переустроена в дуалистическую Австро-Венгрию, а в следующем, 1868 г., пришедшие к власти в Хорватии не без помощи венгерских властей унионисты¹, также получившие большинство мест в хорватском саборе (парламенте), заключили от имени королевства Хорватии и Славонии соглашение с Венгрией об ограниченной автономии их королевства в составе Венгерского королевства (Транслейтании²). Деятели хорватского национального движения, в том числе представители католического духовенства, не приняли этого хорватско-венгерского соглашения, а потому выступили за его пересмотр и продолжили борьбу за переустройство Габсбургской монархии на принципах федерализма.

Помимо надежды на единомышленников внутри монархии (от чешских и словенских федералистов до австро-немецких противников дуализма) взоры хорватских политиков-народняков³ устремились и на Россию как возможную союзницу всех славянских народов. Цель данной статьи — на основе двух донесений русских дипломатов в Австро-Венгрии периода кабинетов министров-президентов федералистских взглядов в Цислейтании Альфреда Юзефа Потоцкого и Карла Зигмунда фон Гогенварта (1870–1871 гг.) рассмотреть образ России в славянском мире глазами двух деятелей хорватского национального движения, являвшихся также представителями католического духовенства: лидера крупнейшей в то время политической партии королевства Хорватии и Славонии Хорватская народная партия (народняки) епископа Йосипа Юрая Штросмайера и видного деятеля Далмации священника Миховила Йеролима Гранича. Обращение к документам посланника России в Вене Евгения Петровича Новикова (1870–1879 гг., с 1874 г. — посол) и российского консула в Рагузе (Дубровник) Александра Семеновича Ионина (1869–1878 гг., с 1875 г. — генеральный консул) позволяет найти информацию, которой с ними конфиденци-

ально (порой устно при личных встречах) делились деятели славянских национальных движений, поэтому такие сведения не могли отразиться в других письменных источниках, тем более с учетом действовавшей в Австро-Венгрии цензуры и надзора за такими деятелями. Кроме того, разбираемые в данной статье два документа до этого подробно не анализировались историками и не сравнивались между собой.

Положительное отношение к России Й. Штросмайер начал выражать еще во времена революции 1848–1849 гг. в Австрийской империи, когда обращение за помощью именно к России для подавления венгерской революции он считал наилучшим вариантом из возможных. Тогда же, благодаря его заметкам в прессе, на него обратили внимание русский священник в Вене (служил в церкви при посольстве России с 1842 г.) Михаил Фёдорович Раевский, а также российские славянофилы, состоявшие в переписке с деятелями славянских национальных движений. Они надеялись, что Й. Штросмайер втайне симпатизировал православию, однако, когда тот получил епископскую кафедру в 1850 г. и начал активную деятельность по распространению католицизма на юге Австрийской империи и в османских Боснии и Герцеговине, отношение к нему русских деятелей сменилось на разочарование⁴. Тем не менее, вновь положительно часть славянофилов (например, Иван Сергеевич Аксаков) стала воспринимать Й. Штросмайера со времен дуалистического преобразования Габсбургской монархии в Австро-Венгрию, когда тот начал демонстрировать симпатии в отношении России. Он помогал экспонатами для проведения Этнографической выставки в Москве в 1867 г., а затем решил через российских дипломатов в Австро-Венгрии и Сербском княжестве донести до российских властей свою позицию и добиться получения от последних финансовой и политической поддержки для возглавляемой им Хорватской народной партии.

В октябре 1868 г. Й. Штросмайер тайно встретился в Белграде с русским генеральным консулом в Сербии Николаем Павловичем Шишкиным, который в донесении министру иностранных дел канцлеру Александру Михайловичу Горча-

кову от 21 октября 1868 г. передал «жалобь» епископа «на тяжелое положение народа и ходатайства о великодушной помощи России»⁵. Й. Штросмайер говорил: «Давно взоры наши с любовью и надеждой обращались к России, единственной и бескорыстной защитнице христианства и славянства»⁶. «Ходатайства» Й. Штросмайера к российским властям от лица Хорватской народной партии, которые он представил Н.П. Шишкину во время их общения, были следующие: «1) Чтобы императорское правительство благоволило определить некоторые денежные пособия хорватским патриотам, наиболее пострадавшим от мадьярских преследователей, 2) Чтобы оно не отказало этой партии [Хорватской народной. — А. Д.] в материальном пособии для противодействия избирательным проискам партии правительственной и мадьярской при выборах в имеющий быть созванным сабор, и наконец, 3) Чтобы оно поддержало возможными для него средствами издание газет *Pozor* и *Zukunft*⁷, выходящих теперь в Вене, служащих органами стремлений народной партии и существующих только денежным обеспечением, внесенным тайно самим преосвященством [Й. Штросмайером. — А. Д.] из собственных своих средств»⁸. В случае помощи со стороны России Й. Штросмайер заявлял: «Я обязуюсь именем народа, подарившего меня своим полным доверием, быть всегда послушным орудием воли и приказаний России, без совета ее не делать ни одного шага, не предпринимать ничего. [...] Сверх того я обязуюсь быть орудием интересов России в здешнем крае; извещать обо всем, что будет замышлять Австрия и Венгрия против ее единоплеменников и против нее и употребить все свое влияние на Военную границу, чтобы образовать из нее передового исполнителя великодушных предначертаний»⁹. Й. Штросмайер добавлял: «Не сочтите мои слова выражением бессильного негодования против общих врагов всего славянства; источником их служит глубокое и непоколебимое убеждение, что одна Россия разрешит давнишнюю задачу воссоздания югославянского мира и что все козни ее врагов бессильны помешать ей исполнить эту славную задачу!»¹⁰.

Однако в ответ на эту информацию из Белграда российский МИД поручил Н.П. Шишкину передать Й. Штросмайеру, что, «сочувствуя его ревностным усилиям поддержать народность хорватскую, мы не можем принять никакого участия в действиях, направленных против австрийского правительства»¹¹. Историк-хорватист В.И. Фрейдзон объяснял такой ответ МИД тем, что «в планы правительства Александра II не входило обострение отношений с Австро-Венгрией»¹². По мнению историка-словениста И.В. Чуркиной, «большое значение имел и факт недоверия русских правящих кругов к Штросмайеру, который до этого времени проводил в Боснии и Герцеговине политику австрийских властей»¹³.

Несмотря на отсутствие заинтересованности со стороны российского МИД, Й. Штросмайер продолжал искать возможности донести свою позицию до российского правительства. Е.П. Новиков в донесении министру иностранных дел А.М. Горчакову от 24 (ст. ст. 12) сентября 1870 г.¹⁴ делился своими впечатлениями от личной встречи с Й. Штросмайером, который побывал у него «недавно, будучи проездом в Вене»¹⁵. Почти весь текст донесения занимает обширный пересказ речи Й. Штросмайера, целью которой было получение «южными славянами» поддержки России, что было в русле и предыдущих обращений хорватского епископа к русским дипломатам в регионе. Однако данную речь отличает подробный анализ геополитических аспектов положения России и славянских народов в Европе.

Й. Штросмайер делил Европу на несколько «миров»: латинский, германский и славянский. В последнем ведущую роль играла Россия. Согласно пересказу Е.П. Новикова, он говорил: «В германском и латинском мире существует широкий заговор против славянского мира. Его подлинной мишенью является Россия, и чтобы сильнее поразить эту державу в ее цивилизаторской миссии среди единокровных народов предпринимаются попытки разрушить один за другим ее аванпосты в Западной Европе и направить ее гуманитарную деятельность в сторону Азии»¹⁶. Примечательно, что хорватский политик обращал внимание на желание веду-

щих европейских держав выдать Россию из Европы, чтобы она переориентировала свою внешнюю политику на Азию. Й. Штросмайер говорил, что Франция и Пруссия «обе преследовали цель установления господства над славянским миром», но им мешали «распри» между ними. При этом усиление одного из этих государств за счет другого, по мнению хорватского епископа, должно было бы привести к экспансии в восточном направлении, чего он опасался по итогам победной для Пруссии шедшей в то время франко-прусской войны (1870–1871 гг.): «Если бы Наполеон покорил Пруссию, он бы на развалинах этой державы приступил к осуществлению самых широких замыслов, направленных против России. [...] Чего не смогла осуществить побежденная Франция, то сделает победившая Пруссия. Она начнет с поглощения Цислейтании. Вслед за Рейном Дунай станет по преимуществу немецкой рекой. [...] Этот немецкий вихрь затем сметет Венгрию и Польшу»¹⁷. Следует заметить, что здесь Й. Штросмайер достаточно точно спрогнозировал развитие событий конца 1930-х гг., то есть кануна и начала Второй мировой войны. Верной, как показала история, является и его оценка опасности экспансии со стороны объединенной Германии, реализовывавшейся в Первую и Вторую мировые войны¹⁸: «Трудно даже вообразить себе тот гнет, который обрушит на Европу сплоченная 60-миллионная нация»¹⁹. Й. Штросмайер подчеркивал особую миссию России в славянском мире в контексте противостояния с «Европой»: «Хочет того Россия или нет, но подозрительность Европы всегда будет заставлять ее солидаризироваться со славянскими интересами во всем мире. И если она сейчас еще этого не делает, то неминуемо придет к этому, ибо такова высшая сила обстоятельств»²⁰.

Е.П. Новиков писал, что речи Й. Штросмайера «поразительно напоминают взгляды чешских патриотов», с которыми он общался ранее, а именно крупных чешских политиков-федералистов Ф. Палацкого и Ф. Ригера²¹. Причем он сделал вывод, что «чехи и южные славяне сходятся даже в тонких деталях в оценке своих взаимоотношений с Австрией

и Германией, с тем лишь различием, что географическое положение первых вынуждает их быть консерваторами, в то время как близость Сербии способствует ослаблению связей, делающих вторых заинтересованными в сохранении целостности австро-венгерской монархии»²². При этом отношение к чешским федералистам у официальной России было настороженным, особенно после того, как во время очередной встречи с Е.П. Новиковым (конец зимы — начало весны 1871 г.) Ф. Ригер заявил, что славянский мир движется к федеративной системе, «которая также должна преобразовать Россию»²³.

Взгляды Й. Штросмайера можно сравнить с письмом католического священника из Далмации М. Гранича его знакомому, от которого это письмо было получено русским консулом в Рагузе А.С. Иониным. Последний посчитал важным перевести текст письма с «сербского» и привести его полностью в донесении русскому посланнику в Вене Е.П. Новикову (от 12 марта (ст. ст. 28 февраля) 1871 г.)²⁴, у которого менее полугода до этого был тот самый разговор с Й. Штросмайером. В этом письме М. Гранич делился со своим адресатом впечатлениями от первых трех номеров начавшей выходить в Цетинье газеты *Црногорац* (рус. «Черногорец»). Католический священник решил прокомментировать некие рассуждения в этой газете, что якобы «Россия хочет насильно всех окрестить» (А.С. Ионин здесь сделал пометку, что, вероятно, имелось в виду «сделать православными»): «От этого то Славяне больше и боятся России и поддаются сомнениям, а Итальянцы и Немцы, пользуясь этим фактом, отвращают Славян от России, которая только одна на всем свете и может освободить их от рабства всякого рода»²⁵. Как и Й. Штросмайер, М. Гранич писал о «немецком» (у Й. Штросмайера «германский») и «латинском» факторах в европейской политике: «Польша напр. слепа, она легко позволяет управлять собой немецкой и латинской политике, враждебной всем Славянам, но все вражьи попытки остались бы без успеха, если бы Россия не гнала так Католической веры в Польше»²⁶. Католический священник считал, что «Россия должна отказаться от этого гонения»²⁷, тогда она могла бы мо-

жет быть нелицемерно и приятельски подружиться с Польшей, не бояться ее и забыть прежние грехи заблуждавшихся Поляков»²⁸. Здесь М. Гранич выделял Польшу, историческая территория которой тогда была разделена между Россией, Пруссией и Австро-Венгрией, из остального славянского мира и указывал, что она находилась под влиянием других миров — «немецкого» и «латинского», тогда как в качестве миссии России он видел освобождение всех славянских народов «от рабства».

В донесении А.С. Ионин заметил, что мог бы «почти поручиться за одно: из десяти далматских священников (не монахов) по крайней мере девять могли бы написать это письмо»²⁹. Тем не менее, русский консул обращал внимание, что не все выражения симпатии к России со стороны славян-католиков были искренними. Так, он писал, что «в статьях хорватских журналов напр. часто встречаются симпатии к России, но им нельзя безусловно верить, они часто пишутся, чтобы испугать Австрию»³⁰. Однако данное письмо он считал вполне искренним, так как оно не предназначалось для публичности или передачи русским представителям, а потому увидел в его содержании подтверждение прежним наблюдениям за изменениями в отношении местных католиков к России: «Письмо это в кратких выражениях, но довольно ясно представляет отношение здешней Католической интеллигенции к России: несомненная симпатия, чувство, что Россия есть сила, на которую следует опереться, что без нее весь здешний народный вопрос не имеет смысла, и, вместе с тем боязнь, что при этих чувствах можно сделаться не Европейцем. [...] В этом письме не видно уже убеждения и веры в то, что Католицизм нас действительно разделяет»³¹.

Оба деятеля хорватского национального движения не идеализировали образ России и выдвигали претензии к ее внешней и внутренней политике: Й. Штросмайер считал российскую политику в отношении зарубежных славянских народов слишком пассивной, тогда как М. Гранич был недоволен внутренней политикой в Российской империи в отношении польского населения. При этом они отмечали противостояние

между славянским миром с одной стороны и «германским» и «латинским» мирами — с другой. Примечательно, что, будучи католиками, оба хорватских деятеля, тем не менее, не относили себя к «латинскому» миру, под которым, по всей видимости, понимался не католический мир, а народы, говорившие на романских языках. М. Гранич видел угрозу со стороны «итальянцев» и «немцев», Й. Штросмайер — от объединенной Германии, тогда как будущее славянских народов они связывали с Россией как единственной страной, способной отстаивать в Европе интересы славян.

Примечания

- 1 «Унионистами» называли сторонников хорватско-венгерской политической унии, которые в 1841 г. создали Хорватско-венгерскую партию, действовавшую в Хорватии и Славонии до 1848 г. и возродившуюся в 1860–1861 гг. под названием Конституционно-либеральная (Унионистская) партия.
- 2 Граница между австрийской и венгерской частями Австро-Венгрии прошла по реке Лейте, поэтому эти части получили латинские обозначения, соответственно, Цислейтания и Транслейтания.
- 3 «Народняками» называли сторонников Хорватской народной партии, возникшей в 1841 г. как Иллирская народная партия. В 1868–1873 гг. народняки выступали за пересмотр Хорватско-венгерского соглашения в пользу королевства Хорватия и Славония, а также были сторонниками переустройства Австро-Венгрии на основах федерализма.
- 4 Подробнее об этом см.: Чуркина И.В. Россия, славянофилы и зарубежные славяне. Очерки истории. М., 2020. С. 273–280.
- 5 Русский генеральный консул в Белграде — канцлеру А.М. Горчакову. Белград, октябрь, 21 дня, 1868 года // Фрейдзон В.И. Две беседы Й.Ю. Штросмайера с российскими дипломатами // Славяноведение, 2004. № 1. С. 133.
- 6 Там же. С. 134.
- 7 Газеты *Pozor* (рус. «Взгляд») и *Zukunft* (рус. «Будущее») были изданиями Хорватской народной партии.
- 8 Русский генеральный консул в Белграде — канцлеру А.М. Горчакову. Белград, октябрь, 21 дня, 1868 года. С. 135.
- 9 Там же.
- 10 Там же. С. 135–136.
- 11 Фрейдзон В.И. Борьба хорватского народа за национальную свободу. Подъем освободительного движения в 1859–1873 гг. М., 1970. С. 339.
- 12 Фрейдзон В.И. Две беседы Й.Ю. Штросмайера с российскими дипломатами. С. 132.
- 13 Чуркина И.В. Россия, славянофилы и зарубежные славяне. С. 287.

- ¹⁴ Это донесение было написано на французском языке и хранится в Архиве внешней политики Российской империи (АВПРИ). Его опубликовал В.И. Фрейдзон в журнале «Славяноведение» (2004, № 1) в переводе на русский язык Е. Заблудовской. После публикации данный документ привлек внимание российских историков, см.: *Чуркина И.В.* Россия, славянофилы и зарубежные славяне. Очерки истории. М., 2020. С. 287; *Ващенко М.С.* Хорватский епископ Й.Ю. Штросмайер и официальная Россия в 60–70-е гг. XIX в.: попытка диалога // Актуальные проблемы и перспективы изучения новой и новейшей истории зарубежных стран: материалы международной научно-теоретической конференции, посвященной 75-летию образования кафедры истории Нового и Новейшего времени / редкол.: В.С. Кошелев (пред.) [и др.]. Минск, 2012. С. 34–37; *Дронов А.М.* Русские консульства в Далмации в контексте политических процессов у южных славян Австро-Венгрии и на габсбургско-османском пограничье в 70-е гг. XIX в. // Славянский альманах. 2018. № 3–4. С. 79.
- ¹⁵ Русский посланник в Вене — канцлеру А.М. Горчакову. Вена 12/24 сентября 1870 г. // *Фрейдзон В.И.* Две беседы Й.Ю. Штросмайера с российскими дипломатами // Славяноведение, 2004. № 1. С. 138.
- ¹⁶ Там же.
- ¹⁷ Там же. С. 138–139.
- ¹⁸ Это отметил и В.И. Фрейдзон в комментарии к опубликованным им архивным документам: *Фрейдзон В.И.* Две беседы Й.Ю. Штросмайера с российскими дипломатами. С. 133.
- ¹⁹ Русский посланник в Вене — канцлеру А.М. Горчакову. Вена 12/24 сентября 1870 г. С. 139.
- ²⁰ Там же. С. 138.
- ²¹ Там же.
- ²² Там же. С. 140.
- ²³ *Ксенофонтов И.А., Ненашева З.С.* Чехи и Россия: проблема взаимоотношений в условиях кризиса начала 1870-х гг. в монархии Габсбургов // Клио. 2024. № 4 (208). С. 44.
- ²⁴ Данное донесение А.С. Ионина хранится в АВПРИ (фонд 172 «Посольство в Вене»).
- ²⁵ АВПРИ. Ф. 172. Оп. 514/2. Д. 88. Л. 26.
- ²⁶ Там же.
- ²⁷ По всей видимости, здесь М. Гранич писал про меры, предпринятые в отношении участников польского восстания 1863–1864 гг. См.: *Польское Январское восстание 1863 года: Исторические судьбы России и Польши.* М., 2014.
- ²⁸ АВПРИ. Ф. 172. Оп. 514/2. Д. 88. Л. 26.
- ²⁹ Там же. Л. 25.
- ³⁰ Там же.
- ³¹ Там же. Л. 24.

DOI: 10.31168/2619-0869.2025.15

Югославянская идея в программах и документах хорватской социал-демократии на рубеже XIX–XX вв.

Артём Евгеньевич Стекачев

МГУ имени М.В. Ломоносова
Москва, Российская Федерация;
e-mail: artem.stekachev19@yandex.ru
ORCID: 0009-0005-4744-8683

Ключевые слова: Югославизм, социал-демократия, Австро-Венгрия, политическое развитие Хорватии

The Yugoslav Idea in the Programs and Documents of Croatian Social Democracy at the Turn of the 19th and 20th Centuries

Artem Y. Stekachev

Lomonosov Moscow State University,
Moscow, Russian Federation;
e-mail: artem.stekachev19@yandex.ru
ORCID: 0009-0005-4744-8683

Keywords: Yugoslavism, Social Democracy, Austria-Hungary, Political Development of Croatia

Мысли об объединении югославянских народов возникают уже в первой половине XIX века. Однако важным этапом в становлении этой идеи стали 1860-е и 1870-е гг., когда югославизм воспринимался как одно из актуальных направлений, развиваемых представителями Национальной партии Хорватии, что вызывало дискуссии с представителями Хорватской партии права как о сущности «югославянского народа», так и о вопросе отношений с Веной и Будапештом как имперскими центрами. Второй вопрос в это время был

особенно острым, вызванный национальными, политическими и экономическими противоречиями. Ближе к рубежу XIX–XX вв. стали усиливаться оппозиционные австрийским властям силы, которые нашли свое выражение в организации Хорватско-сербской коалиции и политике «нового курса», когда были приняты Задарская и Риекская резолюции 1905 г. (документы, подписанные представителями сербских и хорватских партий и оформившие вышеупомянутую коалицию). В них в очередной раз признавалось равенство хорватского и сербского народов, а также поддержка венгерской оппозиции в борьбе за независимость.

Социал-демократические партии у австрийских славян стали возникать в последней четверти XIX в. именно в этой конъюнктуре. Их специфика заключалась, как отмечал, к примеру, С.А. Романенко, в том, что они являлись составной частью австрийского рабочего движения¹. Более того, в начале XX в. социал-демократическая партия Хорватии и Славонии (далее — СДПХиСл) также входила в состав Хорватско-сербской коалиции. В связи с этим представляется актуальным исследовать следующую проблему: как программные документы СДПХиСл и главные социал-демократические требования соотносились с югославянской идеей.

Действительно, формирование отдельной социал-демократической партии Хорватии и Славонии происходило плавно и постепенно. Однако это не значит, что представители этих земель не участвовали в рабочем движении. К примеру, в 1893 г. на конгрессе Венгерской социал-демократии выступил делегат из Хорватии, который в своей речи заявил следующее: «Товарищи! <...> Социалистическое движение в Хорватии и Славонии с недавнего времени уже началось, у нас нет развитой промышленности, которая бы обострила рабочее движение и способствовала формированию целей пролетариата. У нас на юге находится огромный *югославянский* (курсив мой. — А. С.) народ, который распространен по территории Хорватии, Славонии, Боснии, Герцеговины, Далмации, Сербии, Черногории, Болгарии и так далее. Этот народ разных имен, но это единый народ...»².

Здесь для нас представляются важными два тезиса. Во-первых, хорватский делегат заявляет о единстве югославянских областей Австро-Венгерской монархии и рабочего движения в них, а во-вторых, он включает в единое понятие «югославянской народности» и болгар, что вынуждает нас задуматься о том, что превалировало в их идее: социально-экономическое понимание (то есть главные требования и идеи в их программах были связаны с социально-экономической действительностью Габсбургской монархии), что было характерно для австромарксизма и материалистского толкования истории со стороны социал-демократов, или же национальное понимание.

Впоследствии социал-демократическая партия Хорватии и Славонии стала оформляться независимо от австрийской и венгерской социал-демократии. Основные программные документы были приняты в 1894–1896 гг.³, а первый съезд был проведен в 1895 г.⁴. В этих программных документах, а также в открытом письме Карою Хедервари, бану Хорватии в 1883–1903 гг., который был высокопоставленным чиновником Габсбургской монархии и впоследствии стал министром по делам Хорватии, Славонии и Далмации, социал-демократы просили ввести равенство всех партий, в том числе, независимо от религии и национальности, которую они представляют⁵.

Важным программным документом, на основе которого действовала в дальнейшем социал-демократия австрийских славян — это так называемая Брюннская программа 1899 г., принятая на съезде социал-демократических партий в Брюнне в том же году. В этой программе шла речь о том, что Австро-Венгрия должна быть преобразована в демократический союз национальных государств. Утверждалось, что коронное устройство должно перейти в руки национально-ограниченных правительств⁶. Это важно, поскольку в дальнейшем многие программные документы, принятые социал-демократическими партиями австрийских славян (ЮСДП, СДПХиСл), будут так или иначе сохранять основные положения Брюннской программы. В этом смысле мы можем согласиться с позицией Э. Реджича, что принцип национальной автономии

был настолько важен для югославян, что его игнорирование могло угрожать целостности монархии⁷. Об этом также писала и И.В. Чуркина, уточняя, что славянская социал-демократия настаивала именно не столько на территориальной автономии, сколько на культурной⁸.

По случаю 10-летнего юбилея с года основания газеты «Свобода» (одного из первых периодических изданий социал-демократического движения в Хорватии и Славонии) в Загребе в 1902 г. была проведена югославянская социалистическая конференция, на которой, в том числе, присутствовали представители сербских социалистов из Белграда и других югославянских рабочих обществ. На этой конференции, в первую очередь, шла речь о создании «Союза югославянских рабочих организаций»⁹. Это также нашло отражение в строках сербской «Рабочей газеты», выпущенной в марте 1902 г., где было сказано, что объединение всех югославянских рабочих станет предтечей объединения всех рабочих в мире¹⁰. Так югославянская национальная концепция стала легко совместима с идеей мировой революции. Развитие этого планировалось в создании коалиции.

20 января 1905 г. в хорватской газете «Свободное слово» в Загребе было опубликовано сербохорватское единое воззвание. Помимо прочего, в нем обозначалось, что создание этой коалиции будет способствовать разрешению сербохорватских национальных и политических противоречий, а также развитию общественной жизни и строительству лучшего будущего¹¹. Вновь говорится о равенстве сербов и хорватов и их едином труде, направленном на решение задач «национальной политики»¹². На основе этого источника мы также видим, что идея единства югославянского народа не только единожды возникла на этапе формирования самостоятельной социалистической партии, но и стала фактически основой ее идеологии на длительное время.

Следующим важным этапом в процессе развития славянской социал-демократии стала Люблянская конференция 1909–1910 гг., которая была призвана для обсуждения всеми, в том числе югославянскими (в случае конкретно этого пара-

графа и СДПХиСл), социал-демократическими партиями Австрийской монархии общей схемы развития своей политики. По ее итогам был опубликован документ, в котором осмыслилась политика имперских властей Габсбургской империи, в том числе аннексия Боснии в 1908 г. При его прочтении можно увидеть, что для борьбы с империализмом югославянская социал-демократия вновь принимает программу объединения югославянских народов. Что немаловажно, речь идет именно не о совместной деятельности партий, а о полноценной национальной интеграции¹³.

Более того, в этой же программе пояснялись и примерные условия, на которых планировалось это объединение. В ней говорится, что оно должно происходить без учета текущих австро-венгерских границ на правах полной автономии. Австро-Венгрия должна стать демократическим государством, которая допустит формирование югославянской федерации в своем составе¹⁴. Характерно, что программа не содержит положений о разрыве югославян с Австрией как с имперским центром, в нем идет лишь о ее преобразовании. В связи с этим можно не согласиться с точкой зрения Р. Ловренчица, что югославы считали Габсбургскую монархию препятствием к изменению собственного положения и достижению собственных целей¹⁵. Здесь уместнее будет согласиться с позицией В.И. Фрейдзона, который писал соответствующий материал в «Истории Югославии», а также в «Истории Хорватии»¹⁶: социал-демократы Хорватии стремились реализовать свои планы путем реформ.

Во второй части программы дается пояснение текущей ситуации, в которой живут славянские народы. Стоит обратить внимание на терминологию, которую используют ее авторы. В начале отмечается, что *южные славяне* (курсив мой. — А. С.) разделены на восемь управляемых частей, которые, в свою очередь, сформировали четыре славянские народности¹⁷. Под народностями понимались сербы, хорваты, словенцы и болгары, а под «управляемыми частями» понималось то, что эти народности находились в составе разных государств (Сербии, Черногории, Австро-Венгрии и т. д.).

Отметим, что в последующем тексте программы вновь возвращается термин *югославыне* (курсив мой. — А. С.) и подчеркивается главная цель — их объединение: «Это единение должно быть совершено путем совместной политической и культурной работы, без оглядки на нынешние политические формации и границы. Особое внимание должно быть обращено на формирование соглашения о едином языке и правописании, как на основу для формирования будущего народа югославян»¹⁸. На основе этого фрагмента можно аргументированно предположить, что под «югославянами» в данном случае понимается именно тот единый народ, который сформируется в результате длительных преобразований, а под «южными славянами» — существующие славянские народы в составе разных государств. То есть, первая категория является перво-степенной в организации единого славянского пространства.

Таким образом, мы видим, что хорватская социал-демократия активно использовала югославянскую идею. Как мы уже говорили ранее, она не только воспользовалась концепцией славянского единения на начальном этапе формирования самостоятельной партии, но и сумела совместить его с собственными программными положениями. Причем, она не всегда выступала за разрыв с монархией Габсбургов а, скорее, за ее переформатирование в демократическое государство, в составе которого могла бы существовать федерация южных славян. Здесь также важна и теория австромарксизма, выступающая за социал-демократические преобразования Австро-Венгерской империи, в том числе в национальном вопросе. Теоретики этого течения выступали за культурную автономию каждой нации в Австрии. Можно согласиться с тезисом в историографии о том, что югославянская идея и австромарксизм не вступали в противоречие друг с другом¹⁹.

Примечания

¹ Романенко С.А. Национальный вопрос во взглядах югославских социал-демократов Австро-Венгрии // *Нация и национальный вопрос в странах Центральной и Юго-Восточной Европы во второй половине XIX — начале XX в.* / отв. ред. Т.М. Исламов. М., 1991. С. 280.

- ² Istorijski arhiv komunističke partije Jugoslavije. Beograd, 1950. T. 4 / odg. ured. M. Pija-de. S. 9.
- ³ Ibid. S. 16, 32–34.
- ⁴ Ibid. S. 39–41.
- ⁵ Ibid. S. 31.
- ⁶ Цит. по: Дебаты по национальному вопросу на Брюннском партейтаге. Киев, 1906. С. 79.
- ⁷ Redzić E. Austromarksizam i jugoslavensko pitanje. Beograd, 1977. S. 56.
- ⁸ Чуркина И.В. Программы культурно-национальной автономии: создание и варианты // Вопросы истории. 1999. № 4–5. С. 78.
- ⁹ Istorijski arhiv komunističke partije Jugoslavije... S. 102.
- ¹⁰ Ibid.
- ¹¹ Ibid. S. 72–73, 75.
- ¹² Ibid.
- ¹³ Ibid. S. 138.
- ¹⁴ Ibid. S. 72–73, 138.
- ¹⁵ Lovrenčić R. Geneza politike “novog kursa”. Zagreb, 1972. S. 19–21.
- ¹⁶ История Югославии / под ред. Ю.В. Бромлея, И.С. Достян, В.Г. Карасева, С.А. Никитина. М., 1963. Т. 1. С. 546; Фрейдзон В.И. История Хорватии. Краткий очерк с древнейших времен до образования республики (1991 г.). СПб., 2001. С. 210.
- ¹⁷ Istorijski arhiv komunističke partije Jugoslavije... P. 138. Поскольку в этой части документа речь не идет именно о границах Габсбургской монархии, то можно предположить, о каких народностях идет речь, исходя из уже разобранных нами документов: сербы, хорваты, словенцы и болгары. В связи с этим возникает вопрос, существует ли на данный момент для самих славянских социал-демократов терминологическая разница между «югославянами» и «южными славянами», поскольку дальше в тексте документа употребляется именно первый вариант, что означает, что некая тонкость присутствует.
- ¹⁸ Ibid. S. 139.
- ¹⁹ Политические партии и общественные движения в монархии Габсбургов, 1848–1914 гг. Очерки / отв. ред. О.В. Хаванова. М., 2018. С. 163.

«Славянский клуб» в Кракове как пример самоорганизации интеллектуальной среды в Западной Галиции

Илья Дмитриевич Ерофеев

Институт славяноведения РАН,
Москва, Российская Федерация;
e-mail: ilyatorbovsky@yandex.ru
ORCID: 0009-0004-8026-9794

Ключевые слова: польское славяноведение, славянская взаимность, Мариан Здзеховский, Феликс Конечный

The Slavic Club in Krakow as an Example of Self-Organization of the Intellectual Environment in Western Galicia

Ilya D. Erofeev

Institute of Slavic Studies RAS,
Moscow, Russian Federation;
e-mail: ilyatorbovsky@yandex.ru
ORCID: 0009-0004-8026-9794

Keywords: Polish Slavic studies, Slavic reciprocity, Marian Zdziechowski, Feliks Koneczny

На рубеже XIX–XX вв. в польской интеллектуальной среде Кракова, связанной в первую очередь с Ягеллонским университетом, сложилась группа людей, проявлявших научный интерес к истории, культуре и жизни славянских народов, а также желавших делиться своими знаниями друг с другом и, в конечном счете, с более широкими слоями польского общества. Для того чтобы развивать подобного рода

деятельность инициативной группой историков, филологов, социологов был создан «Славянский клуб» (1901–1914). Главным вдохновителем и впоследствии президентом «Клуба» стал Мариан Здзеховский (1861–1938) — историк литературы, публицист, профессор Ягеллонского университета.

Какие цели преследовали, и какие задачи ставили перед собой организаторы «Славянского клуба»? Каковы были основные направления его деятельности? Каков был состав «Клуба»?

В польской историографии «Славянский клуб» отчасти вызывал интерес, прежде всего, у тех исследователей, кто занимался изучением взглядов и идей отдельных представителей польской интеллигенции, входивших в состав «Клуба». Так, на счету известного специалиста по истории польской философии Лешека Гавора работы, посвященные не только творчеству М. Здзеховского, но и некоторым аспектам деятельности «Клуба»¹. О «Славянском клубе» в одной из своих монографий писал Збигнев Опацкий, рассмотревший общественно-политическую деятельность М. Здзеховского в контексте проблем Польши, России и славянского мира². Еще один ученый, занимающийся схожими темами, Я. Скочиньский, в соавторстве с российской исследовательницей В.М. Диановой написал статью «“Славянский клуб” в Кракове: научно-просветительская деятельность в 1901–1912 гг.»³. В 2019 г. вышла статья сербского ученого А. Чука, в которой были проанализированы взгляды членов «Клуба» на южнославянскую проблематику⁴. Однако в отечественной историографии «Славянский клуб» лишь изредка становился предметом исследования. Исключение составляет уже упомянутая статья петербургского философа и культуролога В.М. Диановой.

«Славянский клуб» был основан в декабре 1901 г. и на первых порах дальше организации докладов научного характера дело не заходило. Всего в период с декабря 1901 г. по декабрь 1904 г. было зачитано 47 докладов на самые разные темы, однако стоит добавить, что уже в это время члены «Клуба» стали проявлять особый интерес к межславянским контактам и движениям, связанным с идеей славянской взаимности.

Например, 7 июня 1902 г. был зачитан доклад Ф. Конечного (1862–1949) о съезде славянских журналистов в Любляне, а 13 июня 1903 г. А. Бопре представил доклад о съезде в городе Пльзень⁵.

Когда в 1905 г. под эгидой «Клуба» начал выходить ежемесячный журнал «Славянский мир» (польск. *Świat słowiański*) (1905–1914 гг.) (печатный орган «Клуба» и основной источник информации о нем), бессменным редактором которого стал историк Феликс Конечный, можно сказать, что в истории «Клуба» наступил качественно новый этап.

Первая статья первого выпуска журнала не только знакомила читателей с деятельностью «Клуба» в предшествующий период, но также носила своего рода программный характер. О причинах создания «Клуба» в ней говорилось следующее: «Основатели желали создать институт серьезный, доступный только серьезным людям, которым интересно славяноведение, а не разного рода тирады, пускай даже состоящие из милых клише»⁶. Кроме того, в статье подчеркивалось отсутствие политической составляющей в деятельности «Клуба» и его печатного органа. Будто предупреждая возможные вопросы, автор(ы) статьи стремились внушить читателям ту мысль, что: «Клуб — это не политическое общество, что прямо оговорено в уставе. Поэтому он не пропагандирует никаких политических взглядов и не навязывает их своим членам. Его цель по природе своей культурная. Популяризируя славяноведение, он желает привнести в польскую интеллектуальную жизнь новую кровь...»⁷.

Численность «Славянского клуба» на протяжении всего периода его существования не превышала 45 человек⁸, среди которых было немало видных ученых и сотрудников Ягеллонского университета. Членами «Клуба» были профессора университета — историк искусства Мариан Соколовский (1839–1911), лингвист Ян Лось (1860–1928), историк Францишек Буюк (1875–1953), а также социолог и юрист Людвиг Гумплович (1838–1909), театральный и литературный критик, переводчик и драматург Адам Гжимала-Седлецкий (1876–1967) и многие другие. Статус «Клуба» в академиче-

ской среде может подчеркнуть членство в нем Казимира Моравского (1852–1925) — филолога-классика и историка, который одно время занимал должность ректора Ягеллонского университета (1906–1907 гг.).

Двери «Славянского клуба» были открыты всем славянам, хотя большинство все-таки составляли поляки. Языком журнала «Славянский мир» и, по всей видимости, языком общения в «Клубе» был польский. Среди членов «Клуба» неполяского происхождения был украинский писатель, поэт и переводчик Богдан Лепкий (1872–1941), чей доклад о «новейшей русинско-украинской литературе» стал первым в только что созданной организации⁹. В 1905 г. он написал для «Славянского мира» несколько статей, однако разногласия по поводу польско-русинских отношений вынудили его выйти из состава «Клуба»¹⁰.

Разумеется, членами «Клуба» могли быть поляки из любой части разделенной Польши; так, например, члены Клуба М. Здзеховский, Я. Лось и И.А. Бодуэн де Куртенэ (1845–1929) были подданными Российской империи. Последнего связывала с Краковом работа в Ягеллонском университете (1893–1899 гг.), однако в период существования «Клуба» он уже находился в Петербурге, что не мешало ему принимать активное (насколько это позволяло расстояние между Петербургом и Краковом) участие в его деятельности. В то же время М. Здзеховский, формально возглавлявший «Клуб», занимался не только организационными вопросами, но и во многом определял его идеологическую направленность.

Исходное намерение «Клуба» и, соответственно, журнала оставаться вне политики оказалось сложно реализовать на практике. По всему видно, что «Славянский мир» как способ коммуникации «Клуба» с обществом не смог остаться в стороне от бурной политической жизни начала XX столетия. В журнале не только освещались, но и живо оценивались политические события (Революция 1905–1907 гг. в России, Славянский съезд в Праге и др.), звучали призывы налаживать не только культурные межславянские контакты, но также экономические и политические.

Вообще складывается впечатление, что с течением времени журнал «Славянский мир» становился структурой более самостоятельной и даже независимой от «Клуба», во всяком случае, со страниц издания ушла рубрика с информацией о его заседаниях. Лишнее подтверждение произошедших перемен находим в одной из статей (1908 г.) Ф. Конечного, где он, в частности, писал: «За последние годы к “Славянскому миру” несколько раз обращались с предложениями о создании “славянской” партии в Польше»¹¹, тем самым невольно признавая, что по ряду вопросов приоритет отдавался журналу «Славянский мир», а не «Славянскому клубу».

Впрочем, это отнюдь не означало, что «Славянский клуб» сошел со сцены. Тот факт, что при его содействии в 1912 г. в Кракове было создано «Славянское общество», тогда же опубликован устав новой организации, предусматривавший возможность вступления в «Общество» для широкого круга лиц при условии регулярной оплаты взносов, — доказывает скорее обратное. Главной целью «Общества» объявлялось «познание славянских народов, проживающих в пределах монархии, и взаимное ознакомление их с культурными и социальными отношениями польского народа»¹². Иначе говоря, для «Общества», в отличие от «Клуба», объектом познания выступали исключительно славянские народы, населявшие Австро-Венгрию.

Поневоле краткое обращение к истории «Славянского клуба», существовавшего в Кракове на протяжении пятнадцати лет, тем не менее, позволяет констатировать, что это сообщество являло собой пример успешной и достаточно устойчивой организации в польской интеллектуальной среде. Созданный изначально как локальная академическая ассоциация, «Славянский клуб» постепенно расширял границы своего влияния и своей деятельности, не ограничиваясь исключительно научной и популяризаторской работой. Трудно сказать, какие еще инициативы могли бы исходить от Клуба, но все его замыслы и начинания были прерваны Первой мировой войной.

Вместе с тем, не вызывает сомнений, что «Славянский клуб» и журнал «Славянский мир» могут выступать свидетельством очевидного интереса, проявлявшегося польской интеллигенцией к славянской проблематике в начале XX в.

Примечания

- ¹ *Gawor L.* Świat Słowiański [1905–1914] // *Sofia*. 2004. N 4. S. 342–347.
- ² *Opascki Z.* W kręgu Polski, Rosji i Słowiańszczyzny: myśl i działalność społeczno-polityczna Mariana Zdziechowskiego do 1914 roku. Gdańsk, 1996.
- ³ *Дианова В.М., Скочиньский Я.Г.* «Славянский клуб» в Кракове: научно-просветительская деятельность в 1901–1912 гг. // *Вестник Санкт-Петербургского университета. Философия и конфликтология*. 2020. Т. 36. Вып. 4. С. 709–720.
- ⁴ *Ćuk A.* Słowiańszczyzna południowa na przełomie wieków XIX i XX z perspektywy Klubu Słowiańskiego // *Galicja. Studia i materiały*. 2019. N 5. S. 57–68.
- ⁵ *Klub słowiański w Krakowie. Sprawozdanie z trzechlecia* // *Świat Słowiański*. Kraków. 1905. T. 1. S. 17.
- ⁶ *Ibid.* S. 1.
- ⁷ *Ibid.* S. 2.
- ⁸ *Ćuk A.* Słowiańszczyzna południowa... S. 58.
- ⁹ *Klub słowiański w Krakowie. Sprawozdanie z trzechlecia*. S. 17.
- ¹⁰ *Дианова В.М., Скочиньский Я.Г.* «Славянский клуб» в Кракове... С. 714.
- ¹¹ *Kopieczny F.* Przed konferencją Praską // *Świat Słowiański*. 1908. T. 2. S. 634.
- ¹² *Towarzystwo Słowiańskie w Krakowie* // *Świat Słowiański*. 1912. T. 2. S. 846.

Источники, историография, методы исследования

DOI: 10.31168/2619-0869.2025.17

К вопросу о смысле понятий оппозиция и диссидентство (на примере Чехословакии периода «нормализации»)

Людмила Валентиновна Феноменова

Библиотека иностранной литературы,
Институт славяноведения РАН,
Москва, Российская Федерация;
e-mail: fenomenoval@gmail.com
ORCID: 0009-0009-3384-1942

Ключевые слова: оппозиция, диссидентство, Чехословакия, период «нормализации», проблемы определения

On the Meaning of Concepts of Opposition and Dissidence (a Case Study of Czechoslovakia during the “Normalization” Period)

Liudmila V. Fenomenova

All-State Library for Foreign Literature,
Institute of Slavic Studies RAS,
Moscow, Russian Federation,
e-mail: fenomenoval@gmail.com
ORCID: 0009-0009-3384-1942

Keywords: opposition, dissidence, Czechoslovakia, the “Normalization” period, problems of definition

Исследование истории стран Центральной и Юго-Восточной Европы (стран ЦЮВЕ) во второй половине XX века практически невозможно без рассмотрения оппозиционных течений и диссидентства внутри этих стран. Осложнение вызывает то, что в социальных и гуманитарных науках до сих пор не существует единого определения данных понятий, а сами явления продолжают оказывать большое влияние на современные процессы, что осложняет их объективную оценку. В настоящее время не представляется возможным говорить ни о существовании единого подхода к рассмотрению сущности данных явлений, ни о наличии общих определений, которые отражали бы все основные аспекты¹. Поэтому перед современным исследователем стоит задача сформулировать в своей работе как эти понятия соотносились в строго определенный период в строго ограниченном регионе, так как взаимоотношения между обществом и государством, партией и т. д. носили, безусловно, совершенно разный характер в разных странах социалистического блока.

В российской историографии чехословацкое оппозиционное движение периода «нормализации» наиболее полно раскрыто в монографии Э.Г. Задорожнюк «От крушения Пражской весны к триумфу “бархатной” революции. Из истории оппозиционного движения в Чехословакии. (Август 1968 — ноябрь 1989 г.)»². Но уже во введении Задорожнюк замечает, что целостное осмысление оппозиционного движения и его диссидентской составляющей в Чехословакии «еще далеко от завершения»³, и говорит о том, что «автору приходилось решать проблему терминологического и содержательного соотношения понятий “оппозиция” и “диссидентство”, а также уточнять их определения»⁴.

На данный момент существует два наиболее оптимальных подхода к определению понятия «оппозиция» — этимологический и институциональный. Как замечает Г.А. Гаврилов, этимологический подход предлагает принимать оппозицию как противопоставление одной политики другой политике: «в рамках этого подхода оппозиция выступает как некий процесс, деятельность без привязки к конкретным полити-

ческим субъектам»⁵. Таким образом, данный подход скорее отвечает исследованию области идей, которые могут развивать и предлагать различные акторы, не обязательно действующие именно в политическом ключе, а потому в таком случае «оппозицией может считаться разнонаправленное влияние нескольких субъектов на власть»⁶. Интересно отметить, что, по мнению Гаврилова, при этимологическом подходе оппозицией по отношению к большинству населения могут считаться и государственные структуры, проводящие непопулярные реформы, что, конечно, размывает в таком случае понятие, но может быть крайне интересно для исследования социальной и политической ситуации в ЧССР после Пражской весны.

Институциональный подход ориентируется на конкретных политических акторов (партии, профсоюзы, этнические объединения, ассоциации и т. д., связанные *общностью политических интересов, ценностей и целей*⁷ (курсив мой. — Л. Ф.)) и их взаимоотношения, предполагая, что, «если часть групп оказывается у власти, остальные группы становятся оппозицией»⁸. Данный подход может применяться для исследования всего периода «нормализации».

Анализируя оба подхода, Гаврилов приходит к выводу, что определение понятия «оппозиция» невозможно без определения понятия «власть» по двум причинам: оппозиция определяется через власть и оппозиция стремится обрести власть (методологически применимо для системы любого уровня). При этом, как замечает российский политолог Л.Н. Тимофеева, оппозиция обладает своим набором смысловых политических кодов и как только «ее смысловые коды выбираются большинством в обществе, она превращается во власть и тут же становится уязвимой для критики меньшинства»⁹, поэтому потенциально оппозиция также суть есть власть.

Наличие смысловых политических кодов, то есть определенной семиотической системы, требует и наличие каналов для трансляции данных кодов, а также в принципе узнавание, расшифровку и обработку транслируемых знаков и сим-

волов обществом. В связи с этим многими исследователями с особенным вниманием выделяются публичность оппозиции и их взаимодействие со СМИ в качестве отличительных особенностей данного феномена.

Кроме того, отличительной чертой оппозиции является предложение и реализация альтернативных путей развития общества¹⁰. Д.П. Зеркин предлагает интересную «триаду» основных действий оппозиции — критика, контроль и альтернатива¹¹. Зеркин замечает, что на первом месте методов оппозиционной борьбы стоит «формирование критического общественного мнения и оценки политики правящей элиты; информирование общества о проблемах, не решаемых властями»¹². Это во многом напоминает действия чешской интеллигенции, которую стремятся определить либо как оппозиционеров, либо как диссидентов, что и порождает некоторую неопределенность в исследовании периода «нормализации».

Термин «диссидентство» не имеет общепринятых определений в науке, а его употребление в публицистике и общественной речи показывает, что вкладываемые в это понятия смыслы различны и размыты, а спектр этих смыслов варьируется от одной национальной культуры к другой. В русском издании «Энциклопедии диссидентства» мы можем найти не определение, но список тех явлений, которые задают рамки того, что мы можем называть «диссидентством»: «дистанцирование от политической активности, или тесная связь с политической оппозицией, или даже принятие на себя ее задач <...>, соотношение между диссидентской активностью и интеллектуальным и культурным нонконформизмом, сочетание внутрисистемных, открытых внесистемных и подпольных проявлений оппозиционности»¹³. Однако это не дает понимания, чем диссидентство глобально отличается от оппозиции.

Польский исследователь Кацпер Шулецки отмечает, что «диссидентство <...> представляло собой особый вид *политической практики* (курсив мой. — Л. Ф.), сочетающей открытое ненасильственное несогласие с универсалистскими

моральными требованиями»¹⁴. Исследователь выделяет три компонента, которые определяют диссидентство как феномен: «открытый и законный активизм, национальный позор/слава, международное признание»¹⁵. Для Шулецки западное влияние на диссидентов и признание крайне важно — оно выводит диссидентство из области общественной в область политическую.

Задорожнюк определяет диссидентство как важнейшую составную часть оппозиционного движения в Чехословакии, в котором выделяет пять этапов развития¹⁶. В других своих работах¹⁷ Задорожнюк в качестве исходной точки идейной дифференциации чехословацкой оппозиции называет полемику двух виднейших чешских деятелей культуры — Милана Кундеры и Вацлава Гавела. Эта полемика носила идейный характер и не предлагала конкретных действий — тем не менее, она признается исследователями¹⁸ как отправная точка развития оппозиционного движения, которое, как было показано нами выше, считается таковым при предложении *альтернативы*. Позже, под влиянием Гавела и других деятелей ЧССР, возникла знаменитая концепция «неполитической политики», которая в последствии переросла в идею «гражданского общества», что до сих пор заставляет исследователей задуматься: были ли это просто мечты диссидентов или это была программа действий оппозиционеров¹⁹?

У исследователя может возникнуть два желания: или провести жесткое разграничение между оппозицией и диссидентством, записав определенных акторов либо в оппозицию, либо в диссидентство, или же слить эти два понятия воедино, не проводя никаких разграничений. И если определение понятия «оппозиция» все же в какой-то мере разработано учеными, то понятие «диссидентство» практически нет. Оно нуждается как в общетеоретической разработке и периодизации, так и в разработке национальных особенностей. Важен, но практически не разработан в этом ключе вопрос чехословацкой эмиграции и ее связи с родиной и влиянием на нее. Таким образом, мы намечаем пути для дальнейшего исследования.

Примечания

- ¹ Курбанов А.Р. Оппозиция как субъект политического процесса: на примере России: дис. ... д-ра полит. наук. М., 2009. С. 3.
- ² Задорожнюк Э.Г. От крушения Пражской весны к триумфу «бархатной» революции. Из истории оппозиционного движения в Чехословакии (август 1968 — ноябрь 1989 г.). М., 2008. 440 с.
- ³ Там же. С. 15.
- ⁴ Там же.
- ⁵ Гаврилов Г.А. Феномен политической оппозиции: теоретический аспект // Антиномии. 2002. № 3. С. 219.
- ⁶ Там же. С. 219.
- ⁷ См.: Зеркин Д.П. Политический конфликт и оппозиция // Социально-политический журнал. 1998. № 5. С. 133–137.
- ⁸ Татаркова Д.Ю. Оппозиция: суть политического феномена // Вестник РУДН. Серия: Политология. 2013. № 3. С. 110.
- ⁹ Тимофеева Л.Н. Власть и оппозиция: конфликтно-дискурсивный анализ (Теория, история, методология): дис. ... д-ра полит. наук. М., 2005. С. 55.
- ¹⁰ См.: Митрохин В.А., Бигазиева С.С. Теоретико-методологические аспекты изучения понятия оппозиции // Известия Саратовского университета. Сер. Социология. Политология. 2010. Т. 10. Вып. 4. С. 80–83.
- ¹¹ Зеркин Д.П. Основы конфликтологии: курс лекций. Ростов-на-Дону, 1998. С. 204.
- ¹² Там же. С. 205.
- ¹³ Энциклопедия диссидентства: Восточная Европа, 1956–1989: Албания, Болгария, Венгрия, Восточная Германия, Польша, Румыния, Чехословакия, Югославия. М., 2022. С. 14.
- ¹⁴ Szulecki K. Expelled from the Fairytale: The Impact of the Dissident Legacy on Post-1989 Central European Politics // East European Politics and Societies. 2024. Vol. 38. N 3. P. 959.
- ¹⁵ Ibid. P. 960.
- ¹⁶ Задорожнюк Э.Г. От крушения Пражской весны к триумфу «бархатной» революции... С. 296–301.
- ¹⁷ См.: Задорожнюк Э.Г. Polemika Milana Kundery i Vaclava Havela: 50-letní kazus v historii idej i jeho interpretaci // Вестник Марийского государственного университета. Серия «Исторические науки. Юридические науки». 2018. №3 (15). С. 18–31; Она же. Чехословацкая оппозиция после поражения Пражской весны: исходные точки идейной дифференциации // 1968 год. Пражская весна: Историческая ретроспектива: Сборник статей / под ред. Т.В. Волокитиной, Г.П. Мурашко, А.С. Стыкалина. М., 2010. 806 с.
- ¹⁸ См.: West T. Destiny as Alibi: Milan Kundera, Vaclav Havel and the «Czech Question» after 1968 // The Slavonic and East European Review. 2009. Vol. 87. N 3. S. 401–428.
- ¹⁹ Navrátil J., Pospíšil M. Dreams of Civil Society Two Decades Later: Civic Advocacy in the Czech Republic. Brno, 2014. P. 16.

DOI: 10.31168/2619-0869.2025.18

Идеи туранизма, как особенность венгерской внешней политики в XXI в.

Артём Леонидович Ильинский

Отдел европейских политических исследований, ИМЭМО РАН
Москва, Российская Федерация;
e-mail: milodragash@icloud.com
ORCID: 0009-0008-2260-7328

Ключевые слова: Туранизм, Венгрия, Восток, внешняя политика

The Ideas of Turanism as a Feature of Hungarian Foreign Policy in the 21st Century

Artem L. Ilinski

Department for European Political Studies, IMEMO RAS
Moscow, Russian Federation;
e-mail: milodragash@icloud.com
ORCID: 0009-0008-2260-7328

Keywords: Turanism, Hungary, West, foreign policy

Система внешнеполитических взглядов Венгрии в последние десятилетия старается сохранять гибкость и способность к быстрым изменениям. Стремительные изменения, происходящие в мировом геополитическом пространстве, вынуждают Венгрию разрабатывать многовекторные и разноразмерные модели поведения как с глобальными (Китай, Россия, США), так и с региональными акторами (Турция, Польша, Германия, Иран). Особенно для Венгрии в последние годы остается актуальным восточное направление ее внешней политики, где она старается укрепить свое присутствие и увеличить свой вес, используя идеи туранизма.

В этой статье будет рассмотрены аспекты влияния туранизма на внешнюю политику Венгрии в XXI в.

Венгерский туранизм, как некое ответвление, но все же часть единого туранизма, постулирующего единство тюркских и финно-угорских народов, является в основе своей научной теорией, которую в середине XIX в. выдвинул российский языковед (финского происхождения) Матиас Кастрен. В Венгрии эти идеи получили свою жизнь, благодаря этнографическим изысканиям Антала Регули на Урале в 40-х гг. XIX в. и путешествию Армина Вамбери на Ближний Восток в 1860-х гг. Именно его научные работы, в которых он исследовал языковые и культурные связи венгров с турками, заложили основу для создания первых туранских кружков в Венгрии и Турции¹. В XX в. в туранизме происходят постепенные и коренным образом меняющие его изменения. Распад Австро-Венгрии и последующий Трианонский договор 1920 г. оборачиваются катастрофой для венгерской нации. Венгерская интеллигенция, оставаясь к началу XX в. довольно умеренной в отношениях к туранизму, после Трианонского договора все больше начинает обращаться и увлекаться идеей о «восточном пути» Венгрии. Один из венгерских исследователей туранизма, Балаж Аблончи, отмечает в своих работах, что туранизм в 20–30-е гг. XX в. стал «успокоением» для венгров в поиске своего места². Последующая радикализация идей туранизма стала одной из опор реваншистских устремлений Венгрии в Европе, с помощью которой венгерские политики — Миклош Хорти, Дёме Стояи и — в особенности — Ференц Салаша — обосновывали свои территориальные претензии в регионе³. Однако, переоценивать влияние туранизма на межвоенный период не стоит. Несмотря на то, что некоторые венгерские националисты использовали туранистские концепты, направленные, в первую очередь, на развитие внешнеполитических контактов Венгрии с восточными странами, многие из них не видели в туранизме реальной опоры для Венгрии. После поражения Венгрии во Второй Мировой войне туранизм в социалистической Венгрии стал под запретом, до 1989 г. о нем писали только в кругах венгерских эмигрантов.

С обретением независимости в 1989 г. в Венгрии начинается и возрождение идей туранизма. Однако довольно скоро становится понятным, что туранизм не способен занять свое место, как нечто объединяющее Венгрию. Виной тому — постепенная радикализация туранизма, который не столько развивался, сколько возвращался к своей форме первой половины XX в. Так, туранизм становится идеей узкого круга праворадикальных партий Венгрии⁴, чьи идеи бы никак не могли способствовать гармоничному развитию венгерских отношений с ее соседями. Существенно ослабил туранизма и постепенный курс Венгрии на евроинтеграцию. Вступление страны в НАТО в 1999 г., а в 2004 г. и в ЕС, окончательно затормозило так и не начавшееся развитие туранизма.

Очень важным уточнением будет то, что туранизм не следует рассматривать, как некую единую политическую программу. Отсутствие документов, постулирующих основные положения политической программы туранизма, а также многообразие форм и смыслов, которые на протяжении истории трактовались по-разному — все это привело к тому, что невозможно говорить о туранизме, как о чем-то общем в Венгрии. Это, с одной стороны, упрощает исследование, поскольку с уверенностью можно констатировать угасание наиболее радикальных форм туранизма в 2000-х гг. Тот туранизм, если и сохранился, то только в дискурсе наиболее радикальных и маргинальных элементов венгерского общества. А с другой стороны, некоторые общие парадигмы туранизма смогли интегрироваться в дискурс внешней политики Венгрии, так, например, идея «восточного пути»⁵ или «Венгрии, как части тюркского мира», успешно легло в основу развития внешней политики Венгрии в эпоху правления Виктора Орбана. Грубо говоря, туранизм присутствует в венгерской внешней политике в образе наименее радикальных направлений возможного развития Венгрии. И что самое важное, в тех направлениях⁶, которые были актуальны в Венгрии довольно давно. Таким образом, идеи туранизма в определении внешнеполитического курса стали дополнением для этих направлений, некоторым контекстуальным решением.

В рамках текущего внешнеполитического курса Венгрии, использование идей туранизма является обоснованием решений о сотрудничестве с определенными странами. То же постепенное сближение Венгрии с Турцией не является чем-то новым для обеих стран⁷. Для Турции интерес к Венгрии представляется ее выгодным географическим положением и способностью текущего венгерского руководства поддерживать продуктивный диалог между странами. Энергетическое, культурное, техническое сотрудничество двух стран обосновано стремлением к сотрудничеству венгерских и турецких политических элит. То же самое можно сказать и про сотрудничество Венгрии со странами Средней Азии. Подписанные договоры о сотрудничестве⁸ в 2024–2025 гг. сообщают о взаимном интересе в развитии, будь то технических проектов или же культурных мероприятиях. Туранизм и в случае с Турцией, и в случае со странами Средней Азии выступает именно контекстом, внешним ответом на вопрос «почему Венгрия проявляет интерес к Востоку?». Однако абсолютно понятно, что идеи туранизма не являются ведущими в восточном курсе развития внешнеполитических отношений Венгрии. Страна руководствуется, в первую очередь, финансовыми соображениями и возможностями укрепить свое влияние не только на Западе, но и на Востоке. Именно поэтому использование идей туранизма в этом направлении настолько выгодно и Венгрии, и ее партнерам.

Зачастую, влияние туранизма переоценивают. Использование Венгрией туранистских установок, в лице, например, участия Венгрии в Курултае или Организации тюркских государств⁹, выставляется как «безоговорочный¹⁰» поворот Венгрии на Восток. Однако, реальное следование идеям туранизма не позволило бы Венгрии войти, например, в ЕС или НАТО. Более того, Виктор Орбан никогда не противопоставлял Венгрию современной Европе, наоборот, он неоднократно заявлял о месте Венгрии в Европе. Даже современное противостояние Венгрии с руководством ЕС, в вопросах России или миграционной политики, не выходит за рамки понимания венграми своего места в Европе. Использо-

ние же туранистских установок свидетельствует о той самой многовекторности венгерской внешней политики, которая использует только те туранистские конструкты, которые будут экономически целесообразны в развитии восточного направления венгерской политики.

Примечания

- ¹ *Ablonczy B. Keletre, Magyar!* (A magyar turanizmus története). Budapest, 2017. P. 176.
- ² *Чампаи О.* Центральная Европа = Карпатский бассейн. Развитие этнических общностей: теоретико-методологический аспект (на примере венгерского этноса). Ижевск, Издательство ИЖГТУ, 2012. С. 129.
- ³ *Грендель Л.* Венгерские травмы — венгерские заблуждения. Сборник эссе: Венгерский гений. Венгры, как они видят себя, Венгрию, свое место в истории и современном мире. М., 2011. С. 120.
- ⁴ *Bíró-Nagy A.* Jobbik going mainstream. Strategy shift of the far-right in Hungary. Budapest, 2016. P. 251.
- ⁵ *Ablonczyi B. Keletre, Magyar!* P. 211.
- ⁶ Дипломатические сношения с восточными странами были важны для Венгрии, как в более ранние времена Раннего Нового времени, так и в послевоенный период XX в.
- ⁷ Turkey, Hungary say US grants waivers for Russian Gazprombank gas payments. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.reuters.com/business/energy/turkey-receives-waiver-gas-payments-russia-gazprombank-sanctions-2024-12-20/> (дата обращения: 30.03.2025).
- ⁸ Там же.
- ⁹ Курултай прошел в Венгрии. [Электронный ресурс]. URL: <https://eadaily.com/ru/news/2024/08/11/stat-gunnam-ichtoby-priblizit-tyurkskiy-mir-k-evrope-kurultay-proshel-v-vengrii> (дата обращения: 30.03.2025).
- ¹⁰ В ОТГ рассказали о росте роли Венгрии в организации. [Электронный ресурс]. URL: <https://ria.ru/20241023/vengriya-1979458957.html> (дата обращения: 30.03.2025).

DOI: 10.31168/2619-0869.2025.19

Цифровые архивы как основа исследования политической истории Чехии конца XX — начала XXI в.: источниковедческий анализ и методологические вызовы

Мстислав Юрьевич Анхимюк

Институт славяноведения РАН,
Москва, Российская Федерация;
e-mail: mankhimiuk@gmail.com
ORCID: 0000-0001-6785-2070

Ключевые слова: источниковедение, новейшая история Чехии, современная история, чешские политические партии, электронные ресурсы

Digital Archives as a Basis for Research into the Political History of the Czech Republic in the Late 20th — Early 21st Century: Source Analysis and Methodological Challenges

Mstislav Yu. Ankhimiuk

Institute of Slavic Studies RAS,
Moscow, Russian Federation;
e-mail: mankhimiuk@gmail.com
ORCID: 0000-0001-6785-2070

Keywords: source studies, modern history of the Czech Republic, contemporary history, Czech political parties, electronic resources

Исследования по современной истории предполагают концептуализацию, контекстуализацию и объяснение некоторых аспектов недавнего прошлого, а также трактовку

текущих тенденций или явлений в историческом контексте. В отличие от более отдаленных во времени сюжетов — первобытных, античных, средневековых и событий Нового времени, изучение которых требует от специалистов длительного и скрупулезного поиска источников, неизбежно ставящего перед историками вопрос о доступности нужных архивов, научная разработка проблематики современности практически не сопровождается такого рода затруднениями ввиду «цифрового поворота» — значительного сокращения времени передачи информации в наши дни и широкой представленности оцифрованных документальных источников в сети Интернет¹. Эти факторы значительно облегчают работу историка по поиску необходимых материалов, но одновременно усложняют процесс отбора и систематизации источников, так как объем представленной в открытых ресурсах информации достаточно велик.

На примере формирования источниковой базы исследования, связанного с эволюцией политического процесса Чешской Республики (ЧР) начала 1990-х — конца 2010-х гг., деятельности президента, правительства, парламента и ведущих политических партий ЧР эти особенности проявляются особенно четко.

Органы власти современной Чехии активно используют цифровые технологии в своей работе, своевременно размещая официальные документы на электронных порталах. Существенный интерес для исследователей в этом контексте представляет Совместная чешско-словацкая цифровая парламентская библиотека. Электронный архив законодательного органа ЧР содержит стенограммы заседаний чешских выборных органов власти, начиная с середины XIX в., когда представители Чешских земель получили представительство в австрийском рейхсрате. Первые протокольные записи, размещенные в открытом доступе, датируются 1848–1849 гг.² Документы представительных органов Первой (1918–1938 гг.) и Второй (1938–1939 гг.) Чехословацких республик, социалистической Чехословакии (1948–1989 гг.), Чешской и Словацкой Федеративной Республики (1990–

1992 гг.) представлены в хронологическом порядке, обусловленном избирательными циклами. С 1 января 1993 г., после «бархатного развода» Чехии и Словакии, на ресурсе регулярно публиковались стенограммы заседаний нижней палаты парламента ЧР — Палаты депутатов, и верхней — Сената. Эти материалы могут иметь высокую ценность для историков, так как Палата депутатов является главным звеном законодательного процесса Чешской Республики. Проекты нормативных актов, выносившиеся в 1990-е — 2010-е гг. на обсуждение в нижней палате парламента, зачастую вызывали бурную дискуссию между представителями правящих и оппозиционных партий, что подчеркивало существовавшие между ними противоречия. Ввиду закрепленной в конституции ЧР подотчетности правительства страны Палате депутатов электронный архив нижней палаты чешского парламента также содержит копии многих документов государственных ведомств, выносящихся на обсуждение представителями партий, аналитические справки министерств и другие материалы, содержащие внушительный объем информации по всем направлениям развития политической истории ЧР. Стоит особо отметить, что подавляющая часть этих источников вплоть до сегодняшнего дня не была введена в научный оборот.

Среди других полезных для историков-богемистов ресурсов необходимо выделить официальный сайт правительства ЧР, в архиве которого содержатся такие значимые документы, как программные заявления кабинетов министров³. Важной характеристикой, подчеркивающей ценность чешских правительственных документов, является прямая связь между положениями предвыборных программ партий, опубликованных при назначении нового кабинета министров заявлений правительства и стратегических документов различных чешских ведомств. Например, Концепция внешней политики ЧР, претерпевшая несколько редакций в 2003, 2011 и 2015 гг.⁴ регулярно отражала взгляды, предварительно оглашавшиеся в программных заявлениях правительств. Отсюда следует вывод о значительном влиянии партийных

установок на корректировку внешнеполитического курса Чешской Республики.

В XX в. периодическая печать в полной мере стала своеобразным «зеркалом» чешского общества, поскольку с относительной точностью начала отражать важные события, происходившие в государстве, что обусловило ее значимость для исследователей как исторического источника. Широкое распространение сети Интернет в 1990-е гг. повлекло за собой переход многих традиционных чешских периодических изданий в онлайн-формат. Так, популярные в Чехии *Mladá fronta DNES*, *Lidové noviny*, *Hospodářské noviny* в этот период запустили свои электронные версии, архивы которых⁵ хранят публикации о значимых в контексте политической истории страны событиях, содержащие комментарии государственных деятелей и экспертов. Спектр интернет-изданий дополнили *Aktuálně*, *Byznys noviny*, *Česká televize*, *Český rozhlas*, *Novinky u Parlamentní Listy*, критический анализ статей которых⁶ позволяет сопоставить официальные позиции чешской политической элиты по вопросам развития страны, содержащиеся в партийных программных документах, с их реальными действиями и заявлениями, выявить несоответствия между ними. Значимой практической характеристикой этого типа источников является сочетание большого объема возникших в рассматриваемый период новостных текстов и возможности беспрепятственного доступа к ним.

Несмотря на то, что Чехия является парламентской республикой, президент играет существенную роль в политической жизни страны, являясь Верховным главнокомандующим вооруженных сил и представляя страну за рубежом. Бывшие президенты ЧР В. Гавел, В. Клаус и М. Земан вели собственные официальные ресурсы, содержавшие стенограммы их выступлений, записки, статьи и интервью СМИ, а также мемуары. Все эти источники способны серьезным образом укрепить фундамент любого исследования по политической истории современной Чехии, иллюстрируя роль главы государства в происходивших в стране процессах. Среди этих репозиторий выделяется официальный сайт второго президента ЧР

В. Клауса, помимо вышеперечисленных текстов вмещающий внушительное количество статей и эссе его авторства⁷.

Не в полной мере изученным остается и электронный архив Института Вацлава Клауса. Представленное в нем собрание документов, до настоящего времени остававшееся вне поля зрения исследователей, включает уникальные материалы, в том числе личные мемуары и рабочие записи министра финансов, председателя правительства, а затем и второго президента ЧР В. Клауса, полные тексты его публичных выступлений в 1990-е — 2000-е гг., аналитические доклады экспертов Института по ключевым вопросам чешской внутренней и внешней политики, материалы по вопросам экономического развития Чехии, а также по проблематике европейской интеграции⁸. Собрание документов дает возможность выявить корреляцию между партийными программными установками (в частности, Гражданской демократической партии — ГДП) и реальной политикой правительства современной ЧР.

Комплексный характер историческому исследованию способно придать использование данных официальной статистики и социологических опросов. Чешское статистическое управление регулярно публикует результаты исследований по более чем 40 категориям⁹, охватывающим все сферы жизни чешского общества: численность населения, уровень рождаемости и смертности, распределение по профессиям и социальным слоям, производство товаров, торговые пути, денежное обращение, налоги и пошлины. В то же время аналитика ведущих чешских центров по изучению общественного мнения — *FOCUS*¹⁰ и *STEM*¹¹ — позволяет оценить масштаб влияния на политический процесс тех или иных лидеров, партий, движений. Демографические данные, сведения о количестве избирателей и их участии в выборах способны помочь повысить объективность трактовки процессов формирования политического курса страны и принятия ключевых государственных решений.

Таким образом, круг источников по изучению современной истории Чешской Республики, хранящихся на электронных ресурсах, достаточно велик. Разумеется, он может быть

дополнен исследованием неопубликованных материалов чешских архивов. Однако в 2020-е гг. вопрос о доступе российских специалистов в эти учреждения остается весьма острым. Объема открытых источников на данный момент достаточно, чтобы реконструировать ход политического процесса в Чехии, попытаться понять его глубинные причины, выявив взаимосвязь между внутривластной борьбой, общественными настроениями и внешнеполитическим курсом страны на рубеже XX–XXI в. Современные цифровые ресурсы не только облегчают доступ к информации, но и требуют от исследователей новых методов работы с большими массивами данных, что открывает перед исторической наукой принципиально новые возможности для анализа недавнего прошлого.

Примечания

- ¹ Современные методы в исторических исследованиях. Учебно-методическое пособие / под ред. Н.Б. Селунской. СПб., 2024. С. 48.
- ² Dokumenty českého a slovenského parlamentu // Společná česko-slovenská digitální parlamentní knihovna. URL: <https://www.psp.cz/eknih/index.htm> (дата обращения: 17.02.2025).
- ³ Programové prohlášení vlády // Vláda ČR. URL: <https://vlada.gov.cz/cz/clenove-vlady/historie-minulych-vlad/prehled-vlad-cr/> (дата обращения: 05.02.2025).
- ⁴ Koncepce zahraniční politiky ČR 2015 // Ministerstvo zahraničních věcí ČR. URL: https://mzv.gov.cz/jnp/cz/zahranicni_vztahy/analyzy_a_koncepce/koncepce_zahranicni_politiky_cr.html (дата обращения: 19.08.2024).
- ⁵ Volby do Poslanecké sněmovny 2025 // iDNES.cz. URL: <https://www.idnes.cz/volby/> (дата обращения: 11.02.2025).
- ⁶ Rozhlasový týdeník // Český rozhlas. URL: <https://kramerius.rozhlas.cz/periodical/uuid:4dd00f0c-423d-4cd9-b654-3413d3deda82> (дата обращения: 19.01.2025).
- ⁷ Články a eseje // Václav Klaus. URL: <https://www.klaus.cz/clanky-a-eseje/> (дата обращения: 14.01.2025).
- ⁸ 30 let polemiky o EU // Institut Václava Klause. URL: <https://www.institutvk.cz/30-let-polemiky-o-eu> (дата обращения: 21.02.2025).
- ⁹ Počet, struktura a projekce obyvatel // Český statistický úřad (ČSÚ). URL: <https://csu.gov.cz/pocet-struktura-a-projekce-obyvatel?pocet=10&start=0&podskupiny=132&razeni=-datumVydani> (дата обращения: 03.03.2025).
- ¹⁰ Z našich výzkumů // FOCUS Marketing & Social Research. URL: <https://www.focus-agency.cz/z-nasich-vyzkumu> (дата обращения: 12.03.2025).
- ¹¹ Vybrané projekty // STEM. URL: <https://www.stem.cz/#vybrane-projekty> (дата обращения: 17.02.2025).

СТРАНЫ ЦЕНТРАЛЬНОЙ и Юго-Восточной Европы НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ РАЗВИТИЯ

DOI: 10.31168/2619-0869.2025.20

Взгляды Лешека Мочульского на роль Польши в интеграционных процессах Центральной и Восточной Европы в 1980–1990е гг.

Фёдор Никитич Кривцов

Российский Государственный Гуманитарный Университет,
Москва, Российская Федерация;
e-mail: krivcov.fedor@gmail.com
ORCID: 0009-0002-5656-8263

Ключевые слова: Лешек Мочульский, геополитика, Между-
морье, Польша, внешняя политика

Leszek Moczulski's Views on the Role of Poland in Integration Processes in Central and Eastern Europe in the 1980–1990s

Fedor N. Krivtsov

Russian State University for the Humanities,
Moscow, Russian Federation;
e-mail: krivcov.fedor@gmail.com
ORCID: 0009-0002-5656-8263

Keywords: Leszek Moczulski, geopolitics, Intermarium, Poland,
foreign policy

Лешек Мочульский заявил о себе в польском оппозицион-
ном движении 1970-х гг. сначала как правозащитник, стояв-
ший у истоков создания Движения в защиту прав человека

и гражданина (РОПЧиО), а позднее как основатель Конфедерации Независимой Польши (КНП) — антикоммунистической организации правого толка. Уже в последующие годы Мочульский, помимо активной политической деятельности, в своих программных текстах начинает уделять особое внимание стратегии развития политических отношений Польши с Советским Союзом и другими странами социалистического лагеря.

Активное обращение Мочульского к геополитическим вопросам во многом совпало с кризисом социалистической системы и последующим прекращением деятельности СЭВ. Это подтолкнуло политически активную часть общества в странах Центральной и Восточной Европы к дискуссии не только о перспективах обретения большей независимости, но и о присоединении к уже существующим политико-экономическим объединениям или к созданию новых. Перспектива вступления бывших социалистических стран Европы и некоторых бывших республик СССР в ЕС, стала для них одной из наиболее приоритетных внешнеполитических задач. В Польше, которая занимает одно из ключевых мест в регионе, вопрос интеграционных процессов приобрел наибольшую актуальность.

В работе «Три горизонта» 1984 г. Мочульский озвучивает идею не только о стремлении польского общества к построению свободного и независимого государства, но и об особой миссии Польши в интеграции народов в той части Европы, часто именуемой «Междуморьем»¹. Тем самым автор выступает продолжателем традиций Юзефа Пилсудского и концепции «Междуморья», получившей особую значимость в период существования Второй Речи Посполитой в связи с сохраняющейся угрозой экспансии Германии и СССР. Стоит отметить, что в послевоенное время идеи о «Междуморье» были не свойственны для внешнеполитического курса ПНР и звучали в основном на страницах эмигрантского журнала *Kultura*. По мнению польского исследователя Рафала Чахора, ключевая роль в обновлении концепции «Междуморья» стала принадлежать именно Лешеку Мочульскому².

Уже в 1985 г. публикуется книга Мочульского под названием «Геополитика», состоящая из трех частей и посвященная анализу современных тенденций советского влияния в восточноевропейском регионе. В главе «Между Россией и Польшей» говорится об особой зоне, которая на протяжении продолжительного периода времени была предметом противостояния польского и русского языков, а в первой половине XX века стала буферной зоной, политически поделенной Польшей и Россией³. В выводах Мочульский предполагает, что в ближайшие десятилетия российское давление на западных границах будет ослабевать в связи с потенциальным переориентированием России в сторону Азии. И поэтому польское влияние в этой буферной зоне может пережить своего рода ренессанс, который в будущем может иметь большее значение для интеграции всей Центральной Европы⁴.

К концу 1980-х гг. вопрос внешней политики будущей Третьей Речи Посполитой становится одним из ключевых в программных текстах Лешека Мочульского, особенно после выдвижения его кандидатуры для участия в президентских выборах 1990 г., а также на последующих парламентских выборах уже от КНП в 1991 г. и 1993 г. В пункте предвыборной листовки, посвященной переориентации внешней политики, говорится о том, что главной целью для Польши должно стать сотрудничество со всеми странами зоны «Междуморья», простирающейся между Россией и ЕС, чтобы они могли полностью восстановить способность самостоятельно принимать решения, а затем интегрироваться в широкое сообщество независимых и сотрудничающих государств⁵. Предложенная концепция позволила бы народам региона сохранить обретенную ими свободу и в течение одного поколения подняться до экономического и цивилизационного уровня Западной Европы, что является неременным условием объединения всей Европы в наступающем XXI веке.

Возможности будущих интеграционных процессах Мочульский более детально рассматривает в книге «На пороге независимости. Революция без революции продолжается», опубликованной в 1990 г. и составляющей идеологическую

основу его президентской кампании. Здесь политик довольно скептически относится к идеям о стремлении Польши в ЕС с заведомо слабых позиций. Наиболее целесообразной альтернативой интеграции с государствами Евросоюза он видит в укреплении существующего регионального блока, обладающего значительными ресурсами и экономическим потенциалом⁶. С геополитической точки зрения объединение стран «Междуморья» обезопасило бы их от военно-политической угрозы с Востока и от цивилизационно-экономической с Запада, что впоследствии стало бы значимым фактором устойчивости и самостоятельности региона⁷.

В 1994 году Лешек Мочульский был одним из инициаторов подписания документа по созданию «Лиги Междуморья» — объединения, включающего на тот момент пятнадцать партий из шести стран данного региона (Польша, Украина, Беларусь, Литва, Латвия и Эстония). В тексте дается определение «Междуморью» как географически и исторически обособленной части Европы, располагающейся между Балтийским, Черным и Адриатическим морями и граничащей на западе с Германией и с этническими землями России на востоке. Это пространство состоит из двух частей, разделенных Карпатами и Судетами⁸.

Документ предполагает, что геополитический регион «Междуморья» должен повторить путь, по которому успешно прошла Западная Европа. На основе совместно созданной демократической системы и рыночной экономики, политического и оборонного сотрудничества, постепенно развивающегося общего рынка, реализации общих экологических программ и расширения инфраструктуры будет происходить широкая интеграция всех стран региона. При этом автор подчеркивает, что интеграция «Междуморья» должна происходить в сотрудничестве с Евросоюзом так же, как интеграция западноевропейских государств происходила в тесном сотрудничестве с США. Основой объединения же должны стать польско-украинские соглашения, так как в этих странах проживает большая часть населения предложенного проекта⁹. Данный тезис можно рассматривать как путь к объеди-

нению Европы, поскольку наиболее эффективным является интеграция только тех стран или регионов, которые близки по своему цивилизационному развитию и имеют сопоставимую экономику и уровень благосостояния.

В то же время Мочульский довольно скептически относится к призывам о скорейшем присоединении Польши к Евросоюзу и НАТО как о гарантии мнимого благополучия, дающего возможность получения дотаций на развитие сельского хозяйства, и защите от потенциальной военной угрозы со стороны России. Поэтому политик видит опасность будущего сближения центральноевропейских государств (таких как Чехия, Словакия, Венгрия) с другими членами ЕС, поскольку это может привести к очередному разделению на зоны влияния и возрождению имперской политики Востока по отношению к Западу¹⁰.

В конце 1990-х гг. концепция «Междуморья» практически ушла из общественного дискурса в связи с курсом польского правительства на вступление в ЕС и НАТО. Несмотря на это, Мочульский продолжил ее развитие с учетом уже новых политических реалий. В своей фундаментальной работе «Геополитика. Власть во времени и пространстве» политик выдвигает тезис о том, что вступлению стран Центральной и Восточной Европы в Европейский союз должно было предшествовать их предварительное объединение¹¹. Поэтому «Междуморье» не рассматривается как альтернатива членству в Евросоюзе, а скорее, как механизм предварительной интеграции, способный укрепить позиции государств в регионе и обеспечить более эффективную защиту их национальных интересов уже в рамках общеевропейского объединения.

В середине 2010-х гг. концепция «Междуморья» нашла свое воплощение в создании «Триморья», социально-экономического объединения, позволившего осуществлять более тесное региональное сотрудничество государств Центральной и Юго-Восточной Европы для наиболее эффективного представления собственных интересов внутри ЕС¹². Таким образом, идеи Лешека Мочульского, которые он развивал

в 1980–1990-е гг. нашли свое воплощение в современных реалиях. И с учетом нынешних геополитических тенденций, на фоне кризиса традиционных подходов к евроинтеграции, их рассмотрение приобретает еще большую значимость и актуальность.

Примечания

- ¹ Михалев О.Ю. Третья Речь Посполитая в представлениях Конфедерации независимой Польши (1979–1989 гг.). М., 2014. С. 214.
- ² Чахор Р. Концепция «Междуморья» во внешней политике Польши. Торунь, 2020. С. 17.
- ³ Moczulski L. Geopolityka. Warszawa, 1985. S. 10.
- ⁴ Ibid. S. 14.
- ⁵ Moczulski L. Twoim kandydatem na prezydenta Rzeczypospolitej. Warszawa, 1990. S. 3.
- ⁶ Moczulski L. U progu niepodległości. Rewolucji bez rewolucji ciąg dalszy. Lublin, 1990. S. 27.
- ⁷ Ibid. S. 33.
- ⁸ Moczulski L. Demokracja przeciw demokracji. Warszawa, 1994. S. 37.
- ⁹ Ibid. S. 38.
- ¹⁰ Ibid. S. 41.
- ¹¹ Чахор Р. Концепция «Междуморья»... С. 18.
- ¹² Шиселина Л.Н. Идея «Триморья»: от возникновения до сегодняшнего дня. М., 2018. С. 36.

DOI: 10.31168/2619-0869.2025.21

Публичные оценки Болгарской социалистической партией Пятидневной войны 2008 г.

Денис Олегович Гребенюк

Институт славяноведения РАН,
Москва, Российская Федерация;
e-mail: crus.dmi@gmail.com
ORCID: 0000-0001-5971-978X

Ключевые слова: Болгария, Болгарская социалистическая партия, Грузия, Пятидневная война, международные отношения, российско-болгарские отношения, НАТО, ЕС

Public Assessments by the Bulgarian Socialist Party on the Five-Day War of 2008

Denis O. Grebeniuk

Institute of Slavic Studies,
Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russian Federation;
e-mail: crus.dmi@gmail.com
ORCID: 0000-0001-5971-978X

Keywords: Bulgaria, Bulgarian Socialist Party, Georgia, Five-Day War, international relations, Russian-Bulgarian relations, NATO, EU

События на территории Грузии и Южной Осетии в августе 2008 г. вызвали острую и разнообразную реакцию всех политических сил Болгарии. Помимо прочего это было обусловлено тем, что кавказский и черноморский регионы являются крайне важными с точки зрения болгарских внешнеполитических и внешнеэкономических интересов, а одной из

ключевых составляющих грузинского кризиса были этнические конфликты — исторически крайне чувствительная тема для стран балканского региона.

Болгария, совсем недавно вступившая в НАТО (2004 г.) и ставшая членом ЕС (2007 г.), в данный момент оказалась в двойственном положении. С одной стороны, с лета 2005 г. страной управляло правительство, в котором ведущую роль играли представители Болгарской социалистической партии (БСП), ее членом был и премьер-министр С. Станишев. БСП на международной арене и среди оппозиции имела традиционно русофильский имидж, на деле же правительство с ее участием проводило политику лавирования между Россией и своими западными союзниками, а в целом же — стремилось не занимать сугубо антироссийскую позицию¹. Свой отпечаток на позицию партии накладывали обязательства по хрупкой и противоестественной парламентской коалиции, проголосовавшей за правительство Станишева². Надо отметить, что к сохранению «конструктивной» официальной риторики по отношению к России правительство БСП могли также подталкивать (вразрез с линией союзников по ЕС и НАТО) и общественные настроения: так, по данным социологического опроса, проведенного в июне 2008 г. софийским институтом «Открытое общество», Россия занимала второе место в списке стран, к которым респонденты испытывали наибольшее доверие (22,8%; на первом месте Германия с 36,5%) и первое место среди стран, которые опрошенные ощущали для себя наиболее близкими (30,07%)³.

С другой стороны, на Болгарию действовали обязательства по ЕС и НАТО, в целом однозначно осудившим российскую военную операцию на территории Южной Осетии и Абхазии. Кроме того, в свое время София поддержала военное вмешательство НАТО в конфликт в Косово и бомбардировки Югославии. И, наконец, в феврале 2005 г. она стала членом неформальной организации стран «Новой группы друзей Грузии», куда также вошли Эстония, Латвия, Литва, Польша и Румыния (позже присоединились Чехия и Швеция). Тем самым, левые политические силы, представленные в правительстве С. Станишева, оказались вынуждены

балансировать между Брюсселем и Вашингтоном с одной стороны, и Москвой — с другой.

Как именно и в каких отношениях соблюдался этот баланс, соблюдался ли он в принципе, а также каково было отношение представителей БСП к конфликту и его сторонам мы попытались выяснить, опираясь на стенограммы заседаний XL Обыкновенного Народного собрания (ОНС) Болгарии и на материалы периодической печати.

В начале сентября 2008 г. Станишев принял участие во внеочередной сессии Евросовета. В Брюсселе он встретился с премьер-министром Грузии В. Гургенидзе, а также со странами-членами «Новой группы друзей Грузии»; подчеркнул поддержку Болгарией членства Грузии в Евросоюзе, объявил о готовности предоставить порт Бургас в качестве транзитного пункта для отправки ей гуманитарной помощи, а также настаивал на необходимости выработки общеевропейской позиции по грузинскому вопросу⁴.

А уже 18 сентября Станишев встретился в Сочи с российским премьером В.В. Путиным и обсудил вопросы гуманитарного и экономического сотрудничества⁵. Однако данное им накануне интервью уже касалось политических вопросов, в том числе Августовской войны⁶, и вызвало в ОНС бурную реакцию. 24 сентября, спустя две недели после начала работы осенней парламентской сессии, депутат от оппозиционных «Объединенных демократических сил» (ОДС) потребовал объяснений от главы правительства в связи с некоторыми сделанными в упомянутом интервью заявлениями: в частности, о том, что Болгария не воспринимала Россию в качестве агрессора в конфликте; что Болгария может разорвать договор с США об американских военных базах на своей территории, если выяснится, что они используются неправомерно, а также о том, что страна заблокирует санкции ЕС против РФ⁷. Отметим, что народный избранник выдернул из контекста и искажил слова главы правительства, но суть претензий состояла в следующем: премьер вопреки основам парламентской демократии не проконсультировался с ОНС перед такими важными заявлениями. В течение

следующего месяца то же требование регулярно выдвигалось депутатами от ОДС, но ни разу не собрало достаточного количества голосов для принятия парламентом⁸.

Станишев впервые выступил в ОНС по теме грузинского кризиса лишь 3 октября, отвечая на вопрос депутата от партии «Демократы за сильную Болгарию» (ДСБ) К. Димитрова касательно того, каковы же на текущий момент приоритеты Болгарского правительства по отношению к РФ⁹. В ответе председатель правительства следовал определенной компромиссной линии: с одной стороны, он настаивал, что Болгария в российско-грузинском вопросе действует в унисон с другими странами-членами Евросоюза и Североатлантического альянса. Он привел несколько примеров, доказывающих, что болгарская сторона активно участвовала в работе органов ЕС и НАТО, занимавшихся урегулированием конфликта, и подчеркнул, что данное урегулирование — приоритет во взаимоотношениях с Россией¹⁰.

С другой стороны, болгарское правительство, по мнению Станишева, должно поддерживать взаимовыгодные отношения с Россией в области энергетики, содействуя важнейшей национальной стратегической цели — «превратить страну в серьезный энергетический фактор в регионе», сделать ее незаменимым энергетическим хабом¹¹. Тем самым, суть позиции премьера по вопросу отношений с РФ на фоне российско-грузинского конфликта — конструктивная политика в национальных интересах, предполагающая как участие в урегулировании кризиса вместе с союзниками по ЕС и НАТО, так и продолжение диалога с Москвой по важным для страны вопросам.

При этом депутаты от БСП не выступали в ОНС на тему Августовской войны. И периодические издания, связанные с БСП, впервые стали давать ей оценки лишь в сентябре. Учитывая вышеупомянутое сложное положение, в котором оказалась традиционно русофильская БСП, можно предположить, что партийное руководство приняло решение повременить с оценками событий. В самих публикациях можно выделить три главных линии.

Во-первых, в данных публикациях фигурирует идея определенной оправданности шагов России с точки зрения ее собственных интересов. Утверждается, что сверхдержава «пробуждается» и возвращает свои традиционные сферы влияния. Подобные тезисы встречаются в редакторских статьях «Нового времени»¹², в публикации философа, публициста, бывшего замминистра иностранных дел Л. Петрова из «Понедельника»¹³. Последний, впрочем, и ранее заявлял о крахе однополярной системы политического мироустройства во главе с США и переходе к многополярности¹⁴.

Во-вторых, в ряде случаев дан исключительно негативный образ и президента Грузии М. Саакашвили, и его сторонников. Он представлен как преемник политики грузинского национализма первого главы республики З. Гамсахурдии, выбравший силовой метод решения проблемы Южной Осетии (и, в перспективе, Абхазии), чувствуя и моральную, и военнотехническую поддержку США. В этих публикациях именно Грузия однозначно выступает как агрессор¹⁵.

В-третьих, авторами тех же изданий настойчиво говорится о тесной связи событий в Грузии с негативными трендами в европейской политике, исходящими от США, НАТО в целом и ЕС. Последние совсем недавно, в том же 2008 г. поддержали провозглашение независимости Косово без оглядки на мнение ООН. Тем самым Россия получила прецедент для вмешательства¹⁶. Между тем, официальная позиция Станишева по поводу связи «косовской проблемы» с грузинской звучала совсем иначе: как заявил премьер в интервью *Dnes.bg*, случай с Косово является уникальным ввиду этнических чисток со стороны сербской армии и утраты Белградом контроля над территорией задолго до конфликта — регион фактически уже находился под международным управлением. Идея же некоего компромисса (с идеей о том, что Косово — все-таки прецедент) здесь видится в его словах о необходимости выработать единый подход к этим разным ситуациям¹⁷.

В заключение можно сделать вывод, что следует говорить о некоторой двоякости позиции БСП по грузинскому кризису. С одной стороны, в партийных СМИ отчетливо вы-

ражена «русофильская» линия, в развязывании войны обвиняется Грузия, также ответственность возлагается на США, поддерживавшие политику Саакашвили. Однако, с другой стороны, та позиция, которую правящая коалиция преподносила миру и болгарской общественности с официальной трибуны была уже более сбалансированной: содержала как солидарность с западными союзниками Болгарии, так и акцент на сохранение взаимовыгодного диалога с Россией. Радикальная же позиция, обнаруживаемая в прессе, быть может, составляла определенный идейный резерв партии, к поддержке которого можно было бы обратиться в будущем при иных условиях¹⁸.

Примечания

- 1 Подробнее о разнонаправленной политике этого правительства см.: *Марчева И.* Болгаро-российские отношения в 1992–2013 гг.: заметки и наблюдения // Российско-болгарские научные дискуссии. Российская и болгарская государственность: проблемы взаимодействия. XIX–XXI вв. / отв. ред. В.П. Козлов. М., 2014. С. 316–322.
- 2 Подробнее см.: *Баева И.* Узловые проблемы политической истории Болгарии в начале XXI в. // Очерки политической истории стран Центральной и Юго-Восточной Европы. Конец XX — начало XXI в. / отв. ред. К.В. Никифоров. СПб., 2020. С. 30. (Центральная и Юго-Восточная Европа в XX–XXI вв.: исследования и документы. Вып. 1)
- 3 Европейска интеграция: Юни 2008 // Институт «Отворено общество» — София. URL: <https://opendata.bg/opendata.php?q=44&s=4&c=13&i=148&t=2&sel=13> (дата обращения: 13.04.2025).
- 4 Станишев: Много е важно днес да бъде постигната обща европейска позиция по кризата в Грузия // Блиц. URL: https://blitz.bg/politika/stanishhev-mnogo-e-vazhno-dnes-da-bde-postignata-obshcha-evropeyska-pozitsiya-po-krizata-v-gruziya_news12047.html/ (дата обращения: 31.03.2025).
- 5 В.В. Путин провел встречу с Премьер-министром Болгарии С. Станишевым // Правительство Российской Федерации. URL: <http://archive.government.ru/special/docs/1951/> (дата обращения: 31.03.2025).
- 6 Сергей Станишев: У болгар есть лучшее понимание России // Время новостей. URL: <https://vremya.ru/2008/173/4/213035.html> (дата обращения: 31.03.2025).
- 7 Четиристотин и девето заседание. София, сряда, 24 септември 2008 г. Открито в 9,10 ч.: [стенограма] // Народно събрание на Република България. URL: <https://www.parliament.bg/bg/plenaryst/ns/55/ID/472> (дата обращения: 31.03.2025).
- 8 См. например, стенограммы заседаний Народного собрания от 1-го, 8-го, 15-го, 22-го, 29-го октября: Стенограмми от пленарни заседания // Народно събрание на Република България. URL: <https://www.parliament.bg/bg/plenaryst> (дата обращения: 31.03.2025).

- ⁹ Четиристотин и четиринадесето заседание. София, петък, 3 октомври 2008 г. Открито в 9,04 ч.: [стенограма] // Народно събрание на Република България. URL: <https://www.parliament.bg/bg/plenaryst/ns/55/ID/477> (дата обращения: 31.03.2025).
- ¹⁰ Там же.
- ¹¹ Здесь говорится, в том числе, о таких проектах, как строительство атомной электростанции «Белене», нефтепровода «Бургас — Александруполис», реализация проекта газопровода «Южный поток»: Четиристотин и четиринадесето заседание. София, петък, 3 октомври 2008 г. Открито в 9,04 ч.: [стенограма]... URL: <https://www.parliament.bg/bg/plenaryst/ns/55/ID/477> (дата обращения: 31.03.2025).
- ¹² Русия Тръгва // Ново Време: списание за социални идеи, политика и култура. URL: <https://novovreme.com/брой-9-септември-2008/глобус-брой-9-септември-2008/русия-тръгва/> (дата обращения: 31.03.2025); За грузино-осетинския конфликт, или как се провали Саакашвили // Ново Време: списание за социални идеи, политика и култура. URL: <https://novovreme.com/брой-11-ноември-2008/глобус-брой-11-ноември-2008/за-грузино-осетинския-конфликт-или-ка/> (дата обращения: 31.03.2025).
- ¹³ *Петров Л.* Как ехото не заглъхва (още за войната на Грузия с Русия за Южна Осетия) // Понеделник. 2008. Бр. 11/12. С. 84–85.
- ¹⁴ *Он же.* Две нови огнища на международно напрежение // Понеделник. 2008. Бр. 9/10. С. 74, 94–95.
- ¹⁵ За грузино-осетинския конфликт, или как се провали Саакашвили // Ново Време: списание за социални идеи, политика и култура. URL: <https://novovreme.com/брой-11-ноември-2008/глобус-брой-11-ноември-2008/за-грузино-осетинския-конфликт-или-ка/> (дата обращения: 31.03.2025); *Петров Л.* Две нови огнища... С. 68; *Он же.* Как ехото не заглъхва... С. 86–87.
- ¹⁶ За грузино-осетинския конфликт, или как се провали Саакашвили... URL: <https://novovreme.com/брой-11-ноември-2008/глобус-брой-11-ноември-2008/за-грузино-осетинския-конфликт-или-ка/> (дата обращения: 31.03.2025); *Петров Л.* Две нови огнища... С. 66–68, 71–72.
- ¹⁷ «Метастазы Косова» и «лузерский блицкриг» Саакашвили: отклики с Балкан на кавказский кризис // Регнум. URL: <https://regnum.ru/article/1042393> (дата обращения: 30.03.2025). Первоисточник в открытом доступе найти, к сожалению, не удалось.
- ¹⁸ Стоит отметить определенные параллели и в других странах бывшего соцлагеря — членах ЕС. Оценки причин обострения конфликта, в которых в качестве виновника фигурировало грузинское правительство, высказывались в Чехии — представителями Чешской социал-демократической партии (ЧСДП), а также коммунистами. Кроме того, президент страны В. Клаус обвинил Грузию в развязывании конфликта, хотя и осудил масштабы российского военного вмешательства — между тем как другие ключевые фигуры его партии (включая премьер-министра М. Тополанека) категорически обвиняли в создавшемся кризисе РФ (*Анжимюк М.Ю.* Евро-атлантическое и российское направления во внешнеполитических концепциях чешских парламентских партий (1993–2021 гг.). дис. ... канд. ист. наук. М., 2025. С. 146–147). Позицию Клауса можно рассматривать если не как личную политическую точку зрения, то как попытку балансировать оценки в чешском политическом истеблишменте в пользу России — важного партнера Чешской республики в экономическом плане. Это указывает на то, что болгарские политики как минимум не были одионок в своем поиске баланса между сторонами-участниками грузинского кризиса.

ПОЛЬСКИЕ ДЕЯТЕЛИ В ВИХРЕ СОБЫТИЙ XIX в.

DOI: 10.31168/2619-0869.2025.22

Из истории польской политической ссылки в Новгородской губернии. Иероним Бороздич

Роман Алексеевич Килин

Санкт-Петербургский государственный университет,
Санкт-Петербург, Российская Федерация;
e-mail: ttere bok@mail.ru
ORCID: 0009-0005-7863-100X

Ключевые слова: Иероним Бороздич, политическая ссылка, Царство Польское, Западный край, полицейский надзор, уездное земство, Белозерск

From the History of Polish Political Exile in Novgorod Province. Hieronim Borozdich

Roman A. Kilin

Saint Petersburg State University,
Saint Petersburg, Russian Federation;
e-mail: ttere bok@mail.ru
ORCID: 0009-0005-7863-100X

Keywords: Hieronim Borozdich, political exile, Kingdom of Poland, Western Region, police supervision, district zemstvo, Belozersk

Следствием неудачного польского восстания 1863 г. явилась ссылка поляков — участников восстания в сибирские и внутренние губернии Российской империи. Новгородская гу-

берния выделялась на фоне остальных, так как была близка к столичной губернии, однако города, в которые отправляли ссыльных находились крайне далеко и от Санкт-Петербурга, и от Москвы. В Новгородской губернии такими городами являлись Кириллов и г. Белозерск.

Польская политическая ссылка в Новгородской губернии после январского восстания 1863 г. изучена сравнительно неплохо, однако всеобъемлющего труда о жизни польских ссыльных в Новгородской губернии пока нет. Статьи ученых как правило посвящены общему обзору жизни польских ссыльных¹, датировке ссылки² и конкретным наиболее высокопоставленным личностям³.

В данной работе используются источники из Государственного архива Новгородской области (ГАО), не опубликованные ранее, а также памятные книги Новгородской губернии, из которых удалось получить информацию о ссыльном после снятия полицейского надзора. В деле Иеронима Бороздича представлена информация о его деятельности в ходе ссылки, переписка с органами власти, а также его характеристики, написанные Белозерской уездной управой и полицейским уездным исправником.

Иероним Игнатьевич Бороздич родился в 1836 г. в Северо-Западном крае и окончил университет в 1860 г. Из донесения Минского губернатора Новгородскому губернатору от 9 октября 1863 г. мы узнаем, что Бороздич работал врачом в г. Слуцк одноименного уезда в Минской губернии, а в ссылку был отправлен, «как заподозренный в явном сочувствии к враждебным правительству лицам польской партии»⁴. К сожалению, о роли И. Бороздича в восстании нам ничего не известно, однако восстание в Минской губернии было одним из наиболее ожесточенных в Западном крае. В Новгородскую губернию Бороздич был выслан под строгий надзор полиции. Сам Бороздич отмечал, что «назначение это последовало без следствия и суда и даже без всякого допроса, административным порядком, и за что именно постигла меня такая участь мне неизвестно»⁵.

Прибыв в г. Белозерск Бороздич осведомился, что в больнице имеется вакансия уездного врача и «желая быть полез-

ным как отечеству, так и обществу» просит разрешения на эту работу для «оправдания доверия начальства»⁶. Однако, в ходе ссылки, для осуждённых был введен ряд ограничений, к которым относились: запрет на профессию, преподавание, государственную службу, а также запрет на отлучку⁷. Послабления на профессиональную деятельность ссыльных были введены только 21 ноября 1871 г., когда польским ссыльным «разрешалось по освобождению из ссылки заниматься медицинской и другими видами деятельности, однако занимать государственные посты запрещалось»⁸.

Из донесений минского губернатора от 24 февраля 1864 г. мы узнаём, что Бороздич не женат, не имеет детей и не имеет не движимого не недвижимого имущества⁹. Такова была ситуация с большей частью политических ссыльных не только в Новгородской губернии, но и во всех других местах ссылки, поэтому для ссыльных назначалось специальное содержание, которое равнялось 1,5 руб. в месяц на квартиру и 0,15 коп. в день на пропитание.

К лету 1864 г. нам известно о том, что Бороздич начинает оказывать людям врачебные услуги, что подтверждается прошением Белозерского уездного исправника Новгородскому губернатору «о дозволении ему выезда из города в уезд для врачебной практики»¹⁰. Вскоре его прошение удовлетворяют. Тяжелая ситуация со здравоохранением в Белозерском уезде происходила по нескольким причинам: из-за смерти Белозерского врача, недостатка квалифицированных кадров и расстройств Белозерской больницы. Так, новгородский губернский воинский начальник при посещении белозерской больницы «нашел пищу для больных приготовленную неопратно и не хорошего качества, и сверх того слышал от больных претензию на редкое посещение больницы врачом через два и даже через три дня»¹¹. К осени 1865 г. И. Бороздич уже показал себя как внимательного и преданного своему делу профессионала, и, в связи с нехваткой медицинского персонала, Белозерская уездная управа просила новгородского губернатора разрешить назначить Бороздича на должность врача. Также уездная управа отмечала, что

«каждодневное посещение больных и успешное пользование и успешное лечение их доказали управе на кого должен пасть ее выбор»¹² Бороздич все полтора месяца работал без вознаграждения, а зарплату получал врач Лебедев. Однако, подобные разрешения были не в компетенции новгородского губернатора и лишь министр внутренних дел мог как-то повлиять на эту ситуацию. Именно с этой просьбой новгородский губернатор обратился к министру внутренних дел, добавив в письме и характеристику Бороздича, написанную белозерским уездным начальником «могу смело сказать, что со дня прибытия его в Белозерск и по настоящее время ведёт себя безукоризненно во всех отношениях»¹³.

Но в соответствии с действующими запретами по отношению к занятию ссыльными профессий, министр внутренних дел 16 ноября 1865 г. ответил на прошение отказом. Крайне интересно, что несмотря на отказ удовлетворить просьбу органов местного самоуправления в Белозерске, уже 6 декабря мы видим, что Белозерская земская управа ввиду отсутствия в городе врача, а также вспышке в уезде тифа, ссылаясь на 77 статью устава лечебных заведений гражданского ведомства наняли на службу вольно практикующего медика Бороздича. Таким образом, уже 13 февраля 1866 г. Бороздич получил разрешение неофициально работать в недавно открывшейся Белозерской земской больнице и даже получать доход от земства¹⁴.

Несмотря на неофициальный статус врача в земской уездной больнице Белозерска, И. Бороздича воспринимали всерьез — так, из собрания земской уездной комиссии, мы узнаем, что врачу Бороздичу поручили подготовку нового персонала: «ежедневно занимается с мальчиками, которые для этого вытребованы были из волостей и приготовил их в фельдшера»¹⁵. Важно отметить, что подготовкой начального медицинского персонала занимался не только Бороздич, но и его коллеги из числа официально находящихся на службе в уездной земской больнице. Отмечается, что число обучающихся составляет 7 человек и обязанности по их подготовке равномерно разделены по дипломированным вра-

чам. Например, «утром занимается с ними врач Бороздич, потом состоящий при больнице фельдшер учит их грамоте, заставляет читать и писать под диктовку. В то же время (до конца августа), когда здесь был ветеринарный врач Никотин, то от 4 до 7-ми часов вечера он передавал им теоретически ветеринарию»¹⁶. В дальнейшем, Бороздич отмечал, что несмотря на крайне короткий срок обучения нового персонала длиной в 2,5 месяца, он остался очень удовлетворен их успехами. Кроме ветеринаров и фельдшеров, Бороздич принимал участие и в подготовке женщин к повивальному искусству, а также самостоятельно искал и рассматривал кандидатуры разных врачей.

Из журнала Белозерского уездного собрания 1866 г. мы узнаем и о жаловании Бороздича, которое выплачивало ему земство. Жалование это составляло 800 руб. в год, что равняется 67 руб. в месяц или 2/3 от суммы, которую выплачивали врачам официально находившихся на службе. Также стоит отметить, что положение Бороздича очень сильно контрастировало с другими ссыльными, которые довольствовались лишь содержанием, которое им выплачивало государство (6 руб. в месяц или 72 руб. в год) или непостоянными заработками.

В 1866 г. в Новгородской губернии и Белозерском уезде свирепствовала холера и Бороздичу было поручено наблюдение за распространением болезни в Белозерске, а также надзор и посещение больницы, включая палаты с холерными больными. Кроме Бороздича, этим занимался врач Никотин, и как отмечает земская уездная управа, «Оба врача занимались лечением больных без особого за то вознаграждения»¹⁷. Также крайне важно, что по предложению И. Бороздича, лекарства предлагалось выдавать обращающимся за помощью больным безвозмездно на что земское собрание в 1867 г. дало свое согласие.

В дальнейшем, И. Бороздич и Земская управа неоднократно будут писать Новгородскому губернатору о дозволении ему официальной работы врачом, однако раз за разом от министра внутренних дел будет следовать отказ. Важно,

что к прошениям будет прилагаться характеристика самого ссыльного. Белозерский уездный исправник 2 августа 1868 г. писал о Бороздиче следующее: «поведения примерного, характера тихого и занят всецело делом своей профессии, так что при его строго-нравственной жизни, полной преданностью делу врачевания, всегдашней готовности пособить каждому и наконец при удачном лечении он, как врач, заслужил общее уважение и доверие к себе не только лиц высшего слоя, но и простого народа, также уважаем, как и человек, за его безукоризненный образ жизни»¹⁸.

В конце 1868 г. с Бороздича снимут полицейский надзор и вскоре разрешат ему нести государственную службу¹⁹, а 20 декабря 1871 г. будет дано разрешение на отъезд в Западные губернии²⁰, а 31 июля 1880 г. дело Бороздича будет закрыто и с него снимут и негласный надзор²¹. Последние 10 лет ссылки И. Бороздича в его деле описаны не так хорошо, но из записей Белозерского уездного земского собрания мы можем увидеть стремительное возвышение Бороздича, которое было бы невозможно без его врачебной деятельности и хороших взаимоотношений с местными жителями. Иероним Игнатьевич Бороздич в 1872 г. стал заведующим Белозерской земской больницы, с 1872 по 1879 г. был городским врачом²², а в 1882 г. уездным врачом, в 1881–1885 гг. Бороздич стал предводителем белозерского дворянства²³.

Важно отметить, что И. Бороздич был далеко не единственным ссыльным, который с наилучшей стороны показал себя в ходе ссылки в Новгородской губернии. На примере проведенного исследования видно, как ссыльные поляки взаимодействовали с властями, оказывали свои услуги местным жителям, принимали активное участие в жизни в местах ссылки, а также взаимодействовали с недавно появившимися земствами и занимали довольно высокие посты в самых разных сферах жизни Новгородской губернии. Нам было важно показать, что положительные аспекты пребывания польских ссыльных в Новгородской губернии имели свои положительные стороны также как это было и в ряде Сибирских губерний.

Примечания

- ¹ Якубовская И.В. Польское Восстание 1863–1864 гг. и документы ГИАНО о польской ссылке // Прошлое Новгорода и Новгородской земли: матер. науч. конф. 16–18 ноября 2004 года / сост. В.Ф. Андреев. Великий Новгород, 2005. С. 137–140.
- ² Алексеева М.А. Польская политическая ссылка в Новгородской губернии после восстания 1863–1864 годов. // К 150-летию Январского восстания в Польше: польские ссыльные в Новгородской губернии / отв. ред. Б.Н. Ковалев. Великий Новгород, 2013. С. 75–78.
- ³ Ковалев Б.Н. Архиепископ Плоцкий и Варшавский Феофил Винцент Попель: семь лет ссылки в Новгород в перлюстрированной переписке и жандармских документах // К 150-летию Январского восстания в Польше: польские ссыльные в Новгородской губернии / отв. ред. Б.Н. Ковалев. Великий Новгород, 2013. С. 47–50.
- ⁴ Дело о политическом ссыльном в Новгородскую губернию из г. Минска враче Иерониме Бороздиче // Государственный архив Новгородской области (далее — ГАО). Ф. 138. Оп. 1. Д. 2282. Л. 2.
- ⁵ Там же. Л. 8.
- ⁶ Там же. Л. 9.
- ⁷ Общие циркуляры МВД о лицах, высланных в Новгородскую губернию по делам политического характера // ГАО. Ф. 138. Оп. 1. Д. 2261. Л. 9.
- ⁸ Там же. Л. 12.
- ⁹ Дело о политическом ссыльном в Новгородскую губернию из г. Минска враче Иерониме Бороздиче // ГАО. Ф. 138. Оп. 1. Д. 2282. Л. 12.
- ¹⁰ Там же. Л. 17.
- ¹¹ Там же. Л. 24.
- ¹² Там же. Л. 25.
- ¹³ Там же. Л. 36.
- ¹⁴ Высочайше утвержденный «Устав лечебных заведений гражданского ведомства» от 1 января 1851 г. // Полное собрание законов Российской империи. Собр. 1. Т. XXXVII, ч. 2. Дополнение к Т. XXVL. § 1. № 24781а. С. 1–18.
- ¹⁵ Журнал Белозерского уездного земского собрания. 1866 г. Типография Сухона. С. 16.
- ¹⁶ Там же. С. 19.
- ¹⁷ Там же. С. 24.
- ¹⁸ Дело о политическом ссыльном в Новгородскую губернию из г. Минска враче Иерониме Бороздиче // ГАО. Ф. 138. Оп. 1. Д. 2282. Л. 75.
- ¹⁹ Там же. Л. 100.
- ²⁰ Там же. Л. 111.
- ²¹ Там же. Л. 114.
- ²² Памятная книжка Новгородской губернии на 1878 г. Новгород, 1878. С. 89.
- ²³ Памятная книжка Новгородской губернии на 1885 г. Новгород, 1885. С. 25.

DOI: 10.31168/2619-0869.2025.23

Взгляды Станислава Щепановского на систему польского образования в Галиции

Алексей Юрьевич Макушин

Институт славяноведения РАН,
Москва, Российская Федерация;
e-mail: aleksymakushin@yandex.ru
ORCID: 0009-0000-2998-1648

Ключевые слова: Галиция, образование, национальное возрождение, педагогика, мудрость

Stanisław Szczepanowski's Views on the System of Polish Education in Galicia

Aleksey Yu. Makushin

Institute of Slavic Studies RAS,
Moscow, Russian Federation;
e-mail: aleksymakushin@yandex.ru
ORCID: 0009-0000-2998-1648

Keywords: Galicia, education, national revival, pedagogics, wisdom

Творческое наследие Станислава Щепановского важно для изучения феномена польского национального возрождения. Цель исследования — проанализировать труды Щепановского, посвященные проблемам польского образования в Галиции, без решения которых, по его мнению, успех польского национального возрождения невозможен.

Станислав Щепановский (1846–1900) — польский экономист, инженер и химик, один из пионеров нефтедобывающей

промышленности Галиции, депутат Галицкого сейма в 1887–1891 гг. В своих трудах он уделял много внимания системе польского образования и польской педагогики в Галиции. С точки зрения заявленной темы наиболее важными были, пожалуй, «Афоризмы о воспитании» (1898 г.), сборник статей «О польских традициях в воспитании» (1912 г.), а также собрание депутатских речей (1912 г.).

Щепановский был убежден, что образование, наряду с экономикой, является одной из ключевых сфер жизнедеятельности, в рамках которых поляки могут способствовать наибольшему развитию своей земли. Причем, образование, на его взгляд, должно играть особенно важную роль, поскольку успехи образования позволили бы превратить жителей Галиции в движущую силу общества, способную преодолеть экономический застой. По мнению Щепановского, Галиция была краем перенаселенным и крайне бедным, что требовало интенсивного развития экономики, которого можно добиться только с помощью повышения образовательного уровня населения. Как экономист, Щепановский придавал этому серьезное значение, ссылаясь на позитивный пример Чехии как наиболее успешно развивающейся части Австрии, где «почти все дети»¹ охвачены школьной системой, тем самым подтверждая значимость образования для развития экономики.

При этом он вынужден был констатировать, что современное ему польское образование в Галиции находилось в бедственном положении, даже более бедственном, чем иные сферы общества². К негативным чертам польского образования он относил, например, доминирование немецкой педагогики, к которой Щепановский относился резко отрицательно, и которая, по его мнению, мало считалась со славянским духом в целом (он имел в виду в первую очередь польский дух) и потребностями общества в частности. В «Афоризмах о воспитании» Щепановский, в частности, писал, что немецкая педагогика — один из смертельных врагов польской национальной идеи³, суть которой, как он, по-видимому, считал, его соотечественникам была понятна без лишних слов.

Щепановский противился тому, чтобы слепо заимствовать успешные школьные системы других стран. Критикуя сторонников внедрения прусской системы обучения, он внушал оппонентам, что это напрасный труд, поскольку каждый народ имеет свои традиции, темперамент, тип ума⁴, что и должна учитывать национальная система образования. При этом Щепановский подчеркивал, что он не против педагогической мысли других стран, считая необходимым применять лучшие и новейшие идеи извне, но развивать их следует, непременно опираясь на польские традиции.

Он напоминал об опыте Эдукационной комиссии Речи Посполитой, о переписке Тадеуша Чацкого и Гуго Коллонтая, будучи убежден, что такие проекты Эдукационной комиссии, как, например, введение для каждого школьного предмета учителя-специалиста, главенствующее положение высшей школы в системе образования, во многом опережали педагогическую мысль других европейских стран⁵.

Щепановского не устраивало состояние современной ему школьной системы, не способной обеспечить воплощение в жизнь польской национальной идеи. В своих парламентских речах он не раз обращал внимание на пагубное отсутствие профессиональных (польск. *fachowych*) школ, где молодежь могла бы получать профессию. Система образования в Австро-Венгерской империи подразумевала элементарное и гимназическое образование. Элементарное — это народные школы (польск. *szkola ludowa*), имевшие в селах по 1 или 2 класса; а в городах — до 4 классов⁶, при этом Щепановский отмечал, что большинство народных школ Галиции в действительности имели лишь 1 класс⁷. Дети из высших сословий могли посещать гимназии, предусматривавшие классическое гуманитарное образование, или реальные школы, имевшие технический уклон. Эта ступень образования готовила студентов к поступлению в университеты.

Рассматривая проблемы галицийских школ, Щепановский приходил к выводу, что школы не должны делиться на реальные и гимназии, это разделение «тела и души». На его взгляд, «гуманитарных наук недостаточно для требований

XIX века, главной заслугой которого является одновременное исследование духовного и материального», а практические науки «могут служить целям чисто практическим, однако сразу теряется их образовательная ценность»⁸. Вместо этого, Щепановский предлагал создать систему всеобщего образования. Он пояснял, что высшие классы школы бессмысленны, в них преподают то же, что в начальных школах, но с большим упором на теорию, что создание эффективной системы народных и профессиональных школ, включающей в себя всю программу средней школы, сделало бы высшие классы ненужными.

В «Афоризмах о воспитании» Щепановский выражал идеи, которые должны были заложить основу национальной польской педагогики, которая, с его точки зрения, есть способ приспособления нации к миссии, возложенной на нее обстоятельствами, во благо всего человечества. Эта миссия — польское национальное возрождение, прямо связанное им с ощутимым повышением образовательного уровня общества, заключалась в уверенности, что восстание невозможно, людей нужно вооружать «оружием жизни»⁹, то есть знанием. Национальное возрождение, по убеждению Щепановского, начинается с пробуждения польской нации, ее морального возрождения, экономического развития польских земель, это основа для возрождения польского государства.

На этом базировались и 4 заповеди польской педагогики¹⁰:

- 1) «Откреститься от прокаженных, гнусных и равнодушных, собраться в группу, у которой бьется единое сердце, идущее к одной цели»¹¹.
- 2) Исповедовать горячую веру в дело Божье, веру в победу добра.
- 3) Воспитать в себе храброго борца за национальную идею.
- 4) Пропагандировать национальную идею примером, жизнью и словом. По мнению Щепановского, это была единственная возможность создать силу нации, способную обеспечить будущую победу.

Щепановский также выделял 4 правила воспитания ума¹²:

- 1) Основа всего образования — самообучение, цель школы — не загубить ум, а приспособить его, чтобы он был открытым и мог учиться жизни.
- 2) Школа в демократическом обществе существует в гармонии с политическим устройством, главный упор — на равном, народном и гражданском воспитании всей нации.
- 3) Система образования должна превозносить слои общества, которые производят и зарабатывают, увеличивая общественное богатство, а не тех, кто лишь потребляет и живет за счет общества.
- 4) Естественнонаучное и математическое образование — основа всякого здорового образования, даже филологического и правового, которые без такой основы бесполезны и вредны.

Огромную роль в образовании играет общество, которое, по мысли Щепановского, есть совокупность двух слоев — производящего (крестьяне, ремесленники, купцы, промышленники) и потребляющего (бездельники, чиновники, интеллигенция)¹³. Прогресс в школах зависит от общества в целом, от атмосферы, из которой ученики в них попадают, а в Галиции, как ее видел Щепановский, существовала «атмосфера европейской плутократии»¹⁴. Пока общество находится во власти порочных явлений, любые школы и педагогика бессильны. Чтобы противодействовать этому, нужно создавать условия для воспитания благородных характеров учеников, ведь без характера нет образования. В обществе плутократии и бюрократии характер всего общества низводится — специально ухудшается и положение учителя, он коррумпируется. По Щепановскому, только тот достоин звания учителя, кто работает по призванию, отдавая своему делу душу, а карьерный учитель — явление вредное, портящее молодежь¹⁵.

Свободное общество, по убеждению Щепановского, делает упор на становлении характера, ему нужны свободные граждане — такое общество есть только в Англии. Для Ще-

пановского Англия, где он жил с 1870 по 1879 гг., работая в Министерстве по делам Индии, была идеалом. Общества остальной Европы он считал сугубо бюрократическими, которым нужны лишь платные слуги, их образование построено на «дрессировке знания»¹⁶.

Щепановский был уверен, что недопустимо считать образование процессом, который завершается с окончанием школы. Школа, по его убеждению, лишь открывает для человека путь, на который в дальнейшем влияют опыт, работа, семья, костел, общество. Для помощи в самообразовании, настаивал Щепановский, должны быть созданы все условия — общедоступные научные библиотеки, научные мастерские. Поскольку, как он считал, те, кто следует заповедям Божиим, учатся всю жизнь, в поисках гармонии со своим окружением стараясь наилучшим образом исполнять обязанности по отношению к семье, обществу, Богу. Это и есть мудрость. Вера и знание, по Щепановскому, не противоречат друг другу, ибо вера — для руководства душой, а знание — для овладения природой.

Мудрость одна из важнейших категорий в трудах Щепановского, она отличается от учености, которой учатся в школе. Мудрость — осознание человеком своего места и своих обязанностей в жизни, в мире, в отечестве, семье, обществе¹⁷. Общество должно состоять не только и не столько из ученых людей, сколько из людей мудрых. Тогда будет создано общество, каждый член которого «сможет сориентироваться в тех обязанностях, которые на него выпадут»¹⁸ в борьбе за национальное возрождение.

Таким образом, именно реформированная система польского образования, по мысли Станислава Щепановского, обеспечит успех польскому национальному возрождению. Однако приходится признать, что идеи Щепановского, направленные на создание системы, способной воспитать будущее общество возрожденной Польши, носили во многом идеалистический характер.

Примечания

- ¹ *Szczepanowski St.* O polskich tradycjach w wychowaniu. Lwów, 1912. S. 140.
- ² Ibid. S. 36.
- ³ *Szczepanowski St.* Aforyzmy o wychowaniu. Monachium, 1946. S. 10.
- ⁴ *Szczepanowski St.* O samodzielność kraju: sprawy poselskie: lata 1887–1891. Lwów, 1912. S. 291.
- ⁵ *Szczepanowski St.* Mysli o Odrodzeniu Narodowem. Lwów, 1907. S. 84.
- ⁶ *Moore S.O.* Teaching the Empire: Education and State Loyalty in Late Habsburg Austria. West Lafayette, 2020. P. 21.
- ⁷ *Szczepanowski St.* O polskich tradycjach w wychowaniu. S. 141.
- ⁸ *Szczepanowski St.* O samodzielność kraju: sprawy poselskie: lata 1887–1891. S. 264.
- ⁹ *Szczepanowski St.* Aforyzmy o wychowaniu. S. 24.
- ¹⁰ Ibid. S. 22.
- ¹¹ Ibidem.
- ¹² Ibid. S. 27.
- ¹³ Ibid. S. 30–31.
- ¹⁴ Ibid. S. 24.
- ¹⁵ Ibid. S. 25.
- ¹⁶ Ibid. S. 26.
- ¹⁷ *Szczepanowski St.* Mysli o Odrodzeniu Narodowem. S. 116.
- ¹⁸ Ibid. S. 117.

**ПРЕССА О СОБЫТИЯХ
КОНЦА XIX – НАЧАЛА XXI в.**

DOI: 10.31168/2619-0869.2025.24

**Убийство Стефана Стамболова
по материалам российской
периодической печати**

Данила Вячеславович Андрияков

Московский государственный университет
имени М.В. Ломоносова,
Москва, Российская Федерация;
e-mail: andr9100@list.ru
ORCID: 0009-0003-4231-6791

Ключевые слова: Болгария, Стефан Стамболов, пресса, князь Фердинанд

**The Murder of Stefan Stambolov
According to the Materials
of the Russian Periodical Press**

Danila V. Andriakov

Moscow State University,
Moscow, Russian Federation;
e-mail: andr9100@list.ru
ORCID: 0009-0003-4231-6791

Keywords: Bulgaria, Stefan Stambolov, the press, prince Ferdinand

В начале 90-х гг. XIX в. одной из трудноразрешимых для российской дипломатии проблем являлось восстановление отношений с Болгарией, которые были прерваны в ноябре 1886 г.¹. Дипломатический разрыв был невыгоден обеим стра-

нам, так что София и Санкт-Петербург во второй половине 80-х — первой половине 90-х гг. искали пути сближения, однако реальные условия для примирения сложились лишь к 1895 г.² В конце июня — начале июля 1895 г. в Санкт-Петербурге с неофициальным визитом находилась болгарская депутация. За время пребывания в российской столице болгарские представители встретились с министром иностранных дел России А.Б. Лобановым-Ростовским и императором Николаем II, что явилось серьезным шагом на пути к восстановлению русско-болгарских отношений³. Однако пребывание болгарской делегации было несколько омрачено известиями о событиях, произошедших в Софии в начале июля. 3 (15) июля македонские революционеры совершили покушение на Стефана Стамболова, который в 1887–1894 гг. занимал пост премьер-министра Болгарии, нанеся ему 25 ударов ятаганами по голове и рукам. От полученных ран 6 (18) июля болгарский экс-премьер, с которым и ассоциировался прежний антироссийский курс Болгарии, скончался⁴.

Убийство Стамболова, произошедшее на фоне наметившегося русско-болгарского сближения, активно обсуждалось как в российской, так и в европейской прессе. К концу XIX в. средства массовой информации уже стали активными участниками политической борьбы⁵. Пресса не только отражала общественные настроения, но и сама оказывала существенное влияние на формирование общественного мнения⁶. В связи с этим интересной для изучения представляется проблема оценок гибели Стамболова в материалах российской прессы. В качестве источников были привлечены следующие периодические издания: «Московские ведомости», «Новое время», «Санкт-Петербургские ведомости» и «Гражданин», которые традиционно характеризуются как консервативные издания, а также «Вестник Европы», который относят к либеральному лагерю.

Стефан Стамболов, являвшийся с августа 1886 г. одним из трех регентов Болгарии, а затем ставший болгарским премьер-министром 1 сентября 1887 г., учитывая шаткость положения недавно избранного князя Фердинанда Саксен-

Кобург-Готского, фактически сосредоточил всю власть в своих руках⁷. Внешняя политика болгарского премьер-министра в отечественной историографии нередко оценивается как «антирусская» и даже «русофобская»⁸, с чем можно отчасти согласиться. Однако при разговоре об оценке внешнеполитического курса Стамболова стоит согласиться и с мнением О.А. Дубовик о том, что болгарский премьер-министр проводил рациональную политику, направленную прежде всего на решение задач укрепления княжества и национального объединения⁹. Важно заметить, что существенные успехи Стамболова в деле укрепления Болгарии отмечали и некоторые представители российской дипломатии¹⁰. При этом Стамболов периодически искал возможности возобновить взаимоотношения с Россией, о чем свидетельствуют неофициальные переговоры болгарского премьер-министра с российским МИДом в конце 1880-х гг. и разговор Стамболова с болгарским журналистом уже после своей отставки¹¹. Однако в годы своего пребывания на посту премьер-министра Стамболову более выгодным в плане реализации интересов Болгарии представлялось взаимодействие со странами Тройственного союза и с Османской империей, о чем он упоминал в одном из интервью после отставки¹². Такая недружественная России внешнеполитическая ориентация Стамболова вызывала очевидное негодование российской периодической печати. После отставки Стамболова в мае 1894 г. российская пресса все реже вспоминала его имя, однако насильственная смерть болгарского экс-премьера вновь приковала на некоторое время внимание прессы к его фигуре.

Крупные периодические издания России сразу после получения известий о трагических событиях в болгарской столице выступили с осуждением убийства бывшего болгарского премьер-министра. «Московские ведомости» писали следующее: «Как ни осуждали мы [...] Стамболова [...] мы не можем не выразить своего осуждения и тому грубому насилию, жертвой которого он сделался»¹³. «Новое время» высказалось в схожем тоне: «Мы всегда говорили и против обыкновенных, и против политических убийств»¹⁴. «Санкт-Петербургские

ведомости» также выступили с осуждением «дикой расправы»¹⁵. «Гражданин», в свою очередь, охарактеризовал убийство Стамболова как «глубоко возмутительное»¹⁶.

При всем этом, несмотря на осуждение убийства, многие периодические издания не забывали напоминать о своем нелестном отношении к покойному. «Новое время» по поводу смерти Стамболова замечало следующее: «Кто действовал насилием, тот от насилия погибает»¹⁷. В схожем смысле, однако несколько грубее, высказывался и «Гражданин»: «звери его убили как зверя»¹⁸. При всем этом интересно заметить, что некоторые российские периодические издания все же весьма сочувственно отнеслись к погибшему. «Санкт-Петербургские ведомости», например, отмечали, что расправа была настолько жестокой, что «видна была только жертва расправы; политик, деятель был забыт [...] В России Стамболова пожалели по человечеству» несмотря на то, что «добром помянуть его не только трудно, но даже прямо невозможно»¹⁹. «Вестник Европы», ранее являвшийся чуть ли не единственным печатным органом, подмечавшим положительные итоги правления Стамболова, также весьма сочувственно высказался по поводу убийства экс-премьер-министра, осудив разыгравшуюся в болгарском обществе «вакханалию, противную человеческому чувству». По мнению журнала, за Стамболовым не признали то, что «признается за последним преступником, — права на молчаливое, спокойное погребение»²⁰. И действительно, судя по корреспонденциям «Нового времени», в день похорон Стамболова в Софии на кладбище устраивались многочисленные манифестации с целью «оказать последнее презрение тирану»²¹.

Пожалуй, самой обсуждаемой темой, связанной с убийством Стамболова, являлась проблема личности организаторов. На страницах российской периодической печати в это время появились заметки, посвященные реакции западной прессы на убийство Стамболова. Средства массовой информации Англии и держав Тройственного союза, прежде всего Австро-Венгрии и Италии, винили в произошедшем непосредственно князя Фердинанда и премьер-министра Константина

Стоилова. Некоторые западные издания напрямую связывали пребывание болгарской делегации в Санкт-Петербурге и смерть «русофоба» Стамболова. «Итальянская пресса откровенно намекает, что депутация как бы поклонилась России головою Стамболова. Скудоумная выдумка» — писал из Неаполя корреспондент «Нового времени»²². Подобные обвинения, в свою очередь, вызвали реакцию российских газет и журналов. Российская пресса, не особо жаловавшая Фердинанда Кобургского за его согласие стать болгарским князем без одобрения России²³, в случае с убийством Стамболова стала своего рода «адвокатом» болгарского князя и его правительства. «Московские ведомости» по поводу обвинений западной прессы в причастности Фердинанда и болгарского правительства к покушению писали следующее: «Много новых обвинений падает на болгарское лжеправительство, но мы полагаем что в покушении на жизнь бывшего диктатора оно не виновно»²⁴. С позицией «Московских ведомостей» соглашался и «Гражданин», в котором высказывалось убеждение относительно того, что князю Фердинанду было бы гораздо легче легальными способами удалить Стамболова из страны, чем организовывать его убийство²⁵. «Санкт-Петербургские ведомости» также считали, что правительству Константина Стоилова и князю Фердинанду «удобнее и выгоднее было посадить Стамболова на скамью подсудимых, доказать его несомненные вины и преступления, конфисковать награбленные им капиталы и имущества», чем убивать находящегося в отставке премьер-министра²⁶. «Новое время», называя «совершенно несправедливыми» обвинения в адрес Фердинанда, высказали свое предположение столь яркой реакцией западной прессы: «На Стамболове, даже и удаленном от власти, сосредотачивались все-таки многие тайные надежды западных недоброжелателей»²⁷. В оценке же основного мотива убийства российская пресса солидаризировалась, характеризуя произошедшие события как личную месть убитому²⁸.

Тема же влияния смерти Стамболова на русско-болгарские отношения в периодических изданиях практически не обсуж-

далась. Вероятнее всего, российская пресса просто не считала необходимым концентрировать свое внимание на трагическом событии, которое не могло существенно повлиять на русско-болгарское сближение. Лишь «Новое время» кратко высказалось по этой теме, заметив, что «трагическая смерть Стамболова ничего не изменила, да и не могла изменить» в русско-болгарских взаимоотношениях²⁹.

Подводя итоги, стоит отметить, что многие крупные периодические издания России, несмотря на отрицательные оценки личности болгарского экс-премьера, негативно отнеслись к новости о его насильственной смерти. При всем этом интересно заметить, что российская пресса невольно стала защитницей болгарского правительства и князя Фердинанда от обвинений в причастности к убийству Стамболова. Однако, несмотря на защиту Фердинанда от нападок западной прессы, российская периодическая печать в большинстве своем сохранила негативное восприятие пребывания на болгарском престоле Фердинанда и продолжила заявлять о невозможности восстановить дипломатические отношения с Софией при сохранении власти Кобурга в княжестве³⁰. И в данном случае убийство ранее отличавшегося антироссийской риторикой болгарского экс-премьера, трагически совпавшее с первым серьезным шагом Болгарии на пути примирения с Россией, даже не рассматривалось российской прессой как фактор, способный сколько-нибудь повлиять на русско-болгарские отношения.

Примечания

- ¹ Косик В.И. Русская политика в Болгарии, 1879–1886. М., 1991. С. 173.
- ² Дюлгерова Н. Политика России и Австро-Венгрии в отношении Болгарии в конце XIX — начале XX вв. (1896–1903 гг.): дис. ... канд. ист. наук. М., 1985. С. 50–51; Мартыненко А.К. Русско-болгарские отношения в 1894–1902 гг. Киев, 1967. С. 286.
- ³ Косик В.И. Восстановление русско-болгарских официальных отношений в освещении русской печати 1894–1896 гг. // Балканские исследования. М., 1987. Вып. 10: Балканские исследования. Общественные и культурные связи народов СССР и Балкан. XVIII–XX вв. / отв. ред. Г.Л. Арш. С. 86; Киняпина Н.С. Балканы и проливы во внешней политике России в конце XIX века (1878–1898). М., 1994. С. 120.

- 4 Айрапетов О.Р. История внешней политики Российской империи. 1801–1914 гг.: в 4 т. Внешняя политика императора Николая II. 1894–1914. М., 2018. Т. 4. С. 34.
- 5 Кострикова Е.Г. Россия на пороге информационных войн. Политика российского правительства в сфере СМИ в начале XX века. СПб., 2020. С. 4.
- 6 Есин Б.И. Русская газета и газетное дело в России: Задачи и теорет.-методол. принципы изучения. М., 1981. С. 126; Косик В.И. Восстановление русско-болгарских официальных отношений... С. 87.
- 7 Дубовик О.А. Стефан Стамболов в поисках союзников для решения македонского вопроса // *Casus belli* в международных отношениях XIX–XX вв.: дипломатия, идеология, военные приготовления / отв. ред. Л.С. Белоусов. СПб., 2023. С. 246.
- 8 Киняпина Н.С. Балканы и проливы... С. 113; Косик В.И. Балканы: «Порвалась цепь великая...» (середина XIX — начало XXI вв.). М., 2014. С. 22.
- 9 Дубовик О.А. Стефан Стамболов в поисках... С. 277.
- 10 Ламздорф В.Н. Дневник. 1894–1896. М., 1991. С. 231.
- 11 Косик В.И. Время разрыва. Политика России в Болгарском вопросе, 1886–1894 гг. М., 1993. С. 51–52; Дубовик О.А. Стефан Стамболов в поисках... С. 275–276.
- 12 Там же.
- 13 Покушение на убийство Стамболова // Московские ведомости. 1895. 6 июля. № 183. С. 2.
- 14 «Стамболов изранен среди бела дня...» // Новое время. 1895. 5 июля. № 6949. С. 1.
- 15 «“Стамболов был главным препятствием...”» // Санкт-Петербургские ведомости. 1895. 6 июля. № 180. С. 1
- 16 Убийство Стамболова // Гражданин. 1895. 10 июля. № 187. С. 1.
- 17 «Стамболов изранен среди бела дня...». С. 1.
- 18 Дневник // Гражданин. 1895. 8 июля. № 185. С. 3.
- 19 «Из бурной политической жизни...» // Санкт-Петербургские ведомости. 1895. 7 июля. № 181. С. 1
- 20 Иностранное обозрение // Вестник Европы. 1895. Т. 4. Кн. 7/8. С. 827–835.
- 21 Письма из Болгарии. Погребение Стамболова // Новое время. 1895. 15 июля. № 6959. С 1–2.
- 22 *Old Gentleman*. Из Италии. Итальянская стамболовщина // Новое время. 1895. 13 июля. № 6957. С. 2.
- 23 «Кончая наше вчерашнее обозрение...» // Новое время. 1894. 24 апреля. № 6519. С. 2; «У дома Кобургов имеются...» // Санкт-Петербургские ведомости. 1894. 30 мая. № 144. С. 1.
- 24 Покушение на убийство Стамболова... С. 2.
- 25 Убийство Стамболова... С. 1.
- 26 «“Стамболов был главным препятствием...”»... С. 1.
- 27 «Нельзя не остановиться на весьма любопытной поправке...» // Новое время. 1895. 10 июля. № 6954. С. 1; «Западная политическая печать» // Новое время. 1895. 9 июля 1895. № 6953. С. 1.

- ²⁸ Покушение на убийство Стамболова... С. 2; Убийство Стамболова... С. 1; «Стамболов изранен среди бела дня...». С. 1.
- ²⁹ «Нельзя не остановиться на весьма любопытной поправке...». С. 1.
- ³⁰ «Болгарская депутация, ездившая в Петербург...» // Новое время. 1895. 24 июля. № 6968. С. 1; Признать ли принца Фердинанда // Московские ведомости. 1895. № 203. 26 июля. С. 1.

DOI: 10.31168/2619-0869.2025.25

Восприятие образа Балкан и саморефлексия в китайской прессе первой трети XX в.

Бинъюэ Ту

Институт страновых и региональных исследований,
Столичный педагогический университет,
Пекин, Китай;
email: tubingyue@sina.com
ORCID: 0000-0003-1787-4997

Ключевые слова: Балканские войны, Китайская Республика, Актуальные комментарии в прессе, Имиджология, Нарратив «другого»

Image Perception of the Balkans and Self-Reflection in the Chinese Press of the First Third of the 20th Century

Bingyue Tu

Institute of Global and Area Studies,
Capital Normal University,
Beijing, China;
e-mail: tubingyue@sina.com
ORCID: 0000-0003-1787-4997

Keywords: the Balkan Wars, Republic of China, Current affairs commentaries in the press, Image Studies, Narrative of otherness

В начале XX века проблемы Ближнего Востока, представленным спором на Балканах, и проблемы Дальнего Востока, характеризуемые разделом Китая, вносили неопределенность и риск нестабильности в мировую ситуацию. Хотя Китай и Балканы были отделены друг от друга, одни и те же державы соперничали друг с другом за раздел сфер влияния и вмешательство во внутренние дела, превращая Китай и Балканы в две большие пороховые бочки. Во время двух Балканских войн 1912–1913 гг., в Китае Синьхайская революция свергла династию Цин, а нарождающаяся Китайская Республика, столкнувшись с жесткой позицией Великобритании и России в отношении отделения Тибета и Монголии¹. В ходе глубокого вовлечения балканских стран в Первую мировую войну, в Китае обострялись военные конфликты между отдельными региональными милитаристами, которых поддерживали великие державы, за контроль над Пекинским правительством². В версальско-вашингтонской системе, по которой Турция заключила с балканскими странами Лозаннский мирный договор, иностранные державы продолжили их прежнюю политику раздела Китая на сферы влияния и интересов³.

Благодаря процветающему развитию журналистики, появились не только основанные британцами «Шэньбао»* и японским МИДом «Шуньтянь шибао»**, но и газеты, основанные самими китайскими интеллектуалами, такие как «Дагунбао»*** и «Да Гунхэ Жибао»****, стали важным средством просвещения народа и распространения западных

* Ежедневная газета, основанные в 1872 г., стала одной из первых китаеязычных газет.

** Основанная в 1901 г. японским министерством иностранных дел и издававшаяся на китайском языке в Пекине, она была одной из самых влиятельных газет в Северном Китае, а позже служила Японии в ее агрессивной войне против Китая.

*** Основанная в 1902 г., она играла важную роль не только в освещении событий в Китае и мире, но и в формировании общественного мнения и культурном просвещении.

**** Основанная в 1912 г. как официальная газета политической партии «Альянс Китайской Республики», выступала за республику и демократию.

знаний и демократических идей. Китайские интеллигенты обращали внимание на испытание балканских стран в новостях и писали социальные комментарии, не только потому, что Китай и Балканы симпатизируют друг другу из-за вмешательства и угнетения великих держав, но и потому, что ситуация Балкан также была связана с Китаем. Так что наблюдения китайских интеллигентов относительно ситуации на Балканах были тесно связаны с их собственным национальным кризисом.

Несмотря на отсутствие прямых контактов между Китаем и Балканами в начале XX века, международные комментарии в китайской прессе создали среду для контактов и пространство для общения между Дальним и Ближним Востоком. Образ Балкан стала зеркалом, отражающим восприятие китайскими интеллигентами своей собственной страны и их политические устремления в отношении нее. Среди этих интеллигентов были такие важные мыслители и общественные деятели, как Лян Цичао* и Е Чуцан**, но чаще всего это были авторы, оставившие после себя только псевдонимы, детали биографии которых нуждаются в дополнительном изучении.

При изучении внешнего мира в тогдашней прессе Запад, занимая много мест в газетах, часто рассматривается как важный объект наблюдения, в то время как Балканы, «среднее звено» между Востоком и Западом, легко игнорируются. В данной статье автор попытается анализировать комментарии о Балканах в китайской прессе первой трети XX века и изучить, как китайские интеллигенты конструировали образ Балкан в статьях, как они наблюдали за другим «Востоком» с точки зрения «Востока», как сравнивали с собой и размышляли о себе через призму балканской ситуации. Для статьи использована база данных *Newspapers of Modern China Da-*

* Лян Цичао (梁启超, 1873–1929) — известный китайский мыслитель и общественный деятель, один из лидеров либерального реформаторского движения в Китае конца XIX — начала XX века.

** Е Чуцан (叶楚伧, 1887–1946) — знаменитый поэт, чиновник партии Гоминьдан и политический активист.

*tabase*⁴, которая содержит более 4 000 китайских и английских газет от конца династии Цин до Китайской Народной Республики. Хронологические рамки данного исследования охватывают период с 1910-х до 1930-х годов. По ключевым словам «Балканы», «Китай» и «Россия» было найдено 144 комментария* о текущих событиях.

Образ Балкан в китайской прессе имеет двойственный характер — как «другой» и как «зеркальное отражение». «Пороховая бочка»⁵ игры великих держав — наиболее яркое описание Балканского региона в китайских СМИ, где региональный конфликт является не только продуктом местных этнических конфликтов, но и продолжением соперничества европейских великих держав.

После начала Первой Балканской войны в октябре 1912 г. китайские комментаторы, наблюдая и отслеживая балканский союз против Османской империи, сравнивали Китай с Османской империей, «самой слабой и самой разрушительной страной в мире»⁶. Используя понятия «суверенитет» и «сюзеренитет» в своих интересах, великие державы превратили балканские страны в жертвы войны. В пронительной статье «Да Гунхэ Жибао» анализировалось, что движения за независимость государств на Балканах (например, Черногории, Сербии и др.) были, по сути, результатом вмешательства Великих держав (Великобритании, России, Австро-Венгрии, Германии и др.) с помощью открытой концепции «суверенитета». Поддерживая «автономию» или «независимость» зависимых от Османской империи государств, великие державы постепенно расчленили Османскую империю, расширяя тем самым свои сферы влияния, как в случае с Берлинским договором 1787 г. Автор данной статьи считал такую тактику великих держав лицемерным средством «цивилизованного прогресса», призванное узаконить их акты интервенции и агрессии⁷. Лян Цичао считал, что, хотя про-

* Поскольку репортажи и новостные статьи в основном представляют собой фактическое описание событий или компиляцию сообщений других иностранных СМИ и не показывают, что думали китайские интеллигенты, статья посвящена только комментариям.

блемы Ближнего Востока неоднократно приводили к войнам, что связано со сложными этническими отношениями, главная первопричина заключалась в том, что державы, действующие за кулисами, стремились удовлетворить свои сиюминутные корыстные интересы и без колебаний использовали балканские страны в качестве жертвенных ягнят, что привело к череде многолетних войн, принесло обществу неизмеримые страдания и в итоге поставило под удар самих себя⁸.

Выше было про внешний фактор, а в отношении внутренних проблем Балкан, одна статья утверждала, что на Балканах никогда не будет мира, и что, хотя это небольшие страны, они все еще стремились расширить свои территории⁹. В комментарии «Дагунбао» давался более подробный анализ: «Здесь сосуществуют множество народов, территория региона ограничена, ресурсы скудны, экономические структуры стран сильно различаются, уровень культурной интеграции низок, а длительное время находились под властью Османской империи, лишь столетие назад начав борьбу за независимость. Даже без вмешательства великих держав их внутренние проблемы были достаточно сложны»¹⁰.

Кроме того, как отмечают интеллектуалы, вспыхнувшие в тот период войны на Балканах оказали непосредственное влияние на Китай. Китай и балканские страны подобны рыбам, плавающим в одном пруду, или птицам, обитающим в одном лесу: «если на одном конце водоема поднимется волнение, его спокойствие будет нарушено, и рыбы не смогут оставаться в безопасности; если в части леса раздастся выстрел, потрясение охватит весь лес, и птицы не смогут оставаться в своих гнездах»¹¹. На фоне влияния Балканских войн нестабильность на европейских финансовых рынках (например, блокировка выпуска облигаций, рост процентных ставок) китайскими СМИ рассматривалась как серьезное предупреждение, напрямую затрагивающее проблему внешнего долга Китая. В 1913 г. немаловажную роль в усилении власти Пекинского правительства сыграла финансовая поддержка банковского консорциума пяти держав — Ан-

глии, Франции, Германии, Японии и России¹². Капитальное напряжение великих держав, вызванное войной, косвенно ослабило их способность предоставлять займы Китаю. Автор под псевдонимом «Мо» написал: «Уже сейчас из-за Балканских войн финансовое положение стран крайне тяжелое: банковские проценты стремительно растут, возможности для развития бизнеса заморожены, выпуск облигаций блокируется. Если война разразится, надежды Китая на займы от великих держав станут и вовсе призрачными»¹³. Другой анонимный автор в «Миньли бао»* далее подчёркивал: «Успех или провал займа Китая у консорциума полностью зависит от стабильности европейской ситуации, а возобновление Балканских войн привело к тому, что шесть держав не могут предоставить Китаю кредит»¹⁴.

Во время Балканских войн Великобритания и Россия предпринимали попытки спланировать независимость Внешней Монголии и Тибета, извлекая из этого выгоду, что привлекло внимание китайской интеллигенции. Они предупреждали, что великие державы могут применить к Китаю методы, использованные на Балканах, чтобы расчленив страну, а Монголия, Тибет и Маньчжурия столкнутся с угрозой разделения. 3 ноября 1912 г. царская Россия, игнорируя официальное заявление китайского правительства о непризнании независимости Внешней Монголии, принудила марионеточное правительство Внешней Монголии подписать «Русско-монгольское соглашение», признав ее автономию¹⁵. В репортажах подчеркивалось: «Россия стремится добиться независимости Монголии, поставив ее под свой протекторат, подобно тому, как по Сан-Стефанскому договору 1878 года с Османской империей была признана автономия Болгарии. Нынешнее положение Китая даже хуже турецкого — Россия требует автономии для Монголии, а Китаю следует избежать повторения турецкого сценария, где внутренние распри и дипломатическая слабость привели к постепенной утрате

* Основанная в 1910 году, она выступала против правления Цин и поддерживала демократическую революцию.

суверенитета»¹⁶. Однако некоторые комментаторы считали, что суть монгольского вопроса была иной. Хотя в Маньчжурии и Монголии существовали религиозные верования, само китайское государство не имело религиозной принадлежности. Конфликты между религиями могли временно дестабилизировать внутреннюю ситуацию, но постепенно утихали благодаря внутренним корректировкам. Маньчжурия и Монголия не обладали независимой финансовой системой, принадлежали к монголоидной расе и политически подчинялись центральному правительству, не имея правовых оснований для независимости¹⁷.

В любом случае, комментаторы призывали Китай воспользоваться возможностью провести внутренние реформы и создать дипломатические возможности для сдерживания независимости Внешней Монголии, пока Россия была отвлечена балканским спором. Чу Цан, главный редактор «Минлибао», считал «Русско-монгольское соглашение» хитрым планом царского правительства, призванным создать дымовую завесу, чтобы сосредоточиться на Балканах, и заставить Китай ослабить вооруженную бдительность, при этом можно убить сразу двух зайцев. Но это также была хорошая возможность для Китая воспользоваться бездействием России на Дальнем Востоке и устранить опасность монгольской независимости, иначе Россия непременно вмешается в монгольский вопрос, как только осядет пыль на Балканах¹⁸. Балканский конфликт стал окном возможностей для Китая в борьбе за дипломатическую инициативу. Автор под псевдонимом «Фэй» утверждал, каждый раз, когда на Ближнем Востоке происходило что-то, Дальний Восток сохранял относительный мир. Во время Балканских войн у Китая появилась возможность вернуть контроль над Монголией и Тибетом¹⁹. Китай также должен был воспользоваться моментом, когда Европа была погружена в войну на Балканах, чтобы утвердить свою дипломатическую политику и укрепить основы государства; хотя ему не было в радость чужое несчастье, он действительно столкнулся с отличными возможностями для развития²⁰.

Во время и после Первой мировой войны, существовала вероятность, что Китай станет вторыми «Балканами». В 1918 году Лян Цичао опубликовал статью, в которой провозгласил: «Десятилетиями в умах людей по всему миру таилась неясная тревога — считалось, что в будущем двумя главными причинами войн и хаоса станут ближневосточный вопрос и дальневосточный вопрос»²¹. «Шуньтянь шибао» сравнила Балканы с «жерлами» вулкана, предположив, что следующим «жерлом» станет Китай²². Однако, несмотря на одинаковое впечатление как «жерлом», между ними существует принципиальная разница. Как отмечалось в статье газеты «Дагунбао», в отличие от Балкан, Китай обладает культурной основой «органичного единства» и потенциалом самодостаточной экономики. Если Китай будет твердо придерживаться идеи единства и противостоять подстрекательству со стороны великих держав, он сможет полностью избежать балканского сценария фрагментации²³.

Когда китайские интеллигенты наблюдали за Балканами и размышляли о нем, их точка зрения заслуживала внимания. После того как Китай был вынужден открыть свои двери после Опиумных войн, он постепенно отказался от прежнего взгляда на мир, основанного на своем превосходстве над всеми остальными, и начал рассматривать вопросы внешней политики как участник международного сообщества. Особенно при рассмотрении балканской проблемы китайские интеллигенты, находясь на Востоке (Дальний Восток), наблюдали за другим Востоком (Ближний Восток) и обладали осязаемым пониманием, а также рациональной критикой колониализма и политического вмешательства западных держав. Хотя при познании Балкан они восприняли некоторые описания, пронизанные ориентализмом*, например, «низкая культура, но жесткий народ»²⁴, в целом они преимущественно критиковали доминирование западных

* Этот термин появился в книге Эдварда В. Саида «Ориентализм. Западные концепции Востока» (2006). Ориентализм является результатом культурной гегемонии Запада, суть которой воплощается в идее европейского превосходства над другими неевропейскими народами.

держав и их военное вмешательство. Китайские СМИ оценили, что в XX веке было много мощных держав, лишённых принципов, и мир долго страдал от силы²⁵. Они критиковали международное право, ставшее инструментом для разделения других стран и обогащения великих держав. Заключалось в том, что Китай должен избавиться от зависимости от великих держав с помощью самостоятельной дипломатии и добиться международного равного статуса²⁶. Лян Цичао, опираясь на экономические принципы, утверждал, что обоюдная выгода была выгодой, а односторонняя — невыгодой, и весьма опережающим временем предложил концепцию «взаимовыгодного сотрудничества», призывая великие державы уважать потребности Китая в развитии и избегать превращения Китая в предлог для конфликта²⁷.

В целом, внимание Китая в первой трети XX века к балканской ситуации было обусловлено как геополитической настороженностью, так и глубокой рефлексией относительно собственных кризисов. Анализ газетных статей показал, что комментарии по поводу событий на Балканах носили прагматичный характер, служивший китайской политической повестке. Анализируя балканский пример, китайские интеллигенты глубоко выявили логику вмешательства великих держав в дела слабых государств и сформулировали стратегию защиты национального суверенитета. На внешнем уровне необходимо опасаться хитрого применения концепции международного права великими державами, а также использовать их отвлечение от других международных дел, чтобы получить дипломатическое пространство для себя. На внутреннем уровне важно укрепить внутренние реформы для консолидации национальной силы и сохранить культурное единство Китая.

Примечания

¹ История Китая с древнейших времен до начала XXI века / гл. ред. С.Л. Тихвинский, отв. ред. Н.Л. Мамаева. М., 2013. Т.VII: Китайская Республика (1912–1949). С. 30–32.

² Там же. С. 46.

- ³ Там же. С. 68.
- ⁴ URL: <https://www.cnbksy.com/v1/home> (дата обращения: 27.10.2025).
- ⁵ Фэй. О связи войны на Балканском полуострове с Монголией и Тибетом газета // Да гунхэ жибао. 14.10.1912. = 斐. 论巴尔干半岛战争与蒙藏之关系 // 大共和日报. 14.10.1912.
- ⁶ Джэ. Китай в контексте балканских событий // Да Гунхэ Жибао. 20.10.1912. = 哲. 巴尔干风云中之中国 // 大共和日报. 20.10.1912.
- ⁷ Там же.
- ⁸ Лян Цичао. Реформирование международных отношений Китая // Шиши Синьбао (Шанхай). 26.11.1918. С. 1. = 梁启超. 中国国际关系之改造 // 时事新报 (上海) ». 26.11.1918. С. 1.
- ⁹ Балканские волнения // Шэньбао. 04.10.1913. = 巴尔干之风波 // 申报. 04.10.1913.
- ¹⁰ Китай и Балканы // Дагунбао (Тяньцзинь). 14.04.1927. = 中国与巴尔干 // 大公报 (天津) . 14.04.1927.
- ¹¹ Чу Соу. Предположения о влиянии Первой мировой войны на Китай // Дагунбао (Чанша). 23.10.1915. = 樗叟. 欧战影响于中国之臆测 // 大公报 (长沙) . 23.10.1915.
- ¹² История Китая с древнейших времен до начала XXI века. Т.VII. С. 33.
- ¹³ Мо. Будущее влияние проблем Балкан // Шэньбао. 31.10.1912. = 默. 巴尔干问题将来之影响 // 申报. 31.10.1912.
- ¹⁴ Изменение переговоров на Балканском полуострове — неблагоприятный знак для проблемы крупного займа Китая // Миньли бао. 14.01.1913. С. 6. = 巴尔干半岛之和议中变, 实为中国大借款问题不佳之兆 // 民立报. 14.01.1913. С. 6.
- ¹⁵ История Китая с древнейших времен до начала XXI века. Т.VII. С. 31.
- ¹⁶ Чжун Минь. Китайская Республика и Турция // Миньли бао. 14.11.1912. = 重民. 中华民国与土耳其 // 民立报. 14.11.1912.
- ¹⁷ Сравнение проблем Балкан с монголо-тибетским вопросом // Дагунбао (Тяньцзинь). 18.11.1912. = 巴尔干问题与蒙藏问题之比较 // 大公报 (天津) . 18.11.1912.
- ¹⁸ Чу Цан. Сила России на Дальнем Востоке // Миньли бао. 07.12.1912. С. 7. = 楚侗. 俄之远东力 // 民立报. 07.12.1912. С. 7.
- ¹⁹ Фэй. О связи войны на Балканском полуострове с Монголией и Тибетом газета // Да гунхэ жибао. 14.10.1912. = 斐. 论巴尔干半岛战争与蒙藏之关系 // 大共和日报. 14.10.1912.
- ²⁰ Шуай Чи. О Балканской войне и политике нашей страны // Шэньчжоу жибао. 30.10.1912. = 率痴. 论巴尔干战争与我国政策 // 神州日报. 30.10.1912.
- ²¹ Лян Цичао. Реформирование международных отношений Китая // Шиши Синьбао (Шанхай). 26.11.1918. С. 1. = 梁启超. 中国国际关系之改造 // 时事新报 (上海) ». 26.11.1918. С. 1.
- ²² Англия и Россия до войны, Америка и Россия после войны — Балканы прошлых лет и сегодняшний Китай // Шуньтянь шибао. 01.07.1924. = 战前之英俄, 战后之美俄——往年之巴尔干, 今日之中国. 顺天时报. 01.07.1924.
- ²³ Китай и Балканы // Дагунбао (Тяньцзинь). 14.04.1927. = 中国与巴尔干 // 大公报 (天津) . 14.04.1927.
- ²⁴ Новые перемены на Балканах // Дагунбао (Тяньцзинь). 11.06.1927. = 巴尔干之新风云 // 大公报 (天津) . 11.06.1927.

- ²⁵ У Жу. Глобальный взгляд на проблемы Балкан // Миньли бао. 17.10.1912. = 戊如. 巴尔干问题之世界观 // 民立报. 17.10.1912.
- ²⁶ Джэ. Китай в контексте балканских событий // Да Гунхэ Жибао. 20.10.1912. = 哲. 巴尔干风云中之中国 // 大共和日报. 20.10.1912.
- ²⁷ Лян Цицао. Реформирование международных отношений Китая // Шиши Синьбао (Шанхай). 26.11.1918. С. 1. = 梁启超. 中国国际关系之改造 // 时事新报 (上海) ». 26.11.1918. С. 1.

DOI: 10.31168/2619-0869.2025.26

Убийство Зорана Джинджича: основные версии 22 года спустя

Александр Евгеньевич Ткаленко

Институт славяноведения РАН,
Москва, Российская Федерация;
e-mail: tkalenko.adv@gmail.com
ORCID: 0009-0008-2133-3062

Ключевые слова: Зоран Джинджич, внутренняя политика
Сербии, криминалитет, Милорад Улемек, МТБЮ

The Murder of Zoran Djindjic: Main Versions 22 years Later

Alexander E. Tkalenko

Institute of Slavic Studies RAS,
Moscow, Russian Federation;
e-mail: tkalenko.adv@gmail.com
ORCID: 0009-0008-2133-3062

Keywords: Zoran Djindjic, Serbian internal politics, criminality,
Milorad Ulemek, ICTY

Криминальный фактор — важная составляющая внутренней политики Сербии. Зачастую он остается скрытым от глаз исследователя, но оказывает влияние на принятие ре-

шений на уровне государства. Недостаток информации об участниках и событиях нередко становится поводом для дискуссий среди научного сообщества, СМИ и общественно-политических деятелей. В данной работе будут рассмотрены основные версии убийства сербского премьер-министра Зорана Джинджича. Автор опирается на источники официального происхождения: в первую очередь, воспоминания очевидцев. Изучение данной темы важно в контексте понимания внутренней политики Сербии и роли криминального фактора в стране.

Организованные преступные группы образовались еще во времена существования Югославии. Тогда появились такие фигуры как Желько Ражнатович (Аркан), Душан Спасоевич (Шиптар), Милорад Лукович (Легия), Любиша Буха (Чуме) и другие. По-настоящему влиятельным криминалитет стал во времена боевых действий в Хорватии, Боснии и Герцеговине и Косово.

После окончания боевых действий многие бывшие комбатанты приблизились к власти. Вернувшись в Сербию, они обладали финансовыми ресурсами, оружием и связями. Это позволило сформировать несколько крупных мафиозных групп и оказывать влияние на политическую жизнь страны. Одним из наиболее значимых политических преступлений стало убийство бывшего премьер-министра Сербии Ивана Стамболича по заказу Слободана Милошевича в 2000 году.

Однако самое резонансное убийство произошло спустя три года. 12 марта 2003 года у премьер-министра Сербии Зорана Джинджича было назначено совещание Совета по борьбе против коррупции и переговоры с главой МИД Швеции Анной Линд. За пару недель до этого премьер-министр повредил ногу во время игры в футбол. Из-за травмы Джинджичу пришлось использовать костыли.

По прибытии к Дому правительства сотрудники службы безопасности помогли Джинджичу выбраться из автомобиля. Телохранитель Милан Веруович передал ему костыли, подвел к дверям и вернулся, чтобы закрыть машину, а премьер-министр начал заходить в здание.

Пока политик и служба безопасности находились на улице, по ним начали стрелять. Исполнителями убийства оказались бывшие комбатанты и криминальные авторитеты Звездан Йованович и Милорад Улемек (Легиа). Мотивы их преступления до сих пор не до конца ясны. Можно выделить несколько версий произошедшего.

Версия № 1. Убийство Зорана Джинджича произошло при участии США

В работе «Третья пуля. Политические обстоятельства убийства Зорана Джинджича»¹ (серб. *Treći metak: politička pozadina ubistva Zorana Đinđića*) охранник премьер-министра и очевидец событий Милан Веруович критикует версию следствия и настаивает на британском следе в убийстве политика. С его точки зрения, смерть Джинджича не была результатом криминальных разборок, как уверяет следствие. Настоящей причиной может являться нежелание премьер-министра окончательно признать независимость Косово. Тем самым серб разрушал планы по созданию *Pax americana*, что давало западным спецслужбам повод расправиться с политиком².

Джинджич действительно был сторонником сохранения Косово в Сербии и обвинял Милошевича в ошибках, приведших к изгнанию сербов из региона³. В то же самое время, Горан Живальевич, бывший сотрудник Государственной службы безопасности Сербии, отмечал, что Джинджич был готов на обмен территорий, где 15% региона, в которых преимущественно проживали сербы, остаются в составе страны, а остальные 85% с албанским населением становятся независимым государством⁴.

Версия № 2. Страх выдачи МТБЮ

Событием, заставившим Улемек почувствовать угрозу, стал запрос прокурора МТБЮ (Международный трибунал по бывшей Югославии) Карлы дель Понте министру внутренних дел Душану Михайловичу в октябре 2001 года. Информация касалась около 200 человек, включая членов отряда под руководством Улемек, Подразделения по специальным операциям (серб. *Jedinica za speciјалне операције (JSO)*).

Сам Легиа должен был предстать перед судом в качестве свидетеля по делу о покушении на Вука Драшковича на Ибарском шоссе 3 октября 1999 года⁵.

В начале ноября 2001 года были арестованы братья Предраг и Ненад Бановичи — приближенные к Улемеку люди. Им были предъявлены обвинения от МТБЮ в военных преступлениях во время боснийской войны. Чтобы повлиять на правительство, 9 ноября 2001 г. JSO решается на мятеж, чтобы вынудить правительство не принимать закон о сотрудничестве с МТБЮ и уволить министра внутренних дел Душана Михайловича⁶.

10 ноября JSO отказалось от любых контактов с государственными учреждениями и заблокировало участок автомагистрали между Белградом и Врбасом. В это время Зоран Джинджич находился с визитом в США и вернулся оттуда 11 ноября. Во второй половине дня он провел совещание в МВД. На этой встрече Джинджич попросил заместителя главы МВД Югославии Сретена Лукича ответить, может ли полиция предотвратить потенциальную попытку JSO захватить здание правительства, и получил отказ⁷. В тот же день премьер-министр провел переговоры с Улемеком, но стороны не пришли к соглашению. Улемек и его соратники остались под угрозой выдачи их МТБЮ.

Версия № 3. Политическое убийство

Сербский журналист Живота Иванович утверждает, что убийство имело исключительно политическую подоплеку. Отношения между Джинджичем и Милорадом Улемеким установились накануне октябрьского переворота 2000 года, в период, когда Легиа возглавлял специальное подразделение «Красные берет» и не воспрепятствовал смене власти⁸.

После прихода к власти Джинджич сохранил связи с сурчинским кланом, что накладывало отпечаток на отношения с Улемеким, принадлежавшего к враждующему Земунскому клану. К этому добавилось активное сотрудничество премьер-министра с Гаагским трибуналом. Обострение отношений произошло спустя месяц после ареста Милошевича.

В мае 2001 года в Париже были арестованы глава земунцев Душан Спасоевич и еще несколько участников клана⁹. У Легги были все основания подозревать, что Джинджич обойдется с ним так же.

Аналогичной точки зрения придерживается сербский журналист Милош Васич. В работе «Убийство Зорана Джинджича¹⁰» он характеризует преступление как последнюю попытку криминалитета остановить «исторический курс Сербии». С его точки зрения, Джинджич сделал много, чтобы снизить роль организованной преступности в стране, ограничил их политическое и экономическое влияние. М. Васич описывает теорию с «третьей пулей» неправдоподобной и призывает отказаться от нее.

Отметим позицию бывшего главы Управления уголовной полиции, автора книги «Отмице Земунског клана»¹¹ Миле Новаковича. И хотя получить доступ к его работам не из Сербии проблематично, мнение по вопросу убийства премьер-министра содержится в многочисленных интервью для сербских СМИ. Например, в интервью изданию *Курир* Новакович сказал, что политическая подоплека преступления никогда не будет раскрыта¹². Он разделяет позицию следствия и отмечает, что никто не смог выдвинуть теории убедительнее.

С точки зрения автора, причиной убийства Джинджича стала шаткость положения, в котором оказался Милорад Улемек и его соратники. После участия в войне на стороне Сербии они возвращаются домой и не получают «иммунитета» со стороны государства. Начало борьбы с организованной преступностью ставит их практически в безвыходное положение. Ликвидация политика могла изменить расклад сил, чтобы сохранить влияние криминалитета.

В статье рассмотрены основные версии убийства Зорана Джинджича. Для более глубокой проработки темы стоит обратиться к работам *Organizovani kriminal*¹³ Горана Бошковича, *Ubij Bliznjeg Svog*¹⁴ Марко Лопушины, *Organizovani kriminal vs. Srbija*¹⁵ Желько Белаяца, *Organizovani kriminal u Srbiji*¹⁶ Грубача Момчило, а также книги Милорада Улемек, написанные им из тюрьмы.

Примечания

- ¹ *Vrzić N., Veruović M.* Politička pozadina ubistva Zorana Đinđića. Beograd, 2014. S. 42.
- ² Ibidem.
- ³ В Югославии оппозиция проводит все более массовые митинги с требованием отставки Президента Милошевича // Первый канал. URL: https://www.1tv.ru/news/1999-07-17/294303-v_yugoslavii_oppozitsiya_provodit_vse_bolee_masovoye_mitingi_s_trebovanjem_otstavki_prezidenta_miloshevicha (дата обращения: 25.03.2024).
- ⁴ *Živaljević G.* Služba. Beograd, 2020. S. 144.
- ⁵ Jedan posmrtni venac i nedogorele žute sveće // Vreme. URL: <https://vreme.com/vesti/jedan-posmrtni-venac-i-nedogorele-zute-svece/> (дата обращения: 26.03.2025).
- ⁶ Bunt u Srbiji: Kako je pobuna jedinice DB-a prošla nekažnjeno // Balkan Insight. URL: <https://balkaninsight.com/sr/2021/11/09/bunt-u-srbiji-kako-je-pobuna-jedinice-db-a-prosla-nekaznjeno/> (дата обращения: 26.03.2025).
- ⁷ Izuzetan uspeh // Глас Јавности. URL: <https://arhiva.glas-javnosti.rs/arhiva/2001/11/12/srpski/P01111109.shtml> (дата обращения: 25.03.2025).
- ⁸ *Ivanović Z.* Zoran Đinđić u mreži mafije. Beograd, 2004. S. 27.
- ⁹ Novi prilozi za biografiju Duće Spasojevića // Vreme. URL: <https://vreme.com/vreme/novi-prilozi-za-biografiju-duce-spasojevica/> (дата обращения: 26.03.2025).
- ¹⁰ *Vasić M.* Atentat na Zorana Đinđića. Beograd, 2005. 303 s.
- ¹¹ *Новаковић М.* Отмице земунског клана. Београд, 2013. 312 с.
- ¹² Bivši šef kriminalističke policije Mile Novaković za Kurir: Politička pozadina ubistva Zorana Đinđića nikada neće biti otkrivena // Kurir. URL: <https://www.kurir.rs/vesti/specijal/3218497/bivsi-sef-kriminalisticke-policije-mile-novakovic-za-kurir-politicka-pozadina-ubistva-zorana-djindjica-nikada-nevere-biti-otkrivena> (дата обращения: 15.05.2025).
- ¹³ *Bošković G.* Organizovani kriminal. Beograd: Kriminalističko-policijska akademija, 2010. 260 s.
- ¹⁴ *Lopušina M.* Ubij Bliznjeg Svog. Beograd, 2022. 623 s.
- ¹⁵ *Bjelajac Ž.* Organizovani kriminal vs. Srbija. Beograd, 2008. 279 s.
- ¹⁶ *Grubač M.* Organizovani kriminal u Srbiji // Zbornik radova Pravnog fakulteta u Splitu. 2009. God. 46. N 4. C. 701–709.

ПРОБЛЕМЫ СЛАВЯНСКИХ НАЦИОНАЛЬНЫХ МЕНЬШИНСТВ В XX В.

DOI: 10.31168/2619-0869.2025.27

Болгарское этническое меньшинство (болгары) в переписях населения Турецкой Республики 1927–1965 гг.

Кирилл Сергеевич Борисенко

Южный федеральный университет,
Ростов-на-Дону, Российская Федерация;
Южно-Российский государственный политехнический
университет имени М.И. Платова,
Новочеркасск, Российская Федерация;
e-mail: kirborisenko@sfedu.ru
ORCID: 0009-0005-0946-210X

Ключевые слова: меньшинства, болгары в Турции, меньшинства в Турции, переписи населения Турции, этничность

The Bulgarian Ethnic Minority (Bulgarians) in the Population Censuses of the Turkish Republic of 1927–1965

Kirill S. Borisenko

Southern Federal University,
Rostov-on-Don, Russian Federation;
Platov South Russian State Polytechnic University,
Novocherkassk, Russian Federation;
e-mail: kirborisenko@sfedu.ru
ORCID: 0009-0005-0946-210X

Keywords: minorities, Bulgarians in Turkey, minorities in Turkey, Turkish population censuses, ethnicity

Вопрос о меньшинствах в Турецкой Республике на протяжении всего периода ее существования является одним из наиболее дискуссионных в силу особенного подхода у официальных властей к пониманию данного термина. Однако если Анкара прямо признаёт существование на ее территории «немусульманских меньшинств» в Лозаннском мирном договоре¹, косвенно подтверждая проживание христиан и иудеев², то этническая компонента данного термина не получает закрепления в правовом поле страны, что в том числе подтверждается основным документом республики — Конституцией (ред. от 1982 г.), где каждый гражданин Турции считается «турком» в соответствие со статьей 66³. Причем в понимании данного термина существует некая преемственность, так как и документ 1924 года, и 1961, содержат определения этого понятия, однако если в наиболее ранней редакции Конституции Турецкой Республики прямо заявляется о его политическом характере, а также делается акцент на отсутствии отличий между представителями разных рас и религий⁴ (согласно статье 88, «понятие “турок”, как политический термин, должно пониматься как включающее всех граждан Турецкой Республики, без различия расы или религии или ссылки на них»)⁵, то в 1961 году эта особенность была устранена, однако содержание, по сути, осталось прежним: «Каждый связанный с Турецким государством через обязательства гражданства — турок»⁶. Вместе с этим сменился номер статьи на 54⁷, а в редакции от 1982 года — на 66⁸. Отдельного внимания заслуживает эволюция закрепления статуса «турок» за детьми, рожденными в семьях, где один из супругов является иностранцем: так, если в Конституции 1924 года таковым признают ребенка от «отца-турка»⁹, то в следующих двух версиях гражданство Турции может получить ребенок, чьи мать или отец являются «турками»¹⁰. Несмотря на особый подход Турции к категории «турок», которая связана прежде всего с гражданством страны, переписи населения Турецкой Республики дают более развернутое представление о проживающих на ее территории, отражая различные особенности жителей государства.

В переписях населения Турецкой Республики нет раздела о национальной или этнической принадлежности граждан страны, что связано с подходом официальных властей к определению понятия «национальность», которое, скорее, понимается через гражданскую принадлежность, в силу чего все жители данного государства являются «турками». Тем не менее, перепись, как один из официальных документов, дает нам возможность говорить об этничности, так как она предоставляет данные по одному из важнейших индикаторов этой характеристики — родному языку, сведения о котором фиксировались на протяжении почти 40 лет, с 1927 по 1965 гг. (за исключением переписи 1940 г.), однако после 1965 года данный раздел исчез из их материалов, как и раздел, указывающий на религиозную и конфессиональную принадлежность опрошенных.

Стоит отметить, что в 1906/1907 гг. на территории Османской империи проживало 761530 чел., которые относили себя к болгарам, однако их численность, по данным К. Карпата, снизилась к 1914 году до 14908 чел., на что безусловно повлиял целый ряд политических событий, произошедших на Балканах в начале XX в.¹¹. По состоянию на 1927 год граждан Турции, отметивших болгарский в качестве родного, насчитывалось 20554 человека, что составляло около 0,15% населения республики. В сравнении с показателями 1914 года, численность болгар возросла более чем на 5000 чел. Примечательно, что всего в переписи было представлено два балканских народа, вторым из которых, наряду с болгарами, являлись греки, однако при проведении последующих переписей их число возрастёт до 7, включив, наряду с вышеупомянутыми, боснийцев, албанцев, сербов, хорватов и помаков. Количество жителей, указывающих болгарский в качестве родного языка, неуклонно падала, о чём могут свидетельствовать данные таблицы 1, снизившись с 20554 чел. в 1927 году до незначительных 4088 чел. в 1965 году (или 0,013% от общего числа жителей), причём, как мы можем заметить, резкое снижение происходит между 1935 и 1945 гг., практически на 10 тыс. чел. Такая ситуация могла быть связана с внутренней политикой Турции по отношению к представи-

телям меньшинств страны, сопровождающаяся целым рядом законов, направленных против малочисленных групп населения. Так, к примеру, в 1932 году был принят закон № 2007 о запрете для немусульман на занятия высококвалифицированным трудом (профессии инженеров, учителей и врачей стали недоступными)¹². В 1934 году власти Турции приняли закон о фамилиях, в соответствии с которым все граждане республики, проживающие в её границах, должны были иметь фамилии (причём как правило это были фамилии турецкого звучания). Позже, в 1942 году, был введён налог на имущество (тур. *Varlık vergisi*), в соответствии с которым налоговая ставка для представителей меньшинств Турции была выше. Именно в результате этих мероприятий могло произойти резкое снижение численности носителей болгарского языка в период между 1935 и 1945 гг.

Также стоит обратить внимание, что организация «Турк-Стат» (тур. *TÜİK*) осуществляла сбор данных не только о тех гражданах, для которых языки некоторых миноритарных групп Турции являлись родными, но и тех, для кого таковые представляли в качестве второго языка. В тексте данной статьи жители Турции, для которых болгарский выступал в качестве так называемого «второго языка», будут обозначены как «болгароговорящие». Их особенностью, как мы видим, является их кратное превалирование над числом тех, кто считает болгарский своим родным языком, а также существенное увеличение их численности с 1935 г. по 1960 г.

Таблица 1

**Население Турции
согласно переписям населения Республики
в соответствии с языковой принадлежностью¹³**

ГОДЫ ПРОВЕДЕНИЯ ПЕРЕПИСЕЙ	БОЛГАРЫ (РОДНОЙ ЯЗЫК)	БОЛГАРО- ГОВОРЯЩИЕ	ПРАВОСЛАВНЫЕ НОСИТЕЛИ БОЛГАРСКОГО ЯЗЫКА
1927	20554	—	—

Продолжение таблицы 1

1935	18245	38931	—
1940	—	—	2208
1945	8750	—	—
1950	6491	—	1325
1955	5576	54823	—
1960	4569	58409	1050
1965	4088	47092	—

Стоит отметить, что материалы большинства переписей населения Турции, проводимых с 1927 по 1965 гг., отражают сведения о религиозной и конфессиональной принадлежности граждан республики, давая данные по каждой конкретной провинции, однако если первые переписи не предоставляют информацию о том, какое конкретно число опрошенных из числа считающих болгарский язык родным является мусульманами, христианами, иудеями и др., то переписи 1940, 1950 и 1960 представляют данные об этих характеристиках. Безусловно, среди граждан республики преобладают «болгары»-мусульмане, однако их численность сокращается каждое десятилетие почти в 2 раза (1940 год — 15731 чел., 1950 год — 7277 чел., 1960 год — 3510 чел.). На втором месте идут православные, количество которых также падает каждое десятилетие, с 2208 чел. в 1940 до 1325 и 1050 чел. в 1950 и 1960 гг. соответственно. Учитывая конфессиональную принадлежность опрошенных и ее влияние на идентичность, стоит подумать о том, можно ли считать всех носителей болгарского языка этническими болгарскими, или таковыми будут являться болгары-православные. Представители остальных религий и конфессий составляют не более нескольких десятков человек среди данной категории лиц, поэтому подробных данных по ним представлять не имеет смысла.

Примечательно, что переписи населения Турции не отражают данных о мусульманах-шиитах или мусульманах-суннитах, объединяя всех их в одной графе «мусульмане», что не является целесообразным с точки зрения даже основ статистики. Безусловно, можно попытаться объяснить такой подход приверженностью большей части жителей Турции исламу суннитского толка, однако стоит предположить, что подобный шаг скорее говорит о продолжении курса на формирование единой гражданской идентичности, нивелирующей внутренние различия, в том числе религиозные, являясь продолжением курса на построение единой турецкой нации. В подтверждении этого следует привести мнение Исмета-паши, главы турецкой делегации на конференции в Лозанне, согласно которому нет необходимости разделения на меньшинства среди мусульман¹⁴.

Таблица 2

Население Турции в отдельных провинциях согласно языковой принадлежности (родной язык — болгарский)¹⁵

НАИМЕНОВАНИЕ ПРОВИНЦИИ	НАИМЕНОВАНИЕ РАЙОНА	ГОДЫ ПРОВЕДЕНИЯ ПЕРЕПИСЕЙ							
		1927	1935	1940	1945	1950	1955	1960	1965
АНКАРА	ЦА	654	76	—	53	35	82	194	73
АЙДЫН	Э	92	536	—	185	210	41	28	86
БАЛЫКЕСИР	М	1522	2625	—	1753	183	912	803	916
БИЛЕДЖИК	М	1276	454	—	726	480	18	195	36
БУРСА	М	1261	1003	—	767	831	379	256	107
ЧАНАККАЛЕ	М	299	183	—	62	20	7	16	45
ЭДИРНЕ	М	3276	1199	—	169	309	222	53	58
ЭСКИШЕХИР	ЦА	278	21	—	43	52	48	146	39

Продолжение таблицы 2

		1927	1935	1940	1945	1950	1955	1960	1965
СТАМБУЛ	М	4985	4321	—	1619	2051	1374	1187	1168
ИЗМИР	Э	1368	2515	—	649	299	287	435	560
КАЙСЕРИ	ЦА	10	594	—	20	749	12	3	9
БЫРКЛАРЕЛИ	М	841	673	—	303	191	404	93	38
КОДЖАЭЛИ	М	1207	859	—	101	227	23	2	342
КЮТАХЬЯ	Э	109	11	—	14	2	10	3	3
МАНИСА	Э	569	791	—	1541	311	112	172	321
МУГЛА	Э	109	26	—	20	5	21	7	1
НИГДЕ	ЦА	596	38	—	6	0	2	1	2
ТЕКИР ДАГ	М	1772	2009	—	456	85	311	606	32
САМСУН	Ч	64	175	—	33	338	248	4	0
НЕВШЕХИР	ЦА	—	—	—	—	—	201	91	0
САКАРЬЯ	М	—	—	—	—	—	162	38	147

Переписи населения Турции также открывают возможность оценки количества носителей языка в региональном разрезе. Так, например, благодаря статистическим данным, мы можем выделить 21 провинцию, в которой хотя бы раз за 38 лет было учтено более 100 «этнических болгар», однако в подавляющем большинстве илов их число поступательно снижается от переписи к переписи. Так, если к 1927 году таких провинций было 16, то к 1965 году осталось всего 7, причем почти во всех из них, по состоянию на 1927 год, проживало больше 100 таких жителей (за исключением ила Сакарья, данные по которому представлены в таблице с 1955 года). Кроме того, как мы видим, к 1965 году осталась только

1 провинция, в которой «этнических болгар» насчитывалось более 1000 — Стамбул, тогда как в 1927 году таких провинций было 8, причем 7 из них являются частью Мраморноморского региона, провинции которого наиболее близко расположены к границам Турции и Болгарии. Кроме того, мы можем заметить, что практически половина от общего числа носителей болгарского языка по данным на 1927 год проживали в 3 илах: Стамбул (4985 чел.), Эдирне (3276 чел.) и Текирдаг (1772 чел.). Нельзя оставить без внимания и тот факт, что в части провинций в тот либо иной год фиксируется кратное повышение численности носителей болгарского языка, в таких как Кайсери (с 20 в 1945 до 749 в 1950 гг. — в 37 раз), Коджаэли (с 2 в 1960 до 342 в 1965 гг. — в 171 раз), либо кратное понижение (с 480 чел. в 1950 г. до 18 чел. в 1955 г. — в 26,7 раза) в иле Биледжик. Несмотря на отдельные «всплески» и «проваль», в целом фиксируется повсеместное снижение численности носителей болгарского языка, что может быть связано как с политикой Анкары, направленной на построение национального государства турок, в ходе которой с 1928 года проводилась акция «Граждане, говорите по-турецки»¹⁶, направленная на снижение использования не турецкого языка в общественных местах, так и с миграцией населения.

Особого внимания заслуживают провинции Самсун, Невшехир и Сакарья, однако если первая удаляется от него по причине того, что является единственной провинцией из списка, входящей в Черноморский регион, то остальные выделяются по причине отсутствия по ним данных до 1950 года, что связано с особенностями административно-территориального деления Турции, а именно с их выделением в 1954 году в качестве отдельных илов из провинций Нигде и Коджаэли соответственно. Именно это могло послужить причиной резкого снижения числа носителей болгарского языка в Турции провинции Коджаэли (с 227 чел. в 1950 г. до 23 чел. в 1955 г.).

Таким образом, с учетом особенностей подхода официальных властей Турции по отношению к меньшинствам, мы можем говорить, что благодаря разделу переписей, посвященному родному языку, мы имеем возможность предположительно

оценить этническое многообразие Турецкой Республики, так как в данном случае язык выступает одним из основных индикаторов этничности. Так, перепись позволяет оценить изменение количества болгароговорящих граждан, причем как тех, для кого болгарский является родным языком, так и тех, кто использует его в качестве второго. Общая доля носителей болгарского снижается в период с 1927 по 1965 гг., сократившись с 20554 чел. до 4088 чел., практически в 5 раз. Большая их часть проживала в провинциях Мраморноморского, Эгейского и Центрально-Анатолийского районов республики, что связано с расселением здесь части фракийских и малоазиатских болгар, а также непосредственной близостью к границам Болгарии. С точки зрения религиозной и конфессиональной представленности подавляющее большинство среди них являлось мусульманами (число которых с 1940 по 1960 гг. сокращалось в 2 раза каждые 10 лет) и православными. При учете еще одного индикатора, влияющего на идентичность, такого как религия, стоит говорить, что православных этнических болгар на территории Турции как в 1940, так и к 1960 году, практически не осталось. Несмотря на то, что переписи не отражают данные по отуреченным болгарам, а их данные могут быть не точны, это единственный инструмент, позволяющий оценить численность болгар и болгароговорящих жителей Турецкой Республики.

Примечания

- ¹ Treaty of Peace with Turkey Signed at Lausanne, July 24, 1923 // The Treaties of Peace 1919–1923. New York, 1924. Vol. II. P. 959–1022.
- ² Ibidem.
- ³ 1982 Türkiye Cumhuriyeti Anayasası // Türkiye Büyük Millet Meclisi Kurumsal İnternet Sayfası. URL: <https://global.tbmm.gov.tr/constitution> (дата обращения: 04.03.25).
- ⁴ *Борисенко К.С.* Греческое меньшинство (греки) в переписях населения Турции 1927 и 1935 гг. // Гуманитарные и юридические исследования. 2025. Т. 12. № 1. С. 44.
- ⁵ *Earle E.M.* The New Constitution of Turkey // Political Science Quarterly. 1925. V. 40. N 1. P. 88. Article 88. URL: <http://genckaya.bilkent.edu.tr/1924constitution.pdf> (дата обращения: 20.04.25).

- ⁶ The 1961 Turkish constitution Sadik Balkan, Ahmet E. Uysal and Kemal H. Karpat (Trans.), constitution of the Turkish Republic. Reproduced with the permission of Kemal H. Karpat. Ankara, 1961. Article 54. P. 12. URL: <http://www.anayasa.gen.tr/1961constitution-text.pdf> (дата обращения: 20.04.2025)
- ⁷ Ibidem.
- ⁸ 1982 Türkiye Cumhuriyeti Anayasası // Türkiye Büyük Millet Meclisi Kurumsal İnternet Sayfası. Article 66. URL: <https://global.tbmm.gov.tr/constitution> (дата обращения: 04.03.25).
- ⁹ Earle E.M. The New Constitution of Turkey. Article 88. P. 88. URL: <http://genckaya.bilkent.edu.tr/1924constitution.pdf> (дата обращения: 20.04.25).
- ¹⁰ The 1961 Turkish constitution... Article 54. P. 12. URL: <http://www.anayasa.gen.tr/1961constitution-text.pdf> (дата обращения: 20.04.2025); 1982 Türkiye Cumhuriyeti Anayasası // Türkiye Büyük Millet Meclisi Kurumsal İnternet Sayfası. Article 66. URL: <https://global.tbmm.gov.tr/constitution> (дата обращения: 04.03.25).
- ¹¹ Karpat K.H. Ottoman population, 1830–1914: demographic and social characteristics. Madison, Wis., 1985. P. 242.
- ¹² О профессиях в болгарской общине см.: Петрова Д. Цариградските българи. София, 2000. С. 73; текст закона «О профессиях» в: Resmi Gazete. 16.06.1932.
- ¹³ Türkiye Cumhuriyeti Başvekalet İstatistik 28 Tesrinievel 1927 Umumi Nüfus Tahriri. İstanbul: Hüsnütaeiat Matbaası, Ankara. 1929. S. CII, 208;
Türkiye Cumhuriyeti Başbakanlık İstatistik Genel Direktörlüğü 20 ilkteşrin 1935 Genel Nüfus Saymı. Ankara, 1937. S. 404;
Türkiye Cumhuriyeti Başbakanlık İstatistik Genel Direktörlüğü 21 Ekim 1945 Genel Nüfus Saymı. Ankara, 1950. S. 65. N 286;
Türkiye Cumhuriyeti Başbakanlık İstatistik Genel Direktörlüğü 22 Ekim 1950 Genel Nüfus Saymı. İstanbul, 1961. N 430;
Türkiye Cumhuriyeti Başbakanlık Devlet İstatistik Genel Müdürlüğü Genel Nüfus Saymı. İstanbul, 1961. S. 67. N 339.
Türkiye Cumhuriyeti Başbakanlık İstatistik Genel Direktörlüğü 23 Ekim 1960 Genel Nüfus Saymı. Ankara, 1964. N 452.
Türkiye Cumhuriyeti Başbakanlık İstatistik Genel Direktörlüğü İdari Bolunuş 24 Ekim 1965 Genel Nüfus Saymı. Ankara, 1966.
- ¹⁴ Aydın Z. Lozanda Farklı Kökenlilere Tanınan Haklar [Электронный ресурс]. Bianet, İstanbul. Bağsımsız İletişim Ağı. 2004. URL: <http://bianet.org/bianet/kultur/46222-lozanda-farkli-kokenlilere-taninan-haklar> (дата обращения: 20.03.2025).
- ¹⁵ Türkiye Cumhuriyeti Başvekalet İstatistik 28 Tesrinievel 1927 Umumi Nüfus Tahriri // İstanbul: Hüsnütaeiat Matbaası. Ankara. 1929. S. CII, 208;
Türkiye Cumhuriyeti Başbakanlık İstatistik Genel Direktörlüğü 20 ilkteşrin 1935 Genel Nüfus Saymı. Ankara, 1937. S. 404;
Türkiye Cumhuriyeti Başbakanlık İstatistik Genel Direktörlüğü 21 Ekim 1945 Genel Nüfus Saymı. Ankara, 1950. S. 65. N 286;
Türkiye Cumhuriyeti Başbakanlık İstatistik Genel Direktörlüğü 22 Ekim 1950 Genel Nüfus Saymı. İstanbul, 1961. N 430.
Türkiye Cumhuriyeti Başbakanlık Devlet İstatistik Genel Müdürlüğü Genel Nüfus Saymı. İstanbul, 1961. S. 67. N 339.

Türkiye Cumhuriyeti Başbakanlık İstatistik Genel Direktörlüğü 23 Ekim 1960 Genel Nüfus Sayımı. Ankara, 1964. N 452.

Türkiye Cumhuriyeti Başbakanlık İstatistik Genel Direktörlüğü İdari Bolunuş 24 Ekim 1965 Genel Nüfus Sayımı. Ankara, 1966.

- ¹⁶ *Kieser H.-L.* Turkey beyond nationalism: towards post-nationalist identities. London, 2006. P. 45.

DOI: 10.31168/2619-0869.2025.28

Судьба Лужицы в ходе формирования земель Восточной Германии в 1990-м году

Артём Александрович Камардин

Исторический факультет МГУ имени М.В. Ломоносова
Москва, Российская Федерация;
e-mail: kamardin.2018@yandex.ru
ORCID: 0009-0005-7849-2126

Ключевые слова: лужицкие сербы, объединение Германии, самоидентификация, Саксония, Бранденбург

The Fate of Lusatia During the Formation of the East German States in the 1990s

Artem A. Kamardin

Faculty of History, Lomonosov Moscow State University,
Moscow, Russian Federation;
e-mail: kamardin.2018@yandex.ru
ORCID: 0009-0005-7849-2126

Keywords: Lusatian Serbs, German unification, self-identification, Saxony, Brandenburg

Объединение Германии 3 октября 1990 г. было довольно сложным с точки зрения бюрократического воплощения процессом. Одним из условий для вхождения территории

бывшей ГДР в ФРГ было создание на месте федеральной структуры, то есть земель. Такая структура существовала в ГДР до 1952 г., в числе земель были: Мекленбург-Передняя Померания, Бранденбург, Саксония-Анхальт, Саксония и Тюрингия. После эти земли были расформированы и на их месте возникло 15 централизованных округов.

Лужицкие сербы (сорбы) еще во второй половине 1940-х гг. изъявляли желание сецессии, то есть отделения от Германии, либо в пользу Чехословакии, либо в самостоятельное государство, их притязания не были удовлетворены¹. В итоге их этническая территория оказалась в границах округов Коттбус и Дрезден.

Тема настоящей работы не освещена в историографии, и лишь вкратце упоминается в работе К.-Х. Хайнэ в контексте истории административной структуры Восточной Германии². По вопросу влияния объединения Германии на самоидентификацию лужицких сербов в перспективе писал Ш. Бухольт, не затрагивая в своей статье самих событий 1990 года³.

В конце 1989 г., в ходе протестов поднялась тема реставрации земельной структуры, существовавшей ранее. 13 декабря в газете *Nova Doba* публикуется заявление Домовины⁴, с предложениями введения автономии Лужицы в ходе административно-территориального переустройства⁵. Среди них были: 1. Введение должности государственного секретаря ГДР по делам лужицких сербов; 2. Подтверждение прав Домовины представлять интересы лужицкого населения; 3. Лужицкий язык должен вернуть собственное значение, включая возможность использования его в государственных учреждениях, школах, больницах в деревнях с преобладанием славянского населения. В детских садах должен использоваться исключительно лужицкий язык; 4. Признание факта угрозы существования сорбской идентичности и приобретение Лужицей статуса особой автономной территории в рамках ГДР; 5. Введение графы «национальность» в паспорта ГДР: дать возможность местному населению считать себя лужицкими сербами, даже не владея языком, при условии готовности изучать его и чтить сорбскую культуру; 6. За-

прет на проживание граждан нелужицкой национальности на территории автономной территории.

В декабре 1989 г. начала свою работу комиссия по административной реформе. Из мемуаров ее участников, можно понять, какие были планы у Берлина по отношению к Лужице. Так, К. Шерф и Л. Цаузайль убеждены, что хотя автономия Лужицы обязательно должна быть защищена, выделение отдельной земли поставило бы ее в числе самых маленьких и экономически несамостоятельных земель будущей единой Германии⁶. В. Рутц считает, что существование земли «Лужица» возможно было бы, если Силезия полностью, или хотя бы частично осталась территорией Германии, в таком случае регион был бы экономически и политически независим от других земель⁷. Поэтому благоразумнее было бы присоединить эту территорию к одной из «исторических» восточных земель, а именно к Саксонии, с которой у Силезии больше историко-культурных связей. Также автор считает, что недопустимо оставлять лужицких сербов «разделенными» между двумя землями: Бранденбургом и Саксонией. Берлинский историк К.-Х. Хайнэ в феврале 1990 г. считал возможным создание сорбской земли, путем объединения Верхней и Нижней Лужицы, считая это, однако, маловероятным⁸.

Тем не менее, Домовина продолжала настаивать на автономии Лужицы. 28 марта в газете *Lausitzer Rundschau* вышло анонимное письмо «из руководства лужицкого народного собрания», в котором он выразил надежду на скорое формирование земельной структуры в ГДР, при которой не будут забыты интересы «славянского меньшинства»⁹. Однако вместо того, чтобы говорить о самостоятельной земле, речь идет лишь о намерении существования всей Лужицы в составе одной земли, пускай и немецкой. Было два варианта: Саксония или Бранденбург. В качестве аргументов о необходимости присоединения к Саксонии, автор пишет о более тесной культурной связи Лужицы с Саксонией через Силезию, а также общее «историческое» сопротивление пруссификации, что было камнем в сторону Бранденбурга, бывшей прусской провинции. Однако же у Бранденбурга было преиму-

щество в виде лучшей логистической системы, отсутствие необходимости создания «анклавов» (между Нижней и Верхней Лужицей есть перешеек из этнически чистых немецких деревень), и, что важно, близость к столице земли¹⁰. Если в Саксонии столицей уже определено намеревался стать Лейпциг, то в Бранденбурге вопрос был не решен: в случае положительного решения у Франкфурта-на-Одере, он был бы всего в 70 километрах от северной «границы» лужицкой автономии (Лейпциг в 160).

В апреле 1990 г. в газете *Neue Zürcher Zeitung* вышло интервью Лотара де Мезьера, нового главы правительства ГДР, в котором он заявил, что возможно создание лишь тех земель, которые будут экономически самостоятельны¹¹. Тем самым он подтвердил опасения членов комиссии, и от создания независимой земли было решено отказаться. Однако самым болезненным оказалось решение не только о невозможности формирования автономной Лужицы, но и невозможности ее объединения в рамках одной земли. Как пишет В. Рутц, поскольку при возвращении земельной структуры члены комиссии в качестве компромиссного варианта ориентировались на уже существовавший проект 1945–1952 гг., границы предлагалось сохранить в том же виде, в котором они были и ранее, с небольшими изменениями в масштабах деревень или максимум — районов¹². В итоге был принят закон о введении земель, по которому Лужица разделялась между двумя формирующимися землями¹³. Верхняя Лужица с центром в Баутцене отходила к Саксонии, а Нижняя с центром в Коттбусе к Бранденбургу.

Требования Домовины приобрести автономию для всего региона, ни в виде создания отдельной земли, ни в формировании особой автономии не удалось. Минимальный план о вхождении Нижней и Верхней Лужицы в состав одной земли (Саксонии) тоже не увенчался успехом из-за стремления восточногерманской бюрократии к адаптации законов 1945–1952 гг. для легитимации проведения реформы, поскольку по «старым» границам Лужица уже была разделена.

Примечания

- ¹ *Шевченко К.В.* Попытка лужицких сербов выйти из состава Германии в 1945–1946 годах // *Славяноведение*. 2007. № 3. С. 23.
- ² *Hajna K.-H.* Länder — Bezirke — Länder. Zur Territorialstruktur im Osten Deutschlands 1945–1990. Frankfurt am Main, 1995.
- ³ *Bucholt S.* “Wende” und Gemeinschaft: Transformationsprozess und soziale Veränderungen in einem Dorf in katholischer Oberlausitz // *Letopiš*. 1998. N 2. S. 63–84.
- ⁴ Домовина (в-луж. *Domowina*, рус. *Отечество*) — национальная организация лужичан, основанная в 1912 г. в городе Хойерсверда, с целью отстаивания интересов лужицкого населения в культурной, гражданской, экономической и политической сферах.
- ⁵ *Elle L.* Sorbische Interessenvertretung in Vergangenheit und Gegenwart. Bautzen, 2012. S. 57.
- ⁶ *Scherf K., Zaumseil L.* Zur politisch-administrativen Neugliederung des Gebiets der DDR // *Raumforschung und Raumordnung*. 1990. Hefte 4–5. S. 235.
- ⁷ *Rutz W.* Die Wiedererrichtung der östlichen Bundesländer. Kritische Bemerkungen zu ihrem Zuschnitt // *Raumforschung und Raumordnung*. 1991. Heft 5. S. 283.
- ⁸ Sind künftig auch mehr als fünf Länder in der DDR denkbar? // *Junge Welt*. 15.02.1990. S. 5.
- ⁹ Sorbische Territorialkommission zur Frage Sachsen/Brandenburg: Standpunkte und Fragen // *Lausitzer Rundschau* 28.03.1990. S. 1.
- ¹⁰ *Ibid.* S.2.
- ¹¹ Neugliederung der deutschen Bundesländer? // *Neue Zürcher Zeitung*. 26.04.1990. S. 5.
- ¹² *Rutz W.* Die Wiedererrichtung... S. 285.
- ¹³ Verfassungsgesetz zur Bildung von Ländern in der Deutschen Demokratischen Republik — Ländereinführungsgesetz vom 22. Juli 1990 // *Gesetzblatt der DDR*. 14.08.1990. S. 955–959.

DOI: 10.31168/2619-0869.2025.29

Защита этнических венгров Карпатского региона в политике первых демократически избранных правительств Венгерской Республики 1990–1998 гг.

Никита Юрьевич Шишов

Институт славяноведения РАН,
Москва, Российская Федерация;
e-mail: shishoff.nickita2012@yandex.ru
ORCID: 0000-0002-7580-8026

Ключевые слова: этнические венгры, карпатский регион,
Й. Анталл, Д. Хорн, Венгрия

Protection of Ethnic Hungarians of the Carpathian Region in the Policies of the First Democratically Elected Governments of the Republic of Hungary 1990–1998

Nikita Yu. Shishov

Institute of Slavic Studies RAS,
Moscow, Russian Federation;
e-mail: shishoff.nickita2012@yandex.ru
ORCID: 0000-0002-7580-8026

Keywords: ethnic Hungarians, Carpathian region, J. Antall,
G. Horn, Hungary

Современная история Венгрии берет свое начало в конце 1980-х гг. — время мирного перехода от однопартийного коммунистического режима к многопартийности и демократии, характеризующееся интеграцией страны в мировую политико-экономическую систему.

В исследуемый период важно выделить и сопоставить работу двух правительств:

1. Правоцентристское правительство Йозефа Анталла (1990–1993 гг.), которого после кончины сменил менее влиятельный однопартиец (по Венгерскому демократическому форуму) Петер Борош (1993–1994 гг.);
2. Левоцентристское правительство Дюлы Хорна (1994–1998 гг.) — лидера Венгерской социалистической партии.

Несмотря на существенные политико-идеологические расхождения двух партий (ВДФ и ВСП), возглавлявших правящие коалиции, на различные ориентиры и методы практической политики внешняя политика Венгерской Республики в 1990-х — начале 2000-х гг. не была лишена преемственности и имела ряд общих векторов. Первый из них — «Возвращение в Европу», то есть интеграция Венгрии в евроатлантические институции. Его результатом стало полноправное членство Венгрии в НАТО (1999 г.) и ЕС (2004 г.). Второй — выстраивание многосторонних отношений с соседними странами и — параллельно — защита интересов этнических венгров, проживающих на территориях Румынии, Словакии, Словении, Хорватии, Австрии, Югославии (с 1992 г. Союзной Республики Югославии) и Украины, ставшей самостоятельным государством с распадом СССР в 1991 г. Как известно, более 3 миллионов венгров оказалось за пределами своего национального государства вследствие Трианонского мирного договора 1920 г., заключенного по итогам Первой мировой войны.

Если первое из выделенных нами направлений внешней политики достаточно комплексно проанализировано в отечественной научной литературе¹, то методам защиты и поддержки этнических венгров Карпатского региона уделялось гораздо меньшее внимание.

Правоцентристское правительство 1990–1994 гг. с самого начала заняло довольно радикальную позицию в этом вопросе. В «Программе национального обновления» — одном из первых программных документов, опубликованных демокра-

тически избранным правительством Анталла 22 мая 1990 г., говорилось следующее: «Учитывая то, что треть венгров проживает за пределами наших границ, венгерское государство несет особую ответственность за выживание венгерской нации, как культурной и этнической общности. Именно поэтому мы выступаем за соблюдение прав венгерских общин, проживающих за пределами наших границ, включая право на самоопределение (в том числе и создание культурной автономии), в соответствии с духом существующих международных договоров и обещаниями, данными правительствами соседних государств»². Вместе с тем премьер-министр своими резкими заявлениями, воспринимавшимися соседями как вмешательство в их внутренние дела, неоднократно «подогревал» обстановку, а в отдельных случаях даже провоцировал представителей титульных наций Словакии и Румынии на конфликт с венгерским национальным меньшинством. Достаточно вспомнить речь от 2 июня 1990 г., в которой Й. Анталл заявил, что, будучи главой правительства 10-ти миллионной Венгрии, он хотел бы воспринимать себя премьер-министром всего 15-ти миллионного венгерского народа³.

Таким образом, первое демократически избранное венгерское правительство в своей политике уделяло очень большое (с точки зрения соседей, непомерно большое) внимание защите этнических венгерских сообществ, что делало крайне затруднительным выстраивание конструктивного диалога и партнерских отношений с правительствами государств, где проживают особенно большие венгерские национальные меньшинства — Румыния и Словакия. По мнению официального Будапешта, Бухарест и Братислава делали явно недостаточно для обеспечения культурно-языковых прав этнических венгров, которые веками проживали на этих территориях. Это стало одной из ключевых причин бойкотирования венгерской стороной разработки двусторонних договоров о добрососедстве с Румынией и Словакией.

Крайне интересен тот факт, что, несмотря на критические замечания в адрес России отдельных членов руководства и, в частности, лично Й. Анталла, который, остава-

ясь пленником собственных политических предрассудков, не раз подчеркивал, что не видит существенной разницы между Советским Союзом и Российской Федерацией⁴, именно Россию Венгрия воспринимала как своего естественного союзника и партнера в деле защиты прав национальных меньшинств, поскольку интересы двух стран здесь полностью совпадали ввиду схожести положений, когда миллионы не только венгров, но теперь уже и русских оказались в роли национальных меньшинств, проживающих в соседних с Россией и соответственно с Венгрией странах, в которых к тому же пришли к власти местные этнократические элиты, настроенные зачастую весьма националистически.

После первого 4-летнего цикла правоцентристская коалиция не сумела удержать власть, поскольку оказалась не способна решить насущные экономические проблемы, обеспечить хотя бы сохранение достигнутого к концу 1980-х годов жизненного уровня населения. По итогам парламентских выборов весны 1994 г. первое место получила Венгерская социалистическая партия, которая, успешно проведя переговоры с либеральным Альянсом свободных демократов, занявшим второе место, смогла создать коалиционное правительство. Его возглавил бывший министр иностранных дел (1989–1990 гг.) Д. Хорн⁵. Уже в период избирательной кампании Венгерская социалистическая партия полностью раскритиковала подход предыдущего правительства, когда отношения со странами-соседями рассматривались прежде всего сквозь призму положения в них венгерских этнических меньшинств⁶.

Для нового левоцентристского правительства защита прав этнических венгерских общин в соседних странах перестала играть первостепенную роль, став лишь одной из составных частей комплексной политики добрососедства. Об этом говорит тот факт, что уже в 1995 г. был подписан договор о добрососедстве и сотрудничестве со Словакией⁷, а в 1996 г. с Румынией⁸. Суть этих соглашений сводилась к тому, что признавалась нерушимость существующих государственных границ, а в основу политики защиты национальных меньшинств в странах-подписантов была заложена рамочная

Конвенция Совета Европы (членом Совета Европы Венгрия стала в 1990 г., а Словакия и Румыния лишь в 1993 г.).

Подписание данных договоров вызвало весьма смешанные чувства в венгерском обществе. С одной стороны, Венгрия продемонстрировала прагматизм, отказавшись на официальном уровне от реваншистских настроений, курса на дестабилизацию и провоцирование этнических конфликтов во всем регионе, что, несомненно, улучшило переговорные позиции страны на уровне ЕС и НАТО. Подписание данных договоров также нейтрализовало козырь, к которому прибегали отдельные националистические (и при этом зачастую правящие) партии стран региона, которые видели главную угрозу своей государственности именно в венгерском меньшинстве, провоцируемом официальным Будапештом на эскалацию все новых и новых, при этом все менее выполнимых требований. Не в последнюю очередь это касалось Словакии, ставшей самостоятельным государством только к началу 1993 г., после распада чехословацкой государственности. С другой стороны, часть венгерского общества и элиты оказалась пленником собственных ожиданий, предвкушая немедленное улучшение положения этнических венгров на территориях соседних государств через предоставление им, как минимум, культурной автономии, права на свободное использование венгерского языка в административной практике на местном уровне, защиты от любых форм национальной дискриминации и, конечно же, закрепление всех этих положений в конституциях соседних государств. Однако этого не произошло, что вызвало волну критики со стороны как правых партий, так и националистически настроенной общественности.

Таким образом, в период между 1990 и 1998 гг. Венгерская Республика проводила противоречивую внешнюю политику по отношению к соседним странам, на территории которых проживало большое количество этнических венгров — Румыния, Словакия, Украина, Австрия, Словения, Хорватия и Югославия (с 1992 г. Союзная Республика Югославия). Правоконсервативное правительство Й. Анталла в 1990–1993 гг., а затем правительство его однопартийца

П. Бороша в 1993–1994 гг. во главе политики добрососедства ставили интересы этнических венгров, декларируя не только культурную, но и политическую автономию, что приводило, с одной стороны, к многоуровневым конфликтам этнического большинства с венгерским меньшинством (в том числе создавало более благоприятную почву для бытовых конфликтов), а с другой стороны, ставило под угрозу курс на евроинтеграцию страны, поскольку Европейская комиссия опасалась возникновения нового очага перманентной напряженности, но уже не на Балканах, как в случае с Югославией, а в Центральной Европе. Наравне с провалами в социально-экономической сфере, просчеты во внешней политике на данном конкретном направлении стали одной из причин поражения Венгерского демократического форума на парламентских выборах 1994 г., на которых партии удалось получить лишь 38 мандатов (вместо 164 на выборах 1990 г.)⁹.

В противовес этому левоцентристское правительство Д. Хорна в 1994–1998 гг. избрало весьма прагматичный путь, предпочтя не воевать за интересы этнических венгров в одиночку, что изначально выглядело достаточно проигрышным вариантом, а воспользоваться потенциалом евроинтеграции стран всего региона, поскольку в основу договоров о добрососедстве и сотрудничестве Венгрии со Словакией 1995 г. и с Румынией 1996 г. были положены нормы европейского права, в частности, рамочная Конвенция Совета Европы о защите национальных меньшинств 1995 г., в которой закреплялся запрет дискриминации и политики ассимиляции нацменьшинств со стороны государства, регламентировались использование национальных языков, свобода прессы, собраний, религии. Однако непопулярная внешняя политика, как и сопровождавшиеся негативными последствиями экономические реформы вызвали не только критику, но и огромное разочарование в венгерском обществе, что вылилось в поражение Венгерской социалистической партии на парламентских выборах 1998 г. и возвращение к власти правых сил, к этому времени перегруппировавшихся и выдвинувших своим лидером Виктора Орбана.

Примечания

- 1 Новая элита в странах Центральной и Юго-Восточной Европы: политические портреты. Конец XX — начало XXI в. / Отв. ред. К.В. Никифоров. М.; СПб., 2022. 584 с. (Центральная и Юго-Восточная Европа в XX–XXI вв.: исследования и документы. Вып. 3).
- 2 A nemzeti megújulás programja. A Kormányprogram irányelvei. 1990. 184 o. URL: 61909ca5514d92e9af2b5ae7d690418b.pdf (дата обращения: 25.03.2025).
- 3 Lélekben 15 millió magyar miniszterelnöke volt. Official site Felvidéki.ma. URL: Lélekben 15 millió magyar miniszterelnöke volt — Felvidék.ma (дата обращения: 26.03.2025).
- 4 Antall József miniszterelnök úr bevezető beszéde a nagyköveti konferencián, 1991. július 29. // Nagyköveti konferencia 1991. július 29–30. Külügyminisztérium, 1991. 9 o. Речь шла, по сути, о том, что СССР и Российская Федерация являются разными воплощениями одной и той же государственной традиции.
- 5 В момент своего назначения в мае 1989 г. министром иностранных дел он представлял государственную партию, Венгерскую социалистическую рабочую партию, основанную в 1956 г. Яношем Кадаром. После ее распада осенью 1989 г. стал одним из руководителей ВСП, созданной на базе реформаторского крыла ВСПП.
- 6 *Dunay P.* Az átmenet magyar külpolitikája // A Mozgó Világ internetes változata: harmincadik évfolyam, második szám. URL: Mozgó Világ 2004. február, 30. évf. 2. sz. - EPA (дата обращения: 25.03.2025).
- 7 1997. évi XLIII. törvény a Magyar Köztársaság és a Szlovák Köztársaság között Párizsban, 1995. március 19-én aláírt, a jószomszédi kapcsolatokról és a baráti együttműködésről szóló Szerződés kihirdetéséről. Official site Wolters Kluwer Hungary Kft. URL: 1997. évi XLIII. törvény a Magyar Köztársaság és a Szlovák Köztársaság között Párizsban, 1995. március 19-én aláírt, a jószomszédi kapcsolatokról és a baráti együttműködésről szóló Szerződés kihirdetéséről - Hatályos Jogszabályok Gyűjteménye (дата обращения: 26.03.2025).
- 8 1997. évi XLIV. törvény a Magyar Köztársaság és Románia között Temesvárott, 1996. szeptember 16-án aláírt, a megértésről, az együttműködésről és a jószomszedságról szóló Szerződés kihirdetéséről. Official site Wolters Kluwer Hungary Kft. URL: 1997. évi XLIV. törvény a Magyar Köztársaság és Románia között Temesvárott, 1996. szeptember 16-án aláírt, a megértésről, az együttműködésről és a jószomszedságról szóló Szerződés kihirdetéséről - Hatályos Jogszabályok Gyűjteménye (дата обращения: 26.03.2025).
- 9 1994. Évi országgyűlési képviselő választás 2. forduló (1994.05.29). Official site Nemzeti választási iroda. URL: ma1 (дата обращения: 27.03.2025).

ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИИ ЧЕХОСЛОВАКИИ И ПОЛЬШИ В МЕЖВОЕННЫЙ ПЕРИОД

DOI: 10.31168/2619-0869.2025.30

Чешские историки, день памяти магистра Яна Гуса и «казус Мармаджи» (1925)

Тимур Владимирович Гимадеев

Казанский государственный аграрный университет,
Казань, Российская Федерация;
e-mail: Timur.Gimadeev@gmail.com
ORCID: 0009-0003-7678-4163

Ключевые слова: История Чехии, чешская историография, межвоенная Чехословакия, Ватикан, 1925 г.

Czech historians, the Memorial Day of Jan Hus and the “Marmaggi affair” (1925)

Timur V. Gimadeev

Kazan State Agrarian University,
Kazan, Russian Federation;
e-mail: Timur.Gimadeev@gmail.com
ORCID: 0009-0003-7678-4163

Keywords: Czech history, Czech historiography, interwar Czechoslovakia, Vatican, 1925

Первые годы существования независимой Чехословацкой республики были отмечены всплеском антикатолических настроений. Некоторые представители современной

чешской историографии даже усматривают в этой антиклерикальной волне сходство с другим случаем противостояния молодого государства и древней церкви — бисмарковским «культуркампом»¹. Важную роль в распространении антикатолических настроений сыграла и фигура первого президента Чехословацкой республики — **Томаша Гаррига Масарика** (1850–1937)². Основным мотивом этого направления деятельности Т.Г. Масарика были, в первую очередь, его взгляды³, в том числе и взгляды исторические — еще в конце XIX в. он создал концепцию философии чешской истории, в которой центральное место отводилось гуситскому движению в Чехии XV века⁴.

Особое отношение Т.Г. Масарика к гуситскому движению послужило и катализатором «аферы Мармаджи» — крупнейшего дипломатического скандала между Прагой и Ватиканом за межвоенный период⁵. Накаляться ситуация начала после принятия закона №65/1925 от 3 апреля 1925 г. «О праздниках и памятных днях Чехословацкой республики», согласно которому день сожжения Яна Гуса — 6 июля — объявлялся рабочим памятным днем, в одном ряду с 5 июля — днем святых Кирилла и Мефодия и 28 сентября — днем святого Вацлава⁶. Реакцией Ватикана на принятие закона стал вызов для консультаций **Франческо Мармаджи** (1870–1949), апостольского нунция в Чехословакии и выражение официального протеста⁷.

Куда более жесткой стала реакция Святого Престола на мероприятия 6 июля 1925 г. Несмотря на то, что согласно закону, 6 июля объявлялось памятным днём, а не государственным праздником, размах памятных мероприятий свидетельствовал об обратном — в мероприятиях на Староместской площади в Праге участвовал не только президент Т.Г. Масарик, но и премьер-министр, **Антонин Швегла** (1873–1933), а также представители парламента республики⁸, а над Пражским градом в памятный день развевался гуситский флаг с красной чашей на черном фоне⁹. Реакция Ватикана не заставила себя долго ждать — еще 6 июля нунций Ф. Мармаджи был отозван из Праги. Вскоре аналогичный

жест сделало и чехословацкое руководство¹⁰. Этот инцидент и получил название «казус Мармаджи». Из внешнеполитического скандала «казус Мармаджи» довольно быстро перерос во внутривластный кризис, вершиной которого стала отставка **Иржи Стржибрного** (1880–1955), министра железных дорог, который настаивал на дальнейшей эскалации отношений между Прагой и Ватиканом¹¹. «Казус Мармаджи» сопровождался и полемикой в прессе.

Чешские историки, которые еще до обретения Чехословакией независимости привыкли активно участвовать в политической жизни¹², не могли не включиться в публичную полемику вокруг «казуса Мармаджи».

Хотя выдающийся чешский историк **Йозеф Пекарж** (1870–1937) и был, судя по его корреспонденции с **Ярославом Голлом** (1846–1929), проинформирован о «казусе Мармаджи» еще в июле¹³, но его статья «К борьбе за Гуса» в консервативной газете *Národní listy* вышла уже в конце августа¹⁴. Поводом для публикации Й. Пекаржа послужила вышедшая несколькими днями ранее в моравской газете *Lidové noviny* статья **Павла Ваши** (1874–1954) — одного из редакторов газеты, профессора филологии Масарикова университета в Брно, ученика Т.Г. Масарика. Вопреки ожиданиям, урожденный протестант и сторонник Масарика **Ваши**¹⁵ выступил с критикой государственных мероприятий по поводу дня памяти Яна Гуса — утверждая, что «единственный праздник верующего протестанта — это воскресенье» и критикуя современный ему чешский протестантизм за то, что «его взгляд обращён в прошлое»¹⁶.

Подобно тому, как урожденный протестант **Ваши** критиковал протестантскую публицистику газеты *Kostnické jiskry*, «метрический католик» Й. Пекарж¹⁷ опровергал католическую публицистику газеты *Čech*, авторы которой видели в Яне Гусе законченного еретика, сознательно порвавшего с Католической церковью. Статья Й. Пекаржа вообще уделяла большее внимание истории, чем дипломатическому скандалу: автор оспаривал как точку зрения **Вацлава Новотного** (1869–1932) и, отчасти, **Властимила Кибала** (1880–1952)

о том, что учение Яна Гуса не выходило за рамки учения Католической церкви, так и позицию католической историографии в особенности — **Яна Эвангелисты Седлака** (1871–1924), утверждавшего обратное, хотя и приходившего к менее радикальным выводам, чем католические публицисты. **Й. Пекарж** пытался сформулировать, в духе своего участия в «споре о смысле чешской истории» — широкой общественной и научной дискуссии, лишь отчасти касавшейся вопросов трактовки национальной истории¹⁸, некую третью позицию, согласно которой учение Гуса, хотя и противоречило церковным догматам, не было принципиально антикатолическим. Поэтому, как считал **Й. Пекарж**, поднимать Яна Гуса на знамя борьбы против Католической церкви — значит создавать «современного лжегуса». **Й. Пекарж** выступал против проведения параллелей между историей и современностью, с сарказмом отзываясь о публикации «автора с серьезным именем», который утверждал, «что без Гуса, вероятно, не было бы ни парового двигателя, и, если я правильно помню, даже современной демократии». Обращаясь к «казусу Мармаджи», **Й. Пекарж** заключал, что современный «праздник Гуса» родился именно из-за этих «заблуждений», и именно поэтому он служит расколу, а не сплочению чешской нации.

«Автором с серьезным именем», о котором столь едко отзывался **Пекарж**, возможно был сам **Эдуард Бенеш** (1884–1948) — по крайней мере, именно его перу принадлежит небольшая заметка о Яне Гусе, в которой тот называется «выразителем идеи демократии», вышедшая в сборнике, посвященном пятисотлетию со дня казни Яна Гуса¹⁹. Вклад **Э. Бенеша** в этот сборник, однако, был скорее символическим, в отличие от видного гуситолога **Франтишка Михалека Бартоша** (1889–1972), который выступил одним из составителей сборника и подал в него статью об истории «праздника Яна Гуса»²⁰.

Ф.М. Бартош, который на заре существования независимой Чехословакии, вышел из Католической церкви и стал членом Евангелической церкви чешских братьев²¹, активно выступал в защиту празднований 6 июля 1925 г. Однако,

он не высказывался «на злобу дня» напрямую. Вместо этого, Бартош подавал в газету *České slovo*, связанную с Национально-социалистической партией, выступавшей с антиклерикальных позиций, заметки о деятельности папских нунциев в Праге XV–XVII веков²², в которых проводились вполне прозрачные параллели с современностью — как в XVII в., так и в XX в., Католическая церковь, по мнению Бартоша, покушалась на самостоятельность Чешских земель, и ответственность за внешне- и внутривосточный кризис лежала на церкви.

В отличие от Й. Пекаржа и Ф.М. Бартоша, оставшихся и в независимой Чехословакии на научно-педагогической работе, ещё один крупный историк, **Камиль Крофта** (1876–1945), перешёл на работу дипломатическую — и даже был в период 1920–1921 гг. первым чехословацким послом в Ватикане²³. На «казус Мармаджи» К. Крофта отреагировал, в первую очередь, как дипломат — статьёй «Чехословакия и Ватикан», вышедшей в посвященном международным отношениям журнале *Zahraniční politika*²⁴. Статья К. Крофты не носила злободневного характера: с «казусом Мармаджи» напрямую ее связывали лишь обстоятельства публикации и упоминание гуситского движения как предпосылки антикатолических настроений в Чешских землях. Однако, статья содержала своего рода программу преодоления разногласий между Ватиканом и Прагой: К. Крофта настаивал на приведении границ епархий Католической церкви в соответствие с государственными и предоставления властям Чехословакии права вето на кандидатуру католических епископов²⁵.

Эти принципы легли в основу *modus vivendi* — заключенном 29 января 1928 г. соглашении между Чехословакией и Ватиканом, благодаря которым «казус Мармаджи» был преодолен²⁶. Таким образом, именно усилия К. Крофты — не просто историка, но и исследователя истории отношений Чешского королевства со Святым престолом²⁷ — способствовали преодолению одного из крупнейших политических кризисов периода первой Чехословацкой республики.

Примечания

- ¹ К теме см.: *Balík S.* Kulturní boj v českých zemích a politický katolicismus // *Teorie a praxe politického katolicismu 1870–2007* / ed. P. Marek. Brno, 2007. S. 79–92; *Idem.* Masaryk und der Kulturkampf // *Austria-Forum*. URL: https://austria-forum.org/af/Biographien/Masaryk%2C_Thomas_Garrigue/Diskussionsforum_TGM/Masaryk_und_der_Kulturkampf (дата обращения: 13.04.2025); *Šmíd M.* Čeští katolíci a prezident T.G. Masaryk po vzniku Československé republiky // *Střed*. Časopis pro mezioborová studia Střední Evropy 19. a 20. století. 2011. N 1. S. 60–76. На русском языке см.: Чехия и Словакия в XX веке: очерки истории: в 2 кн. М., 2005. Кн. 1 / отв. ред. В.В. Марьина. С. 142–143; *Станков Н.Н.* Политическая элита и формирование внешнеполитического курса Чехословакии (1918–1925 годы) // *Социология власти*. 2007. №1. С. 147–148.
- ² *Žák P.* T.G. Masaryk a tzv. pokus o kulturní boj v Československu v letech 1918–1920/1921 // *Studia Theologica*. 2011. N 4. S. 42–65.
- ³ *Ibid.* S. 42–45.
- ⁴ К теме см.: *Мельников Г.П.* Ян Гус и гусизм в философии чешской истории Т.Г. Масарика // *Полвека в славяноведении* (сб. науч., тр., посв. юбилею засл. проф. МГУ Л.П. Лаптевой) / Отв. ред. О.В. Павленко, И.В. Крючков. М., 2012. С. 186–193.
- ⁵ *Šmíd M.* Marmaggiho aféra. Největší diplomatická roztržka mezi ČSR a Svatým stolcem v meziválečném období // *Církevní dějiny*. 2014. №14. S. 40–49.
- ⁶ Zákon ze dne 3. dubna 1925 o svátcích a památných dnech republiky Československé // *Sbírka zákonů a nařízení státu Československého*. 1925. N 30. S. 433–434.
- ⁷ *Ehreberger T.* Husův svátek jako příčina diplomatického konfliktu mezi Československem a Vatikánem // *Dějiny a současnost*. 2004. N 4. S. 24.
- ⁸ *Ibid.* S. 24–25.
- ⁹ *Бобраков-Тимошкин А.Е.* Проект «Чехословакия»: конфликт идеологий в Первой Чехословацкой республике (1918–1938). М., 2008. С. 62.
- ¹⁰ 1925, 8. července, Praha. — Telegram ministra zahraničí E. Beneše čs. vyslanci u Svatého stolce V. Pallierovi // *Československo a Svatý stolec*. Praha, 2015. D. III: Diplomatická korespondence a další dokumenty 1917–1928 / sest. M. Šmíd, M. Pehr, J. Šebek, M. Helan. S. 440.
- ¹¹ *Ehreberger T.* Husův svátek... S. 27.
- ¹² К теме см.: *Kučera M.* Rakouský občan Josef Pekař. Praha, 2005. S. 34.
- ¹³ Listy úcty a přátelství: vzájemná korespondence J. Golla a J. Pekaře / vyd. J. Kliik, předml. naps. J. Šusta. Praha, 1940. S. 655.
- ¹⁴ Národní listy. 23.08.1925.
- ¹⁵ Prof. Pavel Váša // *Encyklopedie dějin města Brna*. URL: <https://encyklopedie.brna.cz/home-mmb/?acc=profil-osobnosti&load=31326> (дата обращения: 04.05.2025).
- ¹⁶ Lidové noviny. 19.08.1925.
- ¹⁷ *Holinka R.* Dílo Josefa Pekaře // *O Josefu Pekařovi: příspěvky k životopisu a dílu* / red. R. Holinka. Praha, 1937. S. 108.
- ¹⁸ К теме см.: *Havelka M.* Spor o smysl ceskych dejin. Praha, 1995, 2006. Sv. 1.–2. На русском языке см., напр.: *Коля А.Ф.* Спор о смысле чешской истории и

- дискуссия о корнях Европы // Европа–Europa: журнал ПИМО. 2007. Т. 7. № 1. С. 47–73.; *Гимадеев Т.В.* Школа Голла и «спор о смысле чешской истории» // Славянский мир: общность и многообразие. Тезисы конф. мол. уч. 25–26 мая 2021 г. / отв. ред. Е.С. Узенёва, О.В. Хаванова. М., 2021. С. 29–33.
- ¹⁹ Husův památník: sborník o životě a díle velikého hlasatele pravdy a bojovníka za svobodu svědomí a myšlení M. Jana Husa / sest. J. Motyčka s přisp. F.M. Bartoše. Praha, 1925. S. 75–76.
- ²⁰ *Bartoš F.M.* Historie svátku M. Jana Husa // Husův památník... S. 48–52.
- ²¹ *Bartoš F.M.* Vzpomínky husitského pracovníka. Praha, 1970. S. 45–46.
- ²² České slovo. 09.07.1925; 10.07.1925; 14.07.1925; 16.07.1925.
- ²³ К теме см.: *Dejmek J.* Historik v čele diplomacie: Kamil Krofta. Praha, 1998. S. 7–10.
- ²⁴ *Krofta K.* Československo a Vatikán // Zahraniční politika. 1925. N 15–16. S. 943–953.
- ²⁵ Ibid. S. 947–953.
- ²⁶ *Dejmek J.* Historik v čele diplomacie... S. 10.
- ²⁷ См. напр.: *Krofta K.* Rím a Čechy před hnutím husitským // Sborník prací historických: k 60. narozeninám dvor. rady prof. dra Jaroslava Golla / ed. J. Bidlo, G. Friedrich, K. Krofta. Praha, 1906. S. 178–194; Monumenta Vaticana Res Gestas Bohemicas Illustrantia. Praga, 1903–1905. T. V: Acta Urbani VI. et Bonifatii IX. Ps. I–II.

DOI: 10.31168/2619-0869.2025.31

Д. Ллойд Джордж на Парижской мирной конференции 1919–1920 гг.: польский взгляд

Татьяна Дмитриевна Меркушина

Московский государственный университет
имени М.В. Ломоносова,
Москва, Российская Федерация;
e-mail: tat.merkushina2016@yandex.ru
ORCID: 0009-0001-5798-8625

Ключевые слова: Д. Ллойд Джордж, Парижская мирная конференция, Р. Дмовский, польский вопрос, британская дипломатия, межвоенное урегулирование

D. Lloyd George at the Paris Peace Conference 1919–1920: the Polish Perspective

Tatiana D. Merkusina

Lomonosov Moscow State University
Moscow, Russian Federation;
e-mail: tat.merkushina2016@yandex.ru
ORCID: 0009-0001-5798-8625

Keywords: D. Lloyd George, Paris Peace Conference, R. Dmowski, Polish question, British diplomacy, interwar settlement

Парижская мирная конференция 1919–1920 гг. стала важнейшим этапом формирования послевоенного порядка. Британская делегация, играя ключевую роль в создании Версальской системы, во многом определяла баланс сил в Европе. Однако деятельность отдельных британских дипломатов, их стратегии и влияние до сих пор остаются предметом научных дискуссий. Особый интерес представляют источники, выходящие за рамки западноевропейского дискурса — например, донесения польской делегации, для которой решения Британии были критически важны в вопросах независимости и территориального урегулирования. Польский вопрос на Парижской конференции решался при участии многих деятелей британской делегации, часть из которых всеми силами пыталась сдерживать польские территориальные амбиции, рассматривая возрожденное государство как шаг к нарушению баланса сил на континенте и «проблемой»¹, которая может стать источником новой войны. Наибольшее влияние на ее решение упомянутой проблемы оказал премьер-министр Коалиционного правительства Великобритании Дэвид Ллойд Джордж.

Польская делегация внимательно следила за действиями британского лидера, осознавая, что его позиции определяют исход переговоров. В донесениях польских представителей на конференции содержатся не только отчеты о решениях

премьера, но и личная характеристика, его манера вести переговоры, а также попытки оценить скрытые мотивы британской дипломатии. В статье анализируется восприятие Д. Ллойда Джорджа польской делегацией, включая представления о его личности, политических убеждениях и их влиянии на решение польского вопроса и ход переговоров.

* * *

Характерной особенностью деятельности британской делегации в начальный период работы Парижской мирной конференции (январь—март 1919 г.) являлось отсутствие координации между действиями ее членов и декларируемыми стратегическими целями, что создавало парадоксальную параллель с позицией делегатов возрождаемого польского государства. Дэвид Ллойд Джордж, акцентируя внимание на институциональной слабости Польши и ее неспособности к консолидированному представительству, сам столкнулся с внутренним сопротивлением в рамках собственной делегации.

Остававшийся де-факто главой делегации, Д. Ллойд Джордж прибыл в Париж, частично игнорируя процедурные каналы Форин-офиса, что подчеркивало его стремление к единоличному контролю над переговорами. Его позиция на конференции была обусловлена предвыборными обязательствами, данными электорату, который в декабре 1918 г. подтвердил его мандат на посту премьер-министра². Лейтмотивом стратегии Ллойда Джорджа стало заявление о необходимости «сделать Британию страной, достойной своих героев»³, где под «героями» метафорически подразумевались как жертвы войны⁴, так и он сам, ассоциировавший себя с ролью архитектора как победы, так и всего послевоенного урегулирования⁵. Это обусловило подчинение внешнеполитических решений задачам укрепления личных позиций премьер-министра, что проявилось в неоднократной смене его курса по польскому вопросу в январе—марте 1919 г. Наиболее показателен в этом отношении вопрос о территориальной принадлежности Данцига. 23 января 1919 г.⁶ на заседании

Верховного союзного совета Д. Ллойд Джордж поддержал французское предложение о передаче города Польше, ссылаясь, в частности, на необходимость обеспечить возрождаемому польскому государству выход к морю. К 8 марта соответствующий проект⁷ был подготовлен и одобрен британскими экспертами, работавшими в составе Комиссии по польскому вопросу и ориентировавшимися на установившуюся к тому времени линию, одобряемую фактическим руководителем британской делегации. Однако уже 25 марта, после публикации так называемого «Меморандума из Фонтенбло»⁸, Ллойд Джордж выступил с решительным протестом против передачи Данцига Польше, подвергнув жесткой критике и саму идею, и действия экспертов, назначенных ранее по его собственному указанию.

Неопределенность британской политики фиксировалась польскими наблюдателями уже на раннем этапе: так, в декабре 1918 г. Эсме Говард, член Межсоюзнической миссии и эксперт комиссии по польским делам, подготовил аналитический «Меморандум по Польше»⁹, ставший основой для критики британской дипломатии с польской стороны. Хотя сам текст меморандума не носил официального статуса и был подготовлен для внутреннего пользования, его положения были утверждены премьер-министром Д. Ллойд Джорджем на заседании Верховного военного совета 4 января 1919 г.¹⁰ и легли в основу британской внешнеполитической линии в отношении польского вопроса на начальном этапе мирной конференции. Именно поэтому польская критика — как официальная, так и в частных мемуарах — адресовалась не столько авторам аналитических справок, сколько лично главе британского кабинета. Роман Дмовский, лидер Польского национального комитета (ПНК), возглавлявший делегацию до апреля 1919 г., в мемуарах подчеркивал противоречивость мотивов премьер-министра: «Мы видели в нем неутомимого оппонента наших интересов. [...] Что могла значить Польша для человека, не имевшего с ней связей, слабо представлявшего ее географию и, возможно, вовсе не слышавшего о ней до войны?»¹¹. Этот тезис отра-

жает не только персональное восприятие Дмовского, но и структурную проблему британской дипломатии, где прагматизм великодержавных амбиций сталкивался с недостатком экспертного знания о регионах Центральной и Восточной Европы, что проявилось в ходе Парижской мирной конференции. В Форин-офисе на момент начала конференции отсутствовал специализированный отдел, ответственный за славянские и центральноевропейские дела. Кадровое ограничение обуславливало неполноту представлений о политических реалиях региона, включая неспособность британской стороны чётко различать стратегические и идеологические расхождения между польскими лидерами — прежде всего, между Р. Дмовским и Ю. Пилсудским. Географическая и демографическая база, на которую опирались делегация и экспертные группы, была не менее фрагментарной: использовались преимущественно довоенные германские и российские материалы, а также французские карты, созданные французской армейской географической службой¹², тогда как собственная картографическая работа британцев оставалась крайне ограниченной. В результате Ллойд Джордж и его окружение до марта 1919 г. во многом опирались на внешние источники, что дополнительно усиливало непоследовательность британской внешнеполитической линии.

Р. Дмовский еще до открытия Парижской конференции осознавал критическую важность не только французской, но и британской поддержки для легитимации польских территориальных претензий. Его попытки установить личный контакт с Ллойд Джорджем, начавшиеся в сентябре 1918 г., отражали стратегию «прямого лоббирования»¹³, характерную для малых наций в условиях сохранения великодержавного диктата. Однако, как свидетельствуют донесения польской делегации, эти усилия систематически саботировались. Согласно рапорту Яна Гжендзинского, представителя польской делегации на мирной конференции, 12 января 1919 г. во время визита Дмовского в отель «Мажестик» сотрудники Отдела политической разведки не только пресекли его доступ к премьер-министру, но и сопровождали из здания под пред-

логом нарушения протокола безопасности¹⁴. Этот инцидент наглядно продемонстрировал неравноправие в отношениях между Лондоном и Варшавой.

Польские источники раскрывают многогранность причин британской холодности. Во-первых, антисемитские высказывания Дмовского не только спровоцировали протесты части британских делегатов против его назначения на должность главы польской делегации¹⁵, но и усилили скепсис Ллойд Джорджа, опасавшегося, что поддержка ПНК навредит имиджу Британии как защитника национальных меньшинств¹⁶. Во-вторых, финансовая зависимость ПНК от Франции, получавшего через посредничество премьер-министра Стефана Пишона ежемесячные субсидии в размере 10 000 фр.¹⁷, воспринимались Лондоном как угроза послевоенному балансу сил. В донесении от 23 января 1919 г. Михал Сокольниковский, заместитель главы «варшавского крыла» делегации, отмечал: «Мы предстали перед Ллойд Джорджем в невыгодном положении»¹⁸.

Польские дипломаты, однако, не были едины в методах преодоления этого кризиса. В отличие от Р. Дмовского, М. Сокольниковский, опираясь на инструкции Юзефа Пилсудского, избрал тактику «тихой дипломатии». В донесениях, отправленных временному начальнику государства, представлены отчеты о его контактах с Э. Говардом и Артуром Бальфуrom¹⁹, итогом которых стало приглашение варшавских делегатов в Лондон для обсуждения будущего польского территориального урегулирования напрямую с сотрудниками Форин-офиса²⁰.

Тем не менее, для деятелей ПНК фигура Д. Ллойд Джорджа оставалась источником постоянного разочарования. Как отмечал Дмовский, премьер-министр постепенно концентрировал власть в своих руках, устраняя из процесса принятия решений дипломатов с глубоким знанием международных дел²¹. Превратив Совет десяти, расширенный консультативный орган конференции, в Совет четырех, он добился фактического контроля над британской дипломатией, действуя в обход Бальфура и Министерства иностранных дел. «Такого не было даже у самодержавных монархов», — с горечью

констатировал Дмовский, называя этот процесс «рогатым референдумом»²². Польские представители подчеркивали, что Ллойд Джордж использовал фактор слабости Польши в годы войны как инструмент для ограничения ее территориальных притязаний: «Он спросил, что поляки сделали для победы, чтобы выдвигать такие далеко идущие требования, указав, что они скорее действовали против союзников»²³. Глава польской делегации видел в этом не просто попытку пересмотра польских границ, но и стремление Лондона ослабить французское влияние, ограничив рост Польши как потенциального союзника Парижа.

Для польской дипломатии, борющейся за международное признание возрожденного государства, взаимодействие с Британией оказалось настоящим испытанием стратегической гибкости и дипломатического мастерства. Несмотря на активное противодействие, Польша сумела закрепить свой суверенитет, но сложный характер отношений с Великобританией предвещал дальнейшую нестабильную динамику межгосударственного взаимодействия в межвоенный период.

Изучение донесений и мемуаров польских дипломатов раскрывает не только детали переговорного процесса, но и значимость личностного фактора в большой дипломатии. Дэвид Ллойд Джордж, являясь ключевой фигурой послевоенного урегулирования, оказывал определяющее влияние на судьбу Центральной и Восточной Европы, однако его подход к польскому вопросу был далек от последовательности. Польские дипломаты видели в этом не просто проявление британского прагматизма, но и признак отсутствия у Ллойда Джорджа долгосрочного стратегического видения, который, в конечном счете, определил место Польши в новой системе международных отношений.

Примечания

¹ Ллойд Джордж Д. Правда о мирных договорах. М., 1957. Т. 1. С. 268.

² Goldstein E. Great Britain: The Home Front. The Treaty of Versailles: a reassessment after 75 years / Ed. by M.F. Voemeke, G.D. Feldman, E. Glaser. Washington; Cambridge, 2006. P. 147–166.

³ Ibid. P. 155.

⁴ Ibid. P. 148.

⁵ *Macmillan M.* Paris 1919. New York, 2002. P. 70.

⁶ *Sprawy Polskie na Konferencji Pokojowej w Paryżu w 1919 r. Dokumenty i materiały / red. R. Bierzanek, J. Kukułka.* Warszawa, 1965. T. I. N. 8. S. 39.

⁷ Ibid. N. 24. S. 107.

⁸ Ibid. N. 29. S. 129.

⁹ *Piszczkowski T.* Anglia a Polska 1914–1939 w świetle dokumentów brytyjskich. Londyn, 1975. S. 74.

¹⁰ The National Archives. FO 371/3536. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.nationalarchives.gov.uk/> (дата обращения: 12.05.2025).

¹¹ *Dmowski R.* Polityka polska i odbudowanie państwa. Częstochowa, 1937. S. 284.

¹² *Temperley H.A.* History of the Peace Conference of Paris. London, 1921. Vol. III. P. 410–412.

¹³ *Dmowski R.* Polityka polska i odbudowanie państwa. Częstochowa, 1937. S. 284.

¹⁴ Российский государственный военный архив (далее — РГВА). Ф. 483к. Оп. 6. Д. 12. Л. 2.

¹⁵ Там же.

¹⁶ Там же.

¹⁷ Там же. Д. 23. Л. 2.

¹⁸ Там же. Д. 3. Л. 11.

¹⁹ Там же. Д. 1. Л. 3.

²⁰ Там же.

²¹ *Dmowski R.* Polityka polska i odbudowanie państwa. S. 284.

²² Ibid. S. 285.

²³ Ibid. S. 325.

Секция
Ⓢ «ИСТОРИЯ
КУЛЬТУРЫ»

Образы мятежников в белорусско-литовских летописях

Кирилл Игоревич Метелица

Центр исследований белорусской культуры,
языка и литературы НАН Беларуси,
Минск, Республика Беларусь;
e-mail: kmiatsel@gmail.com
ORCID: 0009-0000-5028-1005

Ключевые слова: белорусско-литовские летописи, Великое княжество Литовское, литература XV–XVI вв., художественный образ, литературная характеристика

The Images of Rebels in the Belarusian-Lithuanian Chronicles

Kiryl I. Miatselitsa

Center for the Belarusian Culture,
Language and Literature researches
of the National Academy of Sciences of Belarus,
Minsk, Republic of Belarus;
e-mail: kmiatsel@gmail.com
ORCID: 0009-0000-5028-1005

Keywords: Belorussian-Lithuanian chronicles, the Grand Dukes of Lithuania, literature of the 15th–16th centuries, imagery, literary characterization

Значительную часть повествования белорусско-литовских летописей XV–XVI вв. (далее — БЛЛ) — общегосударственных памятников историописания Великого княжества Литовского — занимают воинские сюжеты, отразившиеся как в развернутых повестях, так и в погодных статьях. К ним стоит отнести не только традиционные рассказы о борьбе с внешними врагами, но и описания различных мятежей.

Если первые, как правило, оформлялись с помощью выработанного в ходе развития жанра древнерусской воинской повести набора устойчивых ситуативных формул и стилевых средств¹, то четкие литературные атрибутивные признаки вторых выделить куда сложнее. Наиболее выразительно эти едва уловимые закономерности конструирования образов мятежников в БЛЛ² проявляются при сопоставлении обстоятельств «инсurreкционных» сюжетов.

Династические усобицы. Мятежи (либо приведшие к вооруженному столкновению акты неповиновения) отдельных членов правящего дома Гедиминовичей против центральной власти в лице великого князя являются едва ли не главными сюжетными узлами БЛЛ. Именно новелла о династической расправе (свержение князьями Ольгердом и Кейстутом своего старшего брата Евнутия) служит завязкой «Летописца великих князей литовских» — литературного ядра всех сводов белорусско-литовского летописания³. Однако, несмотря на детальный рассказ, анонимный автор воздержался от моральных оценок этого события. С той же деликатностью описываются и перипетии длительной борьбы между фактически мятежником Витовтом и великим князем Ягайло. Это, впрочем, объясняется тем, что «Летописец великих князей литовских» представляет собой, по сути, апологию Витовта.

В тех фрагментах БЛЛ, где описывается проявление непокорности кого-либо из Гедиминовичей по отношению к самому Витовту, прямые негативные характеристики бунтующих князей также отсутствуют, но при этом общий осуждающий фон создается с помощью указаний на их строптивость: так, согласно все тому же «Летописцу великих князей литовских», Корибут Ольгердович «не у послушании нача быти»⁴, а Владимир Ольгердович не захотел «покоры учинити и челомь ударити»⁵. Завершаются подобные эпизоды либо выражением смирения со стороны восставшего, либо его военным поражением и замещением великокняжеским наместником.

Несколько особняком в корпусе рассматриваемых текстов стоит представленное во всех трех сводах БЛЛ про-

странное описание династической войны между великим князем Сигизмундом Кейстutowичем и Свидригайло Ольгердовичем. Верховным судьей в этом противостоянии выступают сверхъестественные силы, вмешательство которых прямо влияет на исход конфликта, придавая ему провиденциальную форму. Бог несколько раз помогает Сигизмунду: то даруя победы на полях сражений, то насылая паводки, мешающие передвигаться войскам Свидригайло («*Божим повелением паде на землю моча великая*»⁶). Объясняется это божественное вмешательство тем, что Свидригайло запятнал себя преступлениями, апогеем которых стало сожжение митрополита Герасима («*зато Бог не пособе князю Швидригайлу*»⁷). Тем самым создается образ мятежника, противостоящего в том числе и божьей воле.

Вероятно, летописцы предпочитали дистанцироваться от узко династических конфликтов. Однако в тех в случаях, когда мятеж выходил за рамки повествования о княжеских усобицах, затрагивая интересы других социальных групп, книжники чувствовали себя свободнее в выборе литературных инструментов.

Заговоры знати. Самым ярким эпизодом такого рода является фрагмент «Хроники Быховца», в котором излагаются события заговора, закончившегося убийством Сигизмунда Кейстutowича. В отличие от скупых сообщений первого и второго белорусско-литовских сводов (в Литве был «*метежь велик*»⁸ или «*замятня великая*»⁹) в «Хронике Быховца» это событие подается в виде развернутого, изобилующего яркими подробностями сюжетного повествования. Образы заговорщиков рисуются в положительном свете, однако не прямо, а через негативную характеристику убитого великого князя — «окаянника» («*okajannik*»), прославившегося жестокостями по отношению к своим подданным («*silnyie okrutenstwa czynil poddanym*»), и, главное, возжелавшего уничтожить всю шляхту, дабы вознести людей незнатного происхождения — «собачью кровь» («*psiu krow*»), по выражению автора хроники¹⁰. В результате мятежники предстают в роли защитников своего сословия.

Однако при описании нескольких заговоров князя Михаила Сигизмундовича (сына Сигизмунда Кейстutowича) против великого князя Казимира Ягайловича проявляются уже иные коннотации. Эту представленную в «Хронике Великого княжества Литовского и Жомойтского» и «Хронике Быховца» историю также можно было бы отнести к категории династических усобиц, если бы не широкий круг действующих лиц и общая трагикомичная тональность повествования, в котором, как в кривом зеркале, отразилась событийная канва описанной в «Летописце великих князей литовских» борьбы за власть между Ягайло и Витовтом, хотя и с куда более печальными последствиями для мятежника. Здесь отрицательный образ возмутителя спокойствия создается уже на уровне номинации — его имя употребляется исключительно в уничижительной для человека его статуса (и это единственный подобный пример во всем корпусе текстов БЛЛ) форме «Михайлушка». Кроме того, подчеркивается, что Казимир дважды проявлял милость к сопернику, отдавая ему в удел часть отцовских земель, но тот все равно «задумал злое дело» (*«umysłił zhuu radu»*) — убить великого князя. После провала покушения мятежник бежал в Московское княжество, где был отравлен¹¹.

Не менее темными красками описан в «Хронике Великого княжества Литовского и Жомойтского» князь Михаил Глинский, поднявший в 1508 г. восстание и перешедший на сторону Московской державы. Повествование о мятеже усилено несколькими штрихами, дополняющими портрет бунтовщика. Во-первых, согласно сюжету, попавший в великокняжескую опалу Глинский убил своего соперника маршалка Яна Заберезинского, окончательно настроив против себя «*короля и паны литовские, приятели небожчыкавы*». Во-вторых, летописец сделал акцент на том, что Глинский смалодушничал, уклонившись от битвы с войсками во главе с великим князем Сигизмундом Казимировичем («*не смбючы ждати на замкохъ Рускихъ корола Жыкгимонта побѣгъ къ Москве*»)¹².

Точно такими же беспринципными предателями изображены сговорившиеся («*ztowu u prysiahu meзу soboiu wczynili*»)

и переметнувшиеся к Москве князя Семен Бельский, Семен Можайский и Василий Шемячич, чьим единственным мотивом измены, по мнению неизветного автора «Хроники Быховца», было исключительно корыстолюбие: великий князь московский пообещал им ряд городов и волостей («*mnohije horody u wolosty swoi*») и, кроме того, те земли, которые они захватят в ходе войны с Литвой («*ktoryie horody u wolosty oni pod Litwoju poberut, to im vse derzaty*»)¹³. Причем именно переход литовских князей на сторону неприятеля и формально спровоцировал новую войну, в ходе которой Ивану III присягнули восставшие жители Брянска, чей поступок в летописи уже прямо назван предательством («*zradoi*»).

Восстания на вассальных и покоренных землях.

В целом в БЛЛ «региональные» мятежи описываются довольно сдержанно. Так, летописец не только не осуждает, но даже с симпатией относится к отказавшимся принять князя Скиргайло (человека, сыгравшего крайне неоднозначную роль в судьбе Витовта) жителям Полоцка. Хотя он же с явным осуждением повествуют о смоленском князе Глебе Святославиче, который выступил против Витовта («*нача не в послушани быти*») и «*не всхоте исправитися*» даже после того, как великий князь направил к нему послов. Это упрямство стоило Глебу Святославичу смоленского столыца¹⁴.

В довольно необычном ключе представлены в «Хронике Быховца» события, связанные с восстанием в Жемайтии в 1440 г.: местная знать не желала подчиняться новому великому князю Казимиру Ягайловичу. Пришедшего во главе карательной экспедиции Казимира удержал от кровопролития троцкий воевода Ян Гаштольд, благодаря которому дело завершилось миром. Согласно тексту, воевода подчеркнул, что в случае поражения Казимира ждет позор («*sorom*»), но и победа принесет ему печальную славу правителя, усмирившего своих подданных с помощью войск («*ino tobe z nestawa, swoich poddanych pobity woyskom*»)¹⁵.

Особо резкая оценка в БЛЛ дается сепаратистским мятежам, осуществленным при поддержке иных государств. Так, под 1401 г. в «Хронике Быховца» упоминается «*мятеж и не-*

согласие» («miateż u nezhoda») в Смоленске: местные жители открыли городские ворота перед войсками рязанского князя Олега Ивановича, вернувшего смоленский столец местному князю Юрию Святославичу. Здесь негативное отношение к восставшим проявляется в том числе и посредством описания их чрезмерной жестокости, выразившейся в расправе со сторонниками Витовта¹⁶.

Народные восстания. Едва ли не единственным случаем описанного в БЛЛ народного восстания является так называемая «Смоленская замятня» 1440 г., известия о которой содержатся во всех трех сводах. Так, после получения известий об убийстве Сигизмунда Кейстутовича смоленские «черныя люди» отказались присягать великокняжескому наместнику Андрею Саковичу, что привело к острому социальному противостоянию («*бысть бран велика межи бояр и черных людей*»)¹⁷. Как и в иных эпизодах, симпатии летописца здесь выражаются исключительно через негативные характеристики восставших.

Таким образом, несмотря на то что мятежи изображаются в БЛЛ как события исторически значимые, художественный язык их описания довольно скуп. Кроме того, скрупулезно переданная хронология событий чаще всего оттеняет своей «занимательностью» собственно моральную сторону вопроса. В тех случаях, когда летописец все же дает прямую или косвенную оценку мятежам, расставленные им смысловые акценты сильно зависят от социального статуса конкретных героев. Можно констатировать, что в целом образы мятежников в БЛЛ не выходят за рамки нормативной поэтики летописного повествования.

Примечания

¹ Сушицкий Т.П. Західно-руські літописи як пам'ятки літератури. Київ, 1929. Ч. II: Праці з історії письменства давньої України. Т. 1. С. 368–377.

² В данной статье рассматриваются тексты таких памятников, как «Летописец великих князей литовских», Белорусско-литовская летопись 1446 г. (1-й свод), «Хроника Великого княжества Литовского и Жомойтского» (2-й свод), «Хроника Быховца» (3-й свод).

- ³ *Чамярыцкі В.А.* Беларускія летапісы як помнікі літаратуры. Узнікненне і літаратурная гісторыя першых зводаў. Мінск, 1969. С. 97–118; *Лицкевич О.В.* «Летописец великих князей литовских» и «Повесть о Подолье»: опыт комплексного критического разбора. СПб., 2019. С. 47–158.
- ⁴ Полное собрание русских летописей (далее — ПСРЛ). М., 1980. Т. 35. С. 71.
- ⁵ Там же. С. 65.
- ⁶ Там же. С. 58.
- ⁷ Там же.
- ⁸ Там же. С. 60.
- ⁹ ПСРЛ. СПб., 1907. Т. 17. Стб. 338.
- ¹⁰ ПСРЛ. М., 1975. Т. 32. С. 155–156.
- ¹¹ Там же. С. 159.
- ¹² ПСРЛ. Т. 17. Стб. 344–345.
- ¹³ ПСРЛ. Т. 32. С. 166.
- ¹⁴ ПСРЛ. Т. 35. С. 65.
- ¹⁵ ПСРЛ. Т. 32. С. 157–158.
- ¹⁶ Там же. С. 148–149.
- ¹⁷ ПСРЛ. Т. 35. С. 60.

DOI: 10.31168/2619-0869.2025.33

Специфика оппозиции «свой / чужой» в книге репортажей «Россия вблизи и издалека» Н.Ф. Мельниковой-Папоушковой

Екатерина Евгеньевна Клейменова

Российский государственный гуманитарный университет
Москва, Российская Федерация;
e-mail: Katerina.kl@bk.ru
ORCID: 0009-0009-5680-233X

Ключевые слова: «свой / чужой», литература путешествий, репортаж эмигранта, Советский союз 1920-х гг.

The Specifics of the Opposition “Us/Them” in the Book of Reports “Russia Near and Far Away” by N.F. Melnikova-Papoushkova

Ekaterina E. Kleymenova

Russian State University for the Humanities
Moscow, Russian Federation;
e-mail: Katerina.kl@bk.ru
ORCID: 0009-0009-5680-233X

Keywords: us/them opposition, travel literature, emigrant reportage, Soviet Union of the 1920s

Жанр путевых заметок (репортажа, путевого очерка или шире — травелога) играет особую роль в формировании устойчивых представлений одного этноса о другом. Авторы подобных текстов делятся своими впечатлениями о других странах, народах и землях с читателем, который, возможно, в тех краях не был и никогда не побывает. При этом, помимо познавательных, перед литературой путешествий стоят и иные — эстетические, философские, публицистические и даже политические — задачи¹. Последние характерны и для травелогов об СССР 1920–1930-х гг. В это время многие зарубежные деятели стремятся составить свое мнение о новом социалистическом государстве. В СССР прибывают делегации из европейских стран, в том числе и из Чехословакии. Большинство посетивших Советский Союз в 20–30-е гг. XX в. было прокоммунистически настроено, а следовательно, и большая часть отзывов об увиденном, публикуемых путешественниками по возвращении на родину, была хвалебной. Точка зрения авторов хвалебных травелогов (И. Ольбрахта, М. Майеровой, Б. Шмералья и др.) отличалась от взглядов писателей, не разделяющих левых политических убеждений (Й. Куглер, Й. Купка, Ф.В. Павловский и др.), а также противоречила заметкам об СССР чехословацких газет (*Národní osvobození*

и др.), в которых коммунистический режим представляли не с лучших сторон². В атмосфере борьбы взглядов выходит рассматриваемая в докладе книга репортажей Н.Ф. Мельниковой-Папоушковой — «Россия вблизи и издалека» (*Rusko z blízka i z dálky*, Прага, 1929).

Написанный по-чешски и для чешской аудитории, этот репортаж тем не менее существенно отличается от репортажей об СССР 20-х гг. XX в. авторства чешских писателей. Это отличие связано в первую очередь с измененным видом оппозиции «свой / чужой» — ключевой в текстах литературы путешествий. Если в травелогах чешских писателей масштабом для оценки увиденного в СССР становится родина авторов (то есть Чехословакия), то в репортаже Н.Ф. Мельниковой-Папоушковой в определении компонентов этой оппозиции решающими оказываются не только национальный и культурный, но и политический факторы. Еще одной особенностью репортажа становится сочетание в тексте двух культурных перспектив: чешской и русской, которое, в свою очередь, объясняется фактами биографии автора. Н.Ф. Мельникова-Папоушкова — русская, до революции жила в России, а затем вышла замуж за чешского политического деятеля Ярослава Папоушека и в 1918 г. эмигрировала в Чехословакию³. Отметим, что писательница приехала в Прагу сразу как гражданка Чехословакии и достаточно быстро стала частью чешского культурного пространства: по приезде Н.Ф. Мельникова-Папоушкова познакомилась с писателями и интеллектуалами, объединившимися вокруг И. Вайля⁴, а позже, в 1920-е гг., поступив на философский факультет Карлова университета, начала публиковать исследования о русской культуре на чешском языке. Рассматриваемая нами «Россия вблизи и издалека» была издана спустя 11 лет эмиграции, в течение которых писательница трижды посетила СССР — впечатления от поездок и были изложены в книге. «Своей» в тексте предстает Россия детства и юности писательницы, то есть Россия до революции 1917 г., а Советская Россия изображается как «чужая».

Наше утверждение об авторском отношении к дореволюционной России как к «своей» проиллюстрируем фрагмен-

том, в котором Н.Ф. Мельникова-Папоушкова обращается к воспоминаниям о своей московской юности. Первая значимая деталь — введение в повествование образа Москвы при помощи метафоры о близком человеке. Описание города сопровождается рассуждениями об устойчивости ассоциаций и полноте чувств, возникающих при мысли о ком-то близком: «Когда размышляешь о человеке, которого хорошо знаешь, всегда представляешь его в строго определенной обстановке, наиболее подходящей всему его естеству [...] То же можно сказать и о городах, которые любимы нами и хорошо нам известны»^{5,6}. Сближение образов близкого человека и города детства характерно для представлений о «родной земле», которая, в свою очередь, является одним из устойчивых компонентов «своего»⁷. Далее в тексте возникает не менее важное противопоставление. Осенние дождливые дни студенческого периода писательницы, воспоминания о которых «наполняют сердце особой, немного сентиментальной нежностью», противопоставляются одному столь же дождливому дню — дню, когда «под таким же свинцовым небом началась стрельба с крыш и из окон московских домов и свершалась последняя на сегодняшний день революция»⁸. Отметим, что революция в этом фрагменте предстает не как долгожданное, знаменующее перемены к лучшему событие (такое изображение характерно для текстов левых авторов), а как разрушающая привычный жизненный уклад сила, предвещающая бóльшие, чем война, трудности: «Революция вонзает нож в плоть народа гораздо глубже, чем война»⁹. Сопоставление сентиментальности, с какой описывается спокойствие дореволюционной Москвы, и воинственности метафор «вторжения» революции в родной город писательницы, позволяет нам заключить, что «своей» в тексте является Россия до 1917 года, а «чужой» — Россия после Октябрьской революции.

Приведем еще одну цитату, иллюстрирующую выдвинутое нами утверждение об изображении революции как «чужой» разрушающей силы: «Большевизм не ограничивается только политикой, напротив, он деспотично вторгается

в нравственную, религиозную и в духовную сферы»¹⁰. В репортаже эта фраза становится вступлением к рассуждениям о падении уровня морали и трансформации интеллигенции в СССР. Н.Ф. Мельникова-Папоушкова пишет о зарождающейся новой интеллигенции, которой дает название «полуинтеллигенция». В основе рассуждений о проблеме морального обнищания нового общества лежит уже названная нами оппозиция — «дореволюционная Россия — своя / Советская Россия — чужая». Дореволюционная интеллигенция, к которой относилась и сама Н.Ф. Мельникова-Папоушкова, изображается как высшее общество, отличающееся образованностью, интересом к науке и искусству, хорошими манерами, отзывчивостью и чуткостью. Современная же «полуинтеллигенция» наделяется противоположными характеристиками. Писательница отмечает, во-первых, поверхность самого критерия вхождения в этот круг: новая элита — исключительно политическая. В нее входят те, кому «одно лишь членство в комсомоле или партии придает огромное самомнение и ощущение некоего подобия власти»¹¹. Во-вторых, «полуинтеллигенция» не отличается образованностью и духовностью. «Каждый из них прочитал в лучшем случае одну книгу», — пишет Н.Ф. Мельникова-Папоушкова. При сопоставлении высоконравственного «старого» и аморального «нового» авторской критике подвергается не только «полуинтеллигенция», но и «бытовое невежество» пролетариата, получившего комнаты в изысканных квартирах дореволюционной интеллигенции: «...они кладут ноги в грязных ботинках на шелковые диваны или ставят глиняный умывальник на стол в стиле ампир»¹². Писательница также отмечает, что «советские люди утратили представление о культуре и красоте застолий»¹³. Кухни коммунальных квартир производят на Мельникову-Папоушкову неприятное впечатление: они тесные, грязные, стол покрыт клеенкой, а еду часто подают прямо в кастрюле. «С непривычки это выглядит ужасно [...] нет ни малейшей предпосылки для создания того праздничного настроения, которое необходимо для приема гостей»¹⁴, — заключает писательница.

И хотя внутри домов Растрелли теперь совсем иная жизнь, внешний облик Москвы, по мнению автора, остался прежним: «Париж, Берлин, не говоря уже о Праге, проделали большой путь к изменениям [...] В ином положении сегодняшняя Москва [...] Если бы сняли красные знамена и открыли бы вечно закрытые ворота Кремля, можно было бы подумать, что здесь 1913 или 1914 год»¹⁵. Мельникова-Папоушкова критикует бездеятельность большевиков, которая привела к стагнации. В этом фрагменте есть и другая важная для нашей работы деталь: положительную характеристику здесь получают европейские страны, прежде всего Чехия, в которой на тот момент уже десять лет жила писательница. Таким образом, выделенная нами основная оппозиция текста — «дореволюционная Россия — своя / Советская Россия — чужая» — усложняется сопоставлением Советской России и Европы. Существование этой оппозиции в тексте подтверждает в том числе и то, что Н.Ф. Мельникова-Папоушкова называет изложенное в книге «впечатлениями человека со свежего воздуха»¹⁶. Тем самым писательница обозначает независимость своего взгляда от коммунистической идеологии и преимущество своего «зарубежного» положения, позволяющего сравнить советские реалии не только с дореволюционными, но и с современными европейскими. В рецепции Мельниковой-Папоушковой советское общество «герметично», Европа для советских людей — нечто недоступное и экзотичное. Советский человек может составить представление о других странах только по фильмам и газетам, в которых образ зарубежного мира весьма искажен, из-за чего, по мнению автора, советские люди не могут критически отнестись к новой большевистской России. Говоря о сомнительности изменений в послереволюционной Москве, писательница иронично замечает: «...на одиннадцатом году после революции наконец начали строить большие здания, тем временем в толпе почти не осталось интеллигентных лиц и хорошо одетых людей»¹⁷. Последнее утверждение писательница иллюстрирует описанием вульгарности внешнего вида москвичек: «Они не знают меры ни в длине юбки, ни в глу-

бине декольте»¹⁸. Советские девушки стремятся надеть все лучшее сразу: и мех, и украшения, а также сделать яркий макияж и нанести побольше парфюма. Возвращаясь к теме искаженности представлений о европейцах в СССР, автор пишет о распространенном в России убеждении, что «Москва одевается хорошо и ни в чем не отстает от Европы, то есть от Парижа»¹⁹. Н.Ф. Мельникова-Папоушкова же, исходя из своего европейского опыта, это опровергает: «В России не одеваются, а наготу скрывают»²⁰. В сопоставлении с Европой столь же негативную авторскую оценку получают и жилищные условия советских людей. Н.Ф. Мельникова-Папоушкова описывает состояние коммунальных квартир в первые послеволюционные годы: отсутствие водопровода, отопления и электричества, тесноту и грязь. Автор отмечает, что «в 1924 году произошли улучшения: было налажено водоснабжение и канализация, а со дворов вывезли горы мусора, в которых раньше рылись крысы и собаки [...], но это еще не значит, что кризис жилищных условий преодолен, с *нашей* (курсив наш. — Е. К.) европейской точки зрения, до этого еще очень далеко»²¹. Таким образом, в этом фрагменте статус «своего» как меры оценки советских реалий получает Европа, и мы можем говорить о присутствии в тексте двух видов оппозиций.

Подводя итог, повторим, что специфика противопоставления «свой / чужой» в «России вблизи и издалека» проявляется в изменчивости компонентов «своего». В зависимости от темы, Н.Ф. Мельникова-Папоушкова может занимать две позиции: 1) «гостя из Чехословакии», сравнивающего увиденное в СССР (то есть «чужое») с европейскими реалиями (то есть «своим»); 2) русского эмигранта, приехавшего в родную, но изменившуюся страну, подмечающего «новое» (то есть «чужое») на фоне привычного «старого» (то есть «своего»). Компоненты «чужого» в обоих случаях совпадают — это Советская Россия.

Примечания

¹ Николюкин А.Н. Литературная энциклопедия терминов и понятий. М., 2001. С. 839.

² Vávra J. Říjnová revoluce a SSSR v československé publicistice a reportážích 1918–1929. Praha, 1969. S. 17.

- ³ См. *Фирсов Е.Ф.* Счастливый финал бытырской love story чеха Ярослава Папоушека // Литературно-художественный и культурологический журнал «Меценат и Мир». 2003. № 21–24. С. 261–274.
- ⁴ *Andrejs R. Nadežda Melniková-Papoušková: Osudy ruské emigrantky v Československu* // Časopis pro ruskou a slovanskou filologii. 2017. № 2. S. 69.
- ⁵ Здесь и далее перевод наш.
- ⁶ *Melniková-Papoušková N. Rusko z blízka i z dálky.* Praha, 1929. S. 207.
- ⁷ *Степанов Ю.С.* Константы. Словарь русской культуры. М., 2001. С. 170.
- ⁸ *Melniková-Papoušková N. Rusko z blízka i z dálky. ...* S. 207.
- ⁹ Ibid. S. 208.
- ¹⁰ Ibid. S. 23.
- ¹¹ Ibid. S. 151.
- ¹² Ibid. S. 158.
- ¹³ Ibid. S. 219.
- ¹⁴ Ibid. S. 218.
- ¹⁵ Ibid. S. 208.
- ¹⁶ Ibid. S. 164.
- ¹⁷ Ibid. S. 208.
- ¹⁸ Ibid. S. 166.
- ¹⁹ Ibid. S. 164.
- ²⁰ Ibid. S. 174.
- ²¹ Ibid. S. 211.

DOI: 10.31168/2619-0869.2025.34

«Третье место»: кафаны как часть облика Белграда второй половины XIX – начала XX в.

Юлия Олеговна Сорожкина

МГУ имени М.В. Ломоносова,
Москва, Российская Федерация;
e-mail: yulyasorozhkina@gmail.com
ORCID: 0000-0003-0410-650X

Ключевые слова: модернизация, третье место, Белград, урбанистика, Сербия, кафаны, Рэй Ольденбург

“Third Place”: Kafanas as Part of the Image of Belgrade in the Second Half of the 19th – Early 20th Century

Yuliya O. Sorozhkina

Lomonosov Moscow State University,
Moscow, Russian Federation;
e-mail: yulyasorozhkina@gmail.com
ORCID: 0000-0003-0410-650X

Keywords: modernization, third place, Belgrade, urbanism, Serbia, kafanas, Ray Oldenburg

Вторая половина XIX — начало XX в. ознаменовались в Сербии попытками политических элит осуществить всестороннюю трансформацию и модернизацию страны. Власти Сербии по-разному смотрели на способы осуществления качественных изменений в жизни государства. Согласимся с выводами А.Л. Шемякина, что «либеральная идея и традиция» — эта сквозная дихотомия определяла все зигзаги истории Сербии в правление двух последних Обреновичей¹.

Современная историография характеризуется столкновением двух полярных взглядов по поводу сербского варианта модернизации. Ряд историков (преимущественно сербских) настаивает, что Сербия после 1878 г. развивалась в европейском направлении и немногим уступала государствам западной Европы². Отечественные исследователи, напротив, в своих трудах критично относятся к идее схожести европейских институтов и их сербских аналогов³.

Однако современные концепции модернизации предполагают, что таковой нужно считать любые качественные изменения в жизни общества, которое стремится внедрять в свою жизнь политические, экономические, социальные и культурные инновации⁴. В таком случае модернизацию необязательно приравнивать к европеизации и шире к вестернизации.

Трансформация, которую переживала Сербия после обретения независимости, должна была также находить отражение в повседневной жизни сербов. Именно поэтому в контексте изучения модернизации представляется важным рассмотреть сохранение в сербской повседневности традиционных форм. Безусловно, одной из таких форм является кафана.

Феномен «третьего места» (то есть такого места, которое не является домом или работой) относительно недавно начал всерьез обсуждаться учеными. Начало таких исследований было положено Р. Ольденбургом, который в конце XX в. сформулировал концепцию «третьего места» как «исконно народного лекарства от стресса, одиночества и отчуждения»⁵.

Сербию невозможно представить без кафан — мест, где привыкли собираться сербы не только и не столько с целью выпить чашку кофе, а, скорее, чтобы беседовать и в целом приятно проводить время в компании прочих завсегдатаев. Можно ли считать кафаны сербским вариантом «третьего места»? Если принять во внимание убеждение Ольденбурга («Извечные общие черты третьих мест проступают сквозь разнообразные внешние формы и, кажется, не зависят от различий в культурных установках относительно типичных мест встреч в неформальной обстановке»⁶) и согласиться, что такие «третьи места» характерны практически для любой культуры и любого социума, то мы с легкостью обнаружим аналог такого третьего места и на Балканах. Необходимо выделить основные признаки и функции кафан как третьего места, определить значение кафан в формировании общественного пространства Белграда.

Многие путешественники, по разным причинам оказавшиеся в Белграде во второй половине XIX — начале XX в., отмечали расцвет уличной и ночной жизни сербской столицы⁷. Достаточно полное представление о внутренней жизни кафан помогают создать сообщения русских путешественников. Писатель и публицист К.А. Скальковский, путешествующий по Сербии в 1875 г., отмечал: «В чем, однако, существенно отличается Белград от русских городов — это в развитии уличной жизни. “Каваны” день и ночь набиты народом. Статские,

военные, министры, простые граждане, пастухи — все идут пить кофей, читать газеты и рассуждать о том, как бы хорошо подраться с турками, только охоты нет»⁸. В данном свидетельстве содержится важная особенность кафан как третьего места, третье место — это уравниватель⁹. В кафаны (что характерно и для других третьих мест) доступ был открыт всем, безотносительно их социального статуса и общественного положения¹⁰. Однако нельзя не сказать, что в Белграде существовали и партийные кафаны, где предпочитали собираться члены только определенной партийной группировки (радикалы заседали в «Бульваре» и в «Москве», напредняки — в престижном «Гранде»; штабом либералов был «Золотой крест», а отколовшихся от Николы Пашича младорадикалов — «Касина»¹¹). В данном случае можно наблюдать, что кафана как третье место играет роль своеобразной политической и интеллектуальной площадки для дискуссий.

Общественные пространства, которые выступают как третье место, обычно характеризуются визуальной неприметностью, потому что лишняя претенциозность помешает им стать частью повседневной рутины своих завсегдатаев¹². В 1860 г. власти Белграда (Попечительство внутренних дел) приняли решение провести инспекцию всех кафан и механ и поручили создать Управлению Белграда для этого специальную комиссию. Ее отчет свидетельствует о том, что только 57 из 307 описанных заведений находились в зданиях, построенных из твердого и прочного материала¹³.

Кафаны, будучи сербским вариантом третьего места, все же структурировали и отчасти меняли пространство вокруг себя. Так, в тексте прошения от 1868 г. автор призывает выделить ему площадку для создания сквера для прогулок, чтобы он сам своими усилиями поддерживал там чистоту и не допускал появления смрада от имеющихся нечистот¹⁴. Примечательно, что автором этого прошения выступает владелец кафаны, находящейся на этой улице. Ему выгодно вложить деньги в создание сквера, чтобы люди, прогуливающиеся там, могли чувствовать себя безопасно и комфортно, что однозначно повышало бы популярность его заведения.

Но все же главная функция третьего места — обеспечение досуга, общения в приятной компании хороших знакомых. О степени распространения кафан в Белграде свидетельствуют воспоминания Г.И. Успенского, который отмечал, что «только здесь верней всего можно было встретить человека, которого надо видеть»¹⁵. То есть именно кафаны являлись сосредоточием уличной повседневной жизни типичного жителя Белграда, где практически каждый проводил свое свободное время. Очевидно, что такое утверждение применимо только к мужской части сербского общества, что тоже вполне сопоставимо с основными признаками третьего места, которое зачастую состояло из людей одного пола¹⁶.

Кафаны всегда отличались бурной и живой беседой, «постоянное настроение третьего места — игривое»¹⁷. Источники свидетельствуют, что «бурная жизнь» всегда была присуща кафанам. Так, в 1886 г. даже была написана анонимная жалоба на имя Управления Белграда, в которой ее автор настоятельно рекомендовал ведомству разобраться с теми, кто чинит беспредел в кафанах¹⁸. Возможно, именно отвечая на запросы общественности, государственная власть была вынуждена решиться на более строгие меры, и работа кафан после полуночи была законодательно запрещена¹⁹. Кроме того, сербские власти ограничивали возможное месторасположение кафан (нельзя было располагать кафаны и механы рядом с церквями или школами)²⁰. Однако отметим, что государственный контроль этой сферы все же не носил экстремальный характер.

Кафаны можно по праву считать сербским вариантом третьего места, главной функцией которых было обеспечение проведения досуга мужской части сербского общества. Отчасти меняя общественное пространство вокруг, кафана внешне старалась оставаться неприметной. Завсегдатаи обращались к такого рода развлечениям, потому что именно кафаны могли удовлетворить извечную потребность людей в общении и поддержании социальных контактов. Стремление сербских властей приблизить Сербию к Европе не отразилось на существовании такого традиционного института сербского общества как кафана.

Примечания

- ¹ *Шемякин А.Л.* Традиционное общество и вызовы модернизации. Сербия последней трети XIX — начала XX в. глазами русских // Человек на Балканах и процессы модернизации. Синдром отягощенной наследственности (последняя треть XIX — первая половина XX в.) / отв. ред. Р.П. Гришина. СПб., 2004. С. 13.
- ² *Нова историја Српског народа / приред. Душан Т. Батаковић.* Београд; Лозана, 2000. С. 188.
- ³ *Шемякин А.Л.* Традиционное общество и вызовы модернизации... С. 32; *Вишняков Я.В.* Внеконституционные факторы и особенности развития сербской государственности в конце XIX — начале XX вв. // Человек на Балканах. Государство и его институты: гримасы политической модернизации (последняя четверть XIX — начало XX в.) / отв. ред. Р.П. Гришина. СПб., 2006. С. 229.
- ⁴ *Ефременко Д.В., Мелешкина Е.Ю.* Теория модернизации о путях социально-экономического развития // Социологические исследования. 2014. № 6. С. 10.
- ⁵ *Ольденбург Р.* Третье место: кафе, кофейни, книжные магазины, бары, салоны красоты и другие места «тусовок» как фундамент сообщества. М., 2018. С. 62.
- ⁶ Там же. С. 62.
- ⁷ *Мещерский В.П.* Правда о Сербии. Письма // Русские о Сербии и сербах. Письма, статьи, мемуары / сост. А.Л. Шемякин. СПб., 2006. Т. I. С. 139.
- ⁸ *Скальковский К.А.* В стране ига и свободы. Путевые впечатления // Там же. С. 128.
- ⁹ *Ольденбург Р.* Третье место... С. 66.
- ¹⁰ *Стојановић Д.* Калдрма и асфалт: урбанизација и европеизација Београда 1890–1914. Београд, 2008. С. 265.
- ¹¹ *Шемякин А.Л.* Особенности политического процесса в Сербии глазами русских (последняя треть XIX — начало XX века) // Славяноведение. 2010. № 5. С. 10.
- ¹² *Ольденбург Р.* Третье место... С. 85.
- ¹³ *Списак кафана, механа и башти у Београду 1860 године // Перуничкић Б.* Управа вароши Београда 1820–1912. Београд. 1970. С. 382–425.
- ¹⁴ *Молба за издавање плаца под аренду наспрам „Грчке Краљице“ ради уређења шеталишта // Живети у Београду: документа управе града Београда.* Београд, 2006. Књ. 4: 1868–1878 / [приређивачи Милан Ристовић и др.]. С. 328.
- ¹⁵ *Успенский Г.И.* Из Белграда (письма невоенного человека) // Русские о Сербии и сербах. Т. I. С. 212.
- ¹⁶ *Ольденбург Р.* Третье место... С. 87.
- ¹⁷ Там же. С. 85.
- ¹⁸ *Анонимна жалба на буран кафански живот // Живети у Београду: документа управе града Београда.* Београд, 2007. Књ. 5: 1878–1889 / [приређивачи Милан Ристовић и др.]. С. 481.
- ¹⁹ *Наредба о затварању кафана у поноћ // Живети у Београду: документа управе града Београда.* Београд, 2008. Књ. 6: 189–1940 / [приређивачи Милан Ристовић и др.]. С. 355.
- ²⁰ *Јовановић В.* Алкохол — задовољство, навада или порок // *Столић А., Макуљевић Н.* Приватни живот код Срба у деветнаестом веку: од краја осамнаестог века до почетка Првог светског рата. Београд, 2006. С. 575.

Образ города в романе В. Мрштика «Санта Лючия» (корпусное исследование)

Полина Валерьевна Симонова

Московский государственный лингвистический университет,
Москва, Российская Федерация;
e-mail: simonova_p_74@mail.ru
ORCID: 0009-0007-0961-1130

Ключевые слова: городской текст, Прага, Брно, коллокации, частотность, определения

The Image of the City in V. Mrštík's Novel *Santa Lucia*: a Corpus-based Study

Polina V. Simonova

Moscow State Linguistic University,
Moscow, Russian Federation;
e-mail: simonova_p_74@mail.ru
ORCID: 0009-0007-0961-1130

Keywords: urban text, Prague, Brno, collocations, frequency, modifiers

Городской текст — это совокупность образов, мотивов и сюжетов, которые формируют портрет города, маркированный определенными топонимическими, топографическими, биографическими и историческими знаками. Для каждого города, значимого для культуры, — Москвы, Лондона, Рима и т. д. — существует список произведений, формирующих его устойчивый образ и мифологию.

В огромном количестве произведений чешской литературы содержатся упоминания Праги, но к пражскому тексту можно отнести лишь те из них, где «этот образ приобретает

символический характер, становится отражением “метафизической” природы пражского пространства, связывается с ролью Праги в истории и культуре чешского народа и Европы в целом¹. Основные черты пражского текста — «символичность города, связь городского пространства с судьбой героя, представление о Праге как городе “порога” между мирами»² — наблюдаются в романе «Санта Лючия» одного из ярких представителей чешского реализма Вилема Мрштика (1863–1912). Произведение, изданное в 1892 г., повествует о вчерашнем школьнике Иржи Йордане, мечтающем уехать из родного города Брно в Прагу. Оказавшись там, он со временем обнаруживает, что идеализированный образ столицы не соответствует реальности. В конце романа герой живет в нищете, заболевает туберкулезом и умирает.

Ю.М. Лотман в своем труде «Семиосфера» рассуждает на тему образа города в культуре и выделяет случай, когда город «является идеализированной моделью вселенной, [...] ему приписывается центральное положение, он считается центром. [...] Идеальное воплощение своей земли, он может одновременно выступать как прообраз небесного города и быть для окружающих земель святыней»³. Именно такой представляется Прага главному герою «Санта Лючии», она выступает центром не только Чехии, но и всей вселенной героя: *Praha stává se tak vysněnou onou bytostí, svatyní, modlou, kterou každý spatřít touží a o ní sní...*⁴ (И Прага становится сказочным существом, святыней, божеством, каждый хочет ее увидеть и грезит ей...)*.

Идеальному, сказочному (поначалу) образу Праги противопоставляется образ родного города — Брно. В ходе исследования было установлено, какую лексику использует для этого автор и из чего складываются образы двух городов. После подготовки текста к изучению (лемматизации и удаления стоп-слов), мы загрузили его в корпусный менеджер Voyant Tools**. Затем мы получили частотный список лемм, приведенных к нижнему регистру, выбрали две интересующие — *praha* и *brno* — и сравнили частотность их появления в тексте:

* Здесь и далее перевод цитат из книги — наш.

** URL: <https://voyant.lincspjproject.ca> (дата обращения: 06.03.2025).

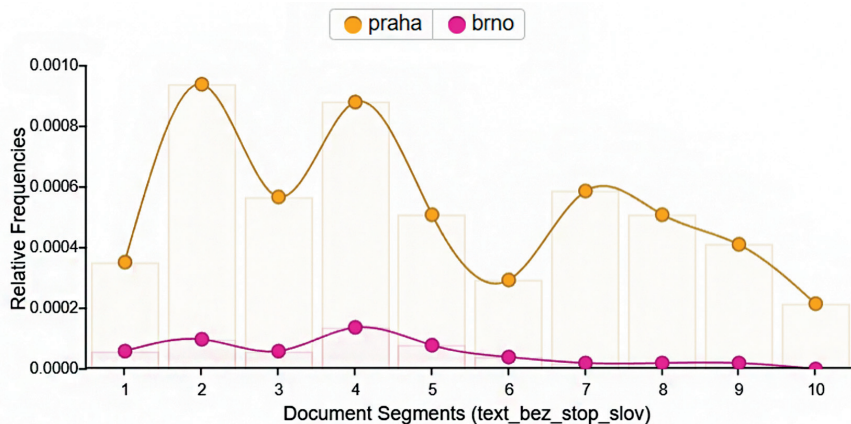

Рис. 1. График частотности лемм *praha* и *brno*

Как можно заметить по графику, упоминания Праги в тексте многократно превышают упоминания Брно: по данным Voyant Tools лемма *praha* появляется в произведении 269 раз, а *brno* — всего 27. Хотя Прага для героя является гораздо более важным местом, чем родной город, ее перво-степенное значение несколько снижается в моменты любовных перипетий:

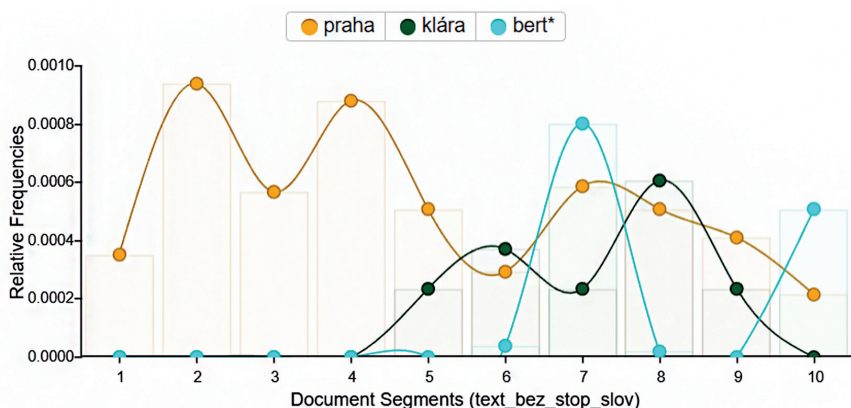

Рис. 2. Частотность леммы *praha* в сравнении с частотностью имен любовных интересов героя

Перейдем к анализу образа Праги. Для этого мы загрузили обработанный текст в корпусный менеджер Sketch Engine* и получили скетчи леммы *praha* — списки коллокаций со словами разных частей речи. Для исследования были выбраны только те из них, что точно связаны с искомым словом семантически и синтаксически. Следует также упомянуть, что на 10 фрагментов текст был разделен автоматически, один фрагмент соответствует приблизительно 30 страницам текста.

Очень часто созданию образа способствуют эпитеты, выполняющие синтаксическую роль определения, поэтому они будут разобраны в первую очередь. Коллокаты-определения можно разделить на несколько условных групп:

- 1) олицетворяющие определения: *rozmařilá* ‘расточительная’, *živá* и *živící* ‘живая’, *čekající* ‘ожидающая’, *smutná* ‘печальная’, *hubená* ‘худая’;
- 2) характеристика цвета и внешнего вида: *bílá* ‘белая’, *růžová* ‘розовая’, *vyzlacená* ‘позолоченная’, *stovžatá* ‘стобашенная’, *malovaná* ‘раскрашенная’, *hořící* ‘горящая’, *vyzdobená* ‘украшенная’, *krásná* ‘красивая’, *posněžená* ‘заснеженная’, *začoudlá* ‘задымленная’, *vydlážděná* ‘вымощенная’ и др.;
- 3) художественные описания: *poetická* ‘поэтичная’, *tušená* ‘ожидаемая’, *odchovaná* ‘выросшая [в сердце]’, *známá* ‘известная’, *ponořená* ‘погруженная’, *zaražená* ‘далекая’, *tichá* ‘тихая’.

Среди глагольных коллокатов было обнаружено достаточно много действий, присущих живым существам: *mstít* ‘мстить’, *rozhodnout* ‘решить’, *odpočívát* ‘отдыхать’, *pískat* ‘пищать’, *hučet* ‘шуметь’, *spát* ‘спать’, *dýchat* ‘дышать’ и др. С помощью этих глаголов создается образ Праги как отдельного действующего лица. Кроме того, первые четыре глагола создают впечатление некой власти, высшей силы, которой обладает город.

* URL: <http://www.sketchengine.eu> (дата обращения: 06.03.2025).

Вторая группа глаголов исполняет художественную, образительную функцию: *měknout* ‘размякать’, *roztékat se* ‘растекаться’, *zmodrat* ‘посинеть’, *lákat* ‘манить’ и др.

Кроме того, выделяется группа глаголов, не являющихся сказуемыми для слова «Прага», но показывающих отношение героя к ней. Такие глаголы, как *běhat* ‘бегать’, *snít* ‘мечтать’, *přát* ‘желать’, *těšit se* ‘ожидать’, *spěchat* ‘спешить’, *letět* ‘лететь’ и др., передают ощущение ожидания и стремления, определяя главную движущую силу сюжета.

Перед тем как перейти к образу Брно, коснемся еще одной детали городского текста в контексте исследования лексики, а именно частотности слов *ulice* ‘улица’ и *dům* ‘дом’, которые ассоциируются с понятиями «снаружи» и «внутри» соответственно:

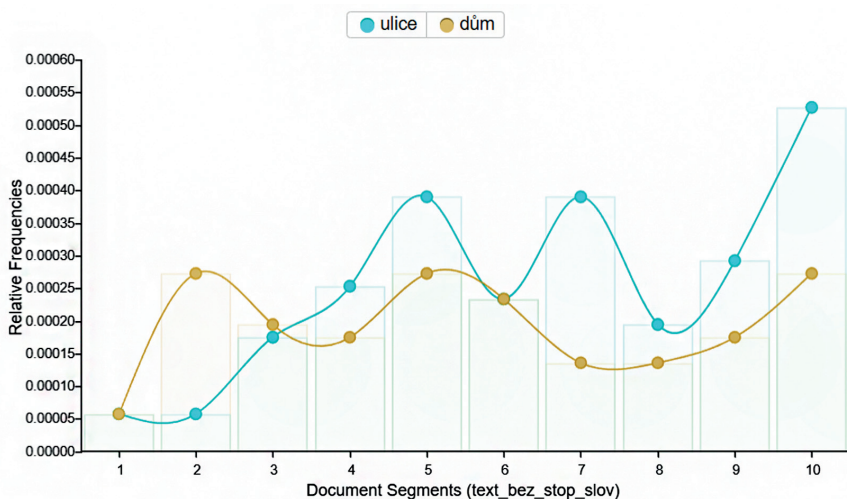

Рис. 3. Частотность лемм *ulice* и *dům*

Глядя на график и зная, что в третьем сегменте текста по сюжету происходит переезд Йордана в Прагу, можно предположить, что, уехав из Брно, герой потерял дом и ощущение безопасности, а в Праге его так и не нашел. Кроме того, легко объясним резкий рост частотности *ulice* к десятому фрагменту: в конце романа герой долго бродит по го-

роду в горячечном бреду, поскольку не может заплатить за квартиру.

Что касается образа Брно, найти коллокации оказалось несколько сложнее, потому что лемма *brno* встречается в десять раз реже, чем *praha*. Тем не менее, по немногим полученным прилагательным в целом можно составить облик города — и он прямо противоположен пражскому. Применительно к Брно встречаются такие определения: *začouzený* ‘задымленный’, *škaredý* ‘уродливый, скверный’, *malý* ‘маленький, тесный’, *pěstrý* ‘пестрый’; *směšné chodníky* — *nízounké domy* (...нелепые тротуары, низенькие дома...).

Подобный образ Брно — давящего, несуразного — ярко контрастирует с великолепной картиной Праги. Впрочем, Брно все-таки был для Йордана чем-то дорогим, как можно понять из фраз *s Brnem loučil se, jako by odjížděl na konec světa*⁵ (Он расставался с Брно так, будто уезжал на край света); *...vzpomínal na ty krásné, ideální časy v Brně, kde žil a nevěděl ani jak*⁶ (...вспоминал о тех прекрасных, идеальных днях в Брно, где жил, не понимая своего счастья). Интересна также корреляция частотности лемм с корнем *-rod-* (*rodina* ‘семья’, *rodinný* ‘семейный’, *rodíč* ‘родитель’, *rodný* ‘родной’) и лемм *brno/brněnský*: как видно на графике, динамика их

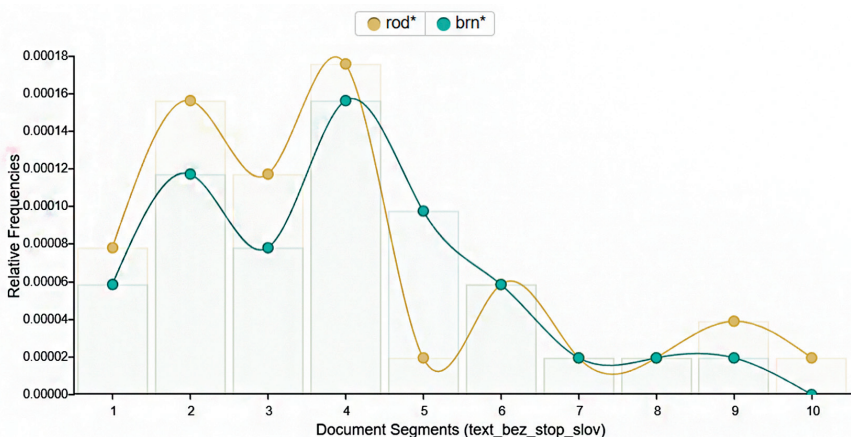

Рис. 4. Частотность лемм с корнем *-rod-* и лемм *brno/brněnský*

частотности в тексте практически совпадает. Однако, создав для себя образ города-мечты, Йордан отстранился от малой родины, и отношение героя передает лексика, избранная автором.

Наконец, рассмотрим коллокации с леммой *město* ‘город’. Здесь интересно, что одним из типичных коллокатов для *město* является *zvuk*. С помощью Sketch Engine мы получили целый список существительных, передающих шум и движение города: *hukot* ‘гул’, *hluk* ‘шум’, *vlny [zvonů]* ‘волны [звона колоколов]’, *výbuch [smíchu]* ‘взрыв [смеха]’ и др.

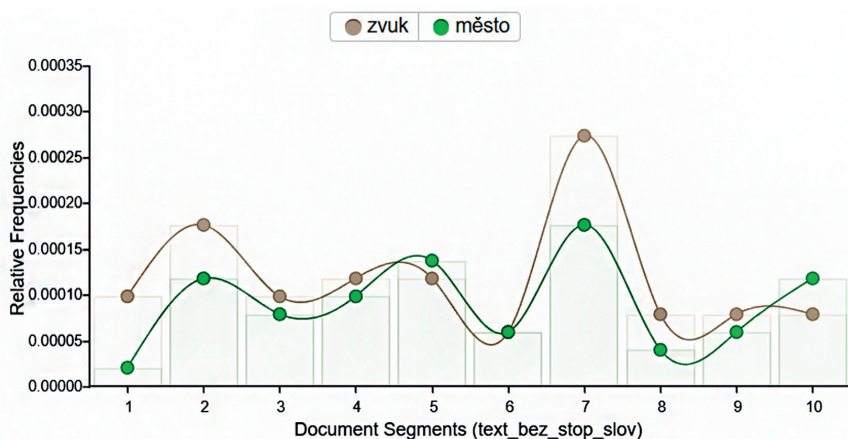

Рис. 5. Частотность лемм *město* и *zvuk*

Все эти существительные в сочетании с *město* встречаются только в контексте Праги. Увеличение частотности обеих лемм во фрагменте № 7 объясняется тем, что в этот момент герой, увлеченный девушкой, много гуляет по Праге, воспринимает город вокруг себя; в сюжете сегмента № 8 он заболевает и находится в основном дома.

В ходе исследования также была рассмотрена общая цветовая палитра произведения. Мы посчитали нужным разобрать в данной статье только частотность корня *-zlat-*, поскольку «позолоченная» Прага уже встретилась нам среди коллокаций с определениями.

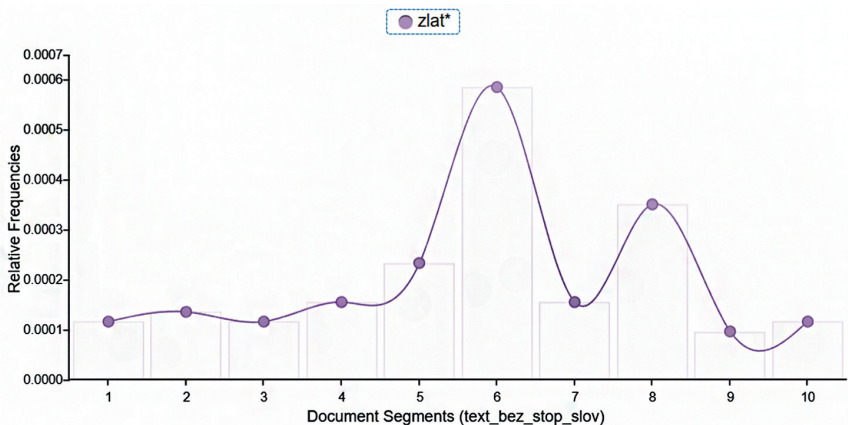

Рис. 6. Частотность корня *-zlat-*

В первой половине произведения слова с корнем *-zlat-* появляются главным образом в описаниях Праги после приезда туда героя (фрагменты № 4–5), тогда как в шестом и восьмом фрагментах это связано больше с присутствием в этих отрывках светловолосой возлюбленной Йордана. Начиная с седьмого фрагмента золотое очарование Праги гаснет, герой начинает разочаровываться в ее идеальном образе, поскольку по сюжету начинается зима, наступает темнота и холод, а жизнь Иржи близится к концу.

Итак, проанализировав лексический состав романа В. Мршттика «Санта Лючия» с помощью корпусных менеджеров, мы сделали несколько выводов: во-первых, произведение действительно можно отнести к «пражскому тексту», так как образ Праги в нем отвечает критериям городского текста, приведенным в начале статьи; во-вторых, по спискам коллокатов достаточно четко складывается визуальный образ Праги и видно восприятие ее как города-идеала (это заметно в основном по используемым автором прилагательным); в-третьих, важную роль в произведении играет также образ Брно, так как он контрастирует с «небесным городом» и создает необходимую художественность.

Примечания

- ¹ *Бобраков-Тимошкин А.Е.* «Пражский текст» в чешской литературе конца XIX — начала XX веков: автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2004. С. 3.
- ² Там же. С. 5.
- ³ *Лотман Ю.М.* Семиосфера. СПб, 2001. С. 321.
- ⁴ *Mrštik V.* Santa Lucia. Praha, 1921. S. 36.
- ⁵ Ibid. S. 107.
- ⁶ Ibid. S. 151.

DOI: 10.31168/2619-0869.2025.36

Визуальное воплощение славянской идеи в художественных проектах А. Мухи

Алиса Васильевна Бочарова

Российская государственная детская библиотека,
Москва, Российская Федерация;
email: alisabo2010@yandex.ru
ORCID: 0009-0008-3265-2712

Ключевые слова: Альфонс Муха, панславизм, славянская идея, чехи

The Visual Embodiment of the Slavic Idea in A. Mucha's Art Projects

Alisa V. Bocharova

The Russian State Children's Library
Moscow, Russian Federation;
email: alisabo2010@yandex.ru
ORCID: 0009-0008-3265-2712

Keywords: Alphonse Mucha, Pan-Slavism, Slavic idea, Czechs

В сложившейся ситуации разобщенности славянского мира славянская идея в творчестве А. Мухи представляется крайне актуальной, так как воплощается в визуальной форме, являющейся международным языком.

Статус А. Мухи как одного из ведущих художников арнуво затмил собой главную миссию, заключающуюся в прославлении истории славян, и значение его творчества для культуры славянского мира. Тем не менее, можно выделить три крупных проекта художника, воплотивших в себе идею славянской взаимности: павильон Боснии и Герцеговины (1900 г.), цикл «Славянская эпопея» (1910–1926 гг.) и театрализованное шествие «Славянское братство» (1926 г.).

Панславистские взгляды А. Мухи сформировались вполне естественно. Здесь особую роль сыграли родной город Иванчице, то историческое время, в которое родился и жил художник (еще близок был период чешского национального возрождения), и, конечно же, обучение в Мюнхенской академии и встреча с другими славянскими художниками (Д. Видгофом, Л. Марольдом, Л. Пастернаком и др.). Все это способствовало тому, что под панславизмом А. Муха понимал идею братства всех славян, основанную на культурной и исторической общности, исключаящую политическую экспансию Российской империи.

Говоря о славянской идее в творчестве А. Мухи и его проектах, следует понимать, что для него в этой идее прежде всего присутствовал некий симбиоз — национальное самосознание, особая роль религии и католической церкви, проникновение мистических, спиритуалистических практик и оккультизма в творчество и мировоззрение¹. Таким образом, мы можем говорить о существовании у А. Мухи собственной концепции и философской системы, построенной на его панславистских и мистических взглядах, которую художник на протяжении жизни транслировал в своих проектах. Для репрезентации этой концепции в произведениях, рассматриваемых в статье, художник выбрал язык символизма. Для А. Мухи важна не только историческая достоверность изображаемого им события, но образ движения духа. Он воплощает мир реальный и потусторонний, обращается к аллегориям и символам. В «Славянской эпопее», например, разграничению реального и потустороннего также будет способствовать часто появляющийся в работах золотисто-синий колорит.

Если смотреть на хронологическую последовательность «славянских проектов» в творчестве А. Мухи, можно отметить явную тенденцию к экспансии славянской идеи, которую художник стремился нести в мир. Сначала появляется достаточно локальный, хоть и большой проект павильона Боснии и Герцеговины (1900 г.), посвященный лишь южным славянам, затем — уже более серьезный по замыслу цикл «Славянская эпопея» (1910–1926 гг.) из двадцати полотен. Завершает череду «славянских проектов» речное ночное шествие Восьмого Всесокольского слета (1926 г.) — наиболее масштабный проект с выходом за пределы плоскости живописных полотен в реальный мир для транслирования славянской идеи в массы.

Несмотря на общие главные установки славянской идеи в каждом из трех проектов, существует и ряд принципиальных отличий.

Первую возможность выразить свои панславистские взгляды в творчестве художник получил от правительства Австро-Венгрии в 1899 г.² Со стороны правительства это была попытка преподнести непопулярное решение об аннексии Боснии и Герцеговины в положительном ключе благодаря известности А. Мухи³. Однако художник воспринял это предложение как шанс поработать со славянской темой и предпринял попытку популяризировать героическое прошлое народа (южных славян), угнетаемого столетиями. Не вступая в прямую конфронтацию с правительством Австро-Венгрии, он скрыл в оформлении павильона (настенных росписях, выполненных темперой) явный политический подтекст, сместив сюжетный акцент на демонстрацию национального подъема двух балканских стран, аннексированных Австро-Венгрией по решению Берлинского конгресса в 1878 г.⁴

Необходимо отметить, что уже в этом проекте А. Муха показывает себя не просто как художник, но как исследователь, серьезно изучающий историю, культуру, быт изображаемого им народа, фольклор и костюмы. Также он предпринимает поездку на Балканы⁵, чтобы собственными глазами

увидеть жизнь южных славян и сделать фотоснимки для дальнейшей работы над павильоном.

Изначально художник собирался изобразить драматические события, связанные со страданиями и тяжелой жизнью славян балканского региона (идея была отклонена венскими властями по объективным причинам)⁶, но после решил изобразить значимый вклад каждой из исторических эпох и конфессий в становление культуры Боснии и Герцеговины. Это свидетельствует о сопряженности славянской идеи у А. Мухи с положительными чувствами, жизнеутверждающим мироощущением и верой в будущее славянства. В росписях павильона эта идея отражена как некая высшая культурная миссия, направленная на демонстрацию народных традиций боснийцев и их прославление.

Важность этого проекта для творчества А. Мухи обоснована и тем, что именно во время поездки на Балканы в 1899 г. художник осознает обширность славянской культуры за пределами чешских границ, в нем зарождается интерес к истории стран славянского мира и начинается рождаться замысел «Славянской эпопеи».

«Славянская эпопея» стала апогеем панславистских и патриотических взглядов А. Мухи, первым воплощением славянской идеи в настолько масштабном живописном цикле, выполненным темперой. Здесь стоит подчеркнуть, что А. Муха не увязывает славянскую доктрину с политикой, единство славянского мира он понимает на основании романтической доктрины В. Ганки и русских славянофилов. Тем не менее, один из политических аспектов в цикле имеет место — абсолютная ненависть к Габсбургам и германизации славянского мира, отраженная в большинстве полотен цикла.

Общая концепция цикла должна была сформировать у славян новую объединяющую идентичность на основе рассказа о славянской истории, сплотившей все разрозненные племена славян. Впервые идеи панславизма — знание общей истории, гордость за достижения, исторических личностей, чувство единства и надежды на создание независимой славянской нации — были выражены в визуальной форме.

«Славянскую эпопею» нельзя назвать лишь пестрым калейдоскопом исторических сцен или произвольным набором, простой исторической осью образов, составленных из разнородных событий. Этот цикл — великая история славян, где каждый сюжет был тщательно и целенаправленно отобран А. Мухой, чтобы соответствовать его концепции философии истории⁷. Из чешской части цикла художник намеренно исключил изображения деятельности популярных католических святых (святого Вацлава или Яна Непомуцкого), известных чешских правителей (Карла IV или Рудольфа II), всей деятельности Габсбургов на чешском престоле, а также сражений, считавшихся национальными поражениями (битва у Липан, битва на Белой горе)⁸. Ограничив свой выбор малоизвестными историческими событиями, художник изначально обрек себя на непонимание зрителем. Его намерения выходили за рамки исторического искусства. Цикл двигался от истории к метаистории, допуская разные интерпретации событий, но весь он был проникнут мыслью о братском единстве (славянской идее).

Для понимания «Славянской эпопеи» важно и ее особое нахождение на разломе времен. Цикл создавался на протяжении 1910–1926 гг. — времени, несущем на себе отпечаток войн, революций, ощущения перемен и некоей пограничной ситуации. Цикл А. Мухи воплощает не просто историю, а философскую историю, объединенную со славянской идеей и подлинным патриотизмом. Выражено это в том, что, с одной стороны, полотна изображают конкретную историческую ситуацию — осознание поворотного исторического момента. А с другой стороны, речь о более общей проблеме культуры — новое должно не только преодолевать и превозмогать старое, но и переносить его на другую сторону границы, временного разлома, и трансформировать его. Смысл и назначение эпопеи в том, чтобы встроить конкретные исторические ситуации славянской истории в рамки универсальной истории человечества.

А. Муха, следуя своей концепции, находит общеславянские основания в культуре, религии и особых чертах славянско-

го характера (одним из примеров может служить четвертое полотно цикла «Болгарский царь Симеон», в котором спасение славянской письменности представлено как сохранение общеславянского наследия), указывает на роль славян в мировом просвещении, влиянии их на европейскую культуру.

В 1925 г. художник получил возможность «оживить» некоторые сцены из цикла «Славянская эпопея» в театрализованном ночном представлении на реке Влтаве в рамках Восьмого Всесокольского слета под названием «Славянское братство» и, таким образом, укрепить в широкой публике национально-возвышенные идеалы, которые он сам исповедовал и продвигал в массы⁹. Этот проект был даже в большей степени связан с программой прославянской политики Чехословацкой республики, чем с сокольским движением.

За основу программы было взято несколько сюжетов из цикла «Славянская эпопея», дополненных новыми сценами. Художник создал эскизы, на основе которых были декорированы ладьи. В основе концепции лежала славянская идея, идея сотрудничества и союза славянских народов, которые должны объединиться и образовать своеобразную преграду против западного, особенно германского, экспансионизма. Объединяющим ядром театрализованного шествия, как и «Славянской эпопеи», была утопическая «идея славянского братства» и идея «федерации славян», призванная предотвратить споры славян друг с другом, а также свести к минимуму парадоксальные ситуации, в которых славянские государства вместо того, чтобы стремиться к сотрудничеству с другими славянскими странами, устанавливают контакты с потенциальными врагами¹⁰.

Этот проект стал для А. Мухи еще одной возможностью воплотить свою главную миссию как художника в масштабном представлении с тысячами зрителей, привлечь к ней внимание и укрепить концепцию славянской взаимности на национальном и общеславянском уровнях.

Таким образом, все три рассмотренных проекта А. Мухи последовательно раскрывают славянскую идею и особую философско-историческую концепцию художника в своем

содержании, транслируют ее не только славянскому миру, но и всему человечеству. Не зря каждая из его творческих задумок была сопряжена с крупными формами визуализации — глобальная идея нуждалась в том, чтобы быть выраженной в значительных масштабах.

Примечания

- ¹ *Mucha J.* Alphonse Mucha: His Life and Art. New York, 1967. P. 203.
- ² *Hlavačka M.* Alfons Mucha — Paříž 1900: Pavilon Bosny a Hercegoviny na světové výstavě. Praha, 2002. S. 10.
- ³ *Dusza E.* Epic Significance: Placing Alphonse Mucha's Czech Art in the Context of Pan-Slavism and Czech Nationalism. Athens, 2012 P. 33.
- ⁴ *Hlavačka M.* Alfons Mucha — Paříž 1900... S. 29.
- ⁵ *Муха С.* Альфонс Муха. М., 2006. С. 16.
- ⁶ *Hlavačka M.* Alfons Mucha — Paříž 1900... S. 60.
- ⁷ *Bydžovská L.* Alfons Mucha — Slovanská epopěj. Praha, 2012. S. 35.
- ⁸ Ibid. S. 35.
- ⁹ *Bydžovská L.* Alfons Mucha: Slovanstvo bratrské. Praha, 2005. S. 7.
- ¹⁰ Ibid. S. 14.

DOI: 10.31168/2619-0869.2025.37

Вклад в московское зодчество и роль в профессиональном сообществе династии архитекторов шляхетского происхождения Пиотровичей

Иван Олегович Абашев

Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Российская Федерация;
e-mail: abashev.io12@gmail.com
ORCID: 0009-0009-0809-7752

Ключевые слова: Москва, архитектура, шляхта, биография, доходные дома, Московское училище живописи, ваяния и зодчества, династия архитекторов

Contribution to Moscow Architecture and the Role in the Professional Community of the Piotrovich Dynasty of Architects of Polish Gentry Origin

Ivan O. Abashev

Russian State University for the Humanities,
Moscow, Russian Federation;
e-mail: abashev.io12@gmail.com
ORCID: 0009-0009-0809-7752

Keywords: Moscow, architecture, gentry, biography, tenement houses, dynasty of architects, Moscow School of Painting, Sculpture and Architecture

В конце XIX — начале XX в. в Москве появились многоквартирные доходные дома, сменившие дворянские усадьбы и деревянные избушки. Это сформировало современный облик районов в пределах Бульварного и Садового колец. Город также стал более многолюдным из-за миграции. Исследование этого периода и судеб людей, включая династию архитекторов Пиотровичей из шляхты Великого Княжества Литовского, помогает понять адаптацию жителей разных регионов страны в большом городе. Многие здания, построенные Пиотровичами, сохранились и включены в реестр объектов историко-культурного наследия Москвы¹.

Династия Пиотровичей уникальна для Москвы: если обычно в одной семье архитекторами становились один-два человека, то здесь почти все мужчины, выходцы из Северо-Западного края, в чужом городе освоили престижную и высокооплачиваемую профессию зодчего.

Архитекторы Пиотровичи происходили древнего литовского шляхетского рода Минской губернии, относящегося к гербу Лелива². Среди зодчих преобладали представители именно дворянских семей, хотя к началу XX в. социальное происхождение московских архитекторов модерна начало отличаться значительным разнообразием³.

Основатель династии архитекторов — гражданский инженер Густав-Бернард-Игнатий-Иосиф Пиотрович (1820–1886) — родился в родовом имении Лопотова Минской губернии⁴. Окончил в Петербурге Институт гражданских инженеров. Был губернским инженером в Минске, в Ковно и Сувалках. Занимался строительством как гражданских зданий, так и католических и православных храмов⁵. В московском зодчестве видную роль сыграли три сына Густава — Мечеслав (1853–1912), Владислав (1855 — после 1917) и Ольгерд (1859–1916), а также внук Владимир Мечеславович (1880 — после 1917). Все три сына родились на территории Северо-Западного края: Мечеслав и Владислав в родовом имении Лопотова, там же где и их отец. Младший сын Ольгерд родился в Ковно — на момент рождения отец занимал пост губернского инженера Ковенской губернии. Представитель третьего поколения зодчих, Владимир, родился в Москве.

Среднее образование братья Мечеслав и Ольгерд получили в Минской классической гимназии. Средний сын Владислав учился дома. Владимир Мечеславович окончил Московское реальное училище Фидлера. Высшее образование братья получили в Московском училище живописи, ваяния и зодчества. Владимир же выбрал путь инженера-строителя — в 1903 г. окончил Императорское Московское инженерное училище при Министерстве путей сообщения⁶.

Профессиональную практику старшие братья проходили у более опытных зодчих: Мечеслав у А.М. Сисалина, Владислав у Н.А. Никулина. Также они оба были помощниками М.Д. Быковского (к слову, сына обрусевшего поляка). Младший Ольгерд после получения диплома сразу включился в архитектурную работу братьев — проходил практику в семейном кругу⁷.

Братья Пиотровичи разработали подход к проектированию доходных домов. Их здания строились по схожим функциональным планам. В конце XIX в. они работали в стиле эклектики, затем перешли на модерн, а к 1910-м гг. использовали в проектах неоклассические элементы. Анализируя стилистику архитектурных построек братьев, можно убедить-

ся — архитекторы последовательно следовали московской архитектурной моде и вкусам заказчиков. Здания отражали экономические и социальные реалии, сочетая практичность с декоративными элементами. Однако, по оценке М.В. Нащокиной, их работы имели повторяющийся и неуклюжий декор⁸. Вопрос о влиянии шляхетского происхождения на архитектурный стиль Пиотровичей остается открытым, однако их работы в большей степени отражают общие тенденции московского зодчества, а не специфические черты шляхетской культуры.

Старший брат Мечеслав занимался строительством в Москве и других городах. Построил большое количество доходных домов и дач*. В частности, им построены дома: Последний пер., 22 и 24 (1886), Костянский пер., 9 (1883), ул. Волхонка, 6 (1892, во дворе), ул. Остоженка, 30 (1886), Сеченовский пер., 5 (1889), Дегтярный пер., 15 (1899), Дегтярный пер., 10 (1891), ул. Арбат, 31 (1887), Казарменный пер., 12 (1886). Занимался архитектор и промышленными объектами — с братом Ольгердом работал по заказу купеческой династии Йокиш⁹. Его сын Вячеслав также занимался частной практикой, также строил доходные дома — Голиковский пер., 7 (1913), Народная ул., 4 (1915, совместно с В.А. Осиповым).

Самый известный из братьев-архитекторов — младший Ольгерд — был одним из самых плодовитых архитекторов доходных домов среднего класса в Москве. Расцвет его деятельности пришелся на годы перед Первой мировой: за несколько лет он возвел около сорока домов. Архитектор много работал для крупных московских домовладельцев — купцов Баскаковых. Также работал для председателя старообрядческой общины в Преображенском купца Г.К. Горбунова¹⁰. Кроме того, Ольгерд является автором в том числе следующих зданий: 1-я Брестская ул., 42 (1911), ул. Щепкина, 27 (1914), ул. Буженинова, 15 (1897), Подсосенский пер., 19

* Иногда встречаются утверждения о строительстве Пиотровичами 300 домов. Вероятно, эта цифра завышена или включает работы всех трех братьев.

(1910), Лялин пер., 8/5 (1911), 1-й Обыденский пер., 5 (1906), ул. Б. Молчановка, 21а (1912), ул. Б. Молчановка, 17а (ок. 1910), М. Никитская ул., 29 (1909), М. Никитская ул., 15 (1912), Б. Черкасский пер., 13 (1899), Филипповский пер., 16 (1908) и др. Количество построенных им домов в центре и на окраинах столицы позволяет утверждать, что работы Ольгерда отчасти определили облик Москвы начала XX в. По мнению М.В. Нащокиной, его дома имеют историческую и архитектурную ценность как памятники эпохи модерна¹¹. Один из наиболее ярких и символических объектов в наследии Ольгерда Густавовича — доходный дом на Поварской улице, 26 возведённый в 1906–1907 годах по заказу московского купца и домовладельца Фёдора Ивановича Баскакова. Этот дом не только воплощает типичный «модерн для среднего класса», но и место культурно важное, дом является последним адресом Ивана Бунина в Москве до эмиграции. Здесь написаны дневники, ставшие основой книги «Окаянные дни»¹². В 1920-е этот дом также отметился «литературным» жильцом — в нем жил писатель Борис Пильняк.

После обучения Владимир работал в Московской губернской земской управе. Он был ассистентом и рецензентом отчетов при Императорском инженерном училище. Позже занимался архитектурой и унаследовал клиентов от отца¹³.

Помимо профессиональной деятельности, братья отметились и общественной. Мечеслав преподавал в учебных заведениях, служил вместе с братом Вячеславом в Ведомстве учреждений императрицы Марии и состоял в Археологическом обществе¹⁴.

Вопрос об идентичности Пиотровичей пока остается открытым из-за ограниченности личных источников. Однако католическая вера сохраняла важную роль в семье. Например, Ольгерд посещал Петропавловскую церковь в Милютинском переулке — с середины XIX в. традиционное место сбора московской Полонии — польской общины. После постройки нового костела на Пресне — собор Непорочного Зачатия Пресвятой Девы Марии на Большой Грузинской улице¹⁵. Также его захоронение на Введенском кладбище¹⁶

указывает на сохранение католических традиций. Введенское кладбище, основанное в 1771 году во время чумы по указу Екатерины II, изначально предназначалось исключительно для инославных — католиков, лютеран и реформатов. До 1917 года здесь не хоронили православных, что делало его островком западной конфессиональной культуры в православной Москве. Среди погребённых — немецкие купцы, польские инженеры, французские губернёры, итальянские скульпторы. К началу XX в. кладбище стало некрополем московской католической элиты.

Династия Пиотровичей оставила заметный след в архитектуре Москвы начала XX века. Они построили десятки доходных домов, дач и промышленных зданий. Их работы в стиле эклектики, модерна и неоклассицизма отражали дух времени, сочетая функциональность с изящными декоративными элементами. Пиотровичи успешно адаптировались в многонациональной столице, сохраняя элементы своей шляхетской идентичности, например, католическую веру. Их вклад, хотя и не сравним с достижениями ведущих зодчих, был значим для массового строительства. Постройки Пиотровичей стали важной частью архитектурного наследия Москвы.

Примечания

- ¹ Реестр объектов культурного наследия Москвы [Электронный ресурс]. URL: <https://data.mos.ru/a/530?isRecommendationData=false&filter=ObjectNameOnDo с+ilike+%27%25Пиотрович%25%27&pageSize=10&pageIndex=0> (дата обращения: 25.03.2025).
- ² Алфавитный список дворянским родам Минской губернии, внесенным в дворянскую родословную книгу по 1 июля 1903 года [с приложением списка губернским и уездным предводителям и депутатам дворянства, а также секретарям депутатского собрания]. Минск, 1903. С. 85.
- ³ *Нащюкина М.В.* Архитектура Москвы эпохи модерна в творческих биографиях зодчих. М., 2024. С. 51.
- ⁴ *Пятровіч А.* Куды вядзе радавод? // *Наша Вера*. 2019. № 4 (90). С. 32–34.
- ⁵ Россия в ее прошлом и настоящем: В память трехсотлетия царствования державного Дома Романовых: (1613–1913) / Отв. ред. В.И. Федоров. М., 1914. С. 515.
- ⁶ Там же.
- ⁷ Там же.

- ⁸ *Нащокина М.В.* Архитектура Москвы эпохи модерна в творческих биографиях зодчих. М., 2024. С. 481.
- ⁹ *Петрова Е.Г.* Наследие купеческой династии Йокиш в Москве // Журнал Института Наследия. 2023. № 3 (34). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/nasledie-kupcheskoj-dinastii-yokish-v-moskve> (дата обращения: 26.03.2025).
- ¹⁰ *Наградов И.С.* Григорий Клементьевич Горбунов: промышленник, благотворитель, старовер // Вестник КГУ. 2014. № 1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/grigoriy-klementievich-gorbunov-promyshlennik-blagotvoritel-starover> (дата обращения: 26.03.2025).
- ¹¹ *Нащокина М.В.* Архитектура Москвы эпохи модерна в творческих биографиях зодчих. М., 2024. С. 482.
- ¹² Доходный дом Баскакова [Электронный ресурс]. URL: https://um.mos.ru/houses/dokhodnyu_dom_baskakova/ (дата обращения: 25.03.2025).
- ¹³ Россия в ее прошлом и настоящем... С. 516.
- ¹⁴ Там же.
- ¹⁵ Центральный государственный архив города Москвы. Ф. 609. Оп. 2. Д. 70. Л. 120.
- ¹⁶ Зодчие Москвы времени эклектики, модерна и неоклассицизма (1830-е — 1917 гг.): иллюстрированный биографический словарь / науч. ред. А.Ф. Крашенинников; ред. А.В. Рогачев. М., 1998. С. 197.

DOI: 10.31168/2619-0869.2025.38

Посткоммунистический апокалипсис в фильме Анджея Жулавского «Шаманка»

Александра Попова

Независимый исследователь
Алматы, Казахстан;

e-mail: alexandrapopova.online@gmail.com

ORCID ID: 0009-0001-2772-459X

Ключевые слова: дискурсивное пространство фильма, посткоммунистическая трансформация, аффект, проблема зла, «конец времен», демоническая женщина

Post-communist apocalypse in Andrzej Żuławski's *Szamanka*

Alexandra Popova

Unaffiliated researcher
Almaty, Kazakhstan;

e-mail: alexandrapopova.online@gmail.com

ORCID ID: 0009-0001-2772-459X

Keywords: discursive space of film, post-communist transformation, affect, problem of evil, *End Times*, demonic woman

*Она стоит, глумясь над Смертью и Развратом,
А им, желанием все сокрушать объятим,
Перед незыблемой, надменной Красотой
Дано смирить порыв неудержимый свой.*

Шарль Бодлер. Аллегория

В середине 1990-х гг. посткоммунистическая Варшава встретила Анджея Жулавского, польского парижанина, уютными образами всеобщей неустроенности. Варшавское Средместье казалось ему красноречивым свидетельством свершившегося апокалипсиса и готовым пространством для нового фильма. Образность «конца времен» определила стиль «Шаманки»*: «Мы снимали на улицах Варшавы, а за нами шла толпа бродяг, нищих, главным образом с Центрального вокзала. Они шли за нами, потому что мы давали им поесть»¹, — так режиссер описывал свои впечатления в 2011 г. в большом, вышедшем отдельной книгой интервью Ренате Ким.

Нарратив о конце времен и кризисе будущего симптоматичен для европейской творческой и теоретической мысли переходного периода, предопределенного событиями 1989 г.

* Анджей Жулавски снял фильм «Шаманка» (*Szamanka*) в 1995 г. по сценарию Мануэли Гретковской. Оператор — Анджей Ярошевич, композитор — Анджей Кожиньски.

и упадком коммунистического идеала, — периода, когда мир прошлого рухнул, образ будущего оказался утрачен, а настоящее попало в разрыв между ними². Конец прогнозировался и провозглашался в самых разных сферах жизни: от политики (Жак Рансьер, 1988 г.³) до композиторского искусства и искусства вообще (Владимир Мартынов, 1990-е гг.⁴). Каждый концептуальный «конец», впрочем, нес в себе и ожидание начала, некоей новой формы существования — в полном соответствии с Откровением Иоанна Богослова, в котором после тотальной катастрофы предполагается Страшный суд и спасение для праведников. Потому ощущение конца в настоящем периода трансформации несколько не противоречило предчувствию обновления, которое на него накладывалось.

Интерес искусства к апокалиптической образности особенно возрастает во времена кризисов, культурных, социальных и политических потрясений и перемен. С другой стороны, концепция апокалипсиса составляет базовый код европейской культуры как культуры, сформировавшейся в контексте христианской традиции, и постоянное ощущение Конец света в той или иной степени присуще европейскому восприятию в любую эпоху⁵. Для той среды, в которой сложился режиссерский стиль Жулавского, характерно и первое, и второе.

Очарованность апокалиптической идеей проникла в кинематограф Жулавского в 1970-е гг. («Третья часть ночи» (1971), «Дьявол» (1972), «На серебряной планете» (1976)) и никогда его не покидала. Как и в других его фильмах, апокалиптическая чувствительность проявилась в «Шаманке» через субверсивное прочтение библейских образов — подобное тому, которое было характерно для поэтики другого «конца времен» — *fin de siècle*⁶. Но именно «Шаманка» — единственный фильм, который Жулавски снял в Польше после трансформации, — оказалась вписана в историю как самый скандальный фильм режиссера. В этом она опередила не менее трансгрессивную французскую «Одержимость» (1981) (ее польская премьера прошла только в конце 2023 г.) — возможно, потому, что «Шаманка» снималась в Польше и вы-

шла в польский прокат в условиях неустоявшегося социально-политического контекста, когда институты, принявшие на себя обязательства по защите морального облика нового общества, еще не успели перестроиться.

«Шаманка» насыщена аффектами, обусловленными инверсией христианского мифа, восприимчивостью к абстрактной, разлагающейся действительности и ужасом перед демонической женщиной.

Экзистенциальный страх перед женщиной воспроизведен почти во всех фильмах Жулавского⁷, а в «Одержимости» и «Шаманке» он выведен как центральный повествовательный мотив. Но если тема «Одержимости» ограничивается рефлексией над частной историей об отношениях супружеской пары (режиссер мыслил фильм как перенесенный на экран эпизод собственного расстроенного брака), то в «Шаманке» личное интегрировано в политическое. Хотя Жулавски описывал «Шаманку» как фильм о мужчине, который стал жертвой непостижимой враждебной женской силы, пробудившейся в складках распадающегося мира⁸, автор сценария Мануэля Гретковска — писательница и феминистская активистка — выразила проблематику фильма через идею о восстановлении справедливости, которая становится возможной благодаря разрушению старого мира, основанного на патриархальной жестокости, грубости и заносчивости. Для нее это фильм о том, как молодая женщина может защитить себя от эксплуатации зрелым мужчиной, подменяющим любовь псевдофилософией (в авторской формулировке — «промыыванием *мозга*»⁹).

Девушка из провинциальных Меховиц, называющая себя Итальянкой, идет вдоль витрины привокзальной закуской — она только что приехала в столицу к началу учебы — и, указывая пальцем на выставленные блюда, издает звуки омерзения, имитирующие рвоту. Она выбирает мозги и малиновое мороженое и ест их за уличным столиком рядом с нищим, который ест объедки. Камера показывает ее профиль: красными губами она засасывает мозги из ложечки на фоне небоскреба Centrum LIM, в зеркальной поверхности

которого отражается Дворец культуры и науки. В Centrum LIM с 1989 г., когда он был построен, до недавнего времени размещался первый в Восточной и Центральной Европе отель *Marriott*, в котором останавливались иностранные советники, консультировавшие посткоммунистическое правительство по вопросам построения свободного государства и ставшие «символом наивной веры в профессиональное превосходство зарубежных специалистов»¹⁰. Дворец культуры и науки, построенный в 1955 г. по инициативе Сталина, в разных публикациях фигурировал как символ коммунизма, польско-советской дружбы, «дар советского народа братскому польскому народу» и т. д.¹¹ и после 1989 г. вызывал у многих горожан негативные ассоциации со старым режимом. Так первая сцена фильма конституирует образность городского пространства и раскрывает обстоятельства предстоящего финала*, а также подчеркивает основные поведенческие паттерны в партитуре роли главной героини: непрерывное суетливое движение, регрессированная речь и постоянное абъектно-экстатическое взаимодействие с едой. Партии тела и голоса не подчинены иерархии, они одинаково важны — как в двухголосной фуге «тема» по мере движения действия постоянно перетекает от жестов к звуку и обратно. Сложный орнамент из аффектов («ландшафт аффекта»¹²), которые производит такая актерская игра, выложен в «Шаманке» не с помощью конфликтного монтажа, но через организацию движения — ритма, пульсации, динамики. Реакцией тела зрителя на фильм также становится интенсивная пульсация — она «отфильтровывает» кинообраз и «переводит» чувственный опыт в когнитивный¹³.

* Образ Centrum LIM и Дворца культуры и науки — не единственный случай ироничного использования архитектурных символов в фильме. Например, сцена на фоне памятника участникам Варшавского восстания, в которой Итальянка по просьбе Михала плюет ему в лицо и слизывает слюну, подрывает соцреалистическую фетишизацию пространственных объектов воинской славы. В финале все архитектурные достижения — и социалистические, и капиталистические — будут уничтожены взрывом радиоактивного урана, что, однако, произойдет за кадром и будет только предполагаться.

Переплетение пластики тела и голоса актера Жулавски перенял у Гротовского¹⁴. В практике Гротовского его интересовало использование элементов ритуалов вуду для введения актеров в состояние, подобное трансу. Оба режиссера стремились к тому, чтобы сделать актерскую игру «тотальным актом», как его сформулировал Гротовский: «Это акт саморазоблачения, самораскрытия, срывания повседневной маски, акт воплощения себя. [...] Это священный акт откровения. Актер должен быть готов к абсолютной искренности. Что-то вроде шага к пределу, к вершине, и в этом шаге сознание актера и его инстинкты сольются воедино»¹⁵. Метод предполагает вхождение актера в трансгрессивное состояние, в котором нет никаких барьеров и запретов — физиологических или языковых.

«Судный день уже прошел», — говорит коллегам Михал, профессор антропологии, когда они извлекают из болота прекрасно сохранившееся тело шамана, в то время как Итальянка в экзальтации бежит по мрачной, кишасщей нищими Варшаве. В предыдущей сцене Михал изнасиловал ее. Встреча героев — двух уничтожающих друг друга сил — становится началом катастрофы.

Фильм ощущается зрителем как наполненный избыточными экстатическими излишествами, характерными для хоррора, порнографии и мелодрамы. В этих жанрах, согласно исследовательнице кино Линде Уиллиамс, излишества обнаруживаются в насилии, сексе и эмоциях, в «непристойном, „необоснованном” присутствии сексуализированно исступлённой женщины, истязаемой женщины, плачущей женщины — и сопутствующем присутствии сексуальных жидкостей, крови и слез, которые текут из ее тела...»¹⁶. «Шаманку» можно рассматривать как экспериментальное соединение трех жанров в такой форме, словно за первый отвечает героиня, за третий — герой, а встречаются они вовтором. Все законы жанров при этом нарушаются. Например, в фильме нет манипуляций с саспенсом, характерных для хоррора, а слезы и кровь текут из тела мужчины, в то время как сперма сочится из тела женщины. Итальянка постоянно находится в психическом состоянии крайнего эмоционального принуждения, и это условие определяет ее жесты, речь и поступки. Репрессивное, brutальное, (само)разрушительное поведение Михала связано с эмоциональной болью, которую он не в силах перенести — так же, как его брат был не в силах перенести болезненное столкновение своей сексуальности с идентичностью служителя веры. Об этой причине его самоубийства Михал рассказывает Итальянке после опознания тела — в поезде, во время агрессивного секса в вагонном туалете, сопровождаемого стуком открывающейся и закрывающейся сдвижной двери. Сцена завершается слезами Михала.

Трансгрессивные отношения пары, которую воплощает на экране дуэт неуловимой, непонятной, нестабильной актрисы Ивоны Петри и кумира своего времени, героя боевиков Богуслава Линды, выворачивают наизнанку сюжет о сексуальной эксплуатации хрупкой женщины агрессивным мужчиной. В пространстве апокалипсиса хрупкая женщина превращается в демоническую.

На творческое мышление Жулавского значительное влияние оказала его увлеченность гностицизмом или квазигности-

ческой концепцией демонического зла¹⁷. Герои Жулавского неустанно исследуют проблему пребывания мира во зле — центральную для гностицизма. Субъектом познания всегда выступает мужчина, а осуществляется познание всегда через отношения с женщиной, которая не лишена субъектности, но субъектность которой заключается в ее демоничности, то есть в том, что она является носителем тайны (знания). Любовь к женщине, однако, приводит к падению в гносеологическую пропасть. Связь мужского и женского начал пробуждает творческие и разрушительные силы одновременно и неизбежно влечет к катастрофе. Согласно учению гностицизма, в результате такой катастрофы «падения Света во Тьму» — «предкосмического греха»¹⁸ — возник мир, и зло в мире неискоренимо постольку, поскольку в нем есть женское начало.

Только через опыт взаимодействия с Итальянкой Михал приоткрывает завесу тайны шамана, однако его практика познания выпадает из научного поля. Он все больше погружается в психоделические переживания и сексуальные отношения с «шаманкой», которые губят его.

Итальянка становится «шаманкой» после изнасилования и разрыва с матерью, которая отвергает ее, нарушающую за-

кон праведника. Оставшись без поддержки матери, Итальянка устраивает беспорядок в комнате — разрушает мир своего детства, связанный с матерью, праведностью и соблюдением закона. Она проникновенно прощается с материнской верой — с образом Девы Марии — и окончательно ступает в область демонического, которая открылась ей во время изнасилования. В подтверждение философии материнского Юлии Кристевой, в которой фигура матери прочитывается как авторитет, опосредующий символический порядок, организующий социальные отношения и влечения¹⁹, только после разрыва с матерью (и материнской верой) Итальянка получает свободу сексуальности и впервые испытывает оргазм.

После приобретения идентичности «шаманки» героиня сталкивается с христианским культом во время несчастного случая на сталелитейном заводе. Когда пострадавший бьется в агонии, а влюбленный в Итальянку коллега Войтек бросается на колени перед образом Божией Матери и в попытке преодолеть ужас читает «Богородице Дево, радуйся», она встает между ним и образом так, словно перехватывает молитву, обращенную к иконе, а затем поворачивается к ней и выкрикивает свое сакральное слово: получается *благословенна Ты между ног* (*błogosławionaś Ty między niewiastami* /

nogati). После этого она заворуженно созерцает огненную пасть печи, в которую ритмично входит поршень. Демоничность Итальянки раскрывается здесь как феминистский протест против патриархального христианства²⁰. Доменное пекло — образ Страшного суда и ада — наделяет Итальянку большей сакральной силой, чем та, которую способна дать икона.

Восторженность апокалиптической действительностью проступает в расщелинах дискурсивного пространства фильма. Измученные, неудовлетворенные социальной неустроенностью, его герои упиваются ощущением тотального краха. Катастрофа приносит наслаждение Итальянке, Михалу, Юлиушу — связавшемуся с контрабандистами другу Михала, — ученым, устраивающим пляски вокруг тела шамана, бродягам на улицах и в поездах. Апокалиптический ток угнетает Войтека, брата Михала и его брошенную невесту — это праведники, но они не получают вечного блаженства, они совершают самоубийство. Грешники же тяготеют ко всему болезненному и таинственному — к тому, что дает им силы к существованию в извращенном мире. Так возникает инверсия: зло и добро меняются местами. Зло становится привлекательным и справедливым, добро — пагубным и репрессивным или беспомощным, безвольным и пресным.

Во время опыта трансперсонального взаимодействия с шаманом Михал обнаруживает собственное бессилие перед трансцендентной силой зла и осознает невозможность познания подлинного мира. Тогда он оставляет научные амбиции, социальное положение и рациональное мышление, переодевается в сутану брата (*Когда не знаешь, нужно идти в ксендзы*) и отказывается от Итальянки. Она не принимает его новой субъектности, отрицающей, с ее точки зрения, подлинность мира, и не прощает предательства. Ответом на такой шаг может стать только экстатическая ярость. Политическое и телесное снова сплетаются: в кульминации фильма взрыв радиоактивного урана в руках Юлиуша под прицелом русской мафии совпадает с кровавым пиршеством Итальянки, которая, высасывая красными губами мозг Михала из

ложечки и купаясь в его крови, возвращает себе украденное наслаждение.

Примечания

- ¹ См.: *Żuławski A., Kim R. Żuławski. Ostatnie słowo*. Warszawa, 2011. S. 188–189.
- ² Формулируя концепцию режимов историчности, Франсуа Артог описывает, как радикальное изменение хронотопа, а именно исключение из дискурса современности прошлого и будущего, произошедшее после завершения темпорального режима Модерна (1789–1989), привело к краху отношений европейского человека со временем (см.: *Hartog F. Regimes of historicity: presentism and experiences of time*. New York, 2015. P. 97–204).
- ³ См.: *Рансьер Ж. Конец политики, или реалистическая утопия // Рансьер Ж. На краю политического*. М., 2006. С. 21–63.
- ⁴ *Мартынов В. Конец времени композиторов*. М., 2021. 388 с.
- ⁵ См.: *Косякова В. Апокалипсис Средневековья. Иероним Босх, Иван Грозный, Конец Света*. М., 2018. С. 16–17.
- ⁶ См.: *Факснелд П. Инфернальный феминизм*. М., 2022. С. 13–14; 374.
- ⁷ Упоминание о том, что Жулавски наделял героев своих фильмов и книг ужасом перед женщиной, который испытывал сам, встречается в самых разных текстах — от исследований до мемуаров, — в том числе в книге Мануэли Гретковской (см.: *Gretkowska M. Posag dla Polki*. Kraków, 2024. S. 15–21).
- ⁸ См.: *Żuławski A., Kim R. Żuławski. Ostatnie słowo*. S. 188.
- ⁹ См.: *Gretkowska M. Interview to Daniel Bird*. Szamanka DVD bonus feature. Mondo Vision, 2010.
- ¹⁰ *Kieżun W. Patologia transformacji*. Warszawa, 2013. S. 162.
- ¹¹ См.: *Woropińska M., Cegłowska M., Sawicka J., Majcher Sz., Peciakowski M. „Odczarowywanie” PkiN-u // Spojrzenia*. Pałac Kultury i Nauki w socjologicznym kalejdoskopie / Red. naukowa: A. Wyka, K. Iwińska. Warszawa, 2005. S. 57.

- ¹² Такое использование термина заимствовано у Анри де Коринфа (см.: *Corinth H. de. Andrzej Żuławski: Abject Cinema*. Amsterdam, 2024. P. 82).
- ¹³ См.: *Mee Sh.J. The Pulse in Cinema. The Aesthetics of Horror*. Edinburgh, 2020. P. 1.
- ¹⁴ *Bird D. My dinner with Andrzej // Metrograph*. 1998. URL: <https://metrograph.com/my-dinner-with-andrzej/> (дата обращения: 17.03.2025).
- ¹⁵ См.: *Готовский Е. К Бедному театру / Составит. Э. Барба. М., 2009. С. 238–239.*
- ¹⁶ *Williams L. Film Bodies: Gender, Genre, and Excess // Film Quarterly*. 1991. N 4 (44). P. 5–6.
- ¹⁷ См.: *Maron M. Anima possession. Opętanie Andrzeja Żuławskiego w kontekście pojęcia fantazmatu oraz psychologii głębi // Kwartalnik Filmowy*. 2024. N 126. S. 99.
- ¹⁸ *Йонас Г. Гностицизм*. СПб, 1998. С. 78.
- ¹⁹ См.: *Кристева Ю. Силы ужаса. Эссе об отвращении*. СПб, 2003. 256 с.
- ²⁰ См.: *Факснелъд П. Инфернальный феминизм*. С. 724.

DOI: 10.31168/2619-0869.2025.39

Мировая душа Кристиана Люпы: «Чайка» на сценах Польши и России

Даниил Алексеевич Вдовин

Российский институт театрального искусства — ГИТИС
Москва, Российская Федерация,
e-mail: daniil.vdovin@yahoo.com
ORCID: 0009-0006-9669-8117

Ключевые слова: польский театр, классическая пьеса, А.П. Чехов, К. Люпа, режиссура

The World Soul of Krystian Lupa: “The Seagull” on the Stages of Poland and Russia

Daniil A. Vdovin

Russian Institute of Theatre Arts — GITIS
Moscow, Russian Federation,
e-mail: daniil.vdovin@yahoo.com
ORCID: 0009-0006-9669-8117

Keywords: polish theatre, classical play, A.P. Chekhov, K. Lupa, direction

В творческой биографии польского режиссера Кристиана Люпы (р. 1943 г.) заметны спектакли по произведениям русской классики. Среди них инсценировки романов Ф.М. Достоевского и М.А. Булгакова, постановки пьес М.А. Горького и Л.Н. Андреева. Особое место занимают пьесы А.П. Чехова: в Краковской театральной школе на актерском факультете Люпа поставил дипломный спектакль «Платонов вишневый и оливковый» по мотивам «Безотцовщины». Режиссер дважды работал и с «Тремя сестрами» — на учебной и профессиональной сценах.

В российском театральном сообществе отклик вызвала чеховская «Чайка», поставленная в Александринском театре в 2007 г. Это была не первая работа с пьесой, в прошлом режиссер обращался к ней в Варшавском драматическом театре в 2004 г. (спектакль «Незаконченная пьеса для актера»).

Варшавский спектакль занимал два вечера и длился около шести часов. В нем соединились сюжеты двух произведений: чеховской «Чайки» и «Испанской пьесы» Ясины Резы. Уже в этой постановке Люпа задумался о смыслах сочинения Константина Треплева: режиссер считал его выдающимся проявлением современного искусства, не понятого всеми остальными героями. Люпа размышлял о поиске истины среди условностей сцены и о близких ему людях — актерах.

В спектакле последовательно разыгрывались события первого акта «Чайки», а остальные сцены выстраивались из сюжета последующих частей. Люпа рассуждал об истории неудачливого художника и о потенциальной силе его театра. После провала треплевской постановки у озера, по его мнению, пьеса не могла продолжаться в прежней сценической реальности.

Рецензенты отмечали импровизацию в рисунке ролей. Исполнители пытались понять правду существования на сцене так: плавно переходили от линии персонажа к жизненным сюжетам. Возникла проекция возможных поступков, и они как будто проигрывались в памяти героев. Основной задачей актеров было изображать самих себя в роли персонажей Чехова.

В спектакле Константин Треплев не погибал, но создавалось ощущение, что это могло случиться в любой момент. И это не умаляло живости исполнения. Даже напротив, герой Анджея Шеремета представлялся единственным безумным художником в мире, где все исповедуют «нормальность» и не принимают дурновкусие. В противовес ему вводился образ Тригорина, спокойного и при этом равнодушного художника. Он познал все глубины искусства слова, но остался холодным и односторонним в сравнении с необузданной бунтарской натурой Треплева.

В одной из сцен спектакля были показаны бессознательные передвижения Тригорина по сцене. Он забылся и сделал три шага в сторону Треплева, пока тот произносил слова своей собственной пьесы. Герой интуитивно следовал за более громким и совершенным творческим высказыванием. В этом вновь заметно рассуждение о судьбе художника, о его стремлении к безумию и краскам новой театральной реальности. По словам Р. Пачохи, «это, конечно, очень близко к другим размышлениям Люпы — поискам своего внутреннего идиота, то есть, <...> типа повествования, прежде всего театрального...»¹.

В Александринском театре Люпа заново представил найденные ранее образы: создание своего сценического текста и актерской импровизации. Но в этот раз он обращался к творческим амбициям Константина Треплева — его попыткам найти «новые формы». Эти находки Люпа сопоставлял с природой чеховской драматургии.

После петербургской премьеры критика обратила внимание на смелые и неожиданные постановочные решения. Впервые после неудавшейся исторической постановки «Чайки» в 1896 году со сцены вновь прозвучали реплики из первой редакции пьесы. В ней, по словам театроведа А.А. Чепурова, «каждому из героев Чехов дает некий характеристический лейтмотив, который через систему проведений и разработок проходит сквозь всю пьесу, что, собственно, и образует экзистенциальный смысл, судьбу того или иного персонажа, его «пружину»»². Первый вариант «Чайки» до сих пор был свя-

зан с впечатлениями от той единственной постановки — смелость в выборе этого материала показывает интерес Люпы к нестандартному восприятию опыта истории русского театра. Еще один пример обращения к традиции: как и в московской постановке К.С. Станиславского (1898 г.), режиссер посадил своих героев спиной к зрителям в сцене с представлением у озера.

Следующим предметом для театроведческих исследований стал подход к работе над ролью. Во время застольного периода Люпа изучал возможности импровизации вместо строгого следования тексту. После первой читки постепенно определились имена будущих актеров, и уже во время репетиций складывался будущий персонаж. По словам Чепурова, Люпа «использует чеховскую систему тематических проведений, повторов и контрастов, выявляя присущую драматургии писателя связь психологических проявлений героев с неким экзистенциальным универсумом, с метафизикой бытия, которая подспудно заложена в его пьесах»³.

Этот путь предполагал изменение слов героев и акцент на основных элементах, ведущих к воплощению режиссерских концепций через импровизацию. Одни реплики в спектакле звучали по-новому, иные вовсе пропадали, но создавалось впечатление их невербального представления актером. Спонтанное конструирование действия формировало ощущение будничной реальности, где персонаж становится тем самым чеховским «человеком, который хотел».

Композиция «Чайки» распалась на две части: в первой размеренно проигрывался один акт, а во второй уместились все остальные акты. Театровед Н.Ю. Казмина отмечает, что «Люпа может сделать антракт не между третьим и четвертым актом, как обычно, а между первым и вторым, сразу после провала треплевской пьесы. И это вдруг кажется самым правильным: именно тут заканчивается настоящая драма: никто не заметил, как молодому человеку сломали жизнь»⁴.

Режиссер часто обращался к театральным исканиям Треплева и проносил их через весь свой спектакль — отсылки к образу мировой души вновь отметились в финальных

сценах спектакля. Люпа намеренно балансировал на грани реальности и условности. «Оригинальность польского театра заключалась и заключается в психологизме — утонченном и сверхреальном, и одновременно в романтической метафористике — крупной и вольной»⁵.

И в этой версии «Чайки» Люпы самоубийство Треплева (Олег Еремин) на сцене не произошло. Вместе с Ниной он мысленно продолжал существовать в метафизике созданного им в первом акте спектакля. «В финале хотя бы эти двое молчат вместе, а не говорят порознь. Смотрят в разные стороны, но думают об одном. Лежат, как в детстве, на животе, голова к голове, а Нина даже улыбается. Они наконец породнились, пережив каждый свою потерю»⁶.

В петербургской «Чайке» режиссер намеренно опускал бытовые и романтические подробности из жизни героев и вводил на подмостки образ красной порталной рамы. Благодаря ему условности площадки у озера завладевали героями и незаконченное представление треплевской пьесы проецировалось на развитие последующих сцен. «Искусство в этом спектакле было жестко соотнесено со страданием. Облагораживая и украшая человеческий мир, оно как беспощадный вампир, выпивало творческие, духовные силы (вернее — всю жизнь) из своих создателей»⁷.

В «Незаконченной пьесе для актера» чеховская «Чайка» стала основой для начала разговора о творческих и жизненных взаимоотношениях Кристиана Люпы с актерами. По мнению режиссера, именно эти люди отдают свои внутренние и физические силы работе на сцене: они живут и совершенствуются вместе со своими ролями. Неудивительно, что в прессе часто упоминается огромный бассейн-озеро с деревянными берегами. Для «пловцов» создавали комфортные условия: в теплой и чистой воде актеры продолжали свою импровизацию. Рецензенты особенно отмечают спектакль 2004 г. в биографии режиссера, именно в нем прослеживались первые попытки понять человека театра.

Размышления Люпы о человеке театра, творческие споры героев чеховской пьесы были перенесены на петербургскую

сцену. Только теперь для более глубокого анализа персонажей он выбрал первый вариант текста и представил образы сочинения Треплева о «мировой душе» наравне с чеховскими. Старые задумки спустя годы привели режиссера к новым сценическим находкам. Он заново разобрал важные для себя части «Чайки» и основных персонажей.

Примечания

- ¹ *Raszocha R.* Ofiarowanie Czajki // Dialog. 2005. № 2.
- ² *Чепуров А.А.* Александринская Чайка Кристиана Люпы в зеркале театральной критики // Вестник Академии русского балета им. А.Я. Вагановой. 2018. № 6 (59). С. 157.
- ³ Там же. С. 158.
- ⁴ *Казьмина Н.Ю.* Чехов плюс что-то еще // Театр. 2007. № 30. С. 58.
- ⁵ *Горфункель Е.И.* Постиндустриальная мировая душа // Империя драмы. 2007. № 9.
- ⁶ Там же. С. 61.
- ⁷ *Кречетова Р.П.* Осенний марафон // Театральная жизнь. 2008. № 1. С. 30.

Секция

«ЯЗЫКОЗНАНИЕ»

ВОПРОСЫ ЛЕКСИКОЛОГИИ И ОНОМАСТИКИ

DOI: 10.31168/2619-0869.2025.40

Церковнославянская правка рутенского текста: «приклад» о чернокнижнике и рыцаревой жене

Алина Сергеевна Алексеева

Институт русского языка им. В.В. Виноградова РАН,
Москва, Российская Федерация;
e-mail: alevtina.sergeevna@gmail.com
ORCID: 0000-0001-8584-4613

Ключевые слова: Римские деяния, рутенский язык, церковнославянский язык, Повесть о купце Григории, текстология

Church Slavonic Redaction of the Ruthenian Text: 'Priklad' About a Warlock and a Knight's Wife

Alina S. Alekseeva

V.V. Vinogradov Russian Language Institute,
Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russian Federation;
e-mail: alevtina.sergeevna@gmail.com
ORCID: 0000-0001-8584-4613

Keywords: Gesta Romanorum, Ruthenian language, Church Slavonic language, Tale of the Merchant Gregory, textology

Римские Деяния (РД) — распространенный в Восточной Славии сборник нравоучительных повестей, который является переводом, выполненным не позднее 1670-х гг. с несохранившегося польского источника 1663 г.¹ Предметом внимания в настоящей работе является «приклад», то есть притча, о чернокнижнике и рыцаревой жене (ПЧРЖ) и «выклад» (толкование), а также Повесть о купце Григории (ПКГ), которая восходит к неустановленной редакции «приклада» из РД.

Вопросы текстологии РД поднимались в работах С.Л. Пташицкого, Л.В. Соколовой, Л.Э. Малэк и Е.К. Ромодановской². С.Л. Пташицкий выделял три группы списков, которые, по его мнению, являются вариантами одной редакции, и описывал развитие текстов, отталкиваясь в первую очередь от лексики: «приклады» с полонизмами — тексты с русскими глоссами — тексты, содержащие исключительно лексемы, соответствующие великорусскому литературному узусу³. Э. Малэк и Л.В. Соколова также придерживаются предположения о существовании трех групп списков РД, причем Соколова предполагает, что третья группа представляет собой редакцию, созданную на великорусской почве⁴. Е.К. Ромодановская замечает, что самые ранние списки второй группы датируются теми же 1680-ми гг., что и источники первой группы, поэтому едва ли они вторичны, — «конфликт» удастся снять, предположив, что РД были переведены не позднее 1670-х гг.⁵ Попутно подчеркнем, что полонизмы во второй группе, согласно С.Л. Пташицкому и Э. Малэк, заменяются «русизмами» (в действительности же почти все лексемы, как видно из Табл. 1, являются церковнославянизмами) без какой-либо системы, а иногда и полонизм, и «русизм» следуют друг за другом. Е.К. Ромодановская, предпринявшая попытку описать текстологическую историю РД во всей ее полноте, выделяет Основную редакцию (первая и вторая группы, по исследованиям, изложенным выше) и четыре ее варианта и еще 11 редакций, последняя из которых — Редакция фация — распадается на два варианта; также исследовательница приводит несколько редакций отдельных прикладов по другим спискам.

Рассматриваемый ПЧРЖ известен в 7 редакциях* — приведем их наименования: Основная и ее вариант — Погодин 1713, F-21, Редакция Никифора Симеонова, Вторая редакция, Промежуточная редакция, Редакция фацевий (Распространенный вариант), Муз34633. Основной задачей является характеристика языка ПЧРЖ и ПКГ, для чего будут отмечены рутенизмы, встречающиеся в обоих текстах. В дополнение представляется возможным уточнить текстологию ПКГ и точнее определить ее взаимоотношение с ПЧРЖ.

Приведем алфавитный список рутенизмов** с польским этимоном и переводом на русский язык:

- *але* (*ale*) ‘но’;
- *вспоможение* (*wspomożenie*) ‘помощь’;
- *выкладъ* (*wykład*) ‘объяснение’;
- *дяковати* (*dziękować*) ‘благодарить’;
- *кохание* (*kochanie*) ‘любовь’;
- *кохати* (*kochać*) ‘любить’;
- *кroleвати* (*królować*) ‘царствовать’;
- *курва* (*kurwa*) ‘блудница’;
- *лазня* (*łaźnia*) ‘баня’;
- *лакомый* (*łakomy*) ‘алчный’;
- *миловати* (*miłować*) ‘любить’;
- *мистръ* (*mistrz*) ‘учитель, наставник’;
- *мовити* (*mówić*) ‘говорить’;
- *можный* (*możny*) ‘могущественный’;
- *отповьдати* (*opowiedzieć*) ‘ответить’;
- *панья, панна* (*panna*) ‘женщина, госпожа’;

* Во избежание путаницы мы используем наименования Е.К. Ромодановской, хотя придерживаемся мнения о существовании меньшего числа редакций ПЧРЖ и большего — вариантов редакций.

** Для исключения общей для восточно- и западнославянских языков лексики использовался «Словарь русского языка XI–XVII вв.»: те лексемы, которые представлены в древнерусских памятниках или же имеют в древнерусском то же значение, что и в польском, в список не включены.

- *пелгримование* (*pielgrzymowanie*) ‘паломничество’;
- *подобенство* (*podobieństwo*) ‘подобие’;
- *подяковати* (*podziękować*) ‘поблагодарить’;
- *понурити(ся)* (*ponurzyć (się)*) ‘погрузить(ся)’;
- *прикладъ* (*przykład*) ‘притча’;
- *трафити* (*trafić*) ‘попасть’;
- *учинити* (*uczynić*) ‘сделать’;
- *учинокъ* (*uczynek*) ‘поступок’;
- *черноксенжникъ* (*czarnoksiężnik*) ‘чернокнижник’.

В Табл. 1 приведены рутенизмы, встреченные в редакциях ПЧРЖ и ПКГ, либо привычные для великорусского книжного узуса лексемы, которые их заместили. В случае, если коррелят отсутствует, стоит знак «→».

Как можно заметить, значительное число рутенизмов* характерно только для Основной редакции, Погод1713 и частично для F–21, в то время как далее остаются единичные вкрапления: *мистръ* во Второй и Промежуточной редакциях и *понуритися* в Редакции фацевий, что говорит об их восхождении к варианту с полонизмами. При замене рутенизмов выбирается книжная (*царствовати*, *благодарствовати* и др.), некнижная (*пособка*) и общая (*баня*, *любити*, *жена*, *дъвица* и др.) лексика.

Что касается морфологии** и фонетики, язык ПЧРЖ можно охарактеризовать как гибридный с разным количеством рутенских, великорусских и церковнославянских элементов. В Табл. 2 приведены составляющие, которые отмечаются в той или иной редакции или варианте текста.

* Попутно отметим, что в списке Основной редакции имеется чтение *смотрил* (список Ув494), которое отражает переход *ê > [i], характерный для большинства украинских говоров и — при признании чтения первичным после дополнительного исследования списков редакции — позволяющий сузить ареал происхождения перевода до староукраинской зоны.

** Учитываются флексии инфинитивов, презентных форм 2 л. ед., согласование окончаний в глагольном и именном словоизменении — возможно выделить только эти параметры в силу небольшого объема памятника.

лексема	Осн	Пог	F-21	НикС
«Приклад»				
<i>але</i>	–	–	–	–
<i>вспоможение</i>	+	+	пособка	помощь
<i>дяковати, подяковати</i>	+	+	+	благодарствовати
<i>кролевати*</i>	+	королевствовати	царствовати	сущ. царство
<i>курва</i>	+	+	блудница	блудница
<i>лазня</i>	+	+	баня	баня
<i>миловати</i>		+	прил. любовь	любити
<i>мистръ (мастеръ)</i>	+	+	+	мудрецъ, врачъ
<i>можный</i>	–	+	+	–
<i>отповѣдати</i>	+	+	+	отвѣщати
<i>панья</i>	+	+	жена	жена
<i>пелгримование</i>	+	+	–	странствие
<i>подобенство</i>	+	подобство	–	подобие
<i>понурити(ся)</i>	+	+	+	погрузити(ся)
<i>прикладъ</i>	+	+	притча	притча
<i>трафити</i>	+	+	‘уйти в другую’**	‘уйти в другую сторону’
<i>черно-ксенжникъ</i>	+ черкно-книжникъ	черкно-книжникъ	черкно-книжник чаровникъ	волхвъ
«Выклад»				
<i>выкладъ</i>	+	+	+	часть текста отсутствует
<i>кохание, кохати</i>	+	+	любление	
<i>лазня</i>	+	+	+	
<i>лакомый</i>	+	+	+	
<i>мовити</i>	+	рещи	рещи	
<i>панна</i>	+	+	дѣвица	

* Чтение Тхн525 (обозначение списка Е.К. Ромодановской) — возможно, первичное.

** По спискам представлены разные сочетания, описывающие действия чернокнижника.

Таблица 1

Втор	Пром	Фак(Р)	Муз	ПКГ
«Приклад»				
–	–	–	–	–
помощи	помощи	–	помощь	–
благодарст- вовати	благодарст- вовати	–	благодарст- вовати	–
государствовати	царствовати	–	сущ. царство	–
гл. прелюбо- дѣйствовати	гл. прелюбо- действовати	чюже- ложница	блудница	–
баня	баня	домъ	баня	–
любити	любити	–	любити	–
+	+	мудрецъ	мудрецъ врач	мудрецъ
великославный и даролюбезный	великославный и даролюбезный	–	–	–
отвѣщати рещи	отвѣщати рещи	отвѣщати	отвѣщати рещи	глаголати рещи
дѣвица	дѣвица	–	жена	–
прехождение	прехождение	–	–	–
подобие	подобие	–	подобие	–
погрузити(ся)	погрузити(ся)	+	погрузити(ся)	погрузити(ся)
–	–	–	–	–
‘уйти в другую сторону’	‘уйти в другую сторону’	‘уйти в другую сторону’	‘уйти в другую сторону’	‘уйти в другую сторону’
чаровникъ	чаровникъ	черкно- книжецъ	черкно- книжникъ	жидовинъ
«Выклад»				
толък	толкование	часть текста отсутствует	часть текста отсутствует	часть текста отсутствует
–	–			
баня	баня			
–	–			
рещи	рещи			
дѣва	дѣва			

Таблица 2

**Составляющие,
отмечающиеся в различных редакциях
или вариантах текста**

Осн	Пог	F-21	НикС	Втор	Пром	Фац(Р)	Муз	ПКГ
рут. ц.-сл.	рут. ц.-сл.	рут. ц.-сл.	гибрид. ц.-сл.	гибрид. ц.-сл.	гибрид. ц.-сл.	ц.-сл.*	гибрид. ц.-сл.	гибрид. ц.-сл. строгой ориен- тации

Язык ПКГ — церковнославянский с минимумом отклонений, поэтому мы можем назвать его гибридным строгой ориентации: одна ошибка в согласовании формы аориста (*мудръствовоах* вм. *мудрствовоа*), несколько примеров деепричастий (*жена... радуяся и обьнима*) и отражение смешения *ы/и*, что характерно для украинского языка, либо ошибочное написание *ы* вместо *ь* (*стрелиты*). На наш взгляд, текст ПКГ восходит к Редакции фацеций ПЧРЖ, потому что а) только в ней и Муз вместо *кадь* ‘кадка’ употребляется лексема *чанъ*, которая отмечается и в ПКГ, б) только в этой редакции муж имеет имя — *Мардохей*, как и купец в ПКГ (представляется, что создатель ПКГ понимал древнееврейское происхождение отсутствовавшего среди канонического христианского списка имени, так как Мардохей — персонаж книги Есфирь, но изменил его на каноничное имя *Григорий*, а «еврейство» проигралось в тексте как замена чернокнижника на жидовина), в) только в Редакции фацеций отсутствует упоминание о повторной женитьбе героя после смерти жены — так же, как и в ПКГ.

В результате анализа ПЧРЖ во всем объеме редакций и вариантов был расширен список лексических рутенизмов, а также охарактеризованы их замены в истории развития текста. Можно предположить, что язык развивался от менее

* Единственное отклонение — рутенизм в форме императива с отражением редукции: *понурь*.

книжного с наличием рутенизмов к гибриднему церковно-славянскому, который еще более нормируется в ПКГ и может быть определен как гибридный церковнославянский строгой ориентации. Также удалось определить источник ПКГ — это Редакция фация в Распространенном варианте.

Примечания

- ¹ Ромодановская Е.К. Римские Деяния на Руси. Вопросы текстологии и русификации: Исследование и издание текстов. М., 2009. С. 10, 29, 33.
- ² Там же. С. 17–106.
- ³ Пташицкий С.Л. Средневековые западноевропейские повести в русской и славянской литературах. Истории из римских деяний (Gesta Romanorum) // Историческое обозрение. 1897. Т. 9. С. 112–114.
- ⁴ Федорова И.В. XXIV Малышевские чтения // Русская литература. 2001. № 2. С. 231–232; Matek E. Narracje staropolskie w Rosji XVII i XVIII wieku. Łódź, 1988.
- ⁵ Ромодановская Е.К. Римские Деяния на Руси... С. 28.

DOI: 10.31168/2619-0869.2025.41

О развитии терминологического значения слова *съставъ*

Наталья Павловна Иордани

Институт русского языка им. В.В. Виноградова РАН,
Москва, Российская Федерация;
e-mail: iordani.natasha@yandex.ru
ORCID: 0009-0001-2709-7223

Ключевые слова: старорусский язык; историческая лексикология; деловая письменность; приказное делопроизводство; источниковедение

On the Development of the Terminological Meaning of the Word *съставъ*

Natalia P. Iordani

V.V. Vinogradov Russian Language Institute,
Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russian Federation;
e-mail: iordani.natasha@yandex.ru
ORCID: 0009-0001-2709-7223

Keywords: Middle Russian language; historical lexicology; documentation; clerical work; source studies

Одной из самых распространенных форм деловых документов XVI–XVII вв. являлись так называемые столбцы¹ (подробнее о соотношении терминов *столбец*, *столп* и *столпик* см. в недавней работе А.Г. Гуськова²). Столбцы представляли собой свитки, которые склеивались из узких листов, в некоторых случаях достигая нескольких десятков метров в длину. Размеры полос бумаги, формирующих столбцы, могли составлять 14–15 см в ширину и до 35 см в длину (если лист разрезался на три полосы в ширину) или 16–17 см в ширину и 45 см в длину (когда лист бумаги разрезался пополам в длину)³. Содержание документа обычно занимало только одну сторону бумаги, а дополнительные листы подклеивались снизу по мере необходимости⁴. На месте склейки с обратной стороны, как правило, подписывались дьяки или так называемые подьячие с приписью, что гарантировало целостность документа: если кто-то предпринимал попытку расклеить столбец и заменить один из составляющих его фрагментов другим, то нужно было имитировать почерк и найти подходящие по цвету чернила, что делало подделку чрезвычайно трудной⁵. Для обозначения этих мест склейки в источниковедении используется термин *сстав*, который возник еще в старорусскую эпоху в приказном делопроизводстве.

Это терминологическое употребление нашло отражение в Словаре русского языка XI–XVII вв.: в 27-м выпуске представлена отсылочная статья *сставъ*⁶ к слову *составъ* (*съставъ*, *сставъ*, *ставъ*), для которого выделяется целых 26 значений⁷. Интересующее нас значение ‘склейка листов в столбце’ представлено под №17 и является производным от другого, приведенного в словарной статье под №16 — ‘соединение, шов, стык’:

- (1) *Поставленъ столпъ, высота его 60 сажень, а широта его 3 сажени: единъ камень, без **става***. Х.Зос., 5. XVI в. ~ 1422 г.⁸

Нужно отметить, что частотность употребления слова *съставъ*, использующегося для обозначения места склейки листов, невысока: в старорусском подкорпусе Национального корпуса русского языка лексема *съставъ* (и ее графические варианты *составъ*, *сставъ*, *ставъ*) в этом значении зафиксирована всего в 28 примерах (при подсчете были исключены употребления, которые в действительности относятся не к самому тексту документа, а к комментариям издателей). Приведем несколько примеров из списков разного рода грамот, где приводятся сведения о приписях дьяков и приложениях руки (личных подписях свидетелей и иных лиц, имеющих отношение к составлению документа⁹) на сставах оригинала:

- (2) *Писан на Москве лета 7155 году феврала в 13 де<нь>. А позади подлинныя грамоты на **ставех** припись дьяка Давыда Дерябина. А приписал подъячей Елисей Афанасьев. Указная грамота царя Алексея Михайловича на Вологду воеводе И. А. Черкасскому и дьячку С. Звереву. XVII г. ~ 1647 г. (ruscorp.org.ru).*
- (3) *А духовную писал Костя Васильев сын Жихорев лета 7053 марта. А назади у духовные на трех **ставех** руки: К сей духовной грамоте яз, Алексей, прикащик, руку приложил. К сей духовной грамоте яз, поп Василей, и прикащик и отец духовной, руку приложил. К сей духовной грамоте яз, Григорьи Посевьев, послух, руку приложил. Духовная грамота М. И. Левашова XVI в. ~ 1545 г. (ruscorp.org.ru).*

Однако во многих современных работах по источниковедению и истории средневековой Руси термином *сстав* называют не только склейки в столбце, но и сами листы, его формирующие (см. подробнее статью Н.В. Башнина¹⁰). Так, например:

- (4) *Документ представляет собой столбец из трех **сставов** и бумажного фрагмента, которым он был надставлен сверху для обеспечения большей сохранности и который мог служить местом для возможных делопроизводственных помет (лист-обертка)*¹¹.
- (5) *Столбец состоит из 39 **сставов** (38 соединений-«скреп»), общий размер ок. 12108×143 мм. В публикации принята сквозная нумерация **сставов***¹².

Употребление слова *сстав* в значении ‘лист в составе столбца’ встречается и в научных работах второй половины XIX в., например:

- (6) *Самъ Лесли съ 23 сентября получалъ питье изъ Дворца ежедневно «то пяти чарокъ вина боярскаго... по полуведра меду пива dobroво» (**сставы 24–37**)*¹³.
- (7) *Списокъ въ трехъ подраздѣленіяхъ, напечатанный у насъ непосредственно вслѣдъ за списокомъ тверичей и оставшійся неизвѣстнымъ «Актамъ Московскаго Государства» (**сставы 22–24, 29, 30**; промежуточные **сставы** заполнены отпиской, напечатанной въ «Актахъ М.Г.» подъ № 30 и нами пропущенной)*¹⁴.

В Словаре русского языка XI–XVII вв. подобное значение не зафиксировано, хотя у нас есть основания полагать, что оно возникло еще в старорусскую эпоху. Обратимся к переписной книге Новгородского судного приказа 1593–1600 гг., которая была впервые частично опубликована во 2-м томе серии «Акты, относящиеся до юридического быта древней России» и предположительно хранилась в числе других актовых книг Археографической комиссии (в настоящее время к. 2 оп. 1 Архива СПбИИ РАН). Впоследствии эта книга была переиздана А.А. Селиным в 2021 году с указанием, что оригинал документа был утрачен¹⁵. Таким образом, ознакомиться с рукописью не представляется возможным.

Эта книга представляет список всех документов, хранящихся в Новгородском судном приказе. Всего в издании этого источника приводится список из 136 дел за 1594 и 1595 гг., описанных с разной степенью подробности. Как правило, для каждого дела указывается жанр, перечисляются лица, относящиеся к делу, а также дьяки, удостоверявшие подлинность документа. Например:

- (8) *Дѣла судныя и записки вершенныя и невершенныя, при воеводѣ при князь Даниль Ондръевичь Ногтевъ съ товарищи, за приписью дьяка Дмитрея Алябьева.* Книга переписная Новгородского судного приказа. 1593–1600 гг.¹⁶

Однако среди перечисленных в этой переписной книге источников представлено 31 дело, описанное с указанием количества сставов. Например:

- (9) *Дѣло судное розбойниковъ Русинка Потапова съ товарищи въ розбоѣ Заонъжскихъ погостовъ крестьянина Конанка Савина, за приписьюми дьяковъ Григорья Клобукова да Смирново Васильева, а послѣ Григорья и Смирного у того жѣ дѣла припись дьяка Дмитрея Алябьева. Вершено. 80 сставовъ.* Книга переписная Новгородского судного приказа. 1593–1600 гг.¹⁷

Несколько аналогичных употреблений встретилось и в одной из памятей, изданных в 21-м томе серии «Русская историческая библиотека»:

- (10) *На подлинномъ государеве указе назади росписка такова: по сему великого государя указу насадного рыбного и соляного промысловъ, промыслу Павла Дубенского да Петрушки Никонова два столпа, за приписью Тайныхъ Дѣлъ дьяка Данила Полянского, въ одномъ 258, а въ другомъ 77 сставовъ, да того жѣ промыслу 179-го, и 180-го и 181-го годовъ ево Павловы приходные и расходные книги принялъ въ Приказъ Большого Дворца и росписался подъячей Гараско Потаповъ. Память Б. Матеевичу, А. С. Хитрово, Ф. Михайлову. 1676 г.¹⁸*
- (11) *Петрушка Тютчевъ принялъ столпъ Черноярского рыбного промыслу промышленника Михаила Щербака, а въ немъ 121 ставъ, столпъ Самарского Яицкого промыс-*

лу промышленника Степана Трощилова, а въ немъ 243 става, да тѣхъ же промышленниковъ 181-го, и 182-го и 183-го годовъ приходные и расходные шестьры книги за руками и росписался. Память Б. Матеевичу, А.С. Хитрово, Ф. Михайлову. 1676 г.¹⁹

Следовательно, можно полагать, что уже в старорусскую эпоху термин *съставъ*, использующийся служащими приказов и приказных изб, стал многозначным и сохранил эти два значения до настоящего времени.

Примечания

- ¹ Тихомиров М.Н. Приказное делопроизводство в XVII в. // Тихомиров М.Н. Росийское государство в XV–XVII вв. М., 1973. С. 458.
- ² Гуськов А.Г. «Столбцы» — «столпы» — «столпики»: терминологическая дискуссия // Вспомогательные исторические дисциплины в современном научном знании: Материалы XXXIV Всероссийской научной конференции с международным участием. Москва, 7–8 апреля 2022 г. / отв. ред. И.Г. Коновалова, Е.В. Пчелов. М., 2022. С. 93–95.
- ³ Крушельницкая Е.В. Палеография // Крушельницкая Е.В. Специальные исторические дисциплины: учеб. пособие / сост. М.М. Кром. СПб., 2003. С. 32.
- ⁴ Черепнин Л.В. Русская палеография. М., 1956. С. 343.
- ⁵ Тихомиров М.Н. Приказное делопроизводство... С. 460.
- ⁶ Словарь русского языка XI–XVII вв. М., 2006. Вып. 27 / Гл. ред. В.Б. Крысько. С. 169.
- ⁷ Словарь русского языка XI–XVII вв. М., 2002. Вып. 26 / Гл. ред. Г.А. Богатова. С. 198–201.
- ⁸ Там же. С. 200.
- ⁹ Садова Т.С., Руднев Д.В. Рукоприкладство: от 'собственноручной подписи' до 'нанесения побоев' // Русская речь. 2023. № 3. С. 72.
- ¹⁰ Башнин Н.В. Становление культуры делопроизводства в России XIV — начала XVI века // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. 2022. Т. 27. № 5. С. 52–67.
- ¹¹ Лифшиц А.Л. Две костромские грамоты XVII в. из собрания библиотеки Московского университета // Шаги / Steps. 2002. Т. 8. № 3. С. 189.
- ¹² Бачинский А.А., Ерусалимский К.Ю., Козляков В.Н., Шварц И. Проект раздела Речи Посполитой между Россией и Священной Римской империей: Краковский столбец начала 1576 года // Петербургские славянские и балканские исследования. 2019. № 2 (26). С. 151.
- ¹³ Археологические известия и заметки, изд. Имп. археологическим обществом / под ред. Д.Н. Анучина и А.И. Кирпичникова. М., 1895. № 1. С. 162.
- ¹⁴ Сторожев В.Н. Тверское дворянство XVII века. Тверь, 1893. Вып. 2. С. 122.
- ¹⁵ Селин А.А. «Дела судные, указы и записки вершенные и невершенные...». Новгородская практика судопроизводства XVI — начала XVII в. СПб., 2021. С. 15.

- ¹⁶ Акты, относящиеся до юридического быта древней России. / изд. Археограф. комис. под ред. Н. Калачова. СПб., 1857. Т. II: XIII–XVII вв. С. 179.
- ¹⁷ Акты, относящиеся до юридического быта... С. 177.
- ¹⁸ Русская историческая библиотека, издаваемая Археографической комиссией. Т. 21: Дела Тайного приказа. Кн. 1. СПб., 1907. С. 291.
- ¹⁹ Русская историческая библиотека... С. 292.

DOI: 10.31168/2619-0869.2025.42

О некоторых этико-переводческих аспектах: перевод сибирского русского пиджина на итальянский язык

Франческо Брессан

Веронский университет,
Верона, Италия;
e-mail: bressan.franz@gmail.com
ORCID: 0009-0008-8654-3917

Ключевые слова: перевод, русский пиджин, художественный перевод, итальянский язык, переводческая этика

On Some Ethical Aspects of Translation: Translating Siberian Russian Pidgin into Italian Language

Francesco Bressan

University of Verona,
Verona, Italy;
e-mail: bressan.franz@gmail.com
ORCID: 0009-0008-8654-3917

Keywords: translation, Russian pidgin, literary translation, Italian language, translation ethics

Одной из актуальных проблем, находящихся в поле зрения современного переводоведения, является передача в художественном переводе особенностей смешанных языков и пиджинов. Интерес к переводу произведений, в которых представлены явления языковой интерференции, значительно возрос в последние десятилетия, прежде всего, в контексте англоязычной постколониальной литературы. Однако при переводе таких произведений существует риск утраты использованных в тексте элементов контактных языков, таких как пиджины и креольские, в результате чего переведенный текст по сравнению с оригиналом оказывается слишком однородным. Антуан Берман выделяет две переводческие стратегии, ведущие к искажению оригинального текста: устранение специфики и экзотизацию¹.

В итальянской практике перевода многоязычных произведений часто реализуется одна из двух стратегий: либо игнорировать гибридные формы, в результате чего устраняется языковая и культурная специфика оригинального текста, либо экзотизировать речь персонажей на основе стереотипов. Помимо создания комического эффекта через использование искусственного и стереотипного языка, второй подход нарушает этический принцип перевода, согласно которому переводчик должен принимать «чужое» без дополнительных интерпретаций. Эта идея подчеркивается также Франкой Каваньоли, которая утверждает: «То, что чуждо за границей, нельзя превратить в чуждое у себя дома, иначе оно становится карикатурным». Чтобы избежать подобных искажающих тенденций, Каваньоли предлагает при переводе на итальянский отрывков, где используются нестандартные формы другого языка, использовать характерные черты так называемой новой нормы итальянского языка (*italiano neostandard*)².

Как уже было сказано, в настоящее время достаточно интенсивно переводится англоязычная постколониальная литература, ее переводы на итальянский анализируются исследователями. Менее изученными остаются трудности, возникающие при переводе произведений русской литературы, в которых в той или иной степени присутствует мно-

гоязычие. В данной статье предпринимается попытка предложить новую стратегию перевода особенностей сибирского русского пиджина на итальянский язык на основе принципов, предложенных Франкой Каваньоли. Объектом нашего исследования является пиджин на основе русского языка, представленный в повести В. Арсеньева «Дерсу Узала»³. В настоящей работе также анализируется единственный существующий на сегодняшний день итальянский перевод данного произведения, осуществленный Константино Ди Паолой и Серджо Леоне в 2022 году⁴.

При переводе фраз с сибирского пиджина Ди Паола и Леоне используют такие отклонения от литературного итальянского языка, как инфинитив на месте личной формы глагола, отсутствие определенного или неопределенного артикля и предлогов, которые считаются типичными и стереотипными чертами итальянской речи тех, кто изучает его как иностранный. Приведенная ниже таблица служит иллюстрацией того, какими способами переводчики передают ломанную речь персонажа Дерсу Узала в переводе на итальянский язык.

Оригинальный текст на русском	Итальянский перевод
– Моя не надо, — говорил он. — Мне маленько осталось жить. Скоро помирай. Моя шибко хочу панцуй тебе подарить.	– Non mi servire — disse. — rimanere poco da vivere. Presto morire. Io volere regalare te <i>pancuj</i> *.
– Сегодня наша фанза найди нету, надо бивак делай.	– Oggi non trovare <i>fanza</i> , meglio fare bivacco.
– Нет, спасибо, капитан. Моя Владивосток не могу ходи. Чего моя там работай? Охота ходи нету, соболя гоняй тоже не могу, город живи — моя скоро пропади.	– No, grazie, capitano. Io Vladivostok non potere andare. Cosa fare là? Niente andare a caccia, cacciare zibellino anche non potere. Se vivere in città, presto morire.

* И у Арсеньева, и в тексте перевода дана сноска с примечанием о том, что панцуй — это женшень.

<p>– Тебе сердись не надо, — сказал он, обращаясь с утешениями к белке. — Наша внизу ходи, как орехи найди? Тебе туда смотри, там много орехов есть.</p>	<p>– Non occorre tu arrabbiarsi — disse, rivolgendosi allo scoiattolo per confortarlo. — Noi camminare in basso, come potere prendere noci? Tu guardare là: molte noci.</p>
<p>– Маленькая нога; такой у русских нету, у китайцев нету, у корейцев тоже нету, — отвечал он и затем прибавил: — Это унта, носок кверху. Люди совсем недавно ходи. Моя думай, наша скоро его догоняй.</p>	<p>– Piccolo piede. Russi non avere piedi così, non avere i cinesi, anche coreani non avere — rispose e poi aggiunse: — essere <i>unta</i> con punta alzata essere passati da molto poco. Io pensare che presto noi raggiungere loro.</p>

В приведенных отрывках отражены некоторые особенности сибирского русского пиджина, такие как использование притяжательного местоимения (*моя, наша*) в качестве личного, показатель отрицания *нету* в постпозиции, стремление к порядку слов SOV, непоследовательность выражения числа и рода, употребление форм императива второго лица единственного числа в значении индикатива и др.⁵. Переводчики для передачи необычной речи Дерсу использовали, как уже было сказано, особенности, ассоциируемые с речью иностранцев, обладающих низкой компетенцией в итальянском языке, среди которых употребление инфинитива на месте личной формы (напр., *presto morire*), опущение определенных и неопределенных артиклей и предлогов (напр., *Io Vladivostok non potere andare* вместо *a Vladivostok non posso andare*; *Oggi non trovare fanza, meglio fare bivacco* вместо *oggi non troviamo una fanza, meglio fare un bivacco*). На наш взгляд, данная стратегия не вполне удачна, поскольку в результате был искусственно сконструирован итальянский идиом на основе лингвистических и культурологических стереотипов, который противоречит этическим принципам перевода.

Другой аспект приведенного перевода, на котором необходимо сосредоточиться — использование разнообразной лексики, связанной с обычаями и предметами быта корен-

ных народов Дальнего Востока, особенностями данной территории. Эти лексемы выполняют важную функцию, так как создают для читателя особую атмосферу произведения⁶. В связи с этим считаем целесообразным сохранение в итальянском переводе таких лексем, как *фанза*, *унта*, *панцуй*.

В своих трудах, посвященных англоязычной литературе, Каваньоли предлагает некоторые стратегии для перевода пиджинов и креольских языков в художественных текстах. По мнению переводчицы, для перевода пиджина на итальянский язык необходимо избрать стратегию, основанную на использовании черт существующих вариантов языка, при которой контаминированные формы будут подчеркивать отличие от стандарта. Именно поэтому Каваньоли предлагает использовать элементы так называемого *italiano neostandard* (разговорный некодифицированный вариант итальянского языка) и, в частности, его морфосинтаксические особенности⁷.

Ниже приводится авторский вариант перевода с использованием некоторых черт *italiano neostandard*.

Оригинальный русский текст	Итальянский перевод
<p>– Моя не надо, — говорил он. — Мне маленько осталось жить. Скоро помирай. Моя шибко хочу панцуй тебе подарить.</p>	<p><i>A me non mi serve mica</i> — disse. A me mi rimane poco da vivere. Presto morirò. <i>A te ti</i> voglio regalare del <i>pancuj</i>.</p>
<p>– Сегодня наша фанза найди нету, надо бивак делай.</p>	<p>– Oggi una <i>fanza</i> non la troviamo proprio, meglio fare un bivacco.</p>
<p>– Нет, спасибо, капитан. Моя Владивосток не могу ходи. Чего моя там работай? Охота ходи нету, соболя гоняй тоже не могу, город живи — моя скоро пропади.</p>	<p>– No, grazie, capitano. Io a Vladivostok non posso <i>mica</i> andare. Che faccio là? Non posso andare a caccia e neanche cacciare uno zibellino. Se rimango in città, creperò presto.</p>

<p>– Тебе сердись не надо, — сказал он, обращаясь с утешениями к белке. — Наша внизу ходи, как орехи найди? Тебе туда смотри, там много орехов есть.</p>	<p>– Non occorre che tu ti arrabbi — disse, rivolgendosi allo scoiattolo per confortarlo. — Noi camminiamo in basso, <u>com'è che</u> facciamo a prendere le noci? Guarda là: di noci ce ne sono molte.</p>
<p>– Маленькая нога; такой у русских нету, у китайцев нету, у корейцев тоже нету, — отвечал он и затем прибавил: — Это унта, носок кверху. Люди совсем недавно ходи. Моя думай, наша скоро его догоняй.</p>	<p>– un piccolo piede. I russi non hanno mica i piedi così, non li hanno i cinesi, e <u>manco</u> i coreani— rispose e poi aggiunse: — è un'unta con la punta alzata. Sono passati da non poco. Penso che presto li raggiungiamo.</p>

В нашем переводе мы использовали синтаксические черты разговорного некодифицированного варианта итальянского языка, такие как смещение местоимения влево, употребление наречий *mica* 'ведь не' и *proprio* 'совсем не' для усиления отрицания, вопросительные предложения, вводимые *com'è che*, поливалентный союз *che*. При смещении влево в начале высказывания оказывается элемент, который при стандартном порядке слов никогда бы не находился на этом месте. Он предвосхищает тему высказывания, затем повторяется в виде клитического местоимения⁸ (*A te ti voglio regalare del pancuj* 'тебе, тебе хочу подарить панцуй'). Что касается лексики, мы сохранили единицы, отражающие культурную специфику региона, где происходит действие романа. Кроме того, мы использовали характерную для разговорной итальянской речи лексику (напр., *crepare* 'умереть').

Таким образом была предложена новая стратегия перевода пиджина на итальянский язык в художественной литературе на материале произведения русской литературы. Данная стратегия отвечает этическим принципам перевода, так как передает особенную манеру речи персонажа, при этом не высмеивая его.

Примечания

- ¹ *Berman A.* La traduction et la lettre ou l'auberge du lointain. Paris, 1999. P. 63–68.
- ² *Cavagnoli F.* La traduzione letteraria anglofona. Il proprio e l'altrui — English e englishes. Gli autori postcoloniali di lingua inglese. Milano, 2017. P. 55.
- ³ *Арсеньев В.К.* Дерсу Узала (сборник). М., 2010. С. 496.
- ⁴ *Arsen'ev V.* Dersu Uzala il piccolo uomo delle grandi pianure / traduzione di Costantino di Paola e Sergio Leone. Milano, 2022. P. 224.
- ⁵ *Перехвальская Е.В.* Русские пиджины. СПб., 2008.
- ⁶ *Богач А.А., Крицкая Н.В.* Реалионимы в повести В.К. Арсеньева «Дерсу Узала» и способы их передачи на английский язык // Иностраный язык и межкультурная коммуникация: Материалы XVIII Международной студенческой научно-практической конференции. Томск, 15–18 апреля 2024 г. / ред. кол. Н.В. Полякова, Ю.А. Готлан, А.С. Персидская. Томск, 2024. С. 20–24.
- ⁷ *Cavagnoli F.* La traduzione letteraria anglofona... P. 72.
- ⁸ *Мельникова Л.С., Кашина Е.А.* Типичные черты нового стандарта итальянского языка на синтаксическом уровне // Романия: языковое и культурное наследие – 2021: Материалы II Международной научно-практической конференции, Минск, 6 мая 2021 г. / гл. ред. О.В. Лапунова. Минск, 2021. С. 30–34.

DOI: 10.31168/2619-0869.2025.43

Славянские и латинские дублеты в церковном румынском языке

Юлия Вадимовна Островская (Горноскуль)

Независимый исследователь,
Москва, Российская Федерация;
e-mail: aorist_ost@outlook.com
ORCID: 0009-0009-4701-4841

Ключевые слова: церковнославянский язык, Румыния, религиозный язык, теолингвистика, семантика

Slavic and Latin Doublets in the Liturgical Romanian Language

Yulia V. Ostrovskaya (Gornoskul)

Independent researcher
Moscow, Russian Federation;
e-mail: aorist_ost@outlook.com
ORCID: 0009-0009-4701-4841

Keywords: Church Slavic language, Romania, religious language, theolinguistics, semantics

В статье рассматривается сосуществование славянских и латинских дублетов в церковном румынском языке (далее — ЦРЯ). Наша задача — наметить в общих чертах ход замещения церковнославянизмов латинизмами при формировании ЦРЯ. Для исследования был проведен анализ библейских текстов на русском и румынском языках¹, а также использованы лексикографические данные толковых словарей румынского языка (далее — РЯ)² и церковнославянского языка (далее — ЦСЯ)³.

Плод деятельности свв. Кирилла и Мефодия, ЦСЯ выступил как средство распространения византийской культуры на юго-востоке Европы, включая румыноязычные земли, где при поддержке князей со временем сформировался так называемый ЦСЯ влахо-молдавского извода — язык духовенства и придворной канцелярии⁴. Соответственно, в обществе развилась диглоссия, в дальнейшем послужившая одной из причин разработки ЦРЯ. Среди других факторов — Реформация (1517 г.), натиск Порты на Дунайские княжества и децентрализация власти, повлекшая за собой упадок духовно-просветительской деятельности монастырей. В результате ЦСЯ стал со временем недоступен пониманию как народа, так и самого духовенства.

Первые тексты на ЦРЯ были составлены в Трансильвании, там же позднее возникли очаги румынской языковой куль-

туры — как реакция на мультиконфессиональную среду, маргинальный статус румын и православной церкви. Отцом ЦРЯ стал дьякон Кореси, в 1561–1570 гг. переписавший основную корпус литургических книг («На румынском изложил я сие, дабы и поп понимал, о чем толкует, и паства его...»)⁵. Ту же цель преследовали и другие деятели. Конструирование по сути новой формы языка растянулось на столетия и шло неоднородно: в Молдове первый молитвенник на ЦРЯ был разработан только в 1681 г.⁶. При переложении текстов происходил постепенный отказ от церковнославянизмов. Для передачи смысла подбирались румынизмы, мадьяризмы, а позднее грецизмы и латинизмы.

В XIX в. молодое румынское государство порвало с православным востоком, обратившись на запад. Под влиянием Трансильванской школы в служебные книги хлынули латинские неологизмы. Отметим, что в РЯ сохранился лексический пласт периода раннего христианства, репрезентирующий сакрально-литургические понятия. Пурификация от «чуждого» славянского элемента и вливание латинизмов должно было «укрепить латинскую основу РЯ»⁷.

Первый латинизированный служебник представил в 1818 г. митрополит Костаки: «Я, насколько мог, приблизил все эти слова к природе нашего языка [...] *Prestol* заменен на *Masă*, *Tristago* на *Tresfințită*, *blagoslovit iaste* на *binecuvântat ești...*» («престол», «Трисвятаго», «благословен еси»)⁸. Среди других замен Костаки: *molitvă* — *rugăciune* «молитва», *vohod* — *întrare* «вход», *cădire* — *tămâiere* «каждение», *zvezdă* — *stea* «звезда» и пр. Они вошли в последующие переиздания. Однако некоторые замены не прижились, такие как *cădelniță* — *tămâitoare* «кадельница», *copie* — *lance* «копие» или *taine* — *misterii* «тайны»⁹.

Показательные споры о дублетах велись в выпусках газеты *Unirea* (печатный орган РумГКЦ в г. Блаж — центре латино-румынской мысли). В статье от 1927 г. обсуждается случай — при печати нового молитвенника консистория потребовала заменить ряд слов: *vreme* — *timp* «время», *ceas* — *oră* «час», *rob* — *serv* «раб», *vrăjmaș* — *inamical* «враг», *protivnic* — *contrar* «противник», *cinste* — *onoare* «честь» и т. д.¹⁰

В 1931 г. та же газета наоборот признает, что «все поздние образцы служебных книг были напечатаны в разгар кризиса румынского языка, вызванного латинизаторским течением», и встает на защиту таких ярких церковнославянизмов, как *milă* ‘милость’, *nadejde* ‘надежда’, *pomenire* ‘поминовение’, *slujbă* ‘служба’, *proroc* ‘пророк’, *utrenie* ‘утреня’ и пр. — «которые до сих пор в ходу и используются в живом литературном языке». Оправдан отсев только тех славянизмов, которые «неуместны либо уже вышли из церковного языка», как то: *vrăjmăşie* ‘вражда’, *duhovnicească* ‘духовная’, *osârdie* ‘усердие’, *pravoslavnic* ‘православный’, *blagoslovenie* ‘благословение’¹¹.

Подобная циркуляция славянизмов при переиздании служебных книг продолжается по настоящее время. Можно констатировать, что в полном объеме латинизмы прижились исключительно в лексиконе РумГКЦ¹².

Нередко дублиеты фигурируют в текстах как синонимические пары. В этом случае следует обратить внимание на тавтологические конструкции, представляющие собой либо точное воспроизведение оригинала, либо средство суперлативизации, к которому прибегали переводчики от скудости ЦРЯ¹³. В примерах ниже используются дублетные пары **славянизм** — **латинизм**:

- *păcate* și **greșeli** (грехи и прегрешения / великое множество грехов);
- **ciudese** și *minuni* (великие чудеса / множество чудес);
- **praznicelor praznic** și *sărbătoare* (величайший праздник (Пасха));
- *și acum* și **pururea** și **în vecii vecilor** (и ныне, и присно, и во веки веков).

Несмотря на тенденцию к упрощению, подобные конструкции встречаются до сих пор как в религиозной публицистике, так и в литургических текстах.

Семантическое наполнение дублетных форм вариативно. Множество лексем латинского и славянского происхождения совпадают по семантике полностью: *a* (*se*) *pricestui* /

a (se) cumineca ‘причастить(ся)’, *odăjdii / veșminte* ‘одежды’, *Preobrajerie / Transfigurare* ‘Преображение’, *Leastăița / Scara Paradisului* ‘Лествица (Райская)’ (название книги).

Имеются случаи семантического искажения, как в следующей паре:

<i>rocăință</i>	<i>penitență</i>
1. Покаяние, сожаление о содеянном.	1. Епитимья, наказание, налагаемое после исповеди.
	2. Покаяние.
От др.-греч. <i>μετάνοια</i> ‘изменение мыслей’.	От лат. <i>penitentia</i> , к др.-греч. <i>ποινή</i> ‘наказание, кара, мука’.

В некоторых случаях вымещение славянизма дублетом наоборот приводит к прояснению семантики лексемы:

ЦСЯ: <i>дыхание</i>	Усвоено в РЯ как: <i>dihanie</i>	Замещено в ЦРЯ: <i>suflare</i>
1. Дыхание.	1. Дикий зверь.	1. Дыхание.
2. Живое существо.	2. Чудовище.	2. Живое существо.
	3. Живое существо.	
<i>Всякое дыхание да хвалитъ Господа (Пс.150:6)</i>	<i>Toată dihania și toate făpturile tine slăvescu!</i> (Все живое и все создания славят тебя!)	<i>Toată suflarea să laude pe Domnul!</i> (Всякое дыхание да хвалит Господа!)

Определенное число церковнославянизмов остается в ЦРЯ ввиду богатой полисемии, как видно на примере лексемы *slavă*, к которой невозможно подобрать полноценный дублет.

Значения лексемы <i>slavǎ</i>	Латинизмы-дублиеты
1. Почетная известность, молва.	1. <i>Glorie</i> .
2. Хвала.	2. <i>Laudă</i> .
3. Величие Бога, Его присутствие.	3. <i>Grandoare, splendoare</i> .
Приобретенный компонент в РЯ: 4. Небесная высь.	4. –

Что характерно, дериват от данной лексемы, а *slăvi* ‘славить, хвалить’, используется наряду с латинизмом а *lăuda*:

Lăudați pe Domnul toate neamurile; lăudați-L pe El toate popoarele... (Хвалите Господа, все языцы, похвалите Его, все людие... (Пс.116:1)

Slăviți pe Domnul împreună cu mine... (Возвеличите Господа со мною... (Пс.33:4)

Наш краткий обзор позволяет сделать следующие выводы. Социально-религиозные перемены XVI–XVII вв. вкуче с геополитической ситуацией привели к тому, что в Трансильвании и Дунайских княжествах ЦСЯ лишился статуса сакрального языка. С утратой понимания ЦСЯ духовенство взялось за разработку нового литургического языка, ЦРЯ, при формировании которого постепенно происходил отказ от архаичных церковнославянизмов. Ввиду переориентации Дунайских княжеств на запад в ЦРЯ проникла масса латинизмов. Однако по причине того, что богослужebные книги постоянно переиздавались в новых редакциях, четкий водораздел в лексике провести невозможно. Чаше всего славянские и латинские дублиеты используются в текстах как синонимические пары. При сопоставлении лексем выявляются расхождения в семантике различной степени. Полисемия церковнославянизмов представляет собой отдельную проблему: в некоторых случаях она либо не поддается корректной передаче, либо же семантико-коннотативные особенности лексемы стираются и искажаются в РЯ.

Примечания

- ¹ URL: <https://azbyka.ru/biblia/> (дата обращения: 28.03.2025).
- ² Dicționarul explicativ al limbii române (DEX '98), ed. II. București, 1998.
- ³ Полный церковнославянский словарь / Сост. свящ. Г. Дьяченко. М., 2004.
- ⁴ *Островская (Горносуль) Ю.В.* Церковнославянизмы в румынском языке // Славянский мир: общность и многообразие. Материалы конференции молодых ученых в рамках Дней славянской письменности и культуры. 21–22 мая 2024 г. / Отв. ред. Е.С. Узенёва, О.В. Хаванова. М.: Институт славяноведения РАН, 2024. С. 173–174.
- ⁵ *Streza C.* Cult și Reformă liturgică în Biserica Ortodoxă a Transilvaniei în secolul al XVII-lea // Revista Teologică, 2016. N 98(4). P. 83.
- ⁶ Ibid. P. 83.
- ⁷ *Hristea Th.* Conceptul de “relatinizare” (cu specială referire la limba română) // SCL. LIX. 2008. N 1. P. 169.
- ⁸ Antim Ivireanul. Liturghierul, Târgoviște, 1713 (ediție îngrijită, studio introductiv și note de Ana Bobu). Roman, 2013. P. 33.
- ⁹ *Camil A.* Aspecte ale evoluției termenilor vechi prezenți în Liturghier. Tradiție vs. inovație // RSS. 2012. N II. P. 18.
- ¹⁰ *Albinus A.* Limba liturgică. O hotărîre care poate fi un nou obstacol în calea unirii bisericilor // Unirea. 1927. N 14. P. 1. URL: https://dspace.bcuccluj.ro/bitstream/123456789/37520/1/BCUCLUJ_FP_PIV1902_1927_037_0014.pdf (дата обращения: 25.03.2025).
- ¹¹ *Macaveiu V.* Prefața la noul Liturghierul // Unirea. 1931. N 25. P. 4. URL: https://dspace.bcuccluj.ro/bitstream/123456789/37738/1/BCUCLUJ_FP_P2628_1931_041_0025.pdf (дата обращения: 25.03.2025).
- ¹² *Teleoacă D.-L.* Limbajul bisericesc actual între tradiție și modernitate. Literatura didactică și literatura beletristică. București, 2017. P. 133.
- ¹³ *Seche L.* Juxtapunerea sinonimică în limba română // Cercetări de lingvistică. 1967. N 1. P. 107.

СЛАВЯНСКАЯ ЭТНОЛИНГВИСТИКА И ФОЛЬКЛОР

DOI: 10.31168/2619-0869.2025.44

Русские народные лирические песни села Красный Яр: эмоциональный космос традиционной культуры*

Александр Степанович Кобыскан

Институт стратегических исследований
Академии наук Республики Башкортостан,
Уфа, Российская Федерация;
e-mail: sgtpepper1989@yandex.ru
ORCID: 0000-0001-6454-2659

Ключевые слова: фатальность, гендерные стереотипы, анимизм, фольклорная архаика, экзистенциальный протест, социальная критика, природная символика

Russian Folk Songs of Krasny Yar Village: The Emotional Universe of Traditional Culture

Aleksandr S. Kobyskan

Institute for Strategic Studies,
Academy of Sciences of the Republic of Bashkortostan,
Ufa, Russian Federation;
e-mail: sgtpepper1989@yandex.ru
ORCID: 0000-0001-6454-2659

Keywords: fatality, gender stereotypes, animism, folkloric archaism, existential protest, social criticism, natural symbolism

* Публикация подготовлена в рамках госзадания ИСИ ГБНУ АН РБ в 2025 г.

Красный Яр — старинное русское село, расположенное под Уфой, основанное в 1618 г., известное своей богатой историей, культурными традициями и живописным расположением на берегу реки Белой. Здесь сохранились памятники архитектуры, действует Русский историко-культурный центр, проводятся фольклорные праздники, а также бережно хранятся традиции первых поселенцев. Песни, записанные в этом селе, представляют собой уникальный культурный код, в котором переплетаются архаичные обрядовые напевы, исторические баллады и бытовые шуточные композиции. Эти тексты, передаваемые из поколения в поколение, не только отражают повседневную жизнь крестьянской общины, но и служат эмоциональным зеркалом, фиксирующим универсальные человеческие переживания — от экзистенциальной тоски до ироничного принятия жизненных противоречий.

Различные аспекты изучения эмоционального содержания народных песен уже были объектами научного интереса. В частности, исследование Е.В. Брысиной¹ раскрывает языковые механизмы передачи эмоций в русской лирической песне, акцентируя роль имплицитных средств (образность, контекстуальные синонимы, повторы) и связь эмотивности с социально-бытовыми темами. Эти выводы актуальны и для анализа песен Красного Яра, где эмоции часто кодируются через природные символы и обрядовые сюжеты. Н.Б. Граматчикова² в работе о фронтальной этнографии демонстрирует, как эмоциональные состояния (страх, эмпатия, культурный шок) влияют на восприятие традиций, что помогает понять методику изучения песенного фольклора села через включенное наблюдение и взаимодействие с носителями. Е.А. Карапетян³ исследует концептуальную картину мира в народной песне, выделяя базовые ментальные образы (любовь, тоска, труд), что соотносится с эмоциональным космосом песен Красного Яра, где лирика отражает архетипические ценности и коллективный опыт русских старожилков. Данные работы стали основой для изучения эмоциональной глубины и культурной уникальности народных песен.

Материалом исследования стали 16 русских народных песен, собранных по итогам фольклорных экспедиций Народного русского фольклорного ансамбля «Таусень» Башкирского государственного университета и Аксаковского фонда в с. Красный Яр Уфимского района Башкортостана⁴. Анализ этих текстов позволил выявить ключевые эмоциональные модусы и проследить их взаимосвязь с социальными и культурными контекстами крестьянской общины.

В ходе изучения текстов было выявлено, что наиболее ярко в песнях Красного Яра представлены трагические мотивы. Они часто связаны с фатальностью судьбы и нарушением табу. В балладе «Ехали казаки» убийство неверной жены — *Слетела головка с неверной жены*⁵ — представлено как акт родовой справедливости, но одновременно обнажает безысходность, где социальные нормы превалируют над индивидуальной волей. Гибель героини не разрешает конфликт, а подчеркивает циклическую природу трагедии, выраженную в покаянном восклицании: *Ой, Боже мой, Боже, чево я натворил! Молодую жонку навек я погубил*. Эта фатальная предопределенность созвучна архетипу «судьбы-доли», характерному для русского фольклора, где выбор ограничен рамками традиции.

Схожий мотив звучит в песне «Ой, в Таганроге случилась беда», где гибель молодого казака и горе вдовы приобретают коллективное измерение: *Прилетели два лесные сокола [...] крыльшками [...] всё вдовушку да будили*⁶. Природные образы (соколы, река) здесь становятся посредниками между миром живых и мертвых, усиливая траурную атмосферу.

Экзистенциальный протест против патриархальной системы проявляется и в песне «Разбушевдалася погода», где самоубийство матери, утопившей ребенка, метафорически связывается со стихией воды — символом одновременно смерти и очищения: *Ребёнка в море утопила, сама заплакала, пошла // Теперь кругом осиротела, кругом осталась одна*⁷. Вода, символизирующая одновременно очищение и забвение, отражает амбивалентность народного восприятия

смерти — не как конца, а как перехода в иное состояние, возвращение к природным истокам.

Однако трагическое начало в песнях Красного Яра не существует в вакууме — ему противостоит комическое, служащее инструментом деконструкции социальных норм, смягчая трагизм через гиперболу и иронию. В шуточной песне «Мой мужик работающий был» абсурдность патриархальных ожиданий раскрывается в гротескных действиях героини, компенсирующей забывчивость мужа: *Взяла мешки да за нём в прыжки, // Ох, я за нём, я за нём, я за нём в прыжки*⁸. Повтор глагола «за нём» не только создает комический эффект, но и развенчивает миф о мужской доминанте, акцентируя женскую изобретательность. Подобная ирония звучит и в «Плёточке шелковой», где бытовое насилие описывается через эвфемизмы, превращающие трагедию в анекдот: *Плётычка шелкова на стене висела, // Всю ночь просвистела да на моё-то тело*⁹. Юмор здесь становится формой сопротивления, позволяющей переосмыслить тяготы повседневности. Сатирический взгляд на семейные отношения звучит также в песне «На зоре, зоре», где диалог свекра и невестки строится на контрасте между патриархальным диктатом и женским сопротивлением: *Свёкор по сенечкам похаживает, // Тростью по вёдрам постукивает: // «Встань-ка, невестка, сходи-ка за водой!», «Я-то не встану, вёдра велики, вода тяжола!»*¹⁰. Гротескное описание «тяжести» воды и «крутизны» берегов становится метафорой непосильного бремени, возложенного на женщину. Ирония здесь — не просто способ посмеяться над бытом, а форма скрытого протеста.

Если трагедия и ирония отражают борьбу с социальными условностями, то мотивы ностальгии и тоски в песнях Красного Яра раскрывают универсальность переживаний, вписанных в локальный контекст. В частности, они обращены к метафизике утраты, выраженной через природную символику. В «Калине-малине» разлука с родным домом передается через диалог матери и дочери, где природа выступает зеркалом эмоций: *Не моя ли доченька горьки слёзы льёт, // На чужой сторонушки без родных да живёт!*

[...] *Вы ту пору мамынька ночку не спала, // Ходила по горенке, деток будила: // «Слушать соловья, да чтой-то за соловушка жалобно поёт»*¹¹. Соловей и береза, упомянутые в тексте, становятся свидетелями страдания, посредниками между внутренним миром героини и внешней реальностью, подчеркивая дисгармонию утраты. Аналогично в «Молодке» одиночество женщины метафорически связывается с пейзажем: *Да не с кем мне, молодке, ночку ночевать, // Да ночку ночевать, тёмну коротать*¹². Рефрены («ой ли, ой люли») и уменьшительно-ласкательные формы («молодешенька») усиливают эффект безысходности, отсылая к архаичным формам плача, где голос сливается с ритмами природы.

Эмоциональная палитра песен Красного Яра не ограничивается смехом, трагедией и тоской — в ней присутствуют и яркие краски любовной лирики. В «Ой ты, Дуня» отношения героини с Иваном сочетают романтику и фатальную страсть: *Ночуй, Дуня, у меня — подарю серёжки да серебряные! // Ох, серебряные, со подвесочками!*¹³ Уменьшительные суффиксы в словах «Дунюшка», «серёжки» подчёркивают нежность, но финальный образ — *И ложилась Дуня спать да на Иванову кровать* — намекает на социальную расплату за нарушение норм. Даже в любви героини Красного Яра остаются заложницами патриархальных правил.

Подводя итог проведенному анализу, отметим, что эмоциональная палитра песен с. Красный Яр демонстрирует синтез индивидуального и коллективного, где трагедия, ирония и ностальгия переплетаются, создавая многомерный культурный ландшафт. Социальная критика соседствует с экзистенциальной рефлексией, а смех — со слезами, отражая сложность крестьянского мировосприятия. Эти тексты, сохраняя локальную идентичность, вписываются в общечеловеческий контекст, напоминая о том, что радость и горе, любовь и утрата универсальны вне времени и пространства. Анализ их эмоциональной палитры открывает путь к пониманию не только традиционной крестьянской культуры, но и глубинных пластов человеческой психики, где смех и слезы — две стороны одной медали.

Примечания

- ¹ *Брысина Е.В.* Языковые ресурсы эмотивности в русской лирической песне // *Грани познания*. 2015. № 9 (43). С. 81–85.
- ² *Грамотчикова Н.Б.* Между дремой и дикостью: эмоции и эмпатия в этнографии XIX — начала XX вв // *Журнал фронтирных исследований*. 2021. Т. 6. № 1 (21). С. 69–92.
- ³ *Карапетян Е.А.* Ментальные образы и картина мира в русской народной песне // *Гуманитарные и социально-экономические науки*. 2013. № 6 (73). С. 46–50.
- ⁴ В Красном Яре были мы. Русские народные песни села Красный Яр Уфимского района Республики Башкортостан / Сборник фольклорного искусства. Материалы фольклорных экспедиций Народного русского фольклорного ансамбля «Таусень» Башкирского государственного университета и Аксаковского фонда в с. Красный Яр Уфимского района РБ / Составители: Е.В. Евдокимова, Т.В. Кругляк, А.А. Мухутдинова, И.В. Чванова. Нотные расшифровки М.С. Середониной. Ответственный редактор: Е.В. Евдокимова. Уфа, 2021.
- ⁵ Там же. С. 25.
- ⁶ Там же. С. 29.
- ⁷ Там же. С. 38.
- ⁸ Там же. С. 32.
- ⁹ Там же. С. 31.
- ¹⁰ Там же. С. 30.
- ¹¹ Там же. С. 27.
- ¹² Там же. С. 35.
- ¹³ Там же. С. 34.

DOI: 10.31168/2619-0869.2025.45

Нечистый дух или Морфей? Персонаж «кикимора» в русских мифологических словарях второй половины XVIII – первой четверти XIX в.*

Юлия Анатольевна Долгих

Санкт-Петербургский государственный университет;
Библиотека Российской академии наук (БАН),
Санкт-Петербург, Российская Федерация;
e-mail: ju-d@mail.ru
ORCID: 0000-0003-1826-7435

Ключевые слова: кикимора, мифологический персонаж, славянское баснословие, литературный фольклоризм, демонология, античность

Demon Spirit or Morpheus? The Character “Kikimora” in Russian Mythological Lexicons of the Second Half of the 18th – First Quarter of the 19th Century

Julia A. Dolgikh

St. Petersburg State University;
Library of the Russian Academy of Sciences,
St. Petersburg, Russian Federation;
e-mail: ju-d@mail.ru
ORCID: 0000-0003-1826-7435

Keywords: kikimora, mythological character, Slavic fable, literary folklorism, demonology, antiquity

* Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект №24-28-00856, <https://rscf.ru/project/24-28-00856>).

«Кикимору обычно представляют в виде маленькой, безобразной, скрюченной старушки, смешной, уродливой, неряшливой, одетой в рвань, лохмотья»¹ — такое описание вполне соответствует представлению современного читателя об этом персонаже. Близко оно и тому образу, который изображен в древнерусской «Повести душеполезной старца Никодима Соловецкого монастыря о некоем иноке» (сер. XVII в.): в ней кикимора представлена простоволосой женщиной без пояса². В литературе второй половины XVIII в. кикимора — «божество сна и ночи»³, а ближе к середине XIX в. критик⁴ «Библиотеки для чтения» пишет, что «кикимора — злой человек, много нагрешивший в жизни, которого “земля не принимает” [...] и во время ночи, до петухов, принимая образ человека, таскается по свету и сосет человеческую кровь, [...] Кикимора у нас совершенно то же, что у малороссиян и сербов упырь»⁵. Таким образом, как отмечала М.Н. Власова, кикимора остается одним из самых разноплановых, часто отождествляемых с другими домашними и лесными духами демоном⁶. В русской литературе образ этого персонажа оказывается еще более неопределенным: достаточно вспомнить кикимору в одноименной повести О.М. Сомова (1829), в «Ижорском» В.К. Кюхельбекера (1835) и в «Светославиче вражьем питомце» А.Ф. Вельтмана (1835).

Противоречие литературно-художественного представления о кикиморе и ее образа в народных суевериях ярче всего проявилось в текстах словарей славянской мифологии (баснословия) второй половины XVIII — первой четверти XIX в. Известно, что влияние античной мифологии в этот период отразилось и на литературной репрезентации русских суеверий: персонажи народных верований описывались через сравнение с их античными аналогами (лешие — сатиры, русалки — нимфы, полканы — кентавры и т.п.). Такая схема описаний была типичной для этого времени⁷: она использовалась русскими и зарубежными историками в трудах о славянском язычестве и составителями словарей славянского баснословия (М.Д. Чулковым, М.И. Поповым, А.С. Кайсаровым, Г.А. Глинкой, С.И. Ушаковым). В многократно повто-

ряющихся шаблонах словарных статей кикимора описывалась как божество сонных мечтаний, славянский Морфей.

Хронологически первым словарем славянского баснословия, в котором появляется кикимора, можно считать «Описание древняго славенскаго языческаго баснословия, собраннаго из разных писателей...» М.И. Попова (1768)⁸. Автор дает ей следующее определение: «ночное славенское божество, качество его во всем уподоблялося Морфееву, котораго древние почитали богом сонных мечтаний»⁹. Схожее определение появляется в вышедшем годом позднее «Весьма кратком известии о мифологии»¹⁰ (1769) М.Д. Чулкова, где кикимора описана как «бог сонных мечтаний и мститель за удержание мзды наемничей»¹¹, что почти детально соответствует описанию словаря Н.Г. Курганова, вышедшего в том же 1769 г.¹². Схожее с определением Попова описание кикиморы появляется у А.С. Кайсарова в «Славянской мифологии» (первое издание — в 1807 г.): «Кикимора между баснословными божествами России занимал ту же почти степень, какую Морфей у греков»¹³. Кайсаров, в своей работе претендующий на исследовательский подход к материалу, критикует Попова за то, что он не упоминает источники. Тем не менее, книга, в которой, по мнению Кайсарова, «довольно — пусто»¹⁴, сыграла важную роль в дальнейшей литературной репрезентации образа кикиморы. Н.-Г. Леклерк, автор «Истории естественной, нравственной, гражданской и политической древней России»¹⁵, по словам Кайсарова, списал книгу Попова «от слова до слова»¹⁶. В описании французского историка кикимора — ночное божество, мать снов и иллюзий, которая посылает своих детей-призраков на землю, чтобы пугать смертных¹⁷. Похожее определение дает М. Гатри в *Dissertations sur les antiquites de Russie* (1795), где кикимора — это то же, что Морфей у русских, бог ночи и сновидений¹⁸. Примечательно, что Гатри, как и Леклерк, взял это описание у Попова, чье «Описание древняго славенскаго языческаго баснословия...» после публикации в 1768 г. вышло также в 1789 г. на французском языке, *Description abrégée de la mythologie slavone*¹⁹. В 1772 г. появилось его переиздание,

«Краткое описание древняго славенскаго языческаго баснословия...», которое было опубликовано в 1792 г. на французском языке (*Petite mythologie slavonne*) и в 1793 г. — на немецком языке (*Kleine slavonische Mythologie*). Благодаря переводам сочинение Попова оказалось в круге чтения среднего и высшего дворянства; о том, что оно стало источником сведений о славянской мифологии для Гатри, писали П.Н. Берков²⁰ и М.М. Шахнович²¹.

Таким образом, через книгу Попова происходит своеобразное «закрепление» в русской и иностранной литературе описания кикиморы как Морфея. Мы можем лишь предполагать, что театральная деятельность сочинителя словаря славянского баснословия²² могла внести определенные ассоциации в литературную репрезентацию образа кикиморы²³.

В то же время, литературный сотрудник Попова, Чулков, в своем «Словаре русских суеверий»²⁴ (1782) вносит в описание «славянского Морфея» элементы народной демонологии. Чулков дает развернутое определение, которое разделяет кикимор на тех, которые кроме шума в доме «никакого зла не делают» (такими духами становятся унесенные чертями младенцы), и кикимор, которых подселяют в дом плотники, которым не заплатили за работу (эти духи, по Чулкову, более враждебны к хозяевам). Любопытно, что в одной и той же словарной статье этот персонаж определен, с одной стороны, как «дьявол», а с другой — как славянское божество²⁵. По логике Чулкова, древние славяне считали кикимору божеством, а современники (то есть живущие в XVIII в.) — нечистым духом. Этому вторит замечание Кайсарова о том, что представление о кикиморе как о ребенке, похищенном дьяволом, «происходит из новейших времен»²⁶. Именно такое описание приводит И.Н. Болтин, автор полемических «Примечаний на историю [...] Леклерка» (1788): «кикимора есть младенец из чрева матерья чертями украденной, по причине проклятия онаго матерю его»²⁷.

Словарь Г.А. Глинки «Древняя религия славян» (1804) аккумулирует и народное суеверие о кикиморе как домашнем духе, и традиционное описание его как «бога сна и ноч-

ных привидений»²⁸. Автор, по собственному признанию, опирается на словарь Попова; однако кроме «Описания древнего славенского баснословия...» в качестве источников он привлекает художественные произведения («Владимириаду» М.М. Хераскова, «Петриаду» М.В. Ломоносова), в которых, по мнению критикующего Глинку Я.А. Галинковского, «славянская мифология описана со всею пышностью воображения: там это и кстати. Но в отрывке историческом не позволено размножать басней»²⁹.

Поэтизированный подход дерптского профессора проявился и в описании кикимор. Неожиданно он определяет их как «служителей и послов Ниевых», вышедших из преисподней. Во «Владимириаде» Хераскова адский бог Ний представлен как «насылатель ночных ужасных привидений»³⁰, а значит, по логике Глинки, — кикимор, которые в его системе оказались среди преисподних богов.

К разделу «злых богов», разделяющих функции Чернобога³¹, относит кикимору С.И. Ушаков в «Начертании славянской мифологии» (1815). В его описании слились традиционное представление о славянском Морфее и народное поверье: «он (то есть кикимора. — Ю. Д.) иногда прядет или метет комнату, когда и то и другое дело находится в беспорядке»³². Однако далее он ведет происхождение кикиморы не от адского бога, а от покровительницы влюбленных, богини Ладо: «Ладо произвела его, дабы в делах своих показать более скромности. Кикимора берет на себя все ночные, тихие происшествия, и никто не остается в подозрении»³³. Связь кикиморы с любовной интригой как художественная реминисценция могла возникнуть благодаря сюжету П. Кальдерона «Дама — невидимка», получившего многочисленные переложения в русской театральной культуре³⁴, в том числе в комедии дель арте «Смералдина кикимора» (1733)³⁵. В отличие от Глинки, Ушаков не указывает свои источники, однако распространенность сюжета позволяет предполагать закрепление связи определенных художественных ассоциаций с ночным шумящим духом, который ведет свое происхождение из преисподней³⁶.

Таким образом, в мифологических словарях второй половины XVIII — первой четверти XIX в. кикимора повсеместно определяется как славянское божество сна и ночи. Представление о кикиморе как нечистом младенце и шумящем духе выглядит в глазах писателей этого периода современным им суеверием, в отличие от верований древних славян. Можно предположить, что устойчивая ассоциация кикиморы с Морфеем утвердилась благодаря мифологическому словарю Попова. Однако постепенно в литературную традицию все больше проникают элементы фольклорной демонологии, и на протяжении XIX в. можно проследить, как менялся образ кикиморы: из бога ночных мечтаний она постепенно превращалась в образ старушки, близкой к тому сказочному образу, что изображен на рисунке И.Я. Билибина.

Примечания

- ¹ Левкиевская Е.Е. Мифы русского народа. М., 2000. С. 260.
- ² Пигин А.В. Кикимора в изображении русского книжника XVII в. // Живая старина. 2003. № 1. С. 13–14.
- ³ Попов М.И. Старинные диковинки или приключения славенских князей. Изд. 2-е. СПб., 1778. С. 23.
- ⁴ Возможно, автор О.И. Сенковский. См.: *Белинский В.Г.* Собр. соч.: в 9 т. М., 1976. Т. 1. С. 690.
- ⁵ Библиотека для чтения. 1835. № 10. С. 6 (6-я паг.).
- ⁶ Мифологические рассказы русских крестьян XIX–XX вв. / Сост. М.Н. Власова. 2-е изд. СПб., 2015. С. 754.
- ⁷ *Виноградова Л.Н.* Народная демонология и мифо-ритуальная традиция славян. М., 2000. С. 3.
- ⁸ *Попов М.И.* Описание древняго славенскаго языческаго баснословия, собраннаго из разных писателей, и снабденнаго примечаниями. СПб., 1768.
- ⁹ Там же. С. 16.
- ¹⁰ *Чулков М.Д.* Весьма краткое известие о мифологии, или о именах богов, богинь, полубогов и героев, с некоторым присовокуплением иконологии, служащее в пользу тем людям, которые не знают других языков. // И то и сьо. Сентябрь, тридцатьседмая неделя. [СПб., 1769].
- ¹¹ Там же. С. 7.
- ¹² «сл[авянский] бог сонных мечтаний, мститель за мздоудержку». См.: *Курганов Н.Г.* Российская универсальная грамматика, или Всеобщее писмословие, предлагающее легчайший способ основательнаго учения рускому языку: с седмью присовокуплениями разных учебных и полезнозабавных вещей. [СПб.], 1769. С. 418.

- ¹³ *Кайсаров А.С.* Славянская мифология / Сочинение г. Кайсарова. М., 1810. С. 97.
- ¹⁴ Там же. С. 44.
- ¹⁵ *Le Clerc N.G.* Histoire physique, morale, civile et politique de la Russie ancienne / Par m. Le Clerc. Paris, 1783. Т.1.
- ¹⁶ *Кайсаров А.С.* Славянская мифология... С. 44–45.
- ¹⁷ «Cette Divinité nocturne étoit la mère des songes et des illusions: les fantômes, qui étoient ses enfans, venoient sur la terre pour épouvanter les mortels. Kikimora étoit représentée sous la forme d'un spectre horrible: cette forme n'étoit pas propre à inspirer des songes de couleur de rose à ses adorateurs, et surtout à ses adoratrices». *Le Clerc N.G.* Histoire physique... P. 203.
- ¹⁸ «Kikimora, ou Morphée. C'étoit, chez les Russes, le dieu de la nuit et des songes, et le Morphée des anciens». *Guthrie M.* Dissertations sur les antiquites de Russie. St. Petersburg, 1795. P. 54.
- ¹⁹ *Popoff M.* Description abrégée de la mythologie slavone. Ouvrage tiré de plusieurs auteurs et arrangé selon l'ordre alphabétique / Composé par Michel Popoff, traduit du russe. À l'usage du Corps Impérial des Nobles Cadets. St. Petersburg, 1789.
- ²⁰ *Берков П.Н.* Литературные энциклопедии на русском языке (XVIII–XX вв.). (Библиографический обзор) // Вопросы энциклопедистики. 2021. №1 (5). С. 19.
- ²¹ *Шахнович М.М.* Очерки по истории религиоведения. СПб., 2006. С. 53.
- ²² М.И. Попов был актером Придворного театра в Петербурге и переводчиком пьес.
- ²³ На эту мысль автора статьи навело исследование К.Н. Мешковой, увидевшей сходство кикиморы О.М. Сомова с шекспировским Паком, который представляет собой невидимого духа-трикстера. *Мешкова К.Н.* Шекспировская поэтика мифа в повести О.М. Сомова «Кикимора» // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2021. Т. 14. Вып. 7. С. 1979–1983. В то же время, одна из функций Пака в шекспировском «Сне в летнюю ночь» — погружать в наваждение уснувших героев.
- ²⁴ *Чулков М.Д.* Словарь русских суеверий. СПб., 1782.
- ²⁵ Там же. С. 180–181.
- ²⁶ *Кайсаров А.С.* Славянская мифология... С. 98.
- ²⁷ *Болтин И.Н.* Примечания на историю древняя и нынешняя России г. Леклерка, сочиненные генерал-майором Иваном Болтиным. Т. 1–2. [СПб.], 1788. С. 113.
- ²⁸ *Глинка Г.А.* Древняя религия славян. Митава, 1804. С. 117.
- ²⁹ [Галинковский Я.А.]. Северный Вестник. 1805. Ч. 8. № 10. С. 18.
- ³⁰ *Глинка Г.А.* Древняя религия славян... С. 114.
- ³¹ [Ушаков С.И.] Начертание славянской мифологии // Начертание мифологии в пользу юношества обоего пола, соч. аббатом Лионне, почетным членом Нанской коллегии / Вновь переведено С. Ушаковым, с приобщением Славянской мифологии и 222 картин. В 4 частях. СПб., 1815. Ч. 4. С. 7.
- ³² Там же. С. 51.
- ³³ Там же.
- ³⁴ *Христенко И.С.* «Дама-невидимка» Кальдерона и другие «домовые духи» в России XVIII века // XVIII век. 2004. Сб. 23. С. 273–292.

- ³⁵ Смералдина кикимора. Комедия италианская / [Пер. В.К. Третьяковской]. СПб., 1733. Любопытно, что «кикиморой» героиня названа именно в русском варианте: в немецком и итальянском это «блуждающий дух», «чертенок» («ein umherschweifender Geist», «spirito felleto»). О восхождении сюжета этой комедии к Кальдерону см.: *Феррацци М.* Комедия дель арте и ее исполнители при дворе Анны Иоанновны: 1731–1738 / Пер. с ит. А.О. Демина. М., 2008. С.111–112.
- ³⁶ Мнимоумершей Смералдине покровительствует адский бог Плутон, который дает ей власть становиться невидимой и принимать образы других персонажей.

DOI: 10.31168/2619-0869.2025.46

Цветовая палитра сравнений: уникальные образы балканских языков

Александра Игоревна Чиварзина

Институт славяноведения РАН,
Москва, Российская Федерация;
e-mail: a.chivarzina@inslav.ru
ORCID: 0000-0002-0365-3723

Ключевые слова: термины цвета, компаративные конструкции, балканские языки, статистический анализ, балканославянские языки

A Comparative Color Palette: Unique Metaphors in Balkan Languages

Alexandra I. Chivarzina

Institute of Slavic Studies RAS,
Moscow, Russian Federation;
e-mail: a.chivarzina@inslav.ru
ORCID: 0000-0002-0365-3723

Keywords: color terms, comparative constructions, Balkan languages, statistical analysis, Balkan-Slavic languages

Сравнение, будучи одним из ключевых методов познания действительности, помогает классифицировать, упорядочивать и оценивать явления¹, структурирует знания о мире и позволяет ориентироваться в его многообразии. Считается, что представления о цвете глубоко связаны с фундаментальными элементами человеческого опыта, например, с такими как день и ночь, солнце и огонь, небо и земля². Эти элементы часто становятся основой для устойчивых сравнений, наиболее распространенных в языке.

Создание сопоставительного словаря компаративных оборотов балканских языков, включая болгарский, македонский, сербский, албанский и румынский, позволило найти не только известные, но и выявить неожиданные устойчивые сравнения, характерные для языков этого региона. Словарь стал частью более широкого исследования автора, посвященного компаративным конструкциям в балканских языках, и раскрыл богатство лексических средств, используемых в сравнении³. Объем картотеки составил около 3000 примеров сравнений (примерно 500–700 по каждому языку), извлеченных методом сплошной выборки из одноязычных толковых и фразеологических словарей, публицистических и художественных текстов, из открытых интернет-источников, использовалась также поисковая система *Google.com*. Источниками материала были национальные корпуса: Албанский национальный корпус, Корпус современного румынского языка *CoRoLa*, Болгарский национальный корпус, Сербский национальный корпус, Корпус македонского языка на ресурсе *Дигитален Речник*⁴. К анализу привлекался и собственный полевой материал, собранный в этнолингвистических экспедициях в Северную Македонию в 2018 (район Куманова), 2020 (район Дебара), 2022 (район Битолы) гг. Примеры в дальнейшем были сгруппированы и классифицированы по темам, затем проведен количественный анализ по каждому языку. Таблицы включали частоту упоминаний для каждой ассоциации по пяти языковым корпусам. Такой подход позволил выявить как универсальные, так и уникальные объекты сравнения, то есть ассоциативные

элементы в разных языках. Анализу этих уникальных, но устойчивых балканских сравнительных оборотов посвящена настоящая статья.

1. **Белый цвет**⁵ ассоциируется с светом и чистотой (физической и духовной). Частотными объектами сравнения выступают: «бумага», «снег», «молоко», «известь». Современные ассоциации включают медицинскую лексику («больница», «санитарь», «халат», «доктор»). В румынском языке преобладают сравнения с известью: *alb ca varul* 'как известь, как побелка' (27% по сравнению с 22% — *ca laptele* 'как молоко' и 15% — *ca zăpada, ca neaia* 'как снег'). Характерной чертой балканских языков являются сравнения с продуктами питания, в частности с брынзой: мак. *бел како сирење*, рум. *alb ca brânza* 'как брынза'.

2. **Черный цвет** обладает богатой символикой, ассоциируясь как со смертью, трауром, тьмой, так и с красотой, глубиной, насыщенностью. Ожидаемые и устойчивые сравнения: «тьма», «ночь», «смерть», «ад». Часто встречаются сравнения с предметами быта: «котел», «сковорода»: мак. *црн како котле* 'черный, как котел', мак. *црн како тиган* 'черный, как сковорода'. Заметной частотой пользуется сравнение «как чернила»: рум. *negri ca cerneală*, болг. *черен като мастило* 'черный, как чернила'. Наблюдается наличие как негативных, так и нейтральных/позитивных коннотаций (например, мак. *црн како гајтан* 'черный, как пояс', мак. *црни како маслинки* 'черные, как маслинки', мак. *црно како вино* 'черное, как вино', алб. *i zi si kafeja* 'черный, как кофе', алб. *i zi si fiku* 'черный, как инжир').

3. **Красный цвет** ассоциируется с жизнью и смертью, страстью и опасностью, силой и эмоциональной интенсивностью. Универсальными объектами сравнения выступают «кровь» и «огонь» (так, например, для албанского корпуса характерно 10% ассоциаций с кровью, и 15% — с огнем, пламенем). Наблюдается широкое использование сравнений с продуктами питания (овощи, фрукты, ягоды: помидор, свекла, яблоко, клубника и вишня). Выявлен устойчивый, но не зафиксированный в словарях сравнительный оборот

«красный, как кирпич», и «красный, как черепица» представленный во всех рассматриваемых языках: болг. *червен като тухла*, мак. *црвен како цигла*, серб. *црвен као опека*, рум. *roși ca cărămida* ‘красный, как кирпич’. Красный цвет также ассоциируется с эмоциями (любовь, сердце, страсть, гнев) и символикой (коммунизм, флаги, революция, патриотизм); для албанского языка особенно частотны сравнения с флагом: алб. *i kuq si flamuri* ‘красный, как флаг’.

4. **Зеленый цвет** обладает амбивалентной символикой: с одной стороны, он ассоциируется с природой, растительностью, молодостью, с другой стороны, это цвет болезни, болята, пресмыкающихся, цвет негативных эмоций (гнева, зависти). В современных языках выявлены новые устойчивые сравнения: «как доллар», «как инопланетяне» («как марсиане»). Сравнение с изумрудом составляет от 5% до 20% всех примеров по рассматриваемым языкам. Характерными для балканского ареала являются сравнения с местными животными: змеями, лягушками, зелеными ящерицами: рум. *verde ca broaștele*, болг. *зелен като жаба* ‘зеленый, как лягушка’, рум. *verde ca șorârla*, серб. *зелен као гуштер* ‘зеленый, как ящерица’.

5. **Желтый цвет**, помимо традиционных ассоциаций со светом (рум. *galben ca soarele*, алб. *i verdhë si dielli* ‘желтый, как солнце’, мак. *жолт како месечина*, рум. *galben ca luna* ‘желтый, как луна’) и золотом (болг. *жълт като жълтица* ‘желтый, как золотая монета’), в балканских языках часто сравнивается с продуктами питания, распространенными в рассматриваемом регионе: болг. *жълт като дюля* ‘желтый, как айва’, болг. *жълт като пъпеш* ‘желтый, как дыня’, мак. *жолт како кашкавал* ‘желтый, как сыр-кашкавал’, рум. *galben ca mălaiul* ‘желтый, как кукуруза’.

6. **Синий цвет** традиционно ассоциируется с небом и водой. Именно эти объекты сравнения во всех рассматриваемых языках являются доминирующими: например, для албанского языка корпус всех примеров «синий как» включает 30% сравнений с водой и 32% — с цветом неба. Также используются сравнения с продуктами питания. В частно-

сти, для балканославянских языков свойственно сравнение со сливами, с терновником: болг. *син като слива*, мак. *син како слива*, модар *како слива*, модар *како трнинка*, серб. *плав као шљива*, модар *као шљива* 'синий, как слива'. Отмечается значительное количество сравнений, где объектом выступают материалы и вещества: камни (рум. *albastru са peruzea*, *са turcoazul* 'синий, как бирюза', *albastru са lapis-lazuli* 'как лазурит', *са opalul* 'как опал', *са safirul* 'как сапфир'), металлы (рум. *albastru са oțelul* 'синий, как сталь'), чернила (серб. *плав као мастило* 'синий, как чернила').

7. **Серый цвет** воспринимается как нейтральный, «безликий». Частотными объектами сравнения являются «небо» и «дождь» (болг. *сив като дъждовен облак* 'серый, как дождевая туча', *сив като есенното небе* 'серый, как осеннее небо', серб. *сив као зимско јутро* 'серый, как зимнее утро', алб. *gri si një ditë dimri* 'как зимний день', рум. *senișiu са ploaia* 'серый, как дождь'). Среди современных устойчивых сравнений встречаются объекты городской среды (болг. *сив като града* 'серый, как город', *сив като камък* 'серый как камень').

8. **Коричневый цвет.** Несмотря на семантическую связь с кофе (ср. болг. *кафјав*, *кафјан*. мак. *кафеав*, серб. диал. *кафеничав* (Вране), алб. *ngjyrë kafe*, рум. *safeniu* 'коричневый'), прямые сравнения с этим продуктом отсутствуют. В то же время, устойчивым объектом во всех языках выступает шоколад, что, вероятно, обусловлено позитивными коннотациями, связанными с этим продуктом. Среди других частотных объектов встречаются «орехи», «табак»: болг. *кафен като лешник* 'коричневый, как фундук', серб. *браон као ораси* 'коричневый, как грецкие орехи', рум. *maro са tutunul* 'коричневый, как табак'.

9. **Фиолетовый, оранжевый, розовый.** Обозначения фиолетового (болг., мак. *виолетов*, серб. *љубичаст*, алб. *ngjyrë vjollcë*, рум. *violet* и др.), оранжевого (болг., мак. *портокалов*, серб. *наранџаст*, алб. *portokalli*, рум. *portocaliu*), розового (болг., мак. *розов*, серб. *ружичаст*, алб. *rozë*, рум. *roz*) этимологически связаны с названиями соответствующи-

щих растений, поэтому характеризуются наличием имплицитного сравнения, заложенного в самой форме колоронима. Вследствие этого, в исследуемых балканских языках выявлено очень мало компаративных конструкций с этими цветообозначениями. Тем не менее, зафиксированные примеры подтверждают тенденцию использования в качестве устойчивых сравнений названия наиболее распространенных продуктов питания: болг. *розов като баница* ‘радостный (букв. розовый), как баница (традиционное болгарское блюдо)’, серб. *ружичаст као вино* ‘розовый, как вино’, серб. *љубичаст као грожђе* ‘фиолетовый, как виноград’, серб. *љубичаст као печурки* ‘фиолетовый, как грибы’, алб. *i murrme si ullirit* ‘темный, как оливки’, рум. *liliachiu ca smochina* ‘фиолетовый, как инжир’).

Выбор объекта, с которым сопоставляют тот или иной цвет, играет ключевую роль в создании выразительных образов и метафор. Именно от этого выбора зависит, насколько ярким и оригинальным будет сравнение, а также какую эмоциональную или символическую нагрузку оно будет нести. Как уже было сказано выше, в устойчивых оборотах объектами чаще всего становятся предметы и явления, которые издревле окружали человека, были частью его повседневной жизни и оставляли глубокий след в его восприятии мира. Они служат основой для создания ярких сравнений, таких как «синий, как небо», «зеленый, как трава» или «красный, как огонь». Такие сравнения легко воспринимаются и запоминаются, поскольку они опираются на естественные ассоциации, формируемые в процессе взаимодействия человека с окружающим миром.

В процессе анализа удалось обнаружить, что помимо традиционных элементов, таких как природные объекты и явления, в языке фиксируются уникальные образы, отражающие культурные особенности и менталитет носителей этих языков. Таким образом, сравнение становится не только способом познания мира, но и инструментом, позволяющим глубже понять специфику языка и культуры конкретного народа.

Примечания

- ¹ *Ильсова Л.И.* Устойчивые сравнения с колоративным компонентом в английском и русском языках: дис. ... канд. филол. наук / Казан. гос. ун-т им. В.И. Ульянова-Ленина. Казань, 2009.
- ² *Вежбицкая А.* Обозначение цвета и универсалии зрительного восприятия // Язык. Культура. Познание. М., 1996. С. 231–291.
- ³ *Чиварзина А.И.* Система цветообозначений в балканославянских языках в сопоставлении с албанским и румынским: этнолингвистический аспект: дис. ... канд. филол. наук / Институт славяноведения РАН. М., 2022.
- ⁴ Албанский национальный корпус объемом около 31 млн. словоупотреблений / Составители: М.С. Морозова, А.Ю. Русаков, Т.А. Архангельский. URL: <https://albanian.web-corpora.net> (дата обращения: 12.04.2025); Corpus de referință pentru limba română. URL: <http://89.38.230.23:1234/#> (дата обращения: 12.04.2025); Български национален корпус. URL: <https://dcl.bas.bg/bulnc/> (дата обращения: 12.04.2025); Korpus savremenog srpskog jezika. URL: <http://www.korpus.matf.bg.ac.rs/korpus/login.php> (дата обращения: 12.04.2025); Дигитален речник на македонскиот јазик. URL: <http://drmj.eu> (дата обращения: 12.04.2025).
- ⁵ Для анализа предложено обратиться к классификации терминов цвета по Б. Берлину и П. Кею, поскольку данная теория позволяет четко структурировать материал по основным концептам цвета. См. *Berlin B., Kay P.* Basic color terms: their universality and evolution. Berkeley and Los Angeles, 1969.

DOI: 10.31168/2619-0869.2025.47

Имена персонажей чешских заговоров

Григорий Алексеевич Маркадеев

Институт славяноведения РАН,
Москва, Российская Федерация;
e-mail: g.markadeev@inslav.ru
ORCID: 0009-0004-1274-1428

Ключевые слова: ономастика, чешские заговоры, псевдоантропонимы, апеллятивы, мифологические персонажи

Names of Characters in Czech Incantations

Grigory A. Markadeev

Institute of Slavic Studies RAS,
Moscow, Russian Federation;
e-mail: g.markadeev@inslav.ru
ORCID: 0009-0004-1274-1428

Keywords: onomastics, Czech incantations, pseudoanthroponyms, appellatives, mythological characters.

Ономастика фольклорных текстов в чешской традиции изучается, как правило, в рамках литературной ономастики¹; существует, однако, и тенденция к ее обособлению². Так, объектом исследований становились, например, имена персонажей чешских сказок³. В книгу Е.В. Вельмезовой, посвященной чешским заговорам, включена статья «Текст имени»⁴, где предлагается рассматривать ономастическое пространство заговоров через призму привативной оппозиции «называемый по имени / безымянный» и ее соответствия противопоставлениям более высокого уровня «свой / чужой», «христианский / языческий», «положительный / отрицательный». На материале русских заговоров опыт досконального анализа имен собственных представлен в книге А.В. Юдина «Ономастикон русских заговоров»⁵.

Настоящее исследование основывается на корпусе текстов, представленном в книге Е.В. Вельмезовой. В общей сложности он включает в себя 371 фольклорный текст. Все заговоры разделены на 7 функционально-тематических групп (любовные заговоры, лечебные заговоры, частный быт, промыслы и занятия, общественные отношения, отношения к природе, отношения к сверхъестественным существам) и снабжены переводами на русский язык.

Отбор антропонимических единиц производился методом сплошной выборки. Для каждой единицы учитывались морфологические и контекстуальные особенности, связанные с ее употреблением. Напомним, что антропонимы при-

нято разделять⁶ на индивидуальные, которые составляют большую часть нашего материала, например, *Maria, Longin*, и групповые, представленные главным образом этнонимами, например, *Židé* ‘евреи’; встречаются, однако, и родовые указатели, например, *lev z pokolení Judova kmen Davidův* ‘лев из поколения Иуды племя Давидово’ (заговор 359). Помимо истинных антропонимов, обозначающих человека или группу людей, в нашу выборку включены также антропонимы ложные, или псевдоантропонимы (чеш. *antroponyma nepravá*)⁷, то есть имена сущностей, подобных человеку. Ж. Дворжакова предлагает⁸ разделять их в зависимости от типа денотата; приведем здесь типы, имеющие непосредственное отношение к нашему материалу: а) **человек**, например, *doktor Škampalice-palice* (заговор 33); в рамках типа б) **нечеловек, который, однако, имеет свойства человека и ведет себя как человек** подтип вс) **сверхъестественная сказочная мифологическая сущность**, например, *Hastrmane** ‘водяной’ (заговор 369), сюда же, по всей видимости, относятся и теонимы, например *velikého Boha a Stvořitele všech věcí* ‘великого Бога и Творца всего сущего’ (заговор 250); d) **животное**, например, волк *Šimku Klimku* (заговор 240); е) **ожившая вещь**, например, *oheň* ‘огонь’ (заговор 248). Онимическая природа таких единиц зачастую становится очевидной лишь в контексте. При этом здесь нельзя ориентироваться на написание слов с прописной или строчной буквы по ряду причин. Во-первых, собранные тексты приводятся в том виде, в котором они представлены в источниках, где отсутствует единообразие графических решений. Так, например, в заговоре 133 встречаются написания с прописной буквы *s milou Matičkou Boží* ‘с милой Матушкой Божьей’ и *od Synáčka Božího narození* ‘от рождения Сыночка Божьего’, в то время как в заговоре 163 *od svého synáčka* ‘от своего сыночка’ и в 263 *Kristova matičko* ‘Христова матушка’ мы наблюдаем в подобных случаях строчную

* Здесь и далее примеры приводятся в тех формах, в которых они встретились в анализируемых текстах.

букву. И если в данных примерах можно заподозрить омонимию имен собственных, указывающих на уникальную сущность (Богоматерь, Сын Божий), и имен нарицательных, указывающих на отношения одних сущностей к другим (сын Девы Марии, мать Христа), то различие в написании *sv. nerozdílná Trojice* 'святая нераздельная Троица' в заговоре 136 и *sv. nerozdílná trojice* в заговоре 185 мотивировано исключительно графическим решением писцов. Во-вторых, наименования некоторых сущностей, которые на основании контекста могут быть квалифицированы как имена собственные, нередко записаны со строчной буквы. Примерами могут служить такие употребления, как *ve jměnu ďábla* 'во имя дьявола' (заговор 332), *stodolník* 'дух риги' (в наименовании заговора 365), и другие. Причисление подобных единиц к именам собственным может показаться спорным. Е.В. Вельмезова в статье предпочитает говорить о данных сущностях как о «безымянных антропоморфных персонажах», которые противопоставляются христианским персонажам с явно выраженным именем⁹. Эти мифологические персонажи не называются по именам, но наличие у них личных имен подразумевается. В то же время Ж. Дворжакова замечает, что «долгое время, согласно народным представлениям, нельзя было называть человеческим именем то, что не имело души, например, животных или сверхъестественных существ» и в качестве имен выступали апеллятивы, которые писались с большой буквы¹⁰. В качестве примеров здесь приводятся *Vodník* 'водяной' и *Čert* 'черт'.

Таким образом, при отборе (псевдо-)антропонимических единиц такого рода следует руководствоваться не написанием с прописной или строчной буквы, а какими-то другими показателями. Мы обращаем внимание на следующие параметры, указывающие на ономастическую природу той или иной номинации:

- 1) отсутствие употреблений той же единицы в формах множественного числа в пределах одного текста, за исключением случаев отсутствия форм единственного числа в парадигме данной леммы;

- 2) употребление единицы в качестве обращения с последующей просьбой, запретом или иным побуждением;
- 3) наличие у персонажа субъектности (синтаксическая роль в предложении);
- 4) контекстуальный параллелизм с истинными антропонимами (*Hastrman z vody, Panna Maria do vody!* 'Водяной, (выходи) из воды, Дева Мария, (иди) в воду'), в том числе и замещение истинных антропонимов ложными в устоявшихся формулах (ср. *Ve jménu Ježíše Krista* 'во имя Иисуса Христа' и *ve jménu ďábla* 'во имя дьявола').

В дальнейшем этот список может быть дополнен или переосмыслен. Стоит отметить, что обозначенным выше критериям могут соответствовать наименования не только мифологических персонажей, но также и болезней, животных, растений, предметов и явлений неживой природы. Не все из них в равной степени было бы справедливо отождествлять с антропонимами. Именно поэтому одна из потенциальных задач, возникающих перед нами, состоит в том, чтобы проследить градацию перехода апеллятива в разряд имен собственных. Сделать это можно, сопоставив результаты контекстуального, функционального анализа, анализа вариативности имени, наконец, взаимосвязи выявленных черт у истинных антропонимов с одной стороны, и у тех единиц, которые, по нашему предположению, могут быть отнесены к ложным антропонимам, с другой.

Примечания

- ¹ *Dvořáková Ž.* Specifika literárních antroponym // *Acta onomastica*. 2010. N 51 (2). S. 454.
- ² *Колесник Н.* Фольклорна ономастика: до проблеми статусу // *Acta onomastica*. 2020. N 61 (2). С. 333.
- ³ *Dvořáková Ž.* Česká teorie literární onomastiky // *Acta onomastica*. 2010. N 51 (2). S. 448.
- ⁴ *Вельмезова Е.В.* Чешские заговоры. Исследования и тексты. М., 2004. С. 71–78.
- ⁵ *Юдин А.В.* Ономастикон русских заговоров. Имена собственные в русском магическом фольклоре. М., 1997.

⁶ *Суперанская А.В.* Общая теория имени собственного. М., 1973. С. 174–176.

⁷ *Dvořáková Ž.* Specifika... S. 453.

⁸ Ibid. S. 460.

⁹ *Вельмезова Е.В.* Чешские заговоры... С. 74–75.

¹⁰ *Dvořáková Ž.* Specifika... S. 460.

ФУНКЦИОНАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ ГРАММАТИКИ И ЛЕКСИКИ СЛАВЯНСКИХ ЯЗЫКОВ

DOI: 10.31168/2619-0869.2025.48

Варьирование форм приставочных местоименных наречий с пространственно-временной семантикой в одном южнорусском говоре

Екатерина Михайловна Шилова

Православный Свято-Тихоновский
гуманитарный университет,
Москва, Российская Федерация;
e-mail: ekaterina_shilova.2000@mail.ru
ORCID: 0009-0000-4359-4652

Ключевые слова: диалектология, наречия, словообразование,
семантика, вариативность

Variation of Forms of Prefixed Pronominal Adverbs With Spatiotemporal Semantics in One South Russian Dialect

Ekaterina M. Shilova

St. Tikhon's Orthodox University
for the Humanities,
Moscow, Russian Federation;
e-mail: ekaterina_shilova.2000@mail.ru
ORCID: 0009-0000-4359-4652

Keywords: dialectology, adverbs, word formation, semantics,
variability

В статье рассматриваются формы местоименных наречий с приставками *до-*, *от-*, *он-*, *по-* (*доку́да*, *дока́ле*, *отса́да*, *онтáль*, *онту́да*, *пока́да*, *поколи́* и др.)* в южнорусском говоре села Роговатое Старооскольского р-на Белгородской обл. В говоре Роговатого, как и во многих южнорусских говорах, наблюдается варьирование фонемного состава послекорневой части наречия (непосредственно следующей за местоименными корнями *-к-*, *-т-*, *-с-*); варьируется и фонемный состав приставок (*от-* ~ *он-*). Приставочные наречия, о которых идет речь, соотносятся в говоре с бесприставочными *куда́ / куды́, туда́ / туды́, судá / суды́, коли́*; их можно рассматривать как производные от бесприставочных, поскольку любая из приставок свободно сочетается с разными корнями, кроме того, между приставкой и корнем допускается вставка указательной частицы: *довотса́ле* ‘вот досюда’, а значения наречий с приставками выводятся из значений составляющих их морфем.

Материал взят из неопубликованной текстовой базы данных по говору Роговатого (около 80 тыс. словоформ, авторы С.В. Дьяченко, С.А. Крылов, А.В. Малышева, А.В. Тер-Аванесова), построенной на основе расшифровок аудиозаписей речи старшего поколения носителей говора (1919–1949 гг. р.). Материал базы данных позволяет выявить закономерности в варьировании форм производных наречий, связанные с социальными характеристиками говорящих, в первую очередь с их возрастом.

Семантика. В говоре Роговатого приставочные наречия с местоименными корнями обладают пространственными или временными значениями. Имеющийся материал (50 примеров) показывает, что наречия с приставками *от-* и *он-* имеют только пространственную семантику, а подавляющее большинство наречий с приставками *до-* и *по-* — временную, за исключением *довотса́ле* с пространственным значением. Помимо зависимости значения от приставки, по-видимому, оно также зависит и от корня: у наречий с местоименным корнем *-с-* зафиксирована только пространственная семан-

* В статье используется упрощенная фонетическая транскрипция.

тика, а у наречий с корнями *-к-* и *-т-* как пространственная, так и временная. При этом семантика наречия не зависит от гласного, следующего за корнем (*/e/* или */y/* и */o/*), от согласного суффикса (*/л'/* или */д/*), наличия или отсутствия гласного после */л'/*, то есть в этих случаях с синхронной точки зрения имеется чисто структурное варьирование.

Об аналогичном свободном сочетании вариантов послекорневой части, а в некоторых случаях и приставки с местоименным корнем, не изменяющим семантики наречия, см. в рязанском говоре д. Деулино¹; то же в воронежских говорах². Ниже приводится материал базы данных по говору Роговатого.

Пространственное значение. **онтэда** 'оттуда': *Лит'а и лит'а ъткэдь-тэ вон ънтэдь* (ДР)*; **онтэль** 'оттуда': *Н'ём'ыи ънтэл' нэступал, а наиш ъцсел'* (АД); *А ънтэл' пр'ишол уш п'ианэй* (АД); *А ънтэл' тэды пэв'ез'е у боч'к'и, р'еман'т'урь-вэт' квар'т'иру* (АД); *Ан'и туды за д'эн' дайдут', дэ зэ другой ънтэл'* (АД); *А ѡнтэл' пр'ив'азл'и кал'уч'уйу прэвэлку* (АД); *Мы пр'ишл'и ѡнтэл', а патом тады н'ёмцы пр'ишл'и* (АД); *а как этэ пэслал'и рэнтэл' с рабонт'е, пэслал'и суды йей у уупк'ин* (АД); **онтуда** 'оттуда': *А што ты буд'иш эта, дэ и антудэ ѡбрэнтэ?* (ЕН); **оттэда** 'оттуда': *И ѡттэда был'и зобрэны, срэзу* (МАМ); *У н'их аттэда у н'их звон'ут' д'шэвл'а* (ДР); *Можэ как мы йеуо пэп'ер'ок п'ер'пэйашым, и зацоп'им, — йа ур'у, — этэйу в'ер'овкэй и буд'им т'анут' йеуо аттэдь* (ДР); *Туды прайэхэл з дэскам'и и ѡттэдь прайэхэл* (ДР); **оттуда** 'оттуда': *аттудэ урра и атсудэ урра* (МП); *тады в'азл'и аттуда ууэл'* (НИ); *в'изэш, и аттуда ууэл'* (НИ); *Йаму н'а хоща былэ ухад'ит' аттуда* (ДР); *У уорэт нас'ил'и нэ саб'е л'ип'бшк'и л'ап'ил'и ѡт'насут', аттудэ сол'и пр'ин'асут' саб'е, н'еч'эм сал'ид' былэ* (НИ); *узэз'н'ис'с'и аттудэ — кос'т'и нэ зб'ир'еш* (ДР); **откэда** 'откуда': *а там энá ч'егó-итэ пэнэвал'илá, дэ ѡткэда ус'о штэ б'ер'ецие* (ДР); *Дэ ну мóш вон с крыл'еи там, ил'и вон с сэрáйа аткэда крыгэ кэкайэ-н'ибут' мóже* (ДР); *ѡткэдь он*

* Список информантов с указанием года рождения и сведений об образовании приведен в конце статьи.

пъйав'улс'и — *хтó знъй* (ДР); **откэда-то** 'откуда-то': *л'ит'а ѓткэдь-тъ вон ѓнтэдь* (ДР); **откэль** 'откуда': *н'е знáйу, ѓткэл' йей зъвад'ил'и* (АД); **откэль-то** 'откуда-то': *этът л'эс ѓткэл'-тъ ч'ър'ез мór'е п'ер'пръшл'ал'и* (АД); **откúда-ни-будь** 'откуда-нибудь': *къда в'эрн'иуцъ аткúдь-н'ибу́т'* (НИ); **откúда-то** 'откуда-то': *ѓна с н'е с нáшгъгъ с'елá, аткúдь-т пр'ийэхэлъ* (АФ); **отсэда** 'отсюда': *и вот йá и н'ъ ушлá атсэда* (ДР); *Ну кáх и т'иб'э т'ип'эр' атсэдь т'анúт'?* (ДР); *Анá пр'ишлá к этъй, к дýрк'и, вот ѓтсэда* (ДР); **отсэле** 'отсюда': *вóт и ан'и саб'э б'арúт', нá с'ъм'енá, ус'ó аццел'е* (АД); *Дá, ан'и пъпэд'н'ал'ис'и и уйэхэл'и ѓциел'е*, (ЕС); *камú мóжнъ бýлълъ, он вóйехáл, ѓциел'е* (ЕС); **отсэль** 'отсюда': *Н'эм'ьц ѓнтэл' нъступáл, а нáш ѓцсэл'* (АД); *Ус'э пасмýл'ис'е ус'э, аццел' ушл'и* (ЕС); **отсúда** 'отсюда': *атсúда ан'и пр'ийэдут'* (НИ); *пóл'иш-пóл'иш, атсúдь пъдайд'эш — дá, сýмка — дъвáй п'ит'* (НИ); *Вот нъ Шýрóкъйъ-т úд'иш, и там йáр пр'ам глубóкъй-глубóкъй, атсúдь вэдá úд'е, а туды пр'ам абрýв'истъй йáр* (МП); *А лóх он аттúдь гърá и атсúдь гърá, и схóд'ууцъ* (МП); *дъвáй уйэд'им атсúдь* (ЕН); **довотсэле** 'вот досюда': *Ч'улк'и сукóннъи, так'ийъ, этъ вод дъвотсэл'ь б'элъи, а тут ч'óрнъи* (ИФ). Ср. **поотсэлить** 'подсмотреть исподтишка, выследить': *А óн, д'едушкъ, пáѓциел'ил: á!* (ЕН).

Временное значение. **Докэда** 'до каких пор': *Дъкэдь ты буш скр'эс'т'* (ДИ); **докúда** 'до каких пор': *на с'емóй д'ьс'átък, дакúдá м'ин'э уч'ит'!* (АФ); *л'уд'и гъвáр'á: а дакúдь ты бúд'иш жýт' на н'и́х йешáч'ит'?* (ЕН); **докэле** 'до каких пор': *А дъкэл'е вот — хтó знае* (АД); *Он тады был д'ишóвъй, этъ ш'ás ус'ó пъдарóжылъ, ш'áз дáкэл'е — вы н'е слыхáл'и, дáкэл' бúд'е дарóжыт'?* (АД); *А вот дáкъл' ета стар'и́ннъй паслòв'иуцъ?* (АД); **покúда** 'до тех пор, пока': *Пакúдь вэйнá была, эт'и вот үдá* (НИ); *Дъжылá, пакúдь óн зъбал'ел и пóm'ер* (ЕН); **поколи́** 'до тех пор, пока': *Паст'и́лъс', пэкъл'и мóч' была* (ИФ); **потэда** 'до тех пор': *Ушлá, и пътэдь мы в'и-дál'и эту бáнку. Скъзáлълъ: пайдú хвам'и́л'иу спрáшывът', и пътэдь в'идáл'и* (ДР); *Пъкá йеуó д'ержáл'и пр'ьц'с'едáт'ъл'ьм, пътэдь он с' н'ейу къндъвáлс'и* (ДР).

Как показывают данные Словаря русских народных говоров, далеко не все русские говоры имеют такое распределение пространственной и временной семантики у рассматриваемых наречий и их вариантов; так, наречиям *доко́ле* и *доку́да* в некоторых говорах свойственны и пространственное, и временное значения³.

Вариативность приставки *от-*. В говоре Роговатого, как и в других южнорусских говорах, вариантом приставки *от-* перед [т] является *он-* вследствие диссимилиации согласных⁴. Вариант *он-* в говоре Роговатого зафиксирован у трех лексем со значением 'оттуда' (*онту́да*, *онтэ́да*, *онтэ́ль*) всего в 9 примерах, принадлежащих трем лицам самого старшего возраста ДР 1923 (1)⁵, АД 1926 (7), ЕН 1930 (1). Приблизительно в таком же числе примеров (10) диссимилиации нет: *оттэ́да* ДР 1923 (3), МАМ 1932 (1), *отту́да* МП 1926 (1), НИ 1939 (3), ДР 1923 (2), что встречается как у самых старших носителей, в частности, варьирует у ДР в пользу стандартного варианта, так и у людей более молодых (1930-х гг. р.). Таким образом, в отношении диссимилиации согласных на стыке корня и приставки так называемая «архаическая разновидность говора», или базилект, не однородна и показывает сильную тенденцию к утрате диалектной специфики. Диалектный вариант приставки *он-(т-)* чаще встречается с диалектными же вариантами послекорневого форманта (*онтэ́да*, *онтэ́ль* (8), *онту́да* (1)), в то время как стандартный вид приставки *от-(т-)* довольно безразличен к форме посткорневой части (*оттэ́да* (4), *отту́да* (6)).

Варьирование суффиксов. В говоре Роговатого приставочные наречия с пространственно-временной семантикой представлены формами с суффиксами *-да* и *-ле/-ли/-л'*, из форм частицы **lél*li*⁶, ср. *кал'у́* 'когда', *кой-кал'и́*, *кал'и́-то*, *дэ́кал'у́* 'до каких пор', *э́ткэ́л'е* (в говоре фонемы /и/ и /е/ различаются в заударной позиции⁷), в том числе с отпадением конечного гласного: *э́тсэ́л'*. Вариант суффикса *-ли́* выступает под ударением, *-ле* — в безударном положении.

Как видно из материала выше, эти суффиксы синонимичны в говоре. При этом говорящие делятся на тех, кто

употребляет только *-ле/-ли/-ль* (это жители села старшего поколения ЕС 1919, АД 1926, ИФ 1931), и тех, кто употребляет только *-да* (остальные).

Употребление суффиксов тесно связано с употреблением послекорневого гласного. Перед *-ле/-ли/-л'* встретился только [э]: *докэ́ль, докэ́ле, откэ́ль, онтэ́ль, отсэ́ль, отсэ́ле* (ЕС 1919 (2), АД 1926 (13), ИФ 1931 (1)), кроме того *дэ́кал'и* ИФ 1931, в то время как перед *-да*, зафиксированном в 26 примерах, встречается как [э] (15), так и [у] (11).

Отмеченный в воронежских говорах послекорневой [у]: *откуль — откуля, отсуль — отсуля, покуль — покуля* и др.⁸, в Роговатом не зафиксирован.

Варианты, различающиеся фонемами /а/ и /и/ ([ы]), повсеместно встречаются в немотивированных указательных, относительно-вопросительных и других лексико-семантических группах наречий в южнорусских говорах⁹: *куды́, суды́* и *куда́, суда́*. Мотивированным наречиям свойствен только суффикс *-да*.

Вариативность гласного. В русских говорах разнообразие гласных, следующих за местоименным корнем наречий, достаточно велико, и их этимологическая трактовка вызывает затруднения. Так, в *коли́, докэ́ле* и подобных [о] трактуется как часть местоименной основы **ко*¹⁰, а [э] в *докэ́ле, дотэ́да* считается результатом влияния форм типа *досэ́ле, досэ́да*. Принимая такое объяснение, приходится предполагать, что корни *-т-*, *-к-* сохранили твердость согласных перед *e* и даже сами повлияли на отверждение корня *-с'*, ср. нареч. *суда́, суды́, отсэ́да*.

Варьирование /у/–/е/ в примерах наречий *докэ́да — докэ́да* и др., варьирование /о/–/е/ в *докал'и — докэ́ле* и др. повсеместно встречается в близких к говору Роговатого воронежских и курских говорах¹¹.

Формы наречий с /е/ (33) употребляются в архаическом слое говора чаще, чем литературная форма с гласным /у/ (17), однако число примеров наречий с финалью *-еда* (12) все-таки ниже, чем с финалью *-уда*, и поколение говорящих 1930–1940-х гг. рождения использует именно такие, совпадающие с литературными, формы.

Проанализировав данный материал, можно заметить, что спецификой говора Роговатого по сравнению с другими русскими говорами является зависимость пространственной или временной семантики наречий типа *доколи, отсуда* от приставки *и*, вероятно, от местоименного корня.

Структурная вариативность послекорневой части наречий связана с возрастом говорящих, она показывает неоднородность базилекта: диалектные формы зафиксированы только у самых старших носителей говора, но и в их речь проникли формы литературного языка (у некоторых говорящих 1930–1940-х гг. р. встречаются только формы, совпадающие с литературными). Что касается суффиксов *-д-* или *-л-*, то их употребление зависит от конкретного идиолекта.

Список информантов

- ЕС — Евдокия Кузьминична Серикова, 1919–2012(?), неграмотная;
- ДР — Дарья Ильинична Рожкова, 1923–2015, 10 кл.;
- АД — Анастасия Андриановна Дементьева, 1926–2013, в школе не училась, грамотная;
- МП — Мария Ивановна Плутахина (Гузеева по подворью), 1926 г. р., 2 кл.;
- МР — Мария Родионовна Кудрина (Двоюшиха), 1930 г. р., неграмотная;
- ИФ — Ирина Ивановна Фомина (Арина Монахова), 1931–2017, 1 кл.;
- МК — Мария Сергеевна Колесникова (Козлиха), 1931 г. р., 2 кл.;
- ЕН — Елена Андреевна Нечаева, 1932 г. р., неграмотная;
- МАМ — Мария Алексеевна Макарова, 1932 г. р., 7 кл.;
- ЕФ — Екатерина Никитична Фомина (Гульончикова), 1935 г. р., 5 кл.;
- ММ — Мария Мирониха (по свекру), 1937 г. р., уровень образования не указан;
- НИ — Нина Дмитриевна Исакова, 1939–2016, 7 кл.;
- ДИ — Дмитрий Исаков, 1939 г. р., 7 кл.;

АФ — Анна Ивановна Фомина, 1948 г. р.,
среднее специальное образование;

ТН — Татьяна Васильевна Нечаева, 1949 г. р.,
образование высшее.

Примечания

- ¹ *Пожарицкая С.К., Самсонова Н.Л.* Некоторые наблюдения над структурой и семантикой наречий в одной диалектной системе (д. Деулино Рязанского р-на Рязанской обл.) // *Русский язык в научном освещении.* 2013. № 25. С. 129.
- ² *Санжарова В.П.* Лексико-семантическая и структурная характеристика наречий в южнорусских говорах (на материалах говоров Воронежской обл.): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Самарканд, 1972. С. 229.
- ³ *Словарь русских народных говоров / Отв. ред. Ф.П. Филин М.; Л., 1972. Вып. 8. С. 99–100.*
- ⁴ *Санжарова В.П.* Лексико-семантическая и структурная характеристика... С. 245.
- ⁵ Здесь и далее в скобках указано количество обнаруженных примеров соответствующего явления.
- ⁶ *Русский этимологический словарь / Отв. ред. А.Е. Аникин. М., 2020. Вып. 14. С. 135.*
- ⁷ *Дьяченко С.В., Буркинская И.А., Исаев И.И., Кармакова О.Е., Тер-Аванесова А.В.* Экспедиция в село Роговатое Старооскольского р-на Белгородской области // *Русский язык в научном освещении.* 2014. № 2 (28). С. 269.
- ⁸ *Санжарова В.П.* Лексико-семантическая и структурная характеристика... С. 229–230.
- ⁹ Там же. С. 228.
- ¹⁰ *Русский этимологический словарь...* С. 135.
- ¹¹ *Санжарова В.П.* Лексико-семантическая и структурная характеристика... С. 231.

DOI: 10.31168/2619-0869.2025.49

Что лицензирует неопределенные местоимения? Славянский взгляд на лицензирующие контексты

Роман Сергеевич Фисун

Университет Регенсбурга,
Регенсбург, Германия;
e-mail: fisun.roman@gmail.com
ORCID: 0000-0002-3074-5172

Ключевые слова: неопределенность, лицензирование, контексты снятой утвердительности, отрицательная поляризация, местоимения

What Licenses Indefinite Pronouns? A Slavic Perspective on Licensing Contexts

Roman S. Fisun

University of Regensburg,
Regensburg, Germany;
e-mail: fisun.roman@gmail.com
ORCID: 0000-0002-3074-5172

Keywords: indefiniteness, licensing, assertion suspending devices, negative polarity, pronouns

Неопределенные местоимения традиционно делятся на референтные и нереферентные¹. Первые не специализированы по типу контекста и чаще встречаются в эпизодических контекстах. Вторые же подлежат лицензированию — их употребление ограничено особыми контекстами (отрицание, условные, модальные и др.) и исключено в утвердительных эпизодических контекстах.

Так, в украинском эпизодическом примере (1) нереферентное неопределенное местоимение (ННМ) *що-небудь* вме-

сто референтного *щось* недопустимо. Для него необходим лицензирующий контекст, например, условный (2).

UA *Щось (*щось-небудь) різко зашурхотіло праворуч [...] (ukTenTen20)**

‘Что-то резко зашуршало справа’.

UA *Якщо ви по яких-небудь причинах вибрали другий варіант, то вам варто читати далі. (ukTenTen20)*

‘Если вы по **каким-либо** причинам выбрали второй вариант, то вам стоит читать дальше’.

Подробное обсуждение различных подходов к лицензированию отрицательно поляризованных единиц (NPI, разрешены при отрицании) представлено у Т. ван дер Ваудена². В рамках синтаксического подхода лицензирование определяется через положение триггера (лицензирующего элемента) к лицензируемому элементу — *c-командование* (*c-command*)³: в синтаксическом дереве узел X *c-командует* узлом Y, если первый ветвящийся узел, доминирующий над X, также доминирует и над Y. На Рис. 1 узел X *c-командует* узлами Y, Y1 и Y2:

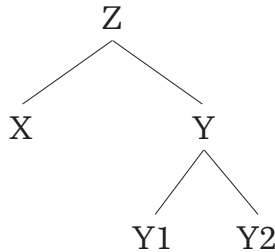

Рис. 1. C-командование

Семантико-логический подход связывает лицензирующие контексты с нисходящей монотонностью, то есть с такими контекстами, где истинность общего утверждения влечет

* В работе анализируются примеры из славянских веб-корпусов, доступных в Sketch Engine (<https://sketchengine.eu>): русск. ruTenTen11, украинск. ukTenTen20, польск. plTenTen12, чешск. csTenTen17 и хорватск. hrWaC.

за собой истинность и более узкого утверждения⁴. В соответствии с прагматическим подходом лицензирование зависит не только от синтаксической и логической структуры высказывания, но и от прагматического контекста — установки говорящего⁵.

Однако открытым остается вопрос о том, что именно лицензирует элементы поляризации. Понятия *триггер* и *контекст* часто используются без строгих определений. Например, триггеры описывается как «elements that allow for the occurrence of negative polarity items»⁶ (единицы, допускающие появление отрицательно поляризованных единиц). Эта неопределенность значительно затрудняет анализ актуального языкового материала и, в частности, не позволяет выстроить адекватную стратегию поиска таких контекстов в языковых корпусах. Настоящее исследование стремится уточнить, что скрывается за этими терминами в теории лицензирования славянских местоимений, а также выяснить, можно ли свести все лицензирующие контексты к единому классу языковых явлений.

В качестве списка контекстов, лицензирующих ННМ, используется список Е.В. Падучевой⁷. Она называет их контекстами снятой утвердительности (КСУ) — такими, где говорящий не берет на себя ответственность за достоверность высказывания. Полный перечень КСУ по данным Падучевой⁸ приведен в табл. 1. Эти контексты тесно связаны с неверидиктальными контекстами, описанными в работах А. Яннакиду⁹. Выделяются три типа лицензирования, соответствующие трем типам ННМ: собственно нереферентные местоимения (NSI, русск. *кто-нибудь*), местоимения свободного выбора (FCI, русск. *кто угодно*) и местоимения отрицательной поляризации (NPI, русск. *кто-либо*).

Само определение *контекста* у Падучевой отсутствует, приводятся лишь примеры, интерпретируемые интуитивно. Анализ КСУ показывает, что функционирование триггеров не может сводиться к морфемному уровню: одна и та же отрицательная морфема может лицензировать разные классы ННМ в зависимости от синтаксической структуры. Так, при

отрицании вышестоящего инфинитива в русском допустимы и NPI, и отрицательные местоимения (3). Однако при вышестоящем отрицании с союзом (4) лицензируются только NPI.

RU Она не привыкла **обсуждать с кем бы то ни было** (=ни с кем) свои творческие и педагогические достижения [...] (ruTenTen11)

RU И никогда не допускать того, чтобы мы были поработаны кем бы то ни было (*ником). (ruTenTen11)

Семантика, отвлеченная от конкретного выражения, напротив, может рассматриваться как потенциальный триггер: (5–6) показывают, что NPI лицензируются в клаузах с различными по форме предикатами, объединенными семантикой желания:

PL Ryszard C. chciał **zabić jakiegokolwiek** polityka. (plTenTen12)

‘Рышард С. хотел убить **какого угодно** политика’.

PL Życzenie do czegokolwiek konkretnego rodzi się tylko przy napelnieniu początkowego, jeszcze nieświadomego życzenia. (plTenTen12)

‘Желание чего-либо конкретного возникает только при наполнении первоначального, еще неосознанного желания’.

Таким образом, анализ славянского языкового материала позволяет выделить четыре основные группы лицензирующих контекстов для ННМ. Для каждой группы приведены примеры с указанием синтаксических условий лицензирования.

1. Контексты с морфологической формой в роли триггера

К морфологическим формам, которые могут выступать в роли триггеров, относятся формы будущего времени и императив (7). Лицензируемые элементы подчиняются непосредственно или опосредованно (7) предикату в соответствующей форме. Однако и здесь невозможно полностью отделить

грамматическую форму от семантики ирреалиса в широком смысле.

UA *Запропонуйте дитині порохувати **що завгодно** — годинники на руках у перехожих, зашторені вікна в будинку навпроти або родинки на руці.* (ukTen-Ten20)

‘Предложите ребенку посчитать **что угодно** — часы на руках у прохожих, занавешенные окна в доме напротив или родинки на руке’.

2. Контексты с синтаксической конструкцией в роли триггера

Некоторые КСУ (вопросы, дизъюнкцию, сравнение) можно трактовать как синтаксические конструкции. При дизъюнкции лицензируемый элемент подчиняется союзу напрямую или косвенно, что можно интерпретировать в рамках с-командования:

HR *Gradanski rat zazivaju oni koji čeznu za jugosferom, Zapadnim Balkanom, Balkanijom ili **kakvom god Jugoslavijom.*** (hrWaC)

‘Гражданскую войну призывают те, кто тоскует по югосфере, Западным Балканам, Балкании или **какой-нибудь Югославии**’.

При сравнении ННМ непосредственно или опосредованно подчиняется союзу или компаративу в сравнительной конструкции:

RU *Однако наша сеть гораздо серьезней **какой-то** (=чем **какая-то**) примитивной «социалки».* (ruTen-Ten11)

То, что в данном случае речь идет именно о конструкции, а не о семантике, подтверждает хорватский: в нем различаются две сравнительные конструкции, лицензирующие разные ННМ. Только конструкция с союзом лицензирует местоимения на *i-* (10), а в конструкции с предлогом (11) лицензирования не происходит:

HR *Marija je pametnija nego **iko** u razredu.*

HR **Marija je pametnija od ikoga u razredu.*¹⁰

‘Мария умнее, чем кто бы то ни было в классе’.

3. Контексты с семантическим элементом в роли триггера

Наиболее широкую группу составляют контексты, где триггером лицензирования выступает значение, не связанное с конкретной грамматической формой. Так, для КСУ «Неуверенность, предположение, нереальность, мнение» достаточно присутствия лексемы с соответствующей семантикой. Интересно, что ее морфологическая реализация при этом не имеет значения, а сама лексема может даже не скомандовать ННМ, как в случае с *chyba* в (13):

PL *Aż strach myśleć o **czymkolwiek** na przyszłość!* (plTenTen12)

‘Даже страшно думать о **чем бы то ни было** в будущем!’

PL *Ufff to chyba wszystko co **kiedykolwiek** było used in Lodz City Hehe..* (plTenTen12)

‘Уф, наверное, это все, что **когда-либо** было использовано в Лодзи. Хе-хе’.

4. Контексты с сочетанием семантического элемента и синтаксической конструкции

Некоторые контексты требуют одновременного присутствия семантического компонента и строгой синтаксической формы. Пример — предлоги с имплицитным отрицанием (15): лицензируемый элемент должен подчиняться такому предлогу непосредственно или косвенно:

UA *Ця норма проіснувала без яких би то не було змін аж до прийняття нового Закону про кримінальну відповідальність за державні злочини 1958 р.* (ukTenTen20)

‘Эта норма просуществовала без каких бы то ни было изменений вплоть до принятия нового Закона об уголовной ответственности за государственные преступления 1958 г.’

Выводы

Результаты анализа сведены в Табл. 1.

Таблица 1

Контексты снятой утвердительности в соответствии с типом триггера

Триггер	КСУ
Грамматическая форма	будущее время
	императив
Конструкция	стандарт сравнения
	общий вопрос
	специальный вопрос
	дизъюнкция
Семантика	сопредикатное внутрисловное отрицание i
	сопредикатное внутрисловное отрицание ii
	предикат неуверенности
	сопредикатная ИГ с квантором общности
	узуальные и итеративные контексты
	скрытое условие
	модальность возможности
	модальность необходимости
	желание
	просьба, предложение
	неуверенность: предположение, нереальность, мнение
Конструкция + Семантика	прямое отрицание
	отрицание вышестоящего предиката
	отрицание вышестоящего предиката с союзом
	предлог с имплицитным отрицанием
	конструкция предшествования
	условное придаточное
целевое придаточное	

Таким образом, триггеры лицензирования с ННМ в славянских языках не сводятся к средствам одного языкового уровня: они могут быть морфологическими, синтаксическими, семантическими или семантико-синтаксическими. Кроме того, лицензируемый элемент должен находиться в определенной синтаксической позиции по отношению к своему триггеру, однако универсальной схемы таких позиций (с-командование) для всех контекстов, по-видимому, не существует. Следовательно, «лицензирующий контекст» для элемента X следует понимать как его специфическую синтаксическую позицию по отношению к триггеру того или иного типа.

Примечания

- ¹ *Haspelmath M.* Indefinite pronouns (Oxford Studies in Typology and Linguistic Theory). Oxford, 1997. P. 37–45; *Падучева Е.В.* Снятая утвердительность и неверидиктальность (на примере русских местоимений отрицательной полярности) // *Russian Linguistics*. 2015. Vol. 39. N 2. С. 133.
- ² *Van der Wouden T.* Negative Contexts. Collocation, Polarity and Multiple Negation. New York, 1997. P. 81–92.
- ³ См., напр., *Barker C., Pullum G.K.* A theory of command relations // *Linguist Philos*. 1990. N 13. P. 1–34.
- ⁴ *Ladusaw W.A.* Polarity Sensitivity as Inherent Scope Relations. New York, London, 1980. P. 113.
- ⁵ *Baker C.L.* Double negatives // *Linguistic Inquiry*. 1970. № 1. P. 169–186.
- ⁶ *Van der Wouden T.* Negative Contexts. P. 59.
- ⁷ *Падучева Е.В.* Снятая утвердительность... С. 129–162.
- ⁸ Там же; *Падучева Е.В.* Русские местоимения свободного выбора // *Russian Linguistics*. 2018. Vol. 42. № 3. С. 291–319.
- ⁹ *Giannakidou A.* Polarity sensitivity as (non)veridical dependency. Amsterdam, Philadelphia, 1998.
- ¹⁰ *Progovac L.* Negative polarity: A semantico-syntactic approach // *Lingua*. 1992. № 86. P. 285.

Прерывисто-смягчительный способ глагольного действия: русский язык vs. сербский/хорватский

Мария Ивановна Хажомия

Православный Свято-Тихоновский гуманитарный университет,
Москва, Российская Федерация;
e-mail: semper_gaudete@outlook.com
ORCID: 0009-0009-0960-2300

Ключевые слова: способы глагольного действия, прерывисто-смягчительный способ глагольного действия, русский язык, сербский язык, хорватский язык

Intermittently-Diminutive Verbs in Russian, Serbian / Croatian

Maria I. Khazhomia

St. Tikhon's Orthodox University
for the Humanities,
Moscow, Russian Federation;
e-mail: semper_gaudete@outlook.com
ORCID: 0009-0009-0960-2300

Keywords: Aspect, intermittently-diminutive verbs, Russian language, Serbian language, Croatian language

Введение

Способы глагольного действия (далее — СГД) могут выражаться глаголами как совершенного вида, так и несовершенного, что определяет распределение их на два типа: перфективные и имперфективные СГД. В свою очередь, каждый из этих типов характеризуется определенными словообразовательными моделями. Далее речь пойдет об одном из СГД

imperfectiva tantum, а именно о прерывисто-смягчительном СГД, который, согласно классификации Анны А. Зализняк и А.Д. Шмелева, объединяет глаголы со значением «делать что-то время от времени и понемногу»¹. Следует подчеркнуть, что относительно границ классов глаголов, примыкающих к рассматриваемому СГД, не существует единого мнения. В данной работе мы будем придерживаться позиции, что к прерывисто-смягчительному СГД можно отнести глаголы с комбинацией приставок *по-*, *под-*, *при-*, *на-* с итеративным суффиксом. Цель исследования — сопоставить русские и сербские/хорватские глаголы прерывисто-смягчительного СГД, представить инвентарь словообразовательных средств, служащих маркером для отнесения того или иного глагола к данному СГД.

Русский язык

Прерывисто-смягчительный СД в русском языке в качестве формальных показателей имеет приставки *по-*, *под-*, *при-* и суффикс итеративности *-ива/-ыва*²: *поговаривать*, *повизгивать*, *покуривать*, *подшучивать*, *прихрамывать* и т. п. Ср.: *Лениво покачивались банановые пальмы.* — Е. Евтушенко. «Фуку». *Спички потряхиваю, брэнча.* — А. Вознесенский. «Скульптор свечей». *Кружится ветер белый, / Посвистывает на бегу...* — Э. Асадов. «Зимняя сказка». *Хотя она и ходила на четырёх ногах, но сильно прихрамывала: одну ногу она берегла, больная была нога.* — А. Солженицын. «Матрёнин двор».

К этому СГД примыкают еще несколько глаголов небольших классов глаголов, образованных комбинацией разных приставок с итеративным суффиксом: глаголы на *на...-ыва/-ива-*, обозначающие «делать что-то слегка» (*наигрывать*, *насвистывать*)³, которые М.А. Шелякин относит к процессно-смягчительному СД⁴. Ср.: *Капля начинавшего накрапывать дождя уважительно ползла по седине добродетельной сухощечкой фрау.* — Е. Евтушенко. «Фуку». *Как часто у окна / Нашептывал мне, старый: «Выкинься».* — Б. Пастернак. «Январь 1919 года».

Кроме того, к прерывисто-смягчительному СГД, по классификации Анны А. Зализняк и А.Д. Шмелева, можно отнести и глаголы на *раз-...-ыва-/ива*⁵, обозначающие действие, воспринимаемое говорящим как бесцельное (*распевать, разгуливать*). Иные исследователи, впрочем, глаголы данного класса относят к процессно-длительному⁶ и длительно-дистрибутивному СГД⁷.

К прерывисто-смягчительному СГД относят и глаголы на *вы-...-ыва-/ива*⁸ (*выделывать, выплясывать*), однако, например, у М.А. Шелякина эти глаголы выделены в особый СД — осложненно-интенсивный⁹, а в Русской грамматике-80 — интенсивно-кратный¹⁰.

Сербский/хорватский язык

У сербокроатистов также нет единого мнения относительно классификации СГД. Основная проблема, с которой сталкиваются лингвисты, заключается в трудности «в разграничении СГД, особенно тех, которые настолько переплетаются, пронизываются, что почти не поддаются четкому и объективному разграничению», в связи с чем «их дифференциация в ряде случаев не имеет строгого характера и является условной»¹¹. Изученность СГД в сербокроатистике в свое время была описана Б. Тошовичем¹², некоторые СГД описаны в работах Н.А. Снигир¹³. Б. Тошович предлагает свою классификацию СГД на основе модификации значения, выступающей «в форме изменения степени, изменения нормы, изменения количества и изменения последовательности»¹⁴. Поскольку среди многочисленных СГД, представленных в данной классификации, не находим полностью соответствующего русскому прерывисто-смягчительному СД, при сопоставлении отбирались сербские/хорватские глаголы с семей уменьшительности, прерывистости и многократности.

В грамматиках сербского/хорватского языка четкого разграничения глаголов по СГД не находим. Некоторые грамматики ограничиваются перечислением суффиксов с указанием значения, которое данный формант привносит в слово при словообразовании. Так, в грамматике М. Стевановича¹⁵

указано, что суффиксы *-ара(ти)* и *-кара(ти)*, *-уца(ти)*, *-уши(ти)*, *-уљи(ти)*, *-уцати* имеют значения: а) пейоративное: *вуцарати се* ‘шляться’, *пискарати* ‘пописывать; марать бумагу’; б) частично пейоративное с преобладанием уменьшительного оттенка: *дремуц(к)ати* ‘подремывать’, *невуцкати/невушити* ‘попевать, напевать, мурлыкать себе под нос’, *пијуц(к)ати* ‘попивать’, ‘прихлёбывать’, *смејуљити се/смејуцкати се* ‘посмеиваться, похихикивать’. Данные слова в сербскохорватско-русском словаре¹⁶ идут с пометой *уменьш.* (уменьшительное значение, деминутив). Подобную характеристику суффиксов таких глаголов находим в грамматике сербохорватского языка И. Брабеца, М. Храсте и Ш. Живковича¹⁷: *-ar-* (*sjetkariti* ‘присаживаться, посиживать’), *-uš-* (*pjevušiti* ‘попевать, напевать’), *-k-* (*kuckati* ‘постукивать’), *-uc-* (*kašljucati* ‘покашливать’, *valjuškati se* ‘покачиваться’). В грамматике Т. Маретича¹⁸ также выделяются глаголы, обозначающие действие, совершающееся «в небольшой степени» (при этом в эту группу попадают глаголы как совершенного, так и несовершенного видов): *poigrati* ‘потанцевать, поплясать’; *potoliti se* — помолиться, *pokucati* ‘постучать’.

И. Клайн¹⁹ деминутивным значением наделяет суффиксы *-ка(ти)*, *-ука(ти)*, *-ута(ти)*, *-уца(ти)*, *-уца(ти)*: *боцкати* ‘покалывать’, *гуркати* ‘поталкивать’, *звиждукати* ‘посвистывать’, *скакутати* ‘подпрыгивать, припрыгивать’, *хрипутати* ‘похрипывать, покашливать’, *свируцкати* ‘наигрывать’, *невуцкати* ‘попевать’, *радуцкати* ‘поделывать’, *светлуцати* ‘поблескивать’, *гегуцати се* ‘покачиваться’, *невуцати* ‘попевать’, *шантуцати* ‘прихрамывать; значением многократности — суффикс *-ка(ти)*: *бацакати* ‘подбрасывать, метать’, *мољакати* ‘выпрашивать, надоедать’, *љуљкати* ‘покачивать, колыхать’; значением незначительности действия — суффикс *-кара(ти)*: *пискарати* ‘марать бумагу, пописывать’, *трчкарати* ‘бегать туда-сюда’.

Таким образом, уменьшительное значение сербских/хорватских глаголов с указанными суффиксами можно трактовать как значение ослабленных, неполных действий, происходящих «время от времени». Если объединить данные

из разных грамматик, то ряд суффиксов, маркирующих тот или иной глагол как имеющий значение прерывистого, многократного и ослабленного в своем проявлении действия, осуществляемого время от времени, будет выглядеть так: *-ка(ти)*, *-ука(ти)*, *-ута(ти)*, *-уцка(ти)*, *-уца(ти)*, *-ака(ти)*, *-(к)ара(ти)*, *-уши(ти)*, *-уљи(ти)*.

В сербохорватских грамматиках не указываются префиксы, участвующие в образовании прерывисто-смягчительного СГД, однако на глаголы с приставкой *по-*, имеющие «деминутивную семантику» (*подрхтавати* ‘подрагивать’, *покликивати* ‘восклицать’, *помукивати* ‘порёвывать’, *поболевати* ‘побаливать’ и др.), обращает внимание в одной из своих статей И. Грицкат²⁰. Примеры употребления находим следующие: *На стијену воштанице начинио се крупан лептирак гара од кога се пламен издуљио у прам чађава дима а свјетлост потитравала и свјетломрцала обасјаваући просторију кратким, задахтаним пламсајима* — На свече образовался большой столбик нагара, из-за которого огонек тянулся вверх и, превращаясь в полоску чадящего дыма, *подрагивал* и еле освещал комнату короткими задыхающимися всплесками*. — В. Десница. «Формалиста»; ...*Ђе на Ива криво поглеђива, / И са својом главом потресива, / И са својим зубим' пошкрипује, / Из танахна грла помукује* — ...Как на Ива косо посматривает, / И головой своей покачивает, / И зубами (своими) скрежещет (досл.: поскрежещивает), / Из тонкого горла похрипывает**. — «Удбињани позивају Сењане на вино»²¹.

Перевод с русского на сербский/хорватский

Переводя русские глаголы прерывисто-смягчительного СД, переводчики прибегают к использованию как глаголов, в составе которых есть суффиксы-маркеры прерывисто-смягчительного СД, так и глаголов, у которых отсутствует данное аспектуальное значение. Ср.: *Ипполит Матвеевич остался в «Сорбонне» и в волнении стал прохаживаться в ущелье*

* Перевод А. Лазуткина.

** Перевод мой. — М. Х.

между двумя кроватями — *Ipolit Matvejevič je ostao u «Sorbóni» i, veoma uzbuđen, šetao tesnacem između dva kreveta**. — И. Ильф, Е. Петров. «Двенадцать стульев»; *И тем не менее где-то какая-то иголочка в самой глубине души покалывала председателя — Па ипак, некаква игла је негде у дубини душе боцкала председника.* — М. Булгаков. «Мастер и Маргарита»^{**}; ... *беспрестанно двигался, поводил плечами, точно платье ему под мышками резало, моргал, покашливал и шевелил пальцами...* — *Neprestano se kretao, slijegao ramenima baš kao da ga odjeća tišti ispod pazuha, žmirkao, kašljucio i igrao se prstima*^{***}. — И. Тургенев.

Перевод с сербского/хорватского языка на русский

При переводе с сербского/хорватского языка на русский переводчики довольно часто используют глаголы прерывисто-смягчительного СД даже при их отсутствии в оригинале. Ср.: *блијед и мршав човјек зури у њу без ријечи и спокојно пуши лулу на танком смоковом камишу — бледный, худой мужчина безмолвно взирает на нее и мирно посасывает трубку с тонким, инжирного дерева мундштуком*^{****}. — В. Десница. «Формалиста»; *Супротивном страном палубе шеткао је мештре Јурица Кулалела — Вдоль противоположного борта прохаживался бондарь Юрица Кулалела*^{*****}. — В. Десница. «Бог види све».

Скорее всего, это можно объяснить тем, что в русском языке бытование глаголов такого СД представлено шире и естественнее, чем в сербском/хорватском, что, в свою очередь, приводит к привлечению их в качестве аналогов сербских/хорватских глаголов при переводе даже там, где в оригинале нет авторского указания на «смягченность» действия.

* Перевод Н. Николитч.

** Перевод М. Чолича.

*** Перевод З. Црнковича.

**** Перевод А. Лазуткина.

***** Перевод И. Макаровской.

Выводы

Отличием образования прерывисто-смягчительного СГД в рассматриваемых языках является прочность «скрепы» префиксов с суффиксами: в русском языке наблюдается неразрывность префиксального и суффиксального способов образования; в сербском/хорватском более продуктивным для данного СД является суффиксальный способ образования. Сербский/хорватский язык по сравнению с русским нерегулярно использует префиксацию для выражения прерывисто-смягчительного СГД; зато частотность выражения значений данного СД с помощью суффиксов высока (см. Табл. 1).

Для обоих языков класс прерывисто-смягчительного способа действия продуктивен. В то же время в переводах с сербского/хорватского языка на русский при отсутствии в языке оригинала глагола указанного СД переводчик легко использует глаголы прерывисто-смягчительного СД.

Таблица 1

Способы передачи прерывисто-смягчительного аспектуального значения

Русский язык		Сербский/хорватский язык	
Комбинация приставки и суффикса		Приставка	Суффикс
<i>по-</i>	<i>-ива-/-ыва-</i>	<i>по-</i>	<i>-кати</i>
<i>под-</i>			<i>-акати</i>
<i>при-</i>			<i>-укати</i>
<i>на-</i>			<i>-карати</i>
			<i>-утати</i>
			<i>-уцати</i>
			<i>-уцкати</i>

Примечания

- 1 *Зализняк Анна А., Шмелев А.Д.* Введение в русскую аспектологию. М., 2000. С. 122.
- 2 Там же.
- 3 Там же. С. 123.
- 4 *Шелякин М.А.* Категория вида и способы глагольного действия русского глагола. Таллин, 1983. С. 195.
- 5 *Зализняк Анна А., Шмелев А.Д.* Введение... С. 123.
- 6 *Шелякин М.А.* Категория вида... С. 196.
- 7 *Русская грамматика / редкол.: д. филол. н. Н.Ю. Шведова (гл. ред.) и др. М., 1980. Т. 1. С. 598–599.*
- 8 *Зализняк Анна А., Шмелев А.Д.* Введение... С. 123.
- 9 Там же.
- 10 *Русская грамматика... С. 599.*
- 11 *Тошович Б.* Способы глагольного действия в сербском, хорватском и бошняцком языках. Katowice, 2007. С. 42–43.
- 12 *Tošović B.* Изученность способов глагольного действия в сербохорватистике // *Srpski pogledi na odnose između srpskog, hrvatskog i bošnjačkog jezika / B. Tošović, A. Wonisch (ur.).* Graz; Beograd, 2010. Knjiga I/2. S. 201–228.
- 13 *Снигир Н.А.* Способы глагольного действия в белорусском и сербском языках: семантический и структурно-грамматический аспекты: дис. ... канд. фил. н. Минск, 2020; *Она же.* Особенности словообразовательной структуры делимитативных глаголов в белорусском и сербском языках // *Сборник научных статей студентов, магистрантов, аспирантов / редкол.: В.Г. Шадурский и др. Минск, 2019. Вып. 21. С. 237–239; Она же.* Делимитативный способ в ряду других глагольных способов действия в белорусском и сербском языках // *Карповские научные чтения: материалы Девятых Карповских науч. чтений, Минск, 13–14 марта 2015 г. / редкол.: А.И. Головня (отв. ред.) и др. Минск, 2015. Вып. 9. Ч. 2. С. 216–219.*
- 14 *Тошович Б.* Способы глагольного действия... С. 48.
- 15 *Стевановић М.* Савремени српскохрватски језик. Београд, 1986. Т. 1. С. 591.
- 16 *Толстой И.И.* Сербско-хорватско-русский словарь. М., 1957.
- 17 *Vrabec I., Hraste M., Živković Š.* Gramatika hrvatskoga ili srpskoga književnog jezika. Zagreb, 1958. S. 186.
- 18 *Maretić T.* Gramatika hrvatskoga ili srpskoga književnog jezika. Zagreb, 1963. S. 414–415.
- 19 *Клајн И.* Творба речи у савременом српском језику. Нови Сад, 2003. Т. 2. С. 328–335.
- 20 *Грицкат И.* Деминутивни глаголи у српскохрватском језику // *Јужнословенски филолог. 1955–1956. XXI. Књ. 1–4. С. 45–96.*
- 21 *Hrvatske narodne pjesme. Odio prvi. Junačke pjesme. Zagreb, 1896. Knjiga prva / ur. I. Broz, S. Bosanac.*

Синкретизм в сербской лексической системе*

Виктория Валерьевна Каприелова

МГУ имени М.В. Ломоносова,
Институт языкознания РАН,
Москва, Российская Федерация;
e-mail: nikakap@mail.ru
ORCID: 0009-0006-7314-3098

Ключевые слова: семантика, типология, семантический переход, синкретизм, лексические параллели

Syncretism in the Serbian Lexical System

Viktorija V. Kaprielova

Lomonosov Moscow State University,
Institute of Linguistics RAS,
Moscow, Russian Federation;
e-mail: nikakap@mail.ru
ORCID: 0009-0006-7314-3098

Keywords: semantics, typology, semantic shift, syncretism, lexical parallels

Актуальной задачей современных исследований славянских литературных языков является описание их типологических особенностей¹, в частности особенностей лексической системы. Наш анализ показывает, что важной характеристикой сербской лексической системы можно считать склонность к синкретизму.

* Работа выполнена при финансовой поддержке РФФ, грант № 22-18-00586 «Построение типологии полисемии с применением частично-автоматизированной системы кросс-языковой идентификации семантических переходов».

Под синкретизмом вслед за Анной А. Зализняк мы понимаем ситуацию, когда «в языке X смыслы P и Q выражаются разными словами, а в языке Y — одним словом»²; примером синкретизма может служить совмещение значений ‘сыр’ и ‘творог’ во французском *fromage* (такой же синкретизм есть в сербском слове *сир*).

Синкретизм в сербском языке — явление неоднородное. С одной стороны, существует старый (исконный, возникший в праславянскую эпоху) синкретизм, соответствующий данному выше определению. Это ситуация, когда два значения изначально сосуществовали в рамках одного слова. Так, например, наследуя праславянской лексической системе, сербский язык не различает значения ‘кожа (человека)’ и ‘шкура (животного)’; оба выражаются словом *кожа**:

- (1) Muška **koža** se fiziološki veoma razlikuje od ženske **kože**. (Мужская **кожа** физиологически весьма отличается от женской **кожи**).
- (2) ... u svojim domovima na podovima držite **kožu** medveda ili koje druge odrane životinje. (... вы храните дома на полу **шкуры** медведя или других животных).

В сербском слове *добар* сохраняется совмещение значений ‘хороший’ и ‘добрый’, которое было характерно еще для старославянской лексемы *добръ*³:

- (3) Hrana je preduslov **dobrog** zdravlja i opšte psihofizičke vitalnosti. (Питание является необходимым условием **хорошего** здоровья и общей психофизической активности).
- (4) Svako ima perfektnu ulogu, odlični su glumci sa slatkim rećima, vestačkim **dobrim** osmehom i ljubkim pogledom. (У каждого своя идеальная роль, они прекрасные актеры с приятными словами, фальшиво-**добрыми** улыбками и очаровательными взглядами).

Такой синкретизм нельзя считать специфической чертой сербского языка; он фиксируется повсеместно и демонстри-

* Здесь и далее примеры из корпуса srWaC. URL: https://www.clarin.si/noske/run.cgi/corp_info?corpname=srwc&struct_attr_stats=1&subcorpora=1 (дата обращения: 12.04.2025).

рует «несовпадение способов членения внеязыковой действительности средствами лексических систем», которое «является важнейшим свойством естественных языков; способы этого членения и характер их несовпадения составляют основной предмет лексической типологии»⁴.

Большой интерес представляет другое явление. В современном сербском языке довольно частотна ситуация, когда при сосуществовании слова А со значением Х (например, *лити* со значением ‘налить’) и слова В со значением Y (глагола *синати* со значением ‘насыпать’) лексема В широко используется и в значении Y, и в значении Х так, как если бы в лексической системе отсутствовало слово А (на большой территории распространения сербского языка лексема *синати* употребляется и в значении ‘насыпать’, и в значении ‘налить’, выигрывая конкуренцию с лексемой *лити*).

Это явление мы предлагаем называть *новым синкретизмом*, хотя понимаем, что речь идет не о прототипическом синкретизме, а о расширении значения. Важно, что новый синкретизм не фиксирует слитность фактов внеязыковой действительности в сознании носителей, так как система языка предоставляет средства различать два (и иногда более) внеязыковых явления. Но по определенной причине носители склонны к синкретичному употреблению некоторых лексем. Именно новый синкретизм может считаться типологической чертой сербской лексической системы.

Ярким примером нового синкретизма является глагол *ставити*. Хотя его «исходное» значение — ‘ставить’, он активно употребляется в контекстах, где мог бы быть использован глагол *положити*, нейтрализуя признак ‘вертикальное/горизонтальное положение в пространстве’ (5). Кроме того, лексема *ставити* употребляется в значениях ‘вешать’ (6), ‘писать’ (то есть ‘располагать буквы в пространстве’) (7) и даже в переносном значении ‘класть деньги на счет’ (8) (ср. рус. *ставить деньги на скачках*, но *класть деньги на счет*).

- (5) *Bebu možete staviti u krevet ujutro ili naveče <...> no spavanje s njom u istom krevetu se ne preporučuje.* (Можете

класть ребенка в кровать утром или вечером, <...> но спать с ним в одной кровати не рекомендуется).

- (6) Njegovu sliku ću da **stavim** na zid. (Повешу его фотографию на стену).
- (7) ... namerno sam **stavio** veliko slovo, jer sam mu beskrajno zahvalan. (... я специально **написал** с заглавной буквы, потому что я ему бесконечно благодарен).
- (8) ... sredstva na kartici se troše onoliko koliko korisnik **stavi** na karticu (на карточке тратится ровно столько средств, сколько пользователь на нее **кладет**).

Таким образом, инвариант значения для данной лексемы можно сформулировать как ‘располагать предметы в пространстве’; при этом не значимым оказывается как тип предметов и пространства, так и способ их расположения.

Первое значение сербского слова *број* — ‘число’, но данная лексема также развивает значения ‘номер’ (9), ‘цифра’ (в котором конкурирует с лексемой *цифра*) (10), ‘размер одежды или обуви’ (которым также обладает слово *величина*) (11) и ‘код, шифр’ (при существовании слова *шифра*) (12):

- (9) pod rednim **brojem** dvanaest Demokratska stranka vojvođanskih Mađara (под номером двенадцать Демократическая партия венгров Воеводины).
- (10) Police se obeležavaju rimskim **brojevima**, redovi arapskim, a pregrade manjim slovima azbuke. (Полки подписаны римскими **цифрами**, ряды — арабскими, а отсеки — строчными буквами алфавита).
- (11) Koji **broj** haljine nosi? (Платья какого **размера** она носит?)
- (12) Unesite vaš PIN **broj** sa kartice. (Введите ПИН-код с карты).

Слово *снимак* в сербском одновременно обладает значениями ‘фотоснимок’ (13), ‘видеозапись’ (14) и ‘аудиозапись’ (15). В данном случае нам не удастся установить направление семантического развития:

- (13) **Snimak** magline u Orionu. (**Снимок** туманности Ориона).

- (14) Pravili su nam još i reklamne materijale, kataloge, video **snimak**, banere i td. (Они также изготовили для нас рекламные материалы, каталоги, **видеоролики**, баннеры и т.д.).
- (15) Predstava je zasnovana na muzičkoj impresiji autorke, dok je slušala **snimak** izvođenja mađarskog benda Desert Chaos. (В основе спектакля лежат музыкальные впечатления автора от прослушивания **записи** выступления венгерской группы Desert Chaos).

Синкретизм в сербском языке может наследоваться из другого языка в процессе заимствования. Так, лексема *ципела* имеет толкование ‘врста обуће која покрива стопало, обично од коже’⁵ (вид обуви, покрывающий ступню; обычно из кожи), то есть она синкретично обозначает ряд предметов: туфли, ботинки, башмаки и т.д. Данное слово — заимствование из венгерского, где лексема *cipellő* (или *cipő*) имеет идентичное значение; ср. в венгерско-русском словаре приводятся следующие эквиваленты для слова *cipő*: «обувь», «туфли», «(мужские) ботинки», «полуботинки»⁶. Таким образом, синкретизм был характерен для этого слова уже в венгерском, а затем сохранился и в сербском языке.

Заимствования могут получать синкретичное расширение значения уже после вхождения в сербский язык. Слово *абортус*, согласно Словарю иностранных слов И. Клайна и М. Шипки, было заимствовано в значении ‘аборт’⁷, но уже в толковом словаре его семантика определяется как ‘побачај, превремени (спонтани или намерно изазвани) прекид трудноће’⁸ (аборт, преждевременное (спонтанное или намеренное) прерывание беременности). То есть в современном языке данная лексема одновременно обозначает и ‘аборт’, и ‘выкидыш’, делая не значимым признак ‘намеренное/ненамеренное действие’.

Итак, синкретизм в сербском языке включает в себя разнородные явления: он может быть *старым*, праславянским, или *новым*, возникающим в современном сербском языке синкретичным расширением значения как в исконной лексике, так и в заимствованной; в редких случаях он может входить в сербский язык из другого языка. Так или иначе

тенденция к синкретичному выражению значений является яркой чертой лексической системы современного сербского литературного языка.

Примечания

- ¹ *Исаченко А.В.* К вопросу о структурной типологии словарного состава славянских литературных языков // *Slavia*. 1958. Ročník XXVII. Sešit 3. С. 334–352; *Толстая С.М.* Пространство слова. Лексическая семантика в общеславянской перспективе. М., 2008.
- ² *Зализняк Анна А.* Семантический переход как объект типологии // *Вопросы языкознания*. 2013. № 2. С. 42.
- ³ *Этимологический словарь славянских языков / Под ред. О.Н. Трубачева.* М., 1978. Выпуск 5. С. 45.
- ⁴ *Смирнитская А.А.* Дравидийские термины родства с точки зрения типологии семантических переходов: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.20 / Смирнитская Анна Александровна. М., 2022. С. 179.
- ⁵ *Речник српскога језика / ур. М. Николић.* Нови Сад, 2007. С. 1492.
- ⁶ *Венгерско-русский словарь / Под общей ред. Л. Гальди.* М., Будапешт, 1987. С. 110.
- ⁷ *Клајн И., Шипка М.* Велики речник страних речи и израза. Нови Сад, 2006. С. 56.
- ⁸ *Речник српскога језика...* С. 16.

DOI: 10.31168/2619-0869.2025.52

Явления феминизации на синтаксическом уровне в современном словенском языке

Мария Алексеевна Волкова

МГУ имени М.В. Ломоносова,
Москва, Российская Федерация;
e-mail: wolkoff457@gmail.com
ORCID: 0009-0007-7733-1050

Ключевые слова: словенский язык, синтаксис, феминитивы, согласование, славянские языки

Grammatical Feminization Phenomena in Contemporary Slovene Syntax

Maria A. Volkova

Lomonosov Moscow State University,
Moscow, Russian Federation;
e-mail: wolkoff457@gmail.com
ORCID: 0009-0007-7733-1050

Keywords: Slovene language, syntax, feminization, agreement, Slavic languages

В словенском языке категория рода не нейтрализована во множественном числе, и окончания именных частей речи в именительном падеже множественного числа различаются: в формах мужского рода используется окончание *-i*, женского рода *-e*, среднего рода *-a*. Например, *lepi fanti* ‘красивые парни’, *lepe učiteljice* ‘красивые учительницы’, *lepa drevesa* ‘красивые деревья’. В именительном падеже двойственного числа окончания женского и среднего рода совпадают (*lepi učiteljici* ‘красивые учительницы’, *lepi drevesi* ‘красивые деревья’), в мужском роде окончание иное (*lepa fanta* ‘красивые парни’). Отсутствие нейтрализации категории рода во множественном числе влияет на согласование. Целью исследования стало определение особенностей синтаксического оформления феминитивов при одновременном использовании с существительным мужского рода.

В словенском языке существуют две возможности для согласования с однородными членами: согласование по нейтральному мужскому роду или по роду ближайшего однородного члена. В словенской грамматике Й. Топоришича указано, что мужской род не является грамматически маркированным¹, поэтому при согласовании с однородными членами разных родов преимущественно используется именно мужской род.

В рамках исследования нами были проанализированы случаи одновременного употребления двух существитель-

ных — мужского и женского рода — для следующих пар: *sodelavec* ‘коллега’ — *sodelavka, zdravnik* ‘врач’ — *zdravnica, politik* ‘политик’ — *političarka, gospod* ‘господин’ — *gospa, bralec* ‘читатель’ — *bralca, novinar* ‘журналист’ — *novinarka* и т.д.

В рамках исследования мы обратились к материалам корпуса «Gigafida 2.0»². Это корпус современного литературного словенского языка, созданный в 2011 году и включающий около 60.000.000 словоупотреблений.

Проанализированные нами случаи согласования при одновременном употреблении существительных мужского и женского рода можно разделить на 3 группы: 1) с согласуемым определением; 2) с причастием на *-l* в составе аналитического будущего или прошедшего времени; 3) с именной частью составного именного сказуемого.

1. Нами отмечены многочисленные примеры употребления согласуемого определения в форме женского рода при условии, что ближайшее к нему однородное подлежащее — женского рода: *mlade zdravnice in zdravniki* ‘молодые врачи’ (газета *Delo*, 2010 г.), *spoštovane sodelavke in sodelavci* ‘уважаемые коллеги’ (газета *Naš časopis*, 2009 г.), *naše sodelavke in sodelavci* ‘наши коллеги’ (газета *Delo*, 2008 г.), *cenjene bralke in bralci* ‘дорогие читательницы и читатели’ (газета *Novi glas*, 2006 г.), *cenjene sodelavke in sodelavci* ‘дорогие коллеги’ (газета *Novi glas*, 2006 г.), *drage gospe in gospodje* ‘дорогие дамы и господа’ (газета *Dnevnik*, 1996 г.) и т.д.

Употребление нейтральной мужской формы при условии, что ближайший однородный член — это существительное женского рода, менее частотное явление:

Norvežani, poleg številne ekipe norveške televizije, ki je tam uredila tudi svoj studio, še bogati gospe in gospodje [...] (Норвежцы — помимо многочисленной команды норвежского телевидения, которая организовала там свою студию, — а также богатые дамы и господа [...]) (газета *Delo*, 2003 г.).

Нами было рассмотрено 800 примеров данного синтаксического явления. В 92% случаев согласуемое определение имеет форму женского рода, если ближайшее к нему однородное подлежащее женского рода.

2. Грамматически закреплено правило, что в случае, если субъекты действия разного пола, используется мужской род для образования форм аналитического будущего и прошедшего времени. В соответствии с этим женский род у причастия на *-l* будет использован только в случае, если все субъекты действия — лица женского пола. Но, как отмечалось выше, возможно согласование по роду с ближайшим однородным членом. Однако данная возможность используется не часто. Из 500 рассмотренных нами случаев было найдено лишь 2 примера употребления женского рода у причастия на *-l* при гендерно смешанной группе участников действия:

- (1) *Postavile so ga sodelavke in sodelavci umetniške skupine [...] (Инсталляция была создана сотрудниками и сотрудницами художественной группы [...]) (портал vitaana.net, 2010 г.);*
- (2) *Pri tem so mi pomagale sodelavke in sodelavci [...] (В этом ему помогли коллеги [...]) (Я. Зерзер «Добрые пастыри»).*

В остальных случаях причастие было употреблено в форме мужского рода, даже когда ближайшее к нему подлежащее имело женский грамматический род:

Sodelavci in sodelavke Mirovnega inštituta so pripravili obsežen dokument pripomb [...] (Сотрудники и сотрудницы Института мира подготовили обширный документ с замечаниями [...]) (портал mirovni-institut.si, 2010 г.).

3. Именная часть составного именного сказуемого принимает форму мужского рода, даже если ближайший однородный член — женского рода. Нами не было отмечено ни одного примера, когда бы это правило было нарушено.

Izkazalo se je tudi, da je zelo koristno, če so prostovoljni sodelavci in sodelavke vključeni v projekt že ob njegovem nastajanju (Также выяснилось, что очень полезно включать волонтеров и волонтерок в проект уже на этапе его формирования) (портал fdv.uni-lj.si, 2002 г.).

Интересен пример, в котором сказуемое выражено существительным мужского рода *bralci* ‘читатели’ и согласуемым с ним определением *pomembni* ‘важные’, а подлежащие — существительное мужского и женского рода *sodelavci* и *sodelavke* ‘коллеги’:

Sodelavci in sodelavke so pomembni bralci [...] (Сотрудники и сотрудницы — важные читатели [...]) (Журнал «Истории на работе», 2005 г.)

Данный случай подтверждает: при неререферентном употреблении используется грамматический мужской род. Приведем еще один показательный пример:

Novinarke in novinarji (v nadaljnjem besedilu: novinarji), urednice in uredniki (v nadaljnjem besedilu: uredniki) RTV Slovenija in drugi [...] (Журналисты и журналистки (далее в тексте: журналисты), редакторы и «редакторки» (далее в тексте: редакторы) RTV Slovenija и другие сотрудники [...]) (портал pirs.si, 2010 г.).

При рассмотрении случаев употребления форм двойственного числа нами не был обнаружен ни один пример, когда предикат или согласуемое определение имели бы форму женского рода. В случае употребления двойственного числа предикат или согласуемое определение стоит в форме либо мужского рода двойственного числа, либо в форме мужского рода единственного числа:

Tudi cela njegova družina, predusem oče in mama sta gotovo čisto prijetna gospod in gospa (Да и вся его семья, особенно отец и мать — несомненно, весьма приятные господин и госпожа) (И. Вренчур «Урнебес»).

[...] na fotografiji neki gospod in gospa obdelujeta svoj vrtiček ([...] на фото некий господин с супругой обрабатывают свой огородик) (журнал «Mladina», 2004 г.).

Таким образом, мужской род при согласовании подлежащих разного рода выполняет функцию универсального нейтрального компонента. Женский род является маркированным и, как правило, относится только к лицам женского пола. Однако были отмечены случаи употребления согласуемого определения и причастия на *-l* в форме женского рода при смешанной группе лиц.

Примечания

¹ Toporišič J. Slovenska slovnica. 4., prenovljena in razširjena izd. Maribor, 2000.

² Gigafida 2.0 | ZRC SAZU. URL: <https://viri.cjvt.si/gigafida/> (дата обращения: 10.02.2025).

СЛАВЯНСКАЯ СОЦИОЛИНГВИСТИКА

DOI: 10.31168/2619-0869.2025.53

Языковая идентичность буневцев в Бачке

Игорь Николаевич Каменнов

МГУ имени М.В. Ломоносова,
Москва, Российская Федерация;
e-mail: igorek.kamennov@gmail.com
ORCID: 0009-0003-6290-4443

Ключевые слова: социолингвистика, микроязык, буневцы, стандартизация языка, штокавское наречие

Linguistic Identity of the Bunjevci in Bačka region

Igor N. Kamennov

Lomonosov Moscow State University,
Moscow, Russian Federation;
e-mail: igorek.kamennov@gmail.com
ORCID: 0009-0003-6290-4443

Keywords: sociolinguistics, microlanguage, Bunjevci, language standartization, Shtokavian dialect

В последние 30 лет при участии культурно-просветительских учреждений Бачки ведется активная работа по формированию современной идентичности буневцев. Одна часть буневцев считает себя частью хорватского этноса и носителями буневского младоикавского диалекта хорватского языка, тогда как другие идентифицируют себя как отдельный народ с собственным буневским языком. В результате возникла оп-

позиция «буневцы-хорваты / буневцы-нехорваты» (*bački Bunjevci hrvati / bački Bunjevci nehrvati*), которая встречается в медиадискурсе*.

Обе стороны представлены отдельными культурно-просветительскими учреждениями, деятельность которых сосредоточена на решении двух общих проблем: определении языковой идентичности посредством регулирования языковой практики и отборе элементов культурных традиций, вокруг которых могла бы сформироваться идентичность буневцев как части современного общества. Однако для достижения этих целей две группы выбрали принципиально разные пути, что еще больше закрепило выстроенную оппозицию.

Почему же проблема регулирования языковой практики является общей? Это связано с тем, что большинство буневцев из Бачки, независимо от того, определяют ли они себя как хорваты или нет, используют стандартный сербский язык в своем повседневном официальном и неформальном общении — буневский новоштоковско-икавский диалект почти полностью вышел из употребления, в то время как стандартный хорватский принят лишь частично в нескольких областях. Это вызвано тем, что в Бачке до последнего времени не было стабильных институтов, способствующих поддержанию их идиома, а также тем, что сербский язык считается более престижным.

Буневцы-хорваты стремятся к более широкому использованию стандартного хорватского языка, для чего организовано обучение в школах в Суботице, Сомборе и близлежащих деревнях. Стандартный хорватский язык используется в средствах массовой информации и является одним из официальных языков городской администрации в Суботице. Среди культурно-просветительских институций буневцев-хорватов особенно выделяются *Hrvatsko akademsko društvo u Subotici* (Хорватское академическое общество в Суботице) с его проектом *Leksikon podunavskih Hrvata — Bunje-*

* Например: *Cakić M. Bunjevci nisu Hrvati? // Hrvatski Fokus. 10.07.2020. URL: <https://www.hrvatski-fokus.hr/2020/07/25846/> (дата обращения: 21.03.2025).*

vaca i Šokaca (Лексикон подунавских хорватов — буневцев и шокцев)* и *Zavod za kulturu vojvođanskih Hrvata* (Институт культуры хорватов Воеводины) с серией *Godišnjak za znanstvena istraživanja* (Ежегодник научных исследований)**. Регулярно проводятся конференции, часто в сотрудничестве с учреждениями из Хорватии. Политика поддержки самоидентификации буневцев-хорватов проявляется в поощрении расширения сферы использования буневского младоикавского диалекта, хотя и без намерения его стандартизировать: так, например, в художественной литературе и СМИ диалект обычно используется как средство стилизации². Для буневцев-хорватов тот факт, что их родной язык — младоикавская новоштокавская разновидность, является самым убедительным доказательством их принадлежности к хорватскому народу, языку и культуре.

Деятельность политических и культурно-просветительских учреждений буневцев-нехорватов, таких как *Nacionalni savet Bunjevačke nacionalne manjine* (Национальный совет буневского национального меньшинства), *Bunjevački informativni centar* (Буневский информационный центр), *Centar za kulturu Bunjevaca* (Культурный центр буневцев), также сосредоточена на поиске и отборе культурного содержания, которое должно отражать самобытность этнического сообщества. Одна из главных целей, которую они преследуют — внедрение буневского языка в общественную сферу, особенно в школах и СМИ. В настоящее время в некоторых школах организован факультативный предмет «буневский язык с элементами буневской культуры», а также ежемесячно выходит газета *Bunjevačke novine* («Буневская газета») и детский журнал *Tandrčak* (название отсылает к разновидности народного танца коло), с более редкой периодичностью выходит журнал *Bunjevački prigled* («Буневское обозрение»). Организуются конференции по буневскому культурному наследию в сотрудничестве с сербскими учеными. Другим на-

* С 2004 по 2025 гг. издано 16 томов словаря.

** С 2009 по 2025 гг. вышло 15 номеров ежегодника.

правлением деятельности учреждений буневцев-нехорватов является кодифицирование буневского языка: в 2019 г. выпущено дополненное переиздание словаря буневского говора, которое стало использоваться как словарь литературного языка, также в свет вышло грамматическое и орфографическое руководство, а в 2022 г. — грамматика литературного языка.

После выхода переиздания словаря бачских буневцев³ была опубликована критическая статья⁴ журналиста Златко Ромича, относящего себя к буневцам-хорватам. Автор ставит в вину авторам словаря игнорирование лингвонима «буневский язык», обозначение словаря словом *rečnik*, а не *ričnik* и т.д. Критика словаря не представляется конструктивной, но интересна как свидетельство восприятия словаря буневцами-хорватами. В предисловии к грамматике буневского языка⁵ идиом буневцев обозначен как микроязык, а в качестве цели издания постулируется не «создание» нового языка, а разработка правил использования говора буневцев в Бачке⁶.

Таким образом, буневцы-хорваты по методам конструирования языковой идентичности встают в один ряд с другими национальными меньшинствами, населяющими Воеводину (например, венграми) — они стремятся к распространению в большей мере хорватского литературного языка, а не собственного диалекта, а также находятся в плотном контакте с государством, в состав которого входит территория, с которой прибыли их предки. Буневцы-нехорваты выстраивают собственную языковую идентичность, стандартизуя свой идиом и внедряя его во все сферы общественной жизни, подчеркивая, что они не принадлежат к хорватскому этносу.

Большой интерес представляет возможность провести в будущем анализ грамматики и словаря буневского языка и сравнить их с диалектологическими описаниями буневского говора, а также рассмотреть буневский идиом, пользуясь критериями выявления «славянского микроязыка», основываясь на концепции А.Д. Дуличенко.

Примечания

- ¹ *Hodges A.* Producing and Maintaining Minority “Groupness” through State Effects: Teaching in Croatian in Serbia // *Nationalities Papers*. 2019. Т. 47. N 1. P. 55–71.
- ² *Vuković P.* The Bunjevci of Bačka: Identities and Language Practices. Zagreb, 2020. P. 8.
- ³ *Peić M., Bačlija G., Bajić I., Kujundžić-Ostojić S., Petrović D.* Rečnik bačkih Bunjevaca [Dictionary of the Bunjevci of Bačka]. Novi Sad, 2019.
- ⁴ *Romić Z.* Ričnik zvani Rečnik — prilog javnoj raspravi o “bunjevačkom jeziku” [Dictionary Called “Rečnik” — A Contribution to the Public Debate on the “Bunjevac Language”] // ZKVH. URL: <https://www.zkvh.org.rs/aktualnosti-post/vijesti/tekst-zlatka-romica-ricnik-zvani-recnik-za-prilog-javnoj-raspravi-o-bunjevackom-jeziku> (дата обращения: 21.03.2025).
- ⁵ *Bošnjaković Ž., Kujundžić-Ostojić S.* Gramatika bunjevačkog jezika. Beograd, 2022.
- ⁶ *Ibid.* P. 11–12.

DOI: 10.31168/2619-0869.2025.54

Именные формулы в сербских листках-некрологах: структура и функции

Евдокия Антоновна Дадыкина

МГУ имени М.В. Ломоносова,
Москва, Российская Федерация;
e-mail: avdotyadadykina@yandex.ru
ORCID 0009-0004-8622-5688

Ключевые слова: читуље, погребальный обычай, эпитафия, плач, родовая память

Onomastic Formulas in Serbian Obituary Leaflets: Structure and Functions

Evdokia A. Dadykina

Lomonosov Moscow State University,
Moscow, Russian Federation;
e-mail: avdotyadadykina@yandex.ru
ORCID: 0009-0004-8622-5688

Keywords: čitule (obituary leaflets), funeral customs, epitaph, lament, ancestral memory

В Сербии, Черногории и Боснии и Герцеговине, как и во многих других балканских странах, например, в Болгарии, распространены печатные некрологи, которые размещаются в публичных местах: на специальных досках объявлений (на улицах населенных пунктов и около кладбищ), на остановках общественного транспорта, на столбах. Прежде некрологи существовали исключительно в печатном виде — помимо упомянутых уличных объявлений их можно было найти в газетах. В настоящее время они активно переходят в интернет-пространство, публикуются на специализированных сайтах и в социальных сетях, но сохраняют формат и специфику. Примечательно, что это явление имеет не только общепалканский характер, но и бытует в некоторых европейских странах, например, в Польше, Италии и Испании.

Настоящее исследование проведено на материале некрологов, эксцерпированных с одного из специализированных сайтов¹, фотографий листовок-некрологов, сделанных автором на территории Черногории, Боснии и Герцеговины и Сербии, а также фотографий, любезно переданных И.А. Седаковой от А.Г. Кравецкого. Целью исследования был анализ структуры ономастических формул и ее связи с такими функциями, как обеспечение контакта между живыми и мертвыми, сохранение индивидуальной и коллективной памяти.

Некрологи, а точнее, поминальные листки занимают особое место в погребально-поминальной обрядности, как отмечает И.А. Седакова². Они не просто сообщают о смерти, а выполняют широкий спектр социальных, ритуальных и мемориальных функций. Отражают специфику взаимоотношений между поколениями, семейной иерархии, представлений о жизни и смерти³, памяти⁴ и публичном выражении горя⁵.

Листок-некролог имеет определенную форму. Обычно это лист формата А5 с фотографией, сверху представлен визуальный символ, демонстрирующий религиозную принадлежность или политические взгляды. Например, черный цвет рамки и символ креста связаны с православием, зеленый и полумесяц — с мусульманством, голубой цвет и крест — ка-

толицизмом; красный и пятиконечная звезда означают, что покойный был коммунистом; черный цвет рамки без специальных символов — атеистом. Далее указывается информация о покойном на его родном языке: антропоним, годы жизни, иногда род занятий. Помимо этого, в некрологе напечатана дата прощания и перечислены скорбящие родные и близкие (широко представлены термины родства). Такие листки-некрологи называются *читуља* (от серб. *читати* ‘читать’) / *умрлица* (от *умрети* ‘умереть’) / *осмртница* (от *смрт* ‘смерть’).

Кроме того, встречаются некрологи другого типа, содержащие информацию о поминовении: *помен* / *задушница* ‘поминание’ (на 9-й, 40-й дни, полгода или в годовщину смерти, а также в дни поминовения усопших) — развернутое обращение родственников и близких к покойному, а также *последни поздрав* ‘последнее прощание’ — слова прощания от родственников и знакомых, узнавших о смерти близкого, слова благодарности и обещания хранить память о нем⁶. В отличие от устной традиции (плача), где по прошествии 7 лет со дня смерти у южных славян покойный лишился индивидуального поминовения⁷, в письменной (в частности, в некрологах) — память о человеке может сохраняться и спустя 20 лет (*preminulo je 20 godina otkada ti nisi sa nama* ‘прошло 20 лет как ты не с нами’), что подтверждает тезис И.А. Седаковой о разнице сохранения памяти о покойном в устной и письменной традиции⁸.

В ходе исследования встречались парные и групповые листки-некрологи, которые являются отражением родовой памяти. В них обращаются сразу к нескольким родственникам, как правило принадлежавшим к одной семье: публикуется фото каждого из них, указываются антропонимы и приводится обращение-благодарность. Текст чаще всего является стандартизированным (в особенности в читулях) устоявшимся и узнаваемым⁹, однако в поминовении и прощании допускается большая свобода и экспрессия¹⁰. Некролог строится из определенных формул, которые могут варьироваться, менять последовательность элементов.

Жанр сложился на стыке устной и письменной традиции¹¹ и связан с изменением формы бытования плача (*тужбалице*)¹², а его популяризация стала возможной с распространением печати, а впоследствии — с появлением интернета. Как отмечает Воислав Джурич, плач — «живое слово, защищающее от забвения», обеспечивающее покойному жизнь на том свете¹³. Примечательно, что встречаются и более ранние формы бытования некрологов, например, в качестве вышивки на полотенце¹⁴ или написанного от руки оповещения¹⁵. Помимо этого И.А. Седакова предлагает проводить параллели с традицией эпитафий и, в меньшей степени, церковных панихид. Надпись на надгробной плите также имеет определенную структуру: на ней обычно указывают антропоним, даты жизни, посвящение или послание покойному, перечисляют родственников, установивших памятник.

Важным аспектом трансформации стала *стилистическая трансфигурация*, о которой пишет С.Д. Тодорович. Заимствуя внешние черты плача, некролог переосмыслил их, добавив эстетическое измерение. Это проявилось в использовании метафор, риторических фигур, цитат — приемов, превращающих текст не только в сообщение о смерти, но и в литературный жанр. Кроме того, бытование некрологов в медиа (пресса, интернет) и публичном пространстве (мемориальные доски, уличные объявления) усилило их публичный характер. В сербской традиции некрологи могут быть написаны поклонниками или сторонниками в память об известной личности (рок-музыкант, политический деятель). Особенность таких текстов в том, что в них о популярной персоне говорится как о близком человеке. Редко встречаются листки с негативной характеристикой покойного, так как в большинстве случаев действует принцип *de mortuis aut bene aut nihil*.

Некрологи «контекстуализируют коллективное начало»¹⁶, становясь не просто рассказом об отдельном человеке, а отражением ценностей и памяти общества». В них отражены приверженность ритуальной традиции и коллективной памяти, бытование формы экспрессивного обращения к по-

койному, «тематизация горя, боли и одиночества скорбящего человека и семьи», «восхваление умершего и его добродетелей»¹⁷.

Ярко это представлено и во всевозможных именных формулах, которые могут отличаться в зависимости от региона и города. Одна из целей некролога как части поминальной обрядности — встреча, контакт живых с умершим. В некрологе отражается архаическое представление о том, что «посмертная судьба [человека] целиком зависит от памяти о нем живых родственников»¹⁸.

Именная формула может варьироваться от одночленной до развернутой, содержащей 5–6 элементов, среди которых: имя, гипокористика, прозвище (редко в городской среде), патроним, реже матроним, крестное имя; у женщин также может указываться девичья фамилия, фамилия отца или мужа.

В рассмотренном материале, эксцерпированном с черногорского сайта некрологов, были выделены следующие формулы*:

1) одночленные

- ▶ имя — *ЛУКА, ТАЊА, ДАРА*;
- ▶ гипокористика — *Мика, БИЉО / БИТО*;

2) двучленные

- ▶ имя и фамилия — *ЛУКА БУРЕТИЋ; МАРИЈА МИЛАЧИЋ*;
- ▶ гипокористика и фамилия — *БОСА БИЈЕЛИЋ; ВАСО ГОЈЧАЈ*;

3) трехчленные

- ▶ имя, гипокористика (семейное имя), фамилия — *ЉУБИНКА — ТАЊА ВУЧЕВИЋ; ВАСИЛИЈЕ ВАСКО ИЧЕВИЋ; РАДОВАН — РАЦА БУРИЧКОВИЋ*;
- ▶ имя, прозвище и фамилия — *МИЛИЦА–БЕБА КАЛЕЗИЋ*;

* Далее приведены именные формулы в им. падеже с сохранением графики.

- ▶ имя, крестильное имя и фамилия — *БРАНКО пок.* Сава ГАВРИЛОВИЋ;*
- ▶ имя, фамилия и девичья фамилия — *Босилька Копитовић Рођена** Раичевић; НАТАЛИЈА РЕЦИЋ рођена Шуковић;*
- ▶ имя, патроним и фамилия (встречается и в обратной последовательности) — *ДУШКО Вукашин РАДИНОВИЋ; ШИШЕВИЋ Николе ГОЈКО; ДРАГОЈЕ Милошев ТЕРЗИЋ; VIJEDIĆ (Huso) HALID*

4) четырехчленные

- ▶ имя-гипокористика / семейное имя, фамилия, девичья фамилия — *ЗОРКА Блажа БАКИЋ рођена Бан; ДРАГИЦА Јока ЈАНКОВИЋ рођена Остојић;*
- ▶ имя-гипокористика / прозвище, крестное имя, фамилия — *МИЛОРАД — МИЛО пок. Божа ИВАНОВИЋ; РАДОВАН-ЦРНИ пок. Павла ЖИВКОВИЋ;*
- ▶ имя-гипокористика, патроним и фамилия — *ДЕСАНКА-ДЕСА Данила КРУНИЋ; МОМЧИЛО-МОЦО Јовов МАРТИНОВИЋ;*
- ▶ имя-гипокористика (семейное имя), патроним и фамилия (девичья фамилия) — *ДАРИНКА — ДАРА ВУЈНОВИЋ рођена Ацић; ЛЬУБИНКА — ТАЊА Дејанова ВУЧЕВИЋ;*

5) пятичленные

- ▶ имя-гипокористика, патроним, фамилия, девичья фамилия — *ИКОНИЈА-ИКА Душанова МАРАШ рођена Лазовић.*

Часто крестильное имя употребляется в паре с *покојни(а)* ‘покойный(ая)’ (*МИЛИЦА-МИЊА пок. Илије БОКАН*), а также указывается занятие или должность (*проф. др.*** ДАМЈАН ШЕЋКОВИЋ; др. генерал мајор ЛЬУБО Шћепана БУРОВИЋ; МИЛОРАД Ђура ПЕРИШИЋ Генерал-мајор*

* ‘Покойный’.

** ‘Урожденная’.

*** ‘Профессор доктор’.

у пензији*»; *ДЕЈАН Ј. ДРОБЊАКОВИЋ* дипл. грађ. инжењер**).

Конкретная форма антропонима выбирается в зависимости от того, под каким именем человек был известен обществу, семье. На это также влияет функциональная направленность некролога. Читутли предназначены для того, чтобы оповестить как можно больше людей о смерти человека, помен и поздрав содержат обращение к покойному, дают возможность своеобразного диалога с ним, поэтому их язык более экспрессивный, а послание носит доверительный, интимный характер. Часто братья и сестры, кумовья в поминальных листках обращаются к покойному при помощи гипокористики (*ДАРИ, БРАНУ, Мику*) или по имени и фамилии (*ДРАГА МИЛОВИЋ*), тогда как в читулях чаще будет встречаться развернутая формула (*БОСИЉКА–БОСА Војина БИЈЕЛИЋ рођ. БОЈИЋ*).

На территории Черногории преобладают некрологи с упоминанием патронима (*оџево име*) в форме притяжательного прилагательного, акцентирующего внимание на родовых связях, который занимает второе или третье место в формуле (*ЦВИЈЕТА Кикова КАНКАРАШ, БРАНКО Јевтов БАЂОВИЋ, БОСИЉКА–БОСА Војина БИЈЕЛИЋ*). В Боснии же патроним часто помещен в скобки, но тоже упоминается, в Сербии практически не встречается.

При указании отчества, девичьей фамилии или прозвища фиксируется место умершего в семейной иерархии. Гипокористики указывают на эмоциональную родственную связь, а прозвища, редко встречающиеся в городской среде, на локальную идентичность, служат маркером неформальной памяти. Имена, данные при крещении, упоминаются в некрологах, так как существует представление, что они являются «истинными перед Богом».

Относительная устойчивость, стандартизованность формул некрологов указывает на традиционную основу таких

* 'Генерал-майор в отставке'.

** 'Дипломированный гражданский инженер'.

объявлений, тесно связанную с семантической областью эмпатии. Кроме того, прагматическая направленность некрологов — передача информации об умершем — определяет их некоторую шаблонность, характерную для газетных объявлений. Однако, в зависимости от предпочтений составителя некролога, его отношения к покойному, возможны вариации внутри формулы.

Ономастика в сербских поминальных текстах эволюционировала от устных (тужбалицы) и архаичных (эпитафии) форм к стандартизированным (некрологи), но сохранила связь с культом предков через патронимы, символизирующие связь с отцом, родовые имена — связь с семьей, гипокористики и прозвища, выражающие личную неформальную память.

Структура некрологов, включая визуальные символы (крест, полумесяц, звезда), именные формулы и перечисление родственников, отражает региональную специфику и религиозно-политическую идентичность. Особое значение приобретают отношения между живыми и покойными. Как подчеркивает И.А. Седакова, поминальные листки выступают мостом между мирами, обеспечивая символический контакт через обращение к умершему, обещания вечной памяти и использование гипокористик, подчеркивающих эмоциональную близость. Архаическое представление о зависимости посмертной судьбы человека от памяти живых, отмеченное С.М. Толстой, проявляется в длительном сохранении индивидуального поминовения (даже спустя 20 лет) и детализации родственных связей. Все вышеперечисленное подтверждается и на материале исследования. Некрологи транслируют не только личное горе, но и коллективные ценности, укрепляя родовую и общинную идентичность. Именные формулы, варьирующиеся от кратких до развернутых (с включением патронимов, крестильных имен, прозвищ, профессий), служат маркером социального статуса и региональной принадлежности, отражают семейную иерархию, отношение оплакивающих к покойному, их веру в возможность поговорить с ним, вспомнив о нем и назвав его определенным образом.

Примечания

- ¹ Dan umrlice — obavještenja o smrti. URL: <https://umrlice.dan.co.me/> (дата обращения: 15.04.2025).
- ² «Эта обрядность, будь то в городе или в селе, отличается особой сохранностью и <...> неукоснительностью исполнения всех ритуалов в деталях». *Седакова И.А.* Болгарские печатные листки-некрологи как тексты: традиции и инновации // Живая старина. 2018. № 1(97). С. 2.
- ³ «...осуществляется двоякая риторическая негация смерти и жизни, <...> покойники остаются на том свете, а скорбящие на этом, оплакивая их». *Чоловић И.* Дивља књижевност. Београд, 1982. С. 127.
- ⁴ «Память, как подчеркивают все исследователи, — центральный мотив уличного некролога». *Седакова И. А.* Болгарские печатные листки-некрологи... С. 2.
- ⁵ «...двусмысленность плачевой коммуникации, которая <...> поддерживает идею о вечном пребывании умерших в сердцах, душах и воспоминаниях живых, <...> служит тому, чтобы между жизнью и смертью провести четкую границу, чтобы подчеркнуть неотвратимость факта смерти, пусть даже с напоминованием, что оплаканные не могут с ней примириться». *Чоловић И.* Дивља књижевност... С. 115.
- ⁶ Существует две разновидности некрологов: с обращением во 2 л. ед.ч. / мн.ч. или в 3 л. ед.ч. В первом виде — непосредственное обращение к покойнику, во втором — воспоминание о покойнике. *Тодоровић С.Д.* Језичко-идеолошка прича о мртвима: лингвокултуролошка карактеристике новинских читуља. Крагујевац, 2014. С. 81.
- ⁷ *Толстая С.М.* Поминки // *Славянские древности: этнолингв. словарь: в 5 т. / под общ. ред. Н.И. Толстого. М., 2009. Т. 4. С. 164.*
- ⁸ И.А. Седакова отмечает, что листки хранят память о конкретной личности, его имени и облике, тогда как в народной традиции по прошествии нескольких лет все умершие в семье поминаются обобщенно как «предки». *Седакова И.А.* Болгарские печатные листки-некрологи... С. 5.
- ⁹ «Поскольку каждый ритуальный предмет и вербальная формула играет свою роль в погребальной обрядности, аналогично следует ожидать и устойчивости текстовых формул». *Мирјана Р. Обрадовић* Новинске читуље као етнолингвистичке чињенице, Крагујевац, 2016. С. 123.
- ¹⁰ Еще Вук Караджич отметил вариативность и индивидуальную импровизационность, свойственную плачевой традиции: «как они чувствуют и знают, так и причитают». *Вук Стефановић Караџић.* Живот и обичаји народа српскога // *Этнографски списи.* Београд, 1972. С. 69.
- ¹¹ «Некрологи (газетные некрологи) по своему происхождению представляют стилизованный в духе народных причитаний жанр, внедренный в журналистику <...> результат контаминации заимствованных элементов и форм “под определенным углом”, а не просто “компиляции и имитации”». *Чоловић И.* Дивља књижевност... С. 263.
- ¹² Песня, которой специальные люди — плакальщицы *нарикача* (как одна, так и в группе в коло) оплакивают умерших в ходе погребального обряда — в момент похорон в доме после отпевания или на дни поминовения на кладбище.

- ¹³ *Ђурић В.* Тужбалице... С. 50.
- ¹⁴ В некоторых регионах Сербии на погребальных платках или полотенцах вышивали имя или инициалы умершего, даты жизни и религиозные символы и размещали как временный некролог на могиле или клали в могилу. *Валенцова М.М., Узенёва Е.С.* Полотенце // *Славянские древности...* Т. 4. С. 149.
- ¹⁵ *Тодоровић С. Д.* Језичко-идеолошка прича... С. 81.
- ¹⁶ Там же. С. 88.
- ¹⁷ *Седакова И.А.* Вариативность ритуала и его кодов: оповещение у славян // *Ethnolinguistica Slavica: к 90-летию академика Никиты Ильича Толстого* / отв. ред. С.М. Толстая. М., 2013. С. 101–118.
- ¹⁸ *Буркхарт Д.* Текст — контекст — аспекты српскохрватске тужбалице. Расковник. 1990. No 61/62. С. 85–102.

DOI: 10.31168/2619-0869.2025.55

Потомки чешских и словацких переселенцев в аргентинской провинции Чако: полевое исследование языка и культуры*

Владислав Алексеевич Немчинов

Институт славяноведения РАН,
Москва, Российская Федерация;
e-mail: vlad@gecko.ru
ORCID: 0009-0002-2775-1982

Ключевые слова: полевое исследование, славянские языки, диалект, языковые контакты, традиционная культура, Аргентина, чехи, словаки

* Исследование выполнено при финансовой поддержке проекта РНФ № 20-78-10030 «Языковые и культурные контакты в условиях социальных трансформаций у национальных меньшинств альпийско-паннонского региона».

Descendants of Czech and Slovak Settlers in the Argentine Province of Chaco: A Field Research of Language and Culture

Vladislav A. Nemchinov

Institute of Slavic Studies RAS,
Moscow, Russian Federation;
e-mail: vlad@gecko.ru
ORCID: 0009-0002-2775-1982

Keywords: field research, Slavic languages, dialect, language contacts, traditional culture, Argentina, Czechs, Slovaks

В 2024 году научный коллектив сотрудников Института славяноведения РАН в составе к.ф.н. Г.П. Пилипенко, С.А. Борисова и В.А. Немчинова проводил работу по изучению славянских диаспор Южной Америки, исследование которых планомерно осуществляется с 2015 года¹. Особый интерес представляла провинция Чако в Аргентине, где компактно проживают потомки чешских и словацких переселенцев. Данное исследование впервые комплексно документирует современное состояние их языков и культуры, находящихся в условиях интенсивного контакта с испанским языком и креольскими традициями региона. Внимание исследователей преимущественно было обращено к потомкам экономических мигрантов, эмигрировавших из Европы до начала Второй мировой войны.

В провинции Чако (Chaco) работа с чешской и словацкой диаспорами проводилась в столице региона — городе Ресистенсия (Resistencia), а также в городе Саенс-Пенья (Saenz Peña). В последнем проживает наибольшее число чехов на территории Аргентины. С информантами проводились полуструктурированные интервью на темы истории переселений, семейных воспоминаний, материальной и духовной традиционной культуры. В городе Саенс-Пенья были обследованы

кладбища и задокументированы эпитафии на чешском и словацком языках, а также надгробия представителей чешской и словацкой общины с эпитафиями на испанском языке.

Говоря об истории переселений, в качестве исходной точки чешские информанты часто называют город Велке-Биловице (Velké Bílovice) в Южноморавском крае. Однако во время интервью также стало известно, что некоторые переселенцы прибыли в Саенс-Пенью в результате вторичных миграций: из хорватского Дарувара (Daruvar) и румынской Сфынта-Елены (Sfânta Elena) в Банате, где чешские диаспоры, состоящие из потомков переселенцев XIX в., существуют до настоящего времени².

Стоит упомянуть, что, так как информанты, с которыми проводились интервью, являются билингвами, то есть владеют своим родным языком и языком мажоритарного сообщества (в данном случае испанским), то для их речи характерно активное переключение кода. Так, например, в речи двух информанток, Р.Б. (68 лет) и А.Б. (ок. 94 лет), семья которых приехала в Аргентину из Сфынта-Елены, стоит отметить встраивание синтаксических конструкций на испанском языке в чешский нарратив в ситуации, когда информантка затрудняется объяснить что-либо на чешском языке: *jeho zamňestatňi bilo d'elat <...> de madera* (его профессией было делать [утварь] из дерева). Не менее примечательной также является адаптация испанских слов в соответствии с грамматикой чешского языка, в частности, изменение по числам и падежам слова *čakra* (исп. *chacra* 'чакра, ферма'). Также их речь характеризуется меной звуков [c] и [s] (*xsi* на месте чеш. *chci* 'я хочу'; *přese* вместо чеш. *přese* 'ведь').

Mi smo se hazali po čakrax, kdiž tamiňka bili... to ja sam bila mala, po čakrax, a mňeli smi shromaždeňi (Мы ходили по чакрам, когда ещё мама была. Я тогда была маленькая, по чакрам, были у нас собрания (А.Б., 94, жен., Саенс-Пенья).

В городе Ресистенсия особое внимание исследователей привлек информант Э.В. (37 лет). Чешский язык он выучил от деда, тогда как его отец этим языком не владеет. В 1931 году тетя перевезла деда Э.В. и его брата из городка Полешовице

(Polešovice) на юго-востоке Моравии (совр. Злинский край) в Аргентину, когда детям было 3 и 4 года соответственно. Сейчас Э.В. продолжает самостоятельно изучать чешский, в том числе посещая летние школы в Чехии. В его речи присутствует естественно усвоенная база (которая постепенно утрачивается из-за отсутствия языковой практики), однако выделить в ней какие-либо характерные моравизмы невозможно, поскольку поверх нее наслаивается структура литературного языка, освоенная самостоятельно по учебникам и на языковых курсах. Речь Э.В. характеризуется крайне высоким уровнем языковой рефлексии: он уточняет, исправляет себя, старается объяснить значения испанских слов, когда не может подобрать чешский эквивалент. В приведенном ниже отрывке Э.В. рассказывает об охоте и приготовлении традиционных для региона блюд из капибары (исп. *carpincho* из яз. гуарани *kapi'yva*) и броненосца (исп. *tatú*, из яз. гуарани *tatu*). Среди контактных явлений из области фонетики мы отмечаем возможную адаптацию словосочетания *tatú carreta* 'гигантский броненосец' (досл. «броненосец-телега») под влиянием чешской фонетики: информант произносит звук, близкий [ř] в слове *carreta*. Однако для данной фонетической реализации возможна и другая интерпретация, так как в говорах на северо-западе Аргентины для звука [r] свойственна фрикативизация в группах *rr* и *tr*, благодаря чему появляется звук, схожий с чешским [ř]. Также в речи Э.В., как и у других представителей чешской и словацкой диаспоры отмечается мена звуков [c] и [s], причем в рамках одного и того же нарратива (*museš — muceš; do leca — v lese*). Фиксируется явление бета-цизма (*zavit — zabili; vojovat*, ср. чеш. *bojovat; livit se*, ср. чеш. *líbit se*). Для речи данного информанта также характерны некоторые черты, которые, вероятно, вызваны тем, что чешский язык усваивался им в условиях недостаточной коммуникации с другими носителями чешского языка. К подобным чертам можно отнести неразличение задненебного [x] и гортанного [h] (*xodňe* вместо чеш. *hodně*), появление звука [č] на месте [x], под влиянием графической формы слова, прочитанной по правилам испанского языка (*kačna* 'утка', ср. чеш. *kachna*).

Недалеко от Саенс-Пеньи также состоялась беседа с носительницей словацкого языка (М.К., ок. 90 лет). Ниже приведен отрывок, в котором она рассказывает о предполагаемой встрече с ловисоном (луисон, *luisón*) — персонажем мифов индейцев гуарани, гигантским оборотнем. Считается, что им может стать седьмой подряд родившийся в семье мальчик. С точки зрения контактологии внимания заслуживает переключение кода в речи М.К. Первое переключение происходит в момент, когда собеседница испытывает трудности с названием числительного на словацком, а потому объяснение происхождения ловисона она начинает по-испански (*septimo hijo, varrón* ‘седьмой ребенок, мальчик’), после чего применяет стратегию перевода, или пояснения (*ma bit’ xlar* ‘должен быть мальчик’), но числительное не вспоминает, поэтому повторяет его по-испански. Подобную стратегию она применяет, когда не может подобрать словацкий вариант слова *gallinero* ‘курятник’, поэтому поясняет, что выходила *ot sliepkax* ‘от куриц’. Здесь также примечательна измененная по правилам словацкого языка форма *s gažinera* ‘из курятника’. Следующее переключение связано с названием процесса смены фаз луны и полнолуния. В этот раз собеседница говорит *cambio de luna* ‘смена луны’, затем конкретизирует также по-испански: *luna llena* ‘полнолуние’. Наконец, отметим случай экспрессивного переключения кода, когда М.К., уже описав на словацком момент, когда перед ней прошел гигантский пес, повторяет на испанском, выделяя фразу интонационно: *sí, despacito, es un perro grande* ‘да, потихоньку, большая собака’. Помимо лексических заимствований среди контактных явлений в данном нарративе отмечаем влияние бетацизма: *bolali* (словацк. *volali* ‘звали’).

Полевое исследование 2024 г. позволило пополнить архив исследовательской группы новыми текстами на чешском и словацком языках, что будет способствовать расширению типологии выявляемых контактных явлений. Большое количество записанных нарративов на славянских языках о местной мифологии (индейской/креольской) дает основания рассматривать ее как составную часть локальной сла-

вянской традиционной культуры. Все записанные тексты войдут в хрестоматию по славянским диалектам в странах Южной Америки.

Примечания

- ¹ Пилипенко Г.П. Экспедиция к славянам в Южную Америку // Славянский альманах. 2018. № 1–2. С. 289–300.
- ² См. об этом Борисов С.А. Чешский язык в полиэтничном окружении (обзор полевого исследования 2019 года в Сербии, Румынии, Боснии и Герцеговине) // Славянский альманах. 2021. № 1–2. С. 310–328; *Он же*. Чешско-хорватские языковые контакты в центральной Хорватии на материале полевого исследования // Вестник Томского государственного университета. 2023. № 486. С. 5–16.

DOI: 10.31168/2619-0869.2025.56

Структурные особенности чешско-английского переключения кодов в компьютерно-опосредованной коммуникации (на материале социальной сети X/Twitter)*

Алёна Станиславовна Зарецкая

Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Российская Федерация;
e-mail: zaretskaya.alena@yandex.ru
ORCID: 0009-0000-6772-5127

Ключевые слова: переключение кодов, чешский язык, английский язык, интернет-дискурс, контактная лингвистика, билингвизм

* Соцсеть X (бывшая Twitter) заблокирована на территории России по требованию Генпрокуратуры.

Structural Features of Czech-English Code-switching in Computer-Mediated Communication (based on the X/Twitter data)

Alena S. Zaretskaia

Russian State University for the Humanities,
Moscow, Russian Federation;
e-mail: zaretskaya.alena@yandex.ru
ORCID: 0009-0000-6772-5127

Keywords: code-switching, Czech language, English language, Internet discourse, contact linguistics, bilingualism

Переключение кодов — сочетание двух и более языков в рамках одного высказывания или разговора¹. Традиционно переключение кодов и близкие ему явления исследуются на материале устной речи, но в настоящее время распространены и исследования переключения кодов в компьютерно-опосредованной коммуникации (к примеру, работы Д. Паньки² или И. Карапетьяны и Г. Розины³). При этом многие жанры интернет-коммуникации являются письменными, переключение кодов в них зачастую происходит более осознанно, чем в устной коммуникации, характеризуется меньшей спонтанностью⁴. В то же время большая часть подходов, используемых при исследовании переключения кодов в устной речи, может быть применена и к письменной, за исключением, например, анализа фонетической формы высказывания (при этом появляется возможность анализа его графической формы).

В данном исследовании мы рассматриваем случаи чешско-английского переключения кодов в компьютерно-опосредованной коммуникации. Следует отметить, что значение английского языка в современной Чехии возрастает. Так, в чешских школах английский является наиболее часто изучаемым иностранным языком, и число школьников, изучающих его, увеличивается с каждым годом⁵. С увеличением числа владеющих

английским возрастает и число сфер, в которых он используется, в частности, все больше элементов английского попадает в язык социальных сетей.

В рамках исследования мы проанализировали 228 сообщений, опубликованных на личных страницах пользователей социальной сети *X* (ранее известной как *Twitter*) в 2023–2025 гг. и содержащих в себе единицы как чешского, так и английского языков. В связи с тем, что объем одного сообщения в данной социальной сети ограничен 280 символами, большая часть сообщений представляет собой одно или два предложения, которые являются логически законченным высказыванием. Среди других особенностей анализируемого нами материала можно отметить частичный отказ от использования диакритических знаков, а также заглавных букв и пунктуационных знаков. Последние два фактора в ряде случаев затрудняют восприятие структуры высказывания, в частности, не позволяют однозначно определить границу между предложениями.

При анализе структурных особенностей переключения кодов в исследуемом материале мы опирались на классификацию, введенную Ш. Поплак⁶ и позднее дополненную К. Майерс-Скоттон⁷. В рамках данной классификации выделяется три основных типа переключения кодов — интерсентенциальное, интрасентенциальное и экстрасентенциальное. Рассмотрим каждый из них на примере отдельных сообщений.

а) Интерсентенциальное переключение кодов (англ. *inter-sentential code-switching*) — переключение, происходящее на границе отдельных предложений (1).

- (1) @hermanek (08.03.2024): *co tam udelat aby mi uz nikdo nikdy neublizil im literally just baby i cannot handle harsh treatment** (что мне сделать, чтобы меня больше никто никогда не обижал я всего лишь ребенок я не выношу жестокого обращения).

* Здесь и далее выделением жирным шрифтом отмечен англоязычный элемент высказывания; орфография и пунктуация авторов сохранены.

б) Интрасентенциальное переключение (англ. *intra-sentential code-switching*) — переключение, происходящее в пределах одного предложения. Интрасентенциальное переключение можно подразделить на несколько структурных типов: переключение, происходящее между частями сложного предложения (2), «островное» переключение, то есть появление нескольких согласованных между собой единиц другого языка (3), и переключение в виде единичных слов (4–6).

- (2) @VevodkyneZeSexu (20.02.25): *ti lidi co breci ze nemaji kamarady, **there's probably a reason for that**, ja se s tebou nebudu bavim* (эти люди, которые плачутся, что у них нет друзей, **вероятно, у этого есть причина**, лично я не буду с тобой разговаривать);
- (3) @annahlubovaa (22.03.24): ***having clear skin** by vyresilo 99% mych problemu* (**обладание чистой кожей** решило бы 99% моих проблем);
- (4) @necitlivka (21.03.2024): *vy ale **fr** nechapete ty **feelings** co ja mam k tulipanum ...* (но вы **правда** (англ. сокращ. *fr — for real*) не понимаете те **чувства** что я испытываю к тюльпанам ...);
- (5) @onakarenina2 (18.02.2025): *blizi se leto brzy zacnu **cravovat** zenska pratelstvi* (приближается лето скоро я начну **страстно хотеть** дружбы с женщинами);
- (6) @jutinbebar (14.01.25): *mozna jsem ty **antidepressiva** nemela prestat zrat jen proto ze jsem si rekla ze jsem moc **powerful** zena na to abych brala leky na hlavu* (возможно мне не следовало прекращать закидываться антидепрессантами только потому что я сказала себе, что я слишком **сильная** женщина чтобы принимать лекарства от головы).

Как следует из приведенных примеров, интрасентенциальное переключение кодов в виде единичных слов может быть представлено различными частями речи, к примеру, существительными (4), глаголами (5) или прилагательными (6). Следует отметить, что при рассмотрении подобных примеров возникает проблема разграничения случаев интрасентенциального переключения кодов и заимствования, особенно в высказываниях, где слово имеет признаки мор-

фосинтаксической интеграции в язык (как, к примеру, форма *cravovat* (от англ. *crave* ‘хотеть, жаждать’) из примера (5), имеющая формальные признаки чешского инфинитива). Существуют различные подходы к данному вопросу. Так, Ш. Поплак определяет подобные случаи как «окказиональное заимствование» (англ. *nonce borrowing*), не считая их ни частью феномена переключения кодов, ни полноценным заимствованием⁸. К. Майерс-Скоттон в своих работах отрицает данную концепцию, считая переключение кодов и заимствование явлениями, относящимися к одному континууму. По ее мнению, многократно появляющаяся в рамках переключения кодов единица другого языка со временем может стать полноценным заимствованием, то есть войти в систему основного языка, использоваться в том числе и монолингвами. В качестве формального критерия разграничения этих двух явлений она предлагает использовать в первую очередь частотность использования формы⁹. При этом интрасентенциальным переключением кодов Майерс-Скоттон считает не только переключение, происходящее на границе слов, но и переключение в пределах одного слова¹⁰ (например, при подобном подходе в рассматриваемой выше форме *cravovat* морфема *crav-* является единицей английского языка, а морфема *-ovat* — чешского). В рамках данного исследования к феномену переключения кодов мы относили слова, содержательные морфемы* которых относятся к английскому языку, и которые при этом не зафиксированы в регулярно

* В рамках описания механизма переключения кодов Майерс-Скоттон противопоставляет системные и содержательные морфемы (англ. *system and content morphemes*); содержательные морфемы способны получать семантическую роль или управлять семантическими ролями, к ним относятся основы глаголов, существительных и т.д.; системные имеют служебную роль, используются в первую очередь для связи содержательных морфем между собой, к ним относятся флексии, большая часть предлогов и т.д. По мнению Майерс-Скоттон, в высказывании, содержащем переключение кодов, системные морфемы могут относиться только к одному языку, который она определяет как матричный; при этом содержательные морфемы обоих языков могут свободно появляться в высказывании (данное утверждение не относится к «островному» переключению кодов, все морфемы при котором относятся к одному языку).

обновляемой базе чешских неологизмов *Neomat*¹¹ на момент сбора материала. Зафиксированные в ней слова мы считали заимствованиями, то есть полноценными единицами чешского языка, и далее не рассматривали.

в) Экстрасентенциальное/тэговое переключение (англ. *extra-sentential code-switching/tag switching*) — использование междометия или вводной конструкции из другого языка.

- (7) @nicnamenezbylo (12.03.2024): [...] **To be fair**, bylo to asi dva týdny zpátky a já jsem mrzla jenom při cestě z auta k rybníku... (**Честно говоря**, это было где-то две недели назад, и я мерзла еще по пути от машины к пруду...).

Таким образом, в собранном нами материале представлены все три типа переключения кодов. Особый интерес представляют случаи интрасентенциального переключения, так как в них наиболее полно продемонстрированы возможности взаимодействия грамматических систем чешского и английского языка. К примеру, в предложении (4) представлено согласование по числу единиц чешского и английского языка (*ty feelings* ‘те чувства’) — с английским существительным, содержащим морфему *-s*, указывающую на множественное число, согласовано чешское указательное местоимение, также имеющее форму множественного числа.

При анализе случаев переключения кодов использовалась также модель рамки матричного языка (англ. *The Matrix Language Frame model*), введенная К. Майерс-Скоттон¹². Данная модель предполагает, что в каждом высказывании, содержащем переключение кодов, один из языков является матричным, а второй — встраиваемым; матричный язык задает морфосинтаксическую рамку предложения, в которую могут быть вписаны элементы встраиваемого языка, также к нему относится большая часть системных морфем. Во всех рассмотренных нами примерах чешский язык являлся матричным. К примеру, в предложении (3) подлежащее представлено в виде конструкции на английском языке, но при этом соблюдены свойственные чешскому предложению порядок слов и структура предложения. Также следует отметить, что в англоязычных частях высказывания иногда встречаются

ошибки, такие как пропуск артикля (к примеру, пропуск неопределенного артикля в (1)) или неправильное написание отдельных слов.

Таким образом, в сообщениях чешскоязычных пользователей *X* представлены различные с точки зрения структуры типы переключения кодов на английский. Тот факт, что элементы английского языка представлены не только в виде единичных слов и устойчивых выражений, но и в виде согласованных с основной частью высказывания «островов», а также целых предложений, может свидетельствовать о достаточно высокой языковой компетенции авторов сообщений, а также об их знакомстве с англоязычным интернет-дискурсом.

Примечания

- ¹ *Bullock B.* Themes in the study of code-switching // *The Cambridge Handbook of Linguistic Code-Switching* / Ed. by Barbara E. Bullock and Almeida Jacqueline Toribio. Cambridge, 2009. P. 2.
- ² *Pańka D.* Polish-English Code-Switching in the Language of Polish Facebook Users // *Theory and Practice of Second Language Acquisition*. 2021. N 7. P. 99–120.
- ³ *Karapetjana I., Rozina G.* Latvian-English Code-Switching on Social Media // *Language for International Communication*. 2022. N 4. P. 29–38.
- ⁴ *Dorleijn M., Nortier J.* Code-Switching and the Internet // *The Cambridge Handbook of Linguistic Code-Switching*. P. 127.
- ⁵ *Nekvapil J.* *Mnohojazyčnost v České republice*. Praha, 2009. S. 5.
- ⁶ *Poplack S.* Sometimes I'll start a sentence in English y termino en español: toward a typology of code-switching // *Linguistics*. 1980. N 8. P. 602.
- ⁷ *Myers-Scotton C.* Duelling languages: grammatical structure in code-switching. Oxford, 1993. P. 4–5.
- ⁸ *Poplack S.* The Social Correlates and Linguistic Processes of Lexical Borrowing and Assimilation // *Linguistics*. 1988. N. 1. P. 93–94.
- ⁹ *Myers-Scotton C.* Comparing codeswitching and borrowing // *Journal of Multilingual & Multicultural Development*. 1992. N 1–2. P. 37.
- ¹⁰ *Myers-Scotton C.* Duelling languages... P. 5.
- ¹¹ Databáze excerpčního materiálu Neomat. Praha, 2015. URL: <http://neologismy.cz> (дата обращения: 25.04.2025).
- ¹² *Myers-Scotton C.* Duelling languages... P. 6.

DOI: 10.31168/2619-0869.2025.57

Языковая ситуация славянских диаспор в Чили, Аргентине и Парагвае*

Глеб Петрович Пилипенко

Институт славяноведения РАН
Москва, Российская Федерация;

e-mail: glebpilipenko@mail.ru

ORCID: 0000-0002-5422-0039

Александр Александрович Пивоваренко

Институт славяноведения РАН
Москва, Российская Федерация;

e-mail: alex-pivo@mail.ru

ORCID: 0000-0002-7746-5127

Ключевые слова: полевое исследование, славянские языки, романские языки, диалекты, языковая ситуация.

Language situation in Slavic diaspora living in Chile, Argentina and Paraguay

Gleb P. Pilipenko

Institute of Slavic Studies RAS,
Moscow, Russian Federation;

e-mail: glebpilipenko@mail.ru

ORCID: 0000-0002-5422-0039

Alexander A. Pivovarenko

Institute of Slavic Studies RAS,
Moscow, Russian Federation;

e-mail: alex-pivo@mail.ru

ORCID: 0000-0002-7746-5127

Keywords: field research, Slavic languages, Romance languages, dialects, language situation

* Исследование выполнено при финансовой поддержке проекта РНФ № 20-78-10030 «Языковые и культурные контакты в условиях социальных трансформаций у национальных меньшинств альпийско-паннонского региона».

С 24 марта по 26 апреля 2025 г. к.ф.н Г.П. Пилипенко и к.и.н А.А. Пивоваренко проводили полевое исследование славянских сообществ в Бразилии, Чили, Аргентине и Парагвае. Данная экспедиция является третьей по счету, которая была запланирована для реализации научного проекта по изучению языка и культуры компактных славянских поселений в странах Южной Америки¹. Информантами являются потомки экономических мигрантов, которые прибыли на континент до середины XX века, проживают компактно на определенной территории, сохраняют в той или иной степени способность общаться на славянских языках и обладают четко выраженной славянской этнической идентичностью.

Цель полевого исследования — документирование исчезающих языков славянских диаспор, установление исходной зоны миграции потомков переселенцев по диалектным признакам, изучение конвергентных процессов (с акцентом на гибридных морфологических формах) в славянских языках под влиянием окружающих романских языков, а также других языков региона (например, языка гуаранí в Парагвае), выявление контактных явлений в сфере традиционной духовной культуры, исследование социально-экономической структуры сообществ и институциональных форм славянских общественных и церковных объединений. Темы для интервью с информантами были следующие: история переселения в страны Южной Америки, жизнь в Европе, история городов и населенных пунктов, в которых проводилась полевая работа, хозяйственная деятельность, географические, климатические условия местности, объекты местной флоры и фауны, традиционная славянская и местная южноамериканская кухня, общественная и церковная организация сообществ, календарная и семейная обрядность, славянская и южноамериканская мифология, места паломничества, народная медицина, языковая ситуация.

В Бразилии научные сотрудники работали в Сан-Паулу с потомками польских переселенцев: с теми, кто изначально прибыл в Сан-Паулу, а также с переселенцами из Куритибы (штат Парана). В Сантосе (Santos) работа проводилась

с представителями югославской (боснийской) диаспоры. Исследователи посетили в Сан-Паулу церковь Nossa Senhora Auxiliadora, где находится польская часовня и проводятся службы на польском языке.

В Чили работа проходила в трех местах. Информантами были представители хорватского сообщества, потомками выходцев из Далмации. В Сантьяго-де-Чили записано интервью с выходцами из южного региона Магалльянес. Установлено, что в столице страны хорватская диаспора образовалась значительно позже, в результате вторичных миграций с севера и юга Чили. Г.П. Пилипенко и А.А. Пивоваренко посетили центральную хорватскую общественно-культурную ассоциацию *Estadio croata*, район *Cerro Navia* (улицы *Istria*, *A. Senoa*, *Zadar*, *Zagreb*, *Sarajevo**), в котором большинство улиц названы по югославским топонимам, общественным и культурным деятелям, а также полностью задокументировали хорватский мавзолей на городском кладбище:

O ANKO ANČICE / NA NEBO ZVIEZDICE / NA ZEMLJI TRAVA / OVO JE MOJA ANKA SPAVA / FABIAN BAKULIĆ V. / ANKA IVANOVIĆ BAKULIĆ / 18 STUDENOGA 1902 / UMERLA 29 SRPANJA 1955 / USPOMEGA SVOG. / SUPRUGA Y SVOJE DIECE. (О Анка Анчица, / На небе звездочка / На земле трава / Это моя Анка спит / Фабиан Бакулич В. / Анка Иванович Бакулич / 18 ноября 1902 / Умерла 29 июля 1955 / Память от её / супруга и её детей).

В городе Икике (*Iquique*), центре северной провинции *Tarapacá* (*Tarapacá*), исследователи работали в Хорватском доме, записали интервью с жителями города, задокументировали эпитафии на хорватских захоронениях:

IVAN ŠURJAK / IZ DOLA Hvar / preminuo dne 2 ožujka 1908 / u dobi od 30 godina / P.V.D.N.G (Иван Шурьяк / С острова Хвар / Скончался 2 марта 1908 / В возрасте 30 лет).

В городе Антофагаста (*Antofagasta*) научные сотрудники работали с документами в архиве и библиотеке Хорватского

* Местные жители произносят названия этих улиц в соответствии с правилами чтения названий в испанском языке, напр. [sarahevo].

(бывшего Югославского) дома, присутствовали на мемориальных мероприятиях в Хорватском доме и на городском кладбище, записали интервью на хорватском и испанском языках, изучили семейные архивы информантов (фотографии с надписями на хорватском и испанском языках), зафиксировали надписи на четырех хорватских мавзолеях. В местечке Чакабуко (Chacabuco), бывшем шахтерском городке, где добывали селитру, участники проекта познакомились с бытом хорватских рабочих, которые прибывали в конце XIX — начале XX вв. в эти места ради заработка на шахтах.

В Аргентине авторы работали в городе Буэнос-Айрес с представителями русской, украинской и словенской диаспоры. Были записаны интервью с потомками выходцев с Волыни, которые переехали в Буэнос-Айрес в 1950–1960-е гг. из Парагвая. Проводилась работа с русскими, потомками белоэмигрантов, проживавшими в межвоенный период в Югославии и Чехословакии. Участники проекта посетили Русский дом в Буэнос-Айресе и обсудили перспективы своих исследований, координацию с информантами и возможности представить результаты своей работы гостям Русского дома. Научные сотрудники посетили Воскресенский собор (РПЦЗ).

В Парагвае работа проходила в департаменте Итапуá (Itapúa) в городе Энкарнасьон (Encarnación), а также в населенных пунктах Коронель-Богато (Coronel Bogado), Фрам (Fram), Кармен-дель-Парана (Carmen del Paraná). Исследователи присутствовали на пасхальной службе и освящении пасхальных корзинок в православной церкви в Коронель-Богато и Фраме. Были записаны интервью на белорусском и украинском языках в Коронель-Богато, на украинском, русском и польском языках в Фраме, на испанском — в Энкарнасьоне. Кроме того, в перечисленных населенных пунктах были задокументированы надгробные надписи на русском, украинском, польском, чешском и испанском языках: *З.П.Р.Б. ИВАН РЫЖАК / РОДИЛСЯ. 27. ЯНВАРА 1913 ГОДА / УМЕР. 20 ЮНЯ 1962 ГОДА / МІР ПРАХУ ТВОЕМУ / ПАМ'ЯТЬ ОТ ЖЕНЫ И ДЕТЕЙ* (Фрам). Участники проекта также работали с личными архивами информантов,

в архиве др. Роберто Зуба Куриловича в Энкарнасьоне были обнаружены дневники Эмилиана Куриловича 1930–1970-х гг., выходца из Брестской области, написанные на русском языке с влиянием белорусского, польского и испанского языков. В Асунсьоне научные работники побывали на кладбище Реколета в русском некрополе, старейшем русском кладбище, где захоронены участники Чакской войны (1932–1935), а также в Покровской церкви (РПЦЗ), где удалось ознакомиться с церковным архивом. Также были проведены интервью с потомками русских офицеров и переселенцами из департамента Итапуá.

Языковая ситуация в обследованных диаспорах отличается неоднородностью. В Бразилии и Аргентине у представителей польского и русского сообщества соответственно, потомков послевоенных переселенцев, сохранность славянских языков достаточно высокая. Кроме того, они владеют литературной нормой языка, часто рефлексиируют на тему чистоты языка и подбора славянских аналогов для обозначения местных реалий. В Чили несмотря на достаточно большое число потомков хорватов (примерно 400 тыс. имеет хорватское происхождение), говорящих на языке чрезвычайно мало. Сказывается, вероятно, характер расселения: большинство проживает в урбанизированных центрах. Следует также отметить, что первые переселенцы из Далмации были в основном мужчины, которые брали в жены местных женщин в Чили. Среди хорватов в Антофагасте и Икике было несколько семей, которые переселились в Чили в 1950-е гг., однако их можно рассматривать в контексте предыдущих волн миграции, поскольку прибывали они к своим родственникам, которые оказались в Чили значительно раньше — в начале XX века. У представителей этого поколения переселенцев компетенцию в хорватском языке можно назвать полной, при этом активно владеют они диалектом (чакавским или штокавским). В Парагвае работа происходила в основном с представителями сельских сообществ, среди информантов преобладали потомки переселенцев, прибывших в 1936–1939 гг. из Польши, носители украинских, бело-

русских и польских говоров. В славянских сообществах Парагвая отмечена межпоколенческая передача языка — были записаны интервью с теми, кто родился в 1980-х гг.

Таким образом, в результате экспедиции было опрошено более 60 информантов, записано 100 часов аудио и видеоматериалов на русском, украинском, белорусском, польском, сербскохорватском и словенском языках, архив исследователей пополнился письменными источниками (частными письмами, дневниками, документами) на славянских языках. Исследователи выражают благодарность за помощь в проведении исследования сотрудникам Русского дома в Буэнос-Айресе, Марко Якшичу (Антофагаста), Хрвою Остоичу (Икике), Ватрославу Херцегу (Сантьяго), Ане Любе Якусик Слободюк, др. Роберту Зубу Куриловичу, Эвелин Костюк Слободюк (Энкарнасьон), отцу Сергию Казарину (Асунсьон).

Примечания

¹ Пилипенко Г.П. Обзор экспедиции к восточноевропейским сообществам Аргентины и Уругвая // Славяноведение. 2025. № 1. С. 120–130.

Секция
**«ЛИТЕРАТУРО-
ВЕДЕНИЕ»**

ПОЭТИКА: ПРОЗА

DOI: 10.31168/2619-0869.2025.58

Женские образы в трилогии М. Пуймановой «Люди на перепутье»

Мария Алексеевна Марушина

Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Российская Федерация;
e-mail: marushina030103@gmail.com
ORCID: 0009-0000-0267-7988

Ключевые слова: чешская литература, социалистический реализм, женские образы, образ матери, представитель буржуазии, образ женщины соцреалистического типа

Female Characters in the Trilogy by M. Pujmanová “People at a Crossroads”

Maria A. Marushina

Russian State University for the Humanities
Moscow, Russian Federation;
e-mail: marushina030103@gmail.com
ORCID: 0009-0000-0267-7988

Keywords: Czech literature, socialist realism, female characters, image of mother, representative of the bourgeoisie, image of a socialist type woman

В литературе разных эпох женским образам всегда уделялось особое внимание. Писатели изображали их как в качестве самостоятельных личностей, которые занимали особое место в обществе, влияли на ход событий, так и в качестве

второстепенных персонажей, которые помогали раскрывать черты характера главных героев, их положительные и отрицательные стороны¹. Отметим и то, что изображение женщин менялось с развитием литературы. В античной литературе, например, Пенелопа из «Одиссеи» Гомера, Медея из «Медеи» Еврепида и многие другие относятся к титаническим женским образам мировой литературы по масштабу характера и по художественности изображения. В эпоху Возрождения, благодаря лирике Данте, Петрарки, Шекспира появились женские образы Беатриче, Лауры, Джульетты, Дездемоны, которые вскоре стали нарицательными. В романтической прозе конца XVIII — начала XIX вв. появился образ женщины-мечтательницы. Например, в балладе В.А. Жуковского «Людмила», романе в письмах Ж.-Ж. Руссо «Юлия, или новая Элоиза». В реалистической литературе второй половины XIX — первой половины XX вв. образ мечтательницы сменился образом женщины-борца за счастье, который дополнился мотивом социального протеста². Например, в романе чешской писательницы М. Майеровой «Лучший из миров» показан образ женщины-социалистки, активно участвующей в рабочем движении.

Объект данного исследования — творчество чешской писательницы М. Пуймановой, которая является одной из представительниц социалистического реализма в чешской литературе. В своей трилогии «Люди на перепутье» (*Lidé na křižovatce*, 1937), в которую вошли наряду с одноименным романом, так же романы «Игра с огнем» (*Hra s ohněm*, 1948) и «Жизнь против смерти» (*Život proti smrti*, 1952), она освещала проблемы классовой борьбы, безработицы, поиска справедливости. Все это раскрывается на фоне исторических событий, таких как образование нового государства Чехословакии в 1918 г., оккупация и освобождение Чехословакии в ходе Второй мировой войны. При этом почти энциклопедическая полнота в изображении жизни сочетается с глубоким проникновением в психологию героев. М. Пуйманова создала необычайно яркие образы представителей разных слоев чешского общества — людей на перепутье исторических эпох. В первом

романе повествуется о жизни героев и их судьбах в новом демократическом государстве 1920-х гг., о том, как люди зарабатывают на жизнь, проводят досуг и решают свои проблемы, во втором романе говорится о настроениях людей и общества перед Второй мировой войной, в третьей книге — военные события и освобождение Чехословакии советскими войсками в 1945 г. Главными героями романов являются представители рабочего класса, а также представители буржуазии и капиталистического класса, персонажи изображены в своем развитии в разные моменты истории. Цель данного исследования — рассмотреть несколько женских образов в трилогии М. Пуймановой «Люди на перепутье».

Женские персонажи в произведениях социалистического реализма обычно изображались представительницами нового общества, которое делало их в некоторых аспектах равными с мужчинами. Хотя для соцреализма было не чуждо традиционное изображение женщины как центра семьи, которая является основой общества³, однако главной чертой образа женщины в произведениях социалистического реализма являлось ее участие в жизни общества. Женщина была изображена в разных профессиях: от научной работницы до работницы на производстве. Такой образ позволял убедить читателя в том, что женщины могут быть успешными в любой сфере деятельности, что подчеркивало идеи о равноправии полов.

В трилогии М. Пуймановой типичным является изображение Неллы Гамзовой. Она создает уют, ухаживает за детьми, мужем, старенькой мамой пани Витовой: «...верила только в самых близких, посланных ей судьбой существ, выделявшихся для нее из путаницы окружающего мира: Петр, Станислав, Елена»⁴. На протяжении всей трилогии Нелла постоянно говорит о том, как сильно она любит своих детей и своего внука Митю: «У нее был любимый муж, дети, внук»⁵. Помимо своих, она любит всех детей мира и не разделяет их на плохих и хороших. Как к своим детям она относится к другу Станислава Ондржею Урбану и его сестре Ружене, даже отвозит их в Нехлебы, чтобы отпраздновать там Рождество и тем самым

развить любовь к семейным традициям не только у своих детей, но и у их друзей.

Помимо образа матери Нелла сочетает в себе образ истинной аристократки, которая боится сделать что-то не так. Но в конце третьей части можно заметить ее изменения. Нелла становится смелее, начинает ходить на демонстрации, поддерживать идеи рабочих.

Кроме Неллы Гамзовой, элементы образа матери реализует в себе и фигура Елены Гамзовой-Скршиванековой. Она очень любит своего сына Митю, работает ради того, чтобы он ни в чем не нуждался. В целом же Елена воплощает в себе образ настоящей женщины соцреалистического периода, она — рациональная и считает, что люди должны действовать в соответствии с причинами, а не под властью своих чувств. Таким подходом к жизни она похожа на своего отца Петра Гамзу, который с раннего детства был для нее высоким примером, она восприняла его убеждения, которым оставалась верна всю жизнь. На протяжении всего романа она остается не очень эмоциональной, однако всегда показывает свое остроумие, жизнерадостность, активна и готова помогать людям.

В третьей части трилогии, «Жизнь против смерти», где описываются события конца Второй Мировой войны, Елена совершает поступок, который характерен для женских персонажей в произведениях социалистического реализма. Вместе со своей нелегальной группой врачей она переправляет лекарства политзаключенным и лечит своих соратников. Из-за этого ее арестовывают и допрашивают, но Елена ни в чем не сознается. В этот момент она уже понимает, что не выйдет живой и умирает с улыбкой на губах, думая о своем сыне, который будет жить под мирным небом: «перед глазами у нее вспыхнула молния, и Елена обрела сверкающий мир, где нет ни войн, ни казней»⁶. Именно в Елене сочетаются образы матери и женщины того периода.

Помимо вышеупомянутых образов, в трилогии есть образ представительницы буржуазии Ружены Урбановой-Хойзлеровой. Вместе с матерью и братом она приезжает в Прагу

из деревни, что говорит читателю о ее статусе не-городской жительницы. Сначала она завидует местным девушкам, и чтобы стать частью этого общества, Ружена перенимает их привычки. Уже со школьной скамьи она понимает, что деньги решают многое, поэтому она ищет себе богатого мужа.

Первой женщиной, на которую Ружена начинает опираться — это Нелла Гамзова. Ружена восхищается ее красотой, утонченностью, а также завидует тому, что у нее есть богатый муж. Она начинает подражать Гамзовой, чтобы понять, как быстрее влиться в новое общество. Из-за жажды денег Ружена не останавливается и целеустремленно идет к своей цели. Адвокат Хойзлер устраивает ее манекенщицей, и там она приобретает новое имя — Ро. Поначалу она стеснялась знатных клиентов, но ей нравилось переодеваться много раз на дню, она получала от этого удовольствие и показывала свою красоту. Она шила себе одежду, подражая той, что носили тогда знатные дамы.

Когда начинается война, Ро покупает много ткани, чтобы во время войны было, что носить. Помимо новых платьев, в ее доме была дорогая еда: «двести с лишком граммов сливочного масла, янтарный мед, ананасовый джем. Блюдо розовой ветчины...»⁷. От немецких солдат, которые останавливались у нее в доме, она принимала подарки, встречала с радостью и той улыбкой, с которой она когда-то обращалась к высокопоставленным лицам. Военные были очарованы гостеприимством девушки, и когда вечером они сидели за вином, Ро Хойзлерова чувствовала, что наконец-то находится в кругу людей, которые близки ей по духу. Тем самым показано тщеславие героини, ее нежелание служить на благо общества, поиск лучшей и более богатой жизни, что было нехарактерно для представителей рабочего класса.

Таким образом, в данной работе были проанализированы три женских образа в трилогии М. Пуймановой «Люди на перепутье»: образ матери (Нелла и Елена Гамзовы), который с точностью изображает женщину, готовую на все, ради счастья и благополучия своего ребенка, образ женщины — типичной представительницы того времени (Елена Гамзо-

ва), которая служит на благо общества наравне с мужчинами, совершает героические поступки ради светлого будущего своего народа и образ представительницы буржуазии (Ружены Урбановой), которая стремится к собственному благу, а не к благу народа.

Примечания

- ¹ *Абдуллина А.Ш., Латыпова Е.Э.* Женские образы в прозе Л. Улицкой // Вестник Челябинского государственного университета. 2017. № 3 (399). Филологические науки. Вып. 105. С. 7.
- ² *Исмаилова Ф.Е.* Эволюция социального статуса женщины в мировой литературе // Современные исследования социальных проблем. 2010. № 4.1 (04). С. 614–615.
- ³ *Южакова Е.* Образ женщин на картинах соцреализма. URL: <https://hsedesign.ru/project/edc74da1db5d4e8fa9fad518f722e639> (дата обращения 25.03.2025).
- ⁴ *Пуйманова М.* Люди на перепутье / пер. с чеш. Т. Аксель, Ю. Молочковский // Люди на перепутье, Игра с огнем, Жизнь против смерти. М., 1976. С. 80.
- ⁵ *Пуйманова М.* Игра с огнем: [пер. с чеш. Т. Аксель, Ю. Молочковский] // Люди на перепутье, Игра с огнем, Жизнь против смерти. С. 549.
- ⁶ *Пуйманова М.* Жизнь против смерти / пер. с чеш. Т. Аксель, Ю. Молочковский // Люди на перепутье, Игра с огнем, Жизнь против смерти. С. 696.
- ⁷ Там же. С. 639.

DOI: 10.31168/2619-0869.2025.59

Пространство природы в прозе Б. Шульца и романе П. Хюлле «Вайзер Давидек» в контексте мифопоэтики

Дарья Алексеевна Балаклеец

Балтийский федеральный университет
имени Иммануила Канта,
Калининград, Российская Федерация;
e-mail: merkulowa01@mail.ru
ORCID: 0009-0000-0947-0453

Ключевые слова: Шульц, Хюлле, хронотоп, природные топосы, мифопоэтика, библейские аллюзии

The Space of Nature in the Prose of B. Schulz and the Novel of P. Huelle "Who Was David Weiser?" in the Context of Mythopoetics

Daria A. Balakleets

Immanuel Kant Baltic Federal University,
Kaliningrad, Russian Federation;
e-mail: merkulowa01@mail.ru
ORCID: 0009-0000-0947-0453

Key words: Schulz, Huelle, chronotope, topoi of nature, mythopoetics, biblical allusions

Польских писателей Бруно Шульца (1892–1942) и Павла Хюлле (1957–2023) редко ставят в один ряд, поскольку их произведения принадлежат различным литературным эпохам. Однако анализ их художественного мировосприятия сквозь призму мифопоэтики может оказаться продуктивным для выявления сравнительно-генетических и типологических связей при создании образа города.

Так, по мнению Д. Сивор, очевидно влияние Шульца в дебютном романе Хюлле «Вайзер Давидек» (1987), в котором раскрывается частая для польской литературы XX в. тема детства как состояния особых эпистемологических и метафизических переживаний. В этом произведении исследовательница усматривает влияние прозы Шульца на уровне системы персонажей (отец в прозе Шульца выступает в той же роли, что и Вайзер в романе Хюлле, соответствие героев-рассказчиков), способе наррации (с перспективы ребенка или взрослого, воссоздающего свое детское сознание), художественного метода (выход за пределы реализма, но сохранение связи с историческим контекстом), мировосприятия в целом (превалирование интуиции над *ratio*)¹. Особенно значительно сходство между прозой Шульца и романом Хюлле в отношении к художественному воссозда-

нию пространства родного города. Как замечают В. Гильманов и Л. Мальцев, Хюлле «пишет о точной карте Гданьска и окрестностей как о “мечте детства”»², следуя традициям Шульца, показавшего в таком же ракурсе Дрогобыч на страницах повестей «Коричные лавки» и «Санатория под клепсидрой». На наш взгляд, в хромотопической структуре текстов Шульца и Хюлле важную роль играет также природный топос, включенный в городской — растительный мир занимает внушительное пространство на карте шульцевского Дрогобыча, а в романе Хюлле действие происходит в богатых растительностью гданьских районах Вжещ и Олива.

В прозе Шульца природные топосы в основном локализованы на периферии города: «Пригородные домики тонули [...] в пышном и путанном цветении маленьких садов»* (*Przedmiejskie domki tonęły [...] w bujnym i pogmatwanym kwitnieniu małych ogródków*)³. Однако растительность захватывает весь город и «гнездится» даже в самом его центре, вокруг дома героя-рассказчика на рыночной площади — «окно было все зеленое от сорняков и крапивы» (*okno zieleniało całe od chwastów i pokrzywy*), «лавка заросла дикими и неопрятными сорняками» (*zarastał sklep dziko i niechlujnie zielskiem*)⁴, и в самом доме, что находит отражение в употреблении растительных метафор и сравнений при описании комнат — «обои густели темным сплетением арабесок» (*tapety gęstwiały ciemniejszym splotem arabesek*)⁵, лампы «увядают», как «старый чертополох и репей» (*stare osty i bodiaki*)⁶, в трещинах на полу появляются ростки, наполняющие комнату «филигранной листвой» (*filigranowym listowiem*)⁷. Несмотря на экспансию природы вглубь Дрогобыча, пространство города не сливается с растительным топосом, между ними существует граница. Попытка героя-рассказчика пересечь черту между городом и царством природы акцентируется такими лексемами, как «на границе лопухов» (*na granicy łopuchów*), «последняя стена этого мира» (*ostateczna ściana tego świata*), «узник двора» (*więzień podwórza*)⁸, призванными подчеркнуть

* Здесь и далее перевод с польского на русский наш — Д. Б.

дифференциацию между двором и заброшенными дебрями огородов.

Мифологизация природы у Шульца происходит за счет ее сакрализации. Автор нередко антропоморфизирует флору — «золотое жнивье кричит на солнце» (*złote ściernisko krzyczy w słońcu*)⁹, «сад повернулся во сне на другую сторону» (*ogród obrócił się we śnie na drugą stronę*)¹⁰, «прожорливая субстанция сорняков», *zjadliwa substancja zieliska*)¹¹, и обожествляет ее — «август этого лета устроил свою великую языческую оргию» (*odprawiał sierpień tego lata swoją wielką, pogańską orgię*)¹². В главе «Пан» «Коричных лавок» герой-рассказчик встречается с богом дикой природы — олицетворением всей той буйно разросшейся растительности. Буквально ожившая природа противопоставляется в повестях оплоту мертвой цивилизации в шпенглеровском понимании — разрастающемуся промышленному району улицы Крокодилов (ул. Стрыйская). «Профанность» городской улицы подчеркивается ее серостью и бесцветностью: «серая атмосфера» (*szara atmosfera*), «грязная растерянность» (*brudne zmieszanie*), «все там было серым, как на одноцветных фотографиях» (*wszystko tam było szare jak na jednobarwnych fotografiach*), «пустая и бесцветная вегетация» (*pusta i bezbarwna wegetacja*)¹³. В этой оппозиции заметна аналогия между богатой мифологией древности и духовным состоянием человека XX в., утратившего связь со своими истоками. Именно поэтому, по мнению Шульца, необходимо сочинить собственную «Книгу», космогонию и личную «духовную родословную»¹⁴, воссоздать мифы о мире.

Согласно карте Дрогобыча, описанной в «Лавках» город находится посреди «увядших далеких окрестностей» — «поозерья [...] болот и прудов» (*pojezierze [...] moczarów i stawów*) «складчатых предгорий» (*pofałdowane przedgórze*); «шахматной доски округлых взгорий» (*szachownica okrągławych wzgórz*)¹⁵. Такое расположение соответствует модели концентрического города по Ю.М. Лотману¹⁶, в то время как Гданьск совмещает в себе черты концентрического и эксцентрического типа, поскольку окружен лесом и имеет выход к морю¹⁷.

В соответствии с этим природный топос Гданьска образуют лесные и морские локусы. Как указывает К. Гаевский, роман Хюлле глубоко укоренен в христианской символике и темах¹⁸, что дает возможность рассмотреть природный топос через призму библейского текста. Так, лесные локусы, с одной стороны, относятся к сфере *sacrum*, поскольку заключают в себе ветхозаветные и евангельские аллюзии. Образ тропы в Оливском лесу, которую показывает Вайзер, отсылает к Эдему: «для нас это был рай обретенный, далекий от города» (*był to dla nas raj odnaleziony, daleki od miasta*)¹⁹, описание местонахождения Оливского зоопарка в «в глубокой долине Оливского Потока, который бежал в этом месте с семи холмов» (*w głębokiej dolinie Oliwskiego Potoku, który wy pływał w tym miejscu z siedmiu wzgórz*)²⁰ соотносится с «топографией» Рима, расположенного на семи холмах. Сакральное значение приобретает сам зоопарк, где Давид Вайзер впервые демонстрирует героям свою силу. На окраине города расположен и непосредственно священный локус — костел Воскресения: «Костел Воскресения был расположен, как и весь наш район, около леса» (*Plebania Ojców Zmartwychwstańców położona była, jak cała zresztą nasza dzielnica, pod lasem*)²¹. С ним также связано первое появление заглавного героя. С другой стороны, лес представлен в качестве места инициации и заключает в себе демоническое начало, ассоциируемое с образом заброшенного кирпичного завода на опушке леса. В глазах героев здание выглядит устрашающе: «здание [...] казалось нам огромным с [...] черными впадинами окон, [...] где страшные стропила торчали, как ребра огромного зверя» (*budynek [...] wydał się wielkim gmaszyskiem z [...] czarnymi jamami okien, [...] w którym straszły odstłonięte krokwie, jak żebra wielkiego zwierzęcia*)²².

С морскими локусами коррелируют эсхатологические мотивы. Один из морских локусов — пляж в Елитково, являющийся местом действия «пророческого» сна Павла Хеллера о победе Вайзера над морскими чудовищами. Сюжет сна отчасти соотносится с событиями из XIII главы Откровения («Я стоял на берегу моря, [...] а из воды один за другим выхо-

дили звери» (*Stalem nad brzegiem morza, [...] a z wody jedno za drugim wychodziły zwierzęta*)²³, «И стал я на песке морском, и увидел выходящего из моря зверя с семью головами и десятью рогами» (Откр. 13.1). Связанные с морем катаклизмы и знаменья вызывают в романе апокалиптические ассоциации: мор рыбы, видение кометы, явление Матери Божией из Матемблева. Из этого можно заключить, что основой для мифологизации природных топосов в романе Хюлле выступают христианские мотивы, с помощью которых подчеркивается исключительность и значительность событий, в центре которых находится заглавный герой.

Таким образом, анализ природных топосов в свете конструирования авторской мифологической семантики позволяет определить основные мифопоэтические координаты в прозе Шульца и «Вайзере Давидке» Хюлле. Несмотря на заметное влияние шульцевских текстов на роман Хюлле, писатели подходят к построению мифообразов по-разному. Пространство природы в повестях Шульца представлено в большей степени приобщенными к культуре локациями — садами. Мифопоэтика Шульца выстраивается на основе языческой мифологии, которой свойственен анимизм. Единственной угрозой, способной нарушить гармонию города и природы является цивилизация, разрушительность которой подчеркивается отсутствием мифологических красок. Природные топосы в романе Хюлле, представленные двойственностью неподвластных человеку леса и моря, соотносятся с ветхозаветными, новозаветными и апокалиптическими мотивами. Пространство эксцентрическо-концентрического Гданьска одновременно генерирует эсхатологические мифы и наделяется сакральными коннотациями, что на сюжетном уровне находит отражение в противоречивом характере Давида Вайзера.

Примечания

¹ *Siwor D. Tropy mitu i rytuału. O polskiej prozie współczesnej — nie tylko najnowszej. Kraków, 2019. S. 57–58, 173.*

- ² *Гильманов В., Мальцев Л.* Метафизика городского пространства в романе П. Хюлле «Воспой Сады» // Сборник Матице српске за славистику. 2020. № 97. С. 256.
- ³ *Schulz B.* Sklepy syna monowe i inne opowiadania. Warszawa, 2022. S. 12.
- ⁴ *Шульц Б.* Санатория под клеписдрой: книга для чтения на польском языке. СПб, 2022. S. 153.
- ⁵ *Schulz B.* Sklepy syna monowe... S. 25.
- ⁶ *Ibid.* S. 46.
- ⁷ *Ibid.* S. 73.
- ⁸ *Ibid.* S. 91–95.
- ⁹ *Ibid.* S. 13.
- ¹⁰ *Ibidem.*
- ¹¹ *Шульц Б.* Санатория под клеписдрой... S. 154.
- ¹² *Schulz B.* Sklepy syna monowe... S. 13.
- ¹³ *Ibid.* S. 127–128.
- ¹⁴ См. *Шульц Б.* Трактат о манекенах. Собрание прозы. СПб, 2000. С. 416–419.
- ¹⁵ *Schulz B.* Sklepy syna monowe... S. 125.
- ¹⁶ См. подробнее: *Лотман Ю.М.* История и типология русской культуры. СПб, 2002. С. 208–209.
- ¹⁷ *Копцев И.Д., Мальцев Л.А.* Эсхатология городского текста в романе П. Хюлле «Вайзер Давидек» // Балтийский гуманитарный журнал. 2018. № 3 (24). С. 102.
- ¹⁸ *Gajewski K.* «Weiser Dawidek» jako opis doświadczenia religijnego // *Teksty Drugie.* 2004. № 1–2. S. 304.
- ¹⁹ *Huelle P.* Weiser Dawidek. Gdańsk, 2000. S. 58.
- ²⁰ *Ibid.* S. 53.
- ²¹ *Ibid.* S. 14.
- ²² *Ibid.* S. 127.
- ²³ *Ibid.* S. 186–187.

DOI: 10.31168/2619-0869.2025.60

**Мифопоэтическое пространство
в романе Зиранны Затели
«И в сумерках они приходят вновь»
и романе Горана Петровича
«Атлас, составленный небом»**

Арина Антоновна Затолокина

МГУ имени М.В. Ломоносова,
Москва, Российская Федерация;
e-mail: arinaz7508@gmail.com
ORCID: 0009-0009-4596-2207

Ключевые слова: греческая литература, сербская литература,
магический реализм, художественное пространство

**Mythopoetic Space
in the Novel by Ziranna Zateli
“At Twilight They Return”
and in the Novel by Goran Petrović
“An Atlas Traced by the Sky”**

Arina A. Zatolokina

Lomonosov Moscow State University
Moscow, Russian Federation;
e-mail: arinaz7508@gmail.com
ORCID: 0009-0009-4596-2207

Keywords: Greek literature, Serbian literature, magical realism,
literary space

Объектом исследования в данной статье стали два романа балканских писателей второй половины XX в.: роман греческой писательницы Зиранны Затели «И в сумерках они приходят вновь» (Καί μέ τό φῶς τοῦ λύκου ἐπανερχονται,

1993) и сербского писателя Горана Петровича «Атлас, составленный небом» (Атлас описан небом, 1993). Цель представленной работы — выявление особенностей формирования мифопоэтического пространства в этих двух романах. Для анализа категории пространства используется комплексный подход, основным методом работы в котором является литературоведческий анализ с привлечением мотивного, мифопоэтического, сопоставительного анализа и анализа бинарных оппозиций.

Зиранна Затели — современная греческая писательница. Она родилась в 1951 г. в небольшом городе Сохос в номе Салоники, в большой сельской семье, где и прожила до своего совершеннолетия. В 1981–1998 гг. жила главным образом в Афинах и в Париже, в то же время много путешествовала.

Горан Петрович — сербский прозаик конца XX — начала XXI вв. Родился в 1961 г. в маленьком сербском городе Краleve. Произведения Горана Петровича были удостоены множества литературных премий и переведены на многие языки. В своих произведениях автор, с одной стороны, продолжает традиции крупных сербских писателей, с другой — формирует уникальное художественное пространство, наполненное образами из мифов, фольклора, сказок.

Опубликованный в 1993 г. роман «И в сумерках они приходят вновь» разделен на десять историй, каждая из которых обозначена отдельным заголовком; все истории разворачиваются в едином временном отрезке и повествуют об одной большой семье, живущей в деревне на севере Греции в период с конца XIX в. по 20-е гг. XX в. Художественный мир Затели формируется из сложной системы лейтмотивов и под влиянием новогреческого фольклора, мифологии, сказок. Эта особенность объединяет роман Зиранны Затели с романом Горана Петровича (1961–2024) «Атлас, составленный небом», опубликованным также в 1993 г.

Переосмысление мифологической традиции происходит благодаря использованию мифологической тематики, образности и символики, прямому обращению к мифу, ритуальной культуре, сказочным и фольклорным мотивам¹. Меле-

тинский пишет о мифологизме в литературе XX в.: «Пафос мифологизма состоял в обнаружении постоянных и вечных принципов, скрытых под обыденной поверхностью и сохраняющихся неизменными при любых исторических изменениях»². В обоих произведениях миф является средством формирования иного пласта реальности, основывающегося на вневременных, универсальных законах, неотъемлемым элементом художественной действительности, актуальным и постоянно присутствующим в пространстве романов.

В романах Затели библейский миф и античный миф, так же, как и христианство и язычество, образуют *единство противоположностей* (*coincidentia oppositorum*), о котором В. Пухнер в своей работе «Теоретический фольклор» (Θεωρητική λαογραφία) пишет, что оно «существенно восходит к древнему циклическому осмыслению мира, где рождение и смерть образуют единство» (*ανάγεται ουσιαστικά στην πανάρχαια κυκλική κατανόηση του κόσμου, όπου γέννηση και θάνατος αποτελούν μια ενότητα*)³. Система образов и символика библейского мифа вводится в художественное пространство через образы персонажей. Так, один из главных героев романа Теагенис — амбивалентный образ, соединяющий в себе черты Христа, Адама и Дьявола. Важной семантической опорой в истории Теагениса является библейский миф о крещении. Мать Теагениса Эвфа самостоятельно крестит сына в реке в день своих именин, «как в Иордане» (*σάν τόν έν Ιορδάνη(ι)*)⁴ и дает ему новое имя — Исихий (*Ησυχίος*), буквально — «спокойный, смиренный». Образ Исихия создается с помощью библейского символа — змия, связанного с мифом о грехопадении. Во сне Феврония — будущая жена Исихия — видит его в образе врача, напоминающего в то же время змия-искусителя: «Спереди спаситель и врач, а сзади — истинный змий» (*Από μπροστά σωτήρας και γιατρός, από πίσω γυμνός ό όφις*)⁵. Мать Христофороса Эвфа в глазах Исихия иногда видит змеиные глаза: «Эвфа временами говорила, что, когда смотрела по вечерам или в полусвете в его глаза, ей казалось, что на нее смотрит змий» (*ή Εύθα έλεγε κάποτε πώς, όταν τόν κοίταζε βράδυ ή σέ μοόφωτο, νόμιζε πώς κοίταζε φίδι*)⁶.

Топосом, объединяющим реальное пространство с мифологическим становятся развалины напротив дома Исихия. Посреди старой мебели и ненужных вещей, «в сердце этой заброшенности возвышалась и блаженно раскидывала свои ветви знаменитая смоковница» (*στην καρδιά της ἐγκατάλειψης, ὑψωνόταν κι ἀπλωνόταν μακάρια μιά περιβόητη συκιά*)⁷. Плоды этого дерева «никогда не созревали, никогда не вырастали, никогда не съедались» (*ποτέ δὲν ὀρίμαζαν, ποτέ δὲν μεγάλωναν, ποτέ δὲν τρώγονταν*)⁸. Образ смоковницы в христианской традиции обладает негативной семантической нагруженностью и отсылает к библейскому эпизоду проклятия бесплодной смоковницы. У реального пейзажа формируется над-реальное пространство, когда Исихий, пришедший туда в одиночестве, внезапно слышит голос, «Как тогда, когда Бог поймал Адама и Еву после того, как они съели запретный плод и слышится его шаг в листве и оглушительный голос его в Раю» (*Ὅπως ἐκεῖ ποῦ πιάνει ὁ Θεός τόν Ἀδάμ καί τήν Εὔα νά ἔχουν φάει τόν ἀπαγορευμένο καρπό κι ἀκούγεται τό σανδάλι του πάνω στά φύλλα καί βροντερή ἢ φωνή του στόν Παράδεισο*)⁹. Фраза, которую произносит Феврония, напоминает Исихию фразу из Ветхого Завета, который читала им в детстве Эвфа: «Это я, не бойся» (*Μὴν τρομάζεις ἐσὺ... ἐγὼ εἶμαι*)¹⁰. Через топос миф актуализируется и на смешивается для героев с реальностью: голос, который слышит Исихий — одновременно голос Февронии и Бога, их образы вмещают в себя и образы библейских героев — Адама и Евы, реальный пространственный план связан с образом утеряннного рая после грехопадения, вписан в оппозицию *хаос-космос*.

В романе Петровича так же присутствуют элементы, которые становятся координатами для объединения реального пространственного слоя с мифологическим. Таким образом является вселенское дерево — блуждая по его ветвям во сне, персонажи ищут Завет, который, по преданию, оставлен в них самим Богом: «Как говорит одна древняя легенда, сам Бог внедрил в сны рода человеческого, перенося из поколения в поколение, один Завет, тайную формулу»¹¹. Мировое древо — мифологический архетип, объединяющий собой раз-

ные пространственные измерения. Так, в художественном пространстве романа он становится координатой, соединяющий реальное пространство с фантастическим пространством, пространством сна: «ему тут же стало ясно, что весь сон он ходил по одной из веток Вселенского древа»¹².

Важнейший пространственный элемент в романе «Атлас, составленный небом» — дом, в котором живут главные герои. Пространство дома, сформированное с помощью сложной мотивной системы, противопоставлено пространству внешнему, *чуждому*, хаотическому. В создании внутреннего пространства дома функционирует мифологический мотив *космизации хаоса*. Подобным образом оппозиция *внутренний/внешний* реализуется в пространстве романа Затели, в топоге дома Исихия и развалин напротив него. Миф обретает дополнительное, «физическое» воплощение в доме — жилище героев романа Петровича наполнено множеством фантастических и волшебных предметов.

В романе Затели мифологическое пространство формируется через мотив ритуала. Исихий — *меченый персонаж*, выделяющийся среди своих братьев и сестер удивительной красотой, а также тем, что в детстве он не мог совершить ритуал, через который обязаны пройти все 12-летние мальчики этой округи. Неудача Исихия может восприниматься как «ритуальное обряжение, или тайный знак, или трансформацию божественного героя, или, наоборот, выявление его реального состояния с социальной точки зрения»¹³. В праздниках и ритуалах, связанных с календарным циклом, функционирует *мифологическое время*, противопоставленное линейности исторического и формирующее более широкую оппозицию *сакральное/профанное*. Ритуал инициации включает элементы мифо-ритуального сценария человеческой жизни — смерть ритуального животного, становление мальчика мужчиной через символическое воспроизведение брака: «Их одевали в красивую черно-белую одежду [...] и вели их на задний двор дома, где они зарежут первое животное в их жизни» (*Τὰ ἔντυνα μὲ ὠραῖα ἀσπρόμαυρα ρούχα [...] καὶ τὰ ὀδηγοῦσαν στήν αὐλή τοῦ σπιτιοῦ νὰ σφάζουν τὸ πρῶτο ζῶο τῆς ζωῆς τους*)¹⁴.

В романе Петровича герои, выполняя определенные действия в сакрализованное время, создают талисманы: «Мы внимательно взвешиваем, прислушиваемся, пробуем языком на вкус, пожалуй, хватит, еще вот это, еще вон то, посматриваем на часы и за несколько минут до полуночи помещаем все в широкую посудину (лучше всего в один из тазов для варки варенья). Затем в это глухое время, когда магические свойства становятся самыми сильными, мы аккуратно переносим посудину во двор и какой-нибудь ложкой побольше или половником мешаем под светом Вечерней звезды»¹⁵. Полночь — пограничное время, обладающее особой семантической нагруженностью.

Таким образом, художественное пространство романов формируется с помощью сложной мотивной структуры, важное место в которой занимают мифологические образы и символы. Внесение в повествование мифологических координат, переосмысление мифов позволяет авторам создать уникальное художественное пространство, сочетающее в себе черты мира реального и фантастического, формируя над-реальный, выходящий за пределы линейного времени и объективного пространства, слой повествования.

Примечания

- ¹ Поэтика: слов. актуал. терминов и понятий / Гл. науч. ред. Н.Д. Тamarченко. М., 2008. С. 123.
- ² Мелетинский Е.М. От мифа к литературе. М., 2001. С. 129.
- ³ Παύχρη Β. Θεωρητική λαογραφία. Αθήνα, 2009. Σ. 315.
- ⁴ Ζατέλη Ζ. Καί μέ τό φώς τοῦ λύκου ἐπανερχονται. Ἐκδόσεις Καστανιώτη Α.Ε. Αθήνα, 1983. Σ. 16.
- ⁵ Ibid. Σ. 35.
- ⁶ Ibid. Σ. 52.
- ⁷ Ibid. Σ. 29.
- ⁸ Ibid. Σ. 29.
- ⁹ Ibid. Σ. 30.
- ¹⁰ Ibid. Σ. 30.
- ¹¹ Петрович Г. Атлас, составленный небом. М., 2024. С. 29.
- ¹² Там же. С. 235.
- ¹³ Мелетинский Е.М. От мифа к литературе. М., 2000. С. 45–46.
- ¹⁴ Ζατέλη Ζ. Καί μέ τό φώς τοῦ λύκου ἐπανερχονται. Σ. 14.
- ¹⁵ Петрович Г. Атлас, составленный небом. М., 2024. С. 45.

DOI: 10.31168/2619-0869.2025.61

Тело как травма или исцеление в романах Дубравки Угрешич

Яэль Олеговна Бондарь

Российский Государственный
Гуманитарный Университет,
Москва, Российская Федерация;
e-mail: eljabondar@gmail.com

Ключевые слова: тело, травма, Дубравка Угрешич, телесность

The Body as Trauma or Healing in the Novels of Dubravka Ugrešić

Jael O. Bondar

RSUH,
Moscow, Russian Federation;
e-mail: eljabondar@gmail.com

Keywords: body, trauma, Dubravka Ugrešić, corporeality

Одной из отличительных черт женской прозы является телесность. Женские тексты, по мнению А.С. Афанасьева, некомфортно воспринимать читателю, они стремятся противостоят культуре, не вписываясь в классический дискурс¹. Также, сравнивая тексты в гендерной оптике с теорией Ролана Барта о двух видах текста: тексте-удовольствии и тексте-наслаждении, он делает вывод, что текст-удовольствие, то есть классический текст — маскулинный, а текст-наслаждение — феминный.

Тенденции феминного текста мы можем наблюдать в прозе сербохорватских писательниц рубежа XX–XXI вв. Это романы Ведраны Рудан, Славенки Дракулич, Дубравки Угрешич, Ланы Басташич, Маши Коланович — в их текстах можно

встретить те характеристики, которые встречаются в описании текстов-наслаждений: излишняя телесность, а также поэтика разрыва, которая, по Афанасьеву, является важнейшей частью текста-наслаждения.

Образ тела, встречающийся в их текстах, является предметом рефлексии над травмой, с которой столкнулось множество женщин и мужчин в середине XX в. Тело подвергалось критике на протяжении всего человеческого существования, однако в XX в. отношение к нему меняется: «Выставление тела напоказ, начавшееся в “прекрасную эпоху” и набравшее обороты в период между двумя войнами, пошло полным ходом в период “славного тридцатилетия”»². Так оголенное тело постепенно перестает быть запретным, постыдным, и становится символом свободы. Но излишняя открытость тела привносит новую травму. Так «каноны внешней привлекательности начинают претерпевать сильные и даже жестокие изменения», а «эстетическая хирургия получает мощнейший толчок к развитию и распространению»³. У человека появляются новые комплексы, а вечное недовольство собственным телом и ощущение его уродства становятся новой травмой. И если раньше безобразное в теле было скорее изображением дисгармонии, а, например, с «богословско-метафизической точки зрения весь мир прекрасен, потому что является твореньем Божиим»⁴, то теперь противопоставление безобразного и прекрасного больше не опционально в массовой культуре: «отныне безобразное и прекрасное — два равноправных варианта изобразительности, воспринимаются нейтрально»⁵. Однако ряд стереотипов об уродстве, особенно связанных с женским телом, остается в человеческом сознании.

Хорватская писательница Дубравка Угрешич также обращается к теме телесной травмы в своих романах. В данной работе мной рассматриваются два романа: «Штефица Цвек в когтях жизни» (*Stefica Cvek u raljama Života*, 1981) и «Снесла Баба Яга яичко» (*Baba Jaga je snijela jaje*, 2008). Стоит отметить, что рассматриваются не все образы телесной травмы в произведениях, а только женские и имеющие одну сквозную линию.

В романе «Штефица Цвек в когтях жизни» перед нами предстаёт героиня Штефица, которая находится в состоянии депрессии и единственное, по мнению ее подруг, что может вылечить Штефицу — это найти себе мужчину: «Я так и думала. Найди себе парня! Это для тебя лучшее лекарство от депрессии»⁶.

Сама героиня является плодом воображения автора-демиурга, которая выбирает себе персонажа, как материал, из которого будет шиться весь роман, что иллюстрирует данная реплика: «Алло! 9-8-6? Скажите, а Цвек у вас есть? Нет, не важно, кто я! Есть? Отлично! Ой-ля-ля!»⁷.

Так из-под пера автора возникает неуверенная в себе девушка 25 лет, одинокая и меланхоличная, которая олицетворяет собой среднестатистическую женщину. В самом тексте центральной телесной травмой является полнота, которую автор выставляет комично. Героиня на протяжении всего романа безуспешно пытается похудеть, но все попытки заканчиваются заеданием: «Сначала Штефице представилось, что она глотает то, что было: несчастную свою судьбу, горькую свою долю ест полной ложкой, жуёт свое одиночество, проглатывает Пальму-на-Мальорке, где сейчас Матильда и где ей, Штефице, никогда не бывать...»⁸. Так, согласно Сьюзен Сонтаг, Штефица является рабой стереотипа о женской красоте, которая является театром ее порабощения⁹. Аллюзия на театр возникает не только у американской писательницы, но и у самой Дубравки Угрешич: «Казалось, что театр — огромный ящик, в котором находится ящик поменьше — зал, потом — туалет, еще меньший ящик, а в туалете — кабинка, последний, самый маленький ящичек, из которого нет выхода. “Могила, суцая могила...” — думала Штефица, глубоко дыша»¹⁰.

Таким образом, тело, которое не соответствует стереотипным нормам общества, заключено в тюрьму страданий и заеданий. Тело страдает и от мужчин, так как они его аллегорически пожирают. Так в сцене, где Штефица лежит на кровати, а ее новый любовник Амбал жуёт бутерброды, с одной стороны, является комической пародией на сексуальные

сцены в романах, а с другой — представляет собой аллюзию на то, как Амбал пожирает тело Штефицы.

В одной из возможных концовок Штефица приходит к своему счастью не только благодаря тому, что находит любовь всей своей жизни, но и благодаря тому, что она худеет на 10 килограммов: «Ты становишься не только отличной супругой, любимой матерью четырех, а вскоре и пяти (да, дорогая моя Штефица, да!) детей, но еще и сбрасываешь с десятков килограммов и так хорошеешь, что родная тетька, которая приезжает навестить тебя, зятя и свою подругу из Босанской Крупы, не узнает свою Штефицу»¹¹. Так автор предоставляет Штефице стереотипное счастье, однако автор не хочет ей предписывать такой конец: «Вот так бы я тебя отстрочила, дорогая моя Штефица, будь я настоящим писателем. Но я как раз из тех, о ком говорят: “Жизнь диктует, а писатель пишет” — и даже более того... А в народе говорят: кто как знает, тот так и тачает. Всяк мастер на свой лад»¹².

В другой альтернативной концовке Штефица находит счастье с англичанином, не потеряв свои лишние килограммы. Такую концовку, которая не понравится никому в романе, начиная от парикмахера, заканчивая мамиными подругами, автор предлагает, так как находится в феминистском дискурсе. Причем стоит отметить, что, добавляя такую концовку в роман, пародирующий любовные стереотипные романы, писательница разрушает концепт красоты и травму, излечивая главную героиню.

«Ничто так наглядно не демонстрирует уязвимость женщин, как боль, смятение и отрицание, связанное со старением»¹³, — так пишет Сьюзан Сонтаг в своем эссе «О женщинах». Идея того, что уродство — признак именно старости, а красота — признак молодости, идет еще из античных времен, начиная с Пиндара. В современном мире, где средняя продолжительность жизни женщин выросла, старение все еще является трагедией для женского пола и календарь — все еще властитель судьбы женщины¹⁴.

Именно о травме, связанной со стареющим телом, пишет Угрешич в другом своем романе «Снесла Баба Яга яичко».

Основные героини романа являются аллюзиями на фольклорный образ Бабы Яги. Причем стоит отметить, что Бабой Ягой может быть не только стареющая женщина, а любая героиня. Персонажу достаточно не вписываться в стереотипный образ идеальной женщины и нести в себе качество, присущее только стареющему человеку. Так героиня Аба тоже являет собой образ Бабы Яги:

«— Я старая женщина.

— Ты еще грудной ребенок.

— Грудные дети — это старые женщины.

— Ок, ты лысый грудной ребенок. Разве что-то может быть красивее?

— Может.

— Что?

— Грудной ребенок с длинными косичками»¹⁵.

Причем стоит отметить, что между грудным ребенком и старой женщиной автор здесь не ставит разделения. Все стареющие женщины в романе страдают от того, что не могут вписаться в общество. Их тело не соответствует нормам и стереотипным представлениям о красоте. Так во второй части романа у героини прекрасное лицо, как у героини Куклы, персонажи умны и реализованы в профессии, как например Пупа, но из-за стареющего тела они не могут вписаться в нормальное общество, а общественность считает старость болезнью и хочет их вылечить. Только убив в лице героя Мистера Шейка образ общества потребления, которое насаждает стереотипы, или переродившись в новом теле, как это сделала Пупа, можно раз и навсегда преодолеть травму.

Современное женское тело сильно травмировано стереотипами о том, как оно должно выглядеть и какую жизнь жить. Дубравка Угрешич исцеляет это тело тем, что дает ему возможность возродиться благодаря идее о том, что без стереотипов можно жить счастливо, как это делает ее героиня Штефица, можно заткнуть рот, (например, мячом для гольфа) тому, кто привносит в мир эти стереотипы, как это сделала Кукла, а можно просто показать кукиш миру, как это сделала героиня Пупа.

Примечания

- ¹ *Афанасьев А.С.* Гендерный аспект изучения литературы. М., 2017. С. 7.
- ² История тела: в 3 т. М., 2016. Т. 3. Перемена взгляда: XX век / Под ред. А. Корбена, Ж.-Ж. Куртина, Ж. Вигарелло. С. 86.
- ³ Там же. С. 85.
- ⁴ *Эко У.* История Уродства. М., 2024. С. 43.
- ⁵ Там же. С. 426.
- ⁶ *Угрешич Д.* Штефица Цвек в когтях жизни // *Голосую за любовь* / сост. Н. Смирнова. М., 1990. С. 20.
- ⁷ Там же. С. 14.
- ⁸ Там же. С. 29.
- ⁹ *Сонтаг С.* О женщинах. М., 2024. С. 47.
- ¹⁰ *Угрешич Д.* Штефица Цвек... С. 52.
- ¹¹ Там же. С. 48.
- ¹² Там же.
- ¹³ *Сонтаг С.* О женщинах. С. 47.
- ¹⁴ Там же.
- ¹⁵ *Угрешич Д.* Снесла Баба Яга яичко. М., 2011. С. 76.

ПОЭТИКА: ПОЭЗИЯ

DOI: 10.31168/2619-0869.2025.62

Эволюция поэтического мировоззрения Й. Дучича: от декаданса к философской лирике на примере мотива смерти в циклах «Сенке по води» (1900–1901) и «Лирика» (1943)

Алёна Романовна Кашина

РГУ им. А.Н. Косыгина,
Москва, Российская Федерация;
e-mail: alenakasina63@gmail.com
ORCID: 0009-0004-2106-2312

Ключевые слова: Й. Дучич, декаданс, символизм, сербская поэзия, мотив смерти

The evolution of the poetic worldview of J. Dučić: from decadence to philosophical lyrics on the example of the motif of death in the cycles *Shadows on the water* (1900–1901) and *Lyrics* (1943)

Alena R. Kashina

The Kosygin State University of Russia,
Moscow, Russian Federation;
e-mail: alenakasina63@gmail.com
ORCID: 0009-0004-2106-2312

Keywords: J. Dučić, decadence, symbolism, Serbian poetry, death motif

Смерть как культурный и философский феномен всегда занимала центральное место в человеческом сознании, будучи не только сугубо биологической категорией, но и важнейшим социальным, религиозным и эстетическим вопросом. Как отмечает Ф. Арьес, отношение к смерти претерпело значительные изменения — от восприятия ее как естественного и принятого явления в Средневековье (*la mort apprivoisée*) до табуирования и вытеснения в XX в. (*la mort inversée*)¹. На рубеже XIX–XX вв., в эпоху кризиса рационализма и усиления декадентских настроений, смерть становится ключевым мотивом европейской литературы. Она переосмысливается в терминах экзистенциальной тревоги, духовного разложения и предчувствия надвигающейся катастрофы². Согласно концепции «тотальной смерти» П.А. Новиковой, характерной для того периода, смерть воспринимается не как индивидуальный опыт, а как всеобъемлющая сила, пронизывающая общественное сознание³.

Йован Дучич (1871–1943 гг.), один из крупнейших сербских поэтов, также обращается к теме смерти, однако рефлексия этого мотива здесь претерпевает значительные изменения. В раннем творчестве автор в большей мере тяготеет к эстетике декаданса, тогда как в поздний период он сосредотачивается на философских размышлениях и метафизических исканиях. В связи с этим в качестве материала для исследования были выбраны два поэтических цикла: дебютный — «Тени на воде» (Сенке по води, 1900–1901) и заключительный — «Лирика» (Лирика, 1943).

Для удобства анализа предложенного поэтического материала было принято решение разделить все стихотворения на тематические группы. Основным признаком, положенным в основу классификации, стало наличие или отсутствие природного начала, поскольку еще Р.Ф. Доронина отмечала⁴, что лучшая часть поэзии Й. Дучича относится к пейзажной лирике.

Таким образом, все стихотворения циклов оказались почти равномерно распределены по двум довольно широким в смысловом отношении группам.

В цикле «Тени на воде» можно выделить следующие группы:

1. Стихотворения, где природные элементы выполняют две функции: создают угнетающую атмосферу, характерную для декаданса, и вместе с тем несут смысловой потенциал.
2. Стихотворения, в большей мере тяготеющие к философской лирике:
 - 2.1. Где присутствуют упоминания природных образов, однако те являются вспомогательными художественными элементами.
 - 2.2. Где доминирует женский образ, так или иначе соотносящийся с пространством иной реальности и часто репрезентующий пограничные состояния, сопряженные с фигурой смерти.

Во втором цикле пейзажная лирика явно уступает философским размышлениям, которые в большей степени созвучны христианству. В связи с этим было принято решение положить в основу классификационного признака «Лирики» сразу два этих компонента:

1. Первая группа стихотворений отличается значимым присутствием какого-либо природного образа.
2. Вторая группа характеризуется почти полным отсутствием признаков «живого» мира и насыщена философскими размышлениями автора о смысле Бытия.

В данной статье из-за ограниченного объема исследования анализ будет сосредоточен на наиболее репрезентативных примерах природной лирики обоих циклов, что позволит наглядно проследить эволюцию мотива смерти у Й. Дучича.

Первым выбранным для анализа стихотворением, где автор выстраивает событийную канву вокруг природного, древесного образа становится произведение «Тополя» (Ябланови).

Здесь художественное пространство наполняется мрачными и тревожными образами: «Почему это ночью шумят

тополя? / Так страстно и странно?» (*Зашто ноћас тако шуме јабланови. / Тако страсно, чудно?*). Автор четко очерчивает временные рамки происходящего, описывая глубокою мертвую ночь, дополняя ее образом желтого месяца: «Желтый месяц медленно опускается за холм» (*Жути месец споро залази за хуме*). Стоит отметить, что сам по себе выбор цвета является показательным, поскольку желтый — это своеобразная декларация эстетических предпочтений декаданса. Семантика болезни, греховности, смерти также прослеживается в творчестве сербского автора, однако у него этот цвет приобретает еще одно важное значение. В картине мира поэта «желтый» представляется утонченным, изысканным цветом приближающегося конца, поскольку этот оттенок ближе к зимним, «стеклянным» садам, — утверждает С. Витанович⁵.

Итак, помимо лейтмотива ночного мрака текст наполнен «страстным» шумом тополей. В первую очередь стоит обратить внимание на эпитеты, которые сопровождают этот природный образ: они представлены удивительно яркими, живыми для увядающей атмосферы произведения лексемами («страстно», «тревожно»). Однако именно эти тополя стали для лирического героя воплощением неуверенности в завтрашнем дне: он неизменно ощущает, что в шелесте кроется какое-то предзнаменование, непременно предвещающее беду, но он не в силах разобрать, что именно сокрыто в шуме темных деревьев.

Таким образом, в произведении возникает мотив высшей силы, которая нависает над беспомощной фигурой лирического «я» поэта, и все, что ему остается, это страшиться даже собственной тени в мрачную ночь.

Еще более мрачная тональность проявляется в стихотворении «Ноябрь» (Новембар), где Й. Дучич мастерски создает атмосферу тревоги и безысходности. Композиционно стихотворение построено на чередующихся образах: свинцовое небо, голые поля, бледная река, напоминающая больную, скелеты деревьев, скорбящие по ней. Этот хаотичный, почти фрагментарный способ изображения усиливает ощущение

ние нервного напряжения, передавая паническое состояние лирического героя. Эсхатологический пейзаж, насыщенный мотивами болезни и смерти, подчеркивает его внутренний надлом. В отличие от других произведений цикла, здесь лирический герой не только не стремится к спасению, но даже не пытается сопротивляться, полностью принимая безысходность своего положения.

Сходные настроения отражены и в стихотворении «Зимняя постель» (Зимски постел). Центральными образами здесь становятся сельская часовня, кладбище, старый лес и колокол — элементы, усиливающие ощущение холода и тишины. Особого внимания заслуживает мотив колокола, который проходит через весь цикл и служит символом неотвратимой судьбы. Как и в других произведениях Й. Дучича, здесь присутствует объект, соотносимый с внешней угрозой, остающейся неясной, но тем более зловещей. Лирический герой осознает неизбежность рокового исхода, однако его мучительное ожидание лишь усиливает страх перед грядущим.

Таким образом, в первом цикле Й. Дучич использует тему смерти как всеобъемлющую и неизбежную силу, лишенную надежды. Она пронизывает не только сюжетную канву стихотворений, но и их художественное пространство, формируя атмосферу экзистенциальной тревоги и обреченности.

Как отмечает критик Й. Делич, поэтика Й. Дучича в зрелый период представляет собой поэтику великих тем: Бога, любви и смерти⁶. Последнее стало творческой доминантой, пройдя эволюцию от неоромантического ореола 1890-х гг. к строгим формам парнасской поэзии начала XX в.

Уже в стихотворении «Песня» (Песма) отчетливо прослеживается трансформация природных образов: хотя художественное пространство остается наполненным природными элементами, они утрачивают функцию описания пейзажа и приобретают выраженный символический характер. Во-первых, это выражено в тьме как вестнике смерти: ночь здесь становится «черной, как под крылом ворона», где последний традиционно соотносится с загробным миром. Й. Дучич усиливает атмосферу этой экзистенциальной тревоги, допол-

няя первый катрен образами белый роз, прорастающих из шипов, и застывших в молчании жуков, как единственных представителей живого мира. Тем не менее, центральным здесь становится мотив света, причудливо переплетающийся с тем же мортальным мотивом: свет не противостоит тьме, а сосуществует с ней, раскрывая символистскую диалектику жизни и смерти. В стихотворении «Млечный путь засиял» (Запалише се Млечни Пути) космическое сияние не столько озаряет, сколько обозначает переходное состояние — дорогу, ведущую за пределы материального мира. Этот мотив перекликается с образом зерна, которое «во тьме спешно прорастает» (*у мраку журно клија*). Таким образом, в «Песне» смерть предстает не как окончание бытия, а как необходимый этап трансформации, предшествующий новому существованию.

В другом произведении «Осенняя песня» (Јесења песма) мотив смерти также актуализируется через природные образы: звуковая картина стихотворения подчеркнута приглушенная, первый намек на звук дается в начальных строках: «Первые ветры уносят с цветов / Все лепестки один за другим» (*Први ветри с цвећа носе / Све петельку по петельку*). Игра со звуками п-т-с окружает строфу мягким шелестом увядающих листьев, аккуратно вводя мотив осеннего умирания. Однако смерть в этом стихотворении не является страшной или гнетущей. Напротив, она ознаменована чудом завершения жизни, которое полно света и лишено какого-либо мирского, суетного шума: «Всё здесь странно предаётся / Этой смерти, что сияет» (*Све се чудно овде преда / Овој смрти која сјаје*). В связи с этим иной мир представляется лирическому герою завораживающим, почти манящим, пространством, подчёркивающим умиротворенное начало смерти.

Таким образом, подводя итоги эволюции мотива смерти в поэтике Й. Дучича, стоит отметить, что в раннем цикле смерть предстает в эстетике декаданса. Автор использует сложные цветовые коды (особенно желтый и черный), символику ночи, болезненные образы, а также мотивы безысходности и одиночества. Природные элементы здесь не просто

создают фон, а отражают состояние внутреннего надлома и экзистенциальной тревоги лирического героя. Однако в позднем сборнике взгляд поэта на смерть эволюционирует: свет, тьма и природные элементы репрезентуют религиозно-мистический взгляд на существование, где смерть воспринимается не как конец, а как важная часть цикла бытия. Таким образом, поэзия Й. Дучича представляет собой сложное взаимодействие декадентской эстетики и философского поиска смысла жизни.

Примечания

- ¹ *Аръес Ф.* Человек перед лицом смерти. М., 1992. 526 с.
- ² *Дударева М.А.* Апофатический дискурс русской словесности конца Нового времени. Введение в апофатику культуры. М.: СПб., 2021. С. 39.
- ³ *Новикова П.А.* «Пространство смерти» в европейской литературе XX века: И. Шмелев, Б. Виан, В. Шаламов, А. Солженицын, Ф. Ксенакис: дис. ... канд. филол. наук: 10.01.01. Самара, 2005. С. 15–21.
- ⁴ *Доронина Р.Ф.* Дучич Йован // Лексикон южнославянских литератур / под ред. Г.Я. Ильина. М., 2012. С. 125–126.
- ⁵ *Витановић С.* Јован Дучић у знаку Ероса. Београд, 1990. С. 117.
- ⁶ *Делић Ј.* Поглед с међе — Тема смрти у пјесништву Јована Дучића // Поезија и поетика Јована Дучића / уред. Ј. Делић. Требиње; Београд, 2009. С. 415–433.

DOI: 10.31168/2619-0869.2025.63

Мир и человек в поэтических сборниках Радека Малого 2000-х гг.

Любовь Андреевна Винокурова

МГУ имени М.В. Ломоносова,
Москва, Российская Федерация;
e-mail: ficbespierre@mail.ru
ORCID: 0000-0001-6157-7426

Ключевые слова: современная чешская поэзия, поэтический мир, лирический герой, экзистенциализм, экспрессионизм, катастрофизм, онтология, гносеология

The World and the Man in Radek Malý's Poetry Collections of the 2000s

Liubov A. Vinokurova

Lomonosov Moscow State University,
Moscow, Russian Federation;
e-mail: ficbespierre@mail.ru
ORCID: 0000-0001-6157-7426

Keywords: contemporary Czech poetry, poetic world, lyrical subject, existentialism, expressionism, catastrophism, ontology, gno-seology, epistemology

Радек Малый (р. 1977) — современный чешский поэт, переводчик с немецкого и филолог-германист, занимающийся немецким экспрессионизмом. Его творческий путь начался на рубеже XX–XXI вв., когда демократическая Чехия возобновляла после 1989 г. активное участие в европейской общественно-политической жизни (в 1999 г. Чешская республика вступила в НАТО, в 2004 г. — в Евросоюз). Центральной темой творчества Малого 2000-х гг. (сборники «Луновис»/Lunovis, 2001, «Вороньи песни»/Vraní zpěvy, 2003, «Ветреное (непутевые стихи)»/Větrní (zcestné verše), 2004, «Малая тьма»/Malá tma, 2008) является «человек в мире»¹. Однако характер взаимодействия человека и мира из сборника в сборник меняется. Эти изменения в само- и мироощущении лирического героя сборников Малого 2000-х гг., иллюстрирующие смену фокуса чешской поэзии с сознания лирического субъекта на поэтический мир, основанный на актуальной действительности², и планируется проследить в докладе.

Самоощущение лирического героя всех четырех сборников Малого 2000-х гг. определяется экзистенциальной тревогой, вызванной невозможностью, как ему кажется, найти свое место в мире. «Я не человек, а ошибка» (*Nejsem člověk, ale omyl*)³, — утверждает он в «Луновисе» и повторяет в «Вороньих песнях»: — «Человек из меня не получается Мне чу-

жда эта роль» (*Člověk mi nejde Role je mi cizí*)⁴. Несмотря на совпадение отправной точки рассуждений лирического героя, стратегии, с помощью которых он пытается справиться с экзистенциальным кризисом, в разных сборниках отличаются. В первом сборнике «Луновис», воспринимая мир как ад на земле (стихотворение «Ночь как большой публичный дом»/Noc je jak velký vukřičený dům) и в целом испытывая к миру отвращение (стихотворение «Двадцать два»/Dvaadvacet), лирический герой пытается бунтовать — против Бога, по-нищепански провозглашая Его смерть (цикл «Бастард божий»/Bastard boží), и против мироздания в целом (цикл «Луновис»/Lunovis). О внутреннем бунте лирического героя говорит и резкая образность сборника — в основе стихотворений «У месяца лососевый цвет» и «Месяц розовый, как мясо» лежит экспрессионистская метафора: «Месяц розовый, как мясо / А звезды Мухи Мясные мухи / жужжат»⁵ (*Měsíc je růžověj jak maso / a hvězdy Mouchy Masařky / bzučejí*).

Тональность второго сборника Малого «Вороньи песни» более приглушенная, хотя мир в нем по-прежнему недружелюбен. Действительно, в «Вороньих песнях» все еще можно в избытке найти «кровавую» экспрессионистскую образность, однако теперь, в отличие от «Луновиса», она отражает не внутреннее состояние лирического героя, его бунтарство, а ощущение катастрофы, охватившей мир. «Знаю, ангелы завидуют нам, — говорит лирический герой о катастрофичности состояния мира. — Мы смертны, всего несколько лет здесь»⁶. Однако наряду с яростными, резкими мазками появляются и другие, более сдержанные, наполненные глубоким символизмом: молнии, например, напоминают лирическому герою «морщины на ладони Бога»⁷, а земля кладбища раскрывает ему «материнские объятия»⁸. Юношеское бунтарство «Луновиса» в «Вороньих песнях» сменяется внутренним смятением лирического героя, отраженным в цикле «Собиратели янтаря» (*Hledači jantaru*), в котором впервые в творчестве Малого появляются сквозные образы застилающего все тумана, бурного моря, корабля, маяка и гавани, символизирующие душевные метания лирического героя,

который «отдал бы все за место у берега / [За возможность] стать где-нибудь на якорь»⁹. Помимо экзистенциальной неуверенности лирического героя в «Вороньих песнях» присутствует и гносеологическая неопределенность, отражающая его сомнения в познаваемости мира. Лирический герой воспринимает окружающий его мир как Розеттский камень, не поддающийся расшифровке (стихотворение «Мое бытие здесь — Розеттский камень»/ *Mé bytí tady — Rosettská deska*). В этом отражается перемена отношения лирического героя к миру: мир в «Вороньих песнях» перестает быть «зеркалом» для альтер эго Малого, старающегося подчеркнуть собственную индивидуальность с помощью яркой образности, как это было в «Луновисе», и начинает становиться самоценным объектом наблюдения лирического героя.

Это еще в большей степени проявляется в сборнике Малого «Ветреное (непутевые стихи)», лирический герой которого относится к миру как к «пункту проката причудливого реквизита»¹⁰. Большая часть «Ветреного» представляет собой дневник путешественника, охватывающий обширное пространство Центральной и Западной Европы. Гносеологические попытки лирического героя исследовать мир воплощаются в сборнике в постмодернистском принципе организации пространства — принципе «палимпсеста», при котором в пространстве будто переплетаются между собой разные исторические эпохи, просвечивая друг сквозь друга, как слои в палимпсесте. Степень узнавания лирическим героем посещаемых им мест зависит от его способности распознать наложение проступающих друг сквозь друга исторических эпох, от обладания им исторической памятью. Например, это видно в стихотворении «Предместье Славонин»/ *Vorstadt Schnobolin*, где «еще скрипят немецкие имена со старых надгробий»¹¹. В то же время население Славонина будто бы забыло о том, что случилось здесь во время и после Второй мировой войны: Малый передает по-немецки чьи-то слова: «В лагере Годольяйн, / что произошло здесь, вы не знаете?» (*Im Lager Hodolein, / was passierte dort, wisst ihr?*)¹²

Мотив путешествия, сопряженный с мотивом познания мира, отражается и в следующем сборнике Малого, «Малой тьме», в котором лирический герой, «потерявшись, будучи дома»¹³, примеряет на себя маску Агасфера, Вечного жида, бродящего по миру и наблюдающего за ним (стихотворение «Ухватить мир, как червя, между пальцами»/ *Uchopit svět jak červa mezi prsty*). Именно в этом сборнике, последнем в творчестве Малого 2000-х гг., лирический герой осознает, что человек, как бы он ни старался «ухватить мир»¹⁴, все равно всегда будет лишь «точкой во Вселенной»¹⁵. Окончательно прощаясь со своим эгоцентричным прошлым времен «Луновиса» и осознавая гносеологическую непознаваемость мира, лирический герой «Малой тьмы» горько иронизирует:

<i>Uchopit svět? Cha! Spíš být světem chycen!</i>	Ухватить мир? Ха! Быть пойманным миром!
<i>Ponrava. Nahá, naháčkováná</i>	Червяк. Голый, насаженный на крючок
<i>Schovat se do tmy pod židovský svícen.</i>	Спрятаться во тьму под еврейский семисвечник
<i>Být, pobýt. Bít se, pít až do rána</i> ¹⁶	Быть, бывать. Драться, пить до утра

Обращаясь в четырех сборниках 2000-х гг. к онтологическим и гносеологическим проблемам, связанным с поиском лирического героя своего места в мире и его стремлением как можно глубже проникнуть в тайны бытия, Радек Малый приходит к выводу, что мир, во-первых, велик, а во-вторых — непознаваем. Последовательно проводя свое альтер эго через несколько стадий, отражающих смену фокуса самого поэта с индивидуальности лирического героя на мир в целом, Малый одновременно расширяет границы своего поэтического мира, давая лирическому герою возможность осознать его масштабы. Начав свой путь в «Луновисе» как эгоцентричный бунтарь, упивающийся своим отражением в мире-«зеркале», лирический герой Малого постепенно учится наблюдать за окружающим миром, приобретающим самоценность, сначала замечая в нем «богинь тишины»¹⁷ («Вороньи песни»), а потом и проникая сквозь слои пространства-«палимпсеста» («Ветреное»). Проблема места отдельной личности в пространстве и времени, воплощенная в мотиве

исторической памяти, соединяется с проблемой познаваемости мира в «Малой тьме» — убеждаясь в собственной ничтожности на фоне Вселенной, лирический герой вынужден смиренно просить о спасении — просить того самого Бога, смерть которого он провозглашал еще в «Луновисе».

<i>Sejmi ó Bože duši z kříže těla</i>	Боже,ними душу с креста тела
<i>Tu duši která tolik k tobě chtěla</i>	Ту душу, которая так к тебе хотела
<i>že cestu zapoměla</i>	Что забыла дорогу
<i>Svatých je kolem jako na orloji</i>	Святых душ вокруг, как на орлое
<i>Spasils jich tolik Spasíš i tu moji?</i>	Ты столько спас Спасешь ли ты мою?
<i>Ona se bojí Boží</i>	Ей страшно Страшно

Этим признанием лирического героя, «агнца в балахоне Агасфера»¹⁹, и заканчивается творчество Малого 2000-х гг., отражающее сложный путь осознания лирическим героем своего места в необъятном современном мире.

Примечания

- ¹ *Malý R.* Hlavně, že to pořád ještě kolotá: Rozhovor s Radkem Malým. Rozmlouvala Božena Správcová // *Tvar*. 2012. Roč. 23. Č. 13. S. 1, 4–5.
- ² *Hruška P.* Poezie // *V souřadnicích mnohosti: česká literatura první dekády jednadvacátého století v souvislostech a interpretacích* / Red. A. Fialová. Praha, 2014. S. 72.
- ³ *Malý R.* Lunovis. Praha, 2023. S. 10 // URL: <https://web2.mlp.cz/koweb/00/04/69/32/75/lunovis.pdf> (дата обращения: 12.04.2025).
- ⁴ *Malý R.* Vraní zpěvy. Praha, 2017. S. 12 // URL: https://web2.mlp.cz/koweb/00/04/33/25/22/vrani_zpevy.pdf (дата обращения: 12.04.2025).
- ⁵ *Malý R.* Lunovis. S. 24.
- ⁶ *Malý R.* Vraní zpěvy. S. 68: «Vím, andělé nám závidí... / Jsme smrtelní, jen pár let tady...».
- ⁷ *Ibid.* S. 99: «Blesky jak čáry na boží dlani».
- ⁸ *Ibid.* S. 56: «Země rozevřela náruč matky».
- ⁹ *Ibid.* S. 47: «Za místo u břehu dal bych už cokoli / Zakotvit někde».
- ¹⁰ *Malý R.* Větrní. Praha, 2023. S. 71 // URL: <https://web2.mlp.cz/koweb/00/04/69/22/60/vetрни.pdf> (дата обращения: 12.04.2025): «Svět je zas půjčovna rozmarných rekvizit».
- ¹¹ *Ibid.* S. 76: «Kde ještě skřípou německá jména ze starých náhrobků».
- ¹² *Ibidem.*
- ¹³ *Malý R.* Malá tma. Brno, 2008. S. 10: «Ich bin zu hause amd verloren dazu».
- ¹⁴ *Ibid.* S. 10: «Uchopit svět jak červa mezi prsty».

- ¹⁵ *Malý R.* Větrní. S. 61: «Jsme každý ostrov Bobek ve vesmíru».
- ¹⁶ *Malý R.* Malá tma. S. 10.
- ¹⁷ *Malý R.* Vraní zpěvy. S. 118: «Bohyně ticha jedou hlavní třídou».
- ¹⁸ *Malý R.* Malá tma. S. 55.
- ¹⁹ *Ibid.* S. 58: «Beránek v rouše Ahasvera».

DOI: 10.31168/2619-0869.2025.64

Прогулка по Загребу с Мирелой Приселац (городской текст в поэтическом сборнике «Масарикова»)

Анастасия Андреевна Конева

РГГУ, кафедра Славистики и ЦЕИ
Москва, Российская Федерация;
e-mail: konevaanastasia@gmail.com
ORCID: 0009-0008-8806-3757

Ключевые слова: загребский текст, город, культурный код, маршрут, язык поэзии

Walking through Zagreb with Mirela Priselac (City as Text in the Poetry Book “Masarykova”)

Anastasia A. Koneva

RSUH, Department of Slavistics & CES
Moscow, Russian Federation;
e-mail: konevaanastasia@gmail.com
ORCID: 0009-0008-8806-3757

Key words: Zagreb as Text, city, cultural code, route, poetry language

«Кто бы подумал, что можно столько всего пережить на пути от площади маршала Тито до улицы Теслина» (*Tko bi pomislio da se toliko toga može doživjeti na potezu od Trga maršala Tita do početka Tesline!*), — такими словами начинает Дарко Рундек предисловие к сборнику стихов Мирелы Приселац (р. 1979) «Масарикова» (Masarykova, 2020)¹. И в самом деле, название сборника (наименование улицы в центре Загреба) и его структура (заголовки частей сборника складываются в определенный маршрут), а также визуальное оформление (фотографии улиц Загреба) предлагают трактовать этот сборник стихотворений как тексты, составляющие единый городской текст. В нашей работе мы анализируем, насколько широко и целостно представлен городской текст в сборнике «Масарикова».

Понятие городского текста активно разрабатывалось в отечественном литературоведении Н.П. Анциферовым, Ю.М. Лотманом, В.Н. Топоровым, а также многими другими филологами. «Через них [города] совершается раскрытие культурных форм» постулирует Н.П. Анциферов². В.Н. Топоров активно разрабатывал понятие петербургского текста, представляя его как специфический сверх-текст культуры³. Однако в более частных исследованиях городской текст может рассматриваться более узко, охватывая, например, не все тексты о конкретном городе, а только тексты определённого автора или даже отдельные художественные произведения. Кроме того, в некоторых случаях может отсутствовать географическая идентификация городского текста, когда его принадлежность конкретному городу отходит на второй план, а важнее становятся место города в художественном мире и те оппозиции, которые автор актуализирует, обращаясь к этой теме.

В поэзии XX в. значительно вырастает значимость городской среды для лирического субъекта, город частично занимает в картине мира то место, которое раньше отводилось природе⁴. Эта тенденция сохраняется и в настоящее время. Так, жизнь современного человека, проблемы, возникающие в социуме, окружение, среда, даже пейзаж — все это выражается через описание реалий городской жизни, и таким об-

разом становится частью глобального городского текста. Не становится исключением и рассматриваемый нами сборник поэзии. Мирела Приселац, известная также под псевдонимом Реми, — участница музыкальной сербской группы *Elemental* и соавтор песен. Сборник «Масарикова» — ее первый и единственный на сегодняшний день опубликованный поэтический сборник. В нем автор продолжает и развивает многие темы, которые ранее находили отражение в песенных текстах. Жизнь современного человека в большом городе — один из лейтмотивов творчества М. Приселац.

Для понимания авторской интенции первым делом необходимо оценить три элемента, обрамляющих текст, составляя его рамку и задавая ориентиры для читательского восприятия. Это название сборника, содержание и эпиграф. В то время как название и содержание отсылают нас к конкретной локации и задают схему движения, особый интерес представляет эпиграф, который служит ключом для толкования авторской позиции как в выборе места действия, так и в формировании глобальной картины мира. В своем эпиграфе М. Приселац напоминает нам, что «широту культуры страны или общества можно измерить по числу “чужих” мертвецов, в честь которых названы улицы городов, и которые за счет своей универсальной великости становятся и нашими»⁵. В сборнике речь идет об улице в Загребе, названной в честь Томаша Масарика, оказавшего во время службы в Рейхсрате поддержку борцам за независимость хорватских земель от Австро-Венгрии, и поэтому оставившим о себе добрую память в Хорватии. Слова урбаниста Саши Шимпраги не только отражают роль культурно-исторической памяти в формировании облика города, но и призывают сохранять культурное многообразие и противиться смене уличных номенклатур. Такую авторскую позицию подтверждает и то, что переименованная в 2017 г. площадь Республики Хорватии в сборнике носит свое старое название — площадь маршала Тито.

С этой точки — от площади маршала Тито — и начинается маршрут в сборнике. М. Приселац предлагает нам пройти вместе с ней всего по одной улице одного города, однако вме-

сте с ней наш взгляд устремлен дальше и глубже. На этом коротком отрезке пути автору удастся поместить вокзалы, аэропорты, порты, случайных знакомых и давних возлюбленных, дальние страны и с детства знакомые сюжеты.

Движение становится самой главной ценностью: «никому не покажу / единственное, что имею / мою маленькую карту бега / нарисованную на потной ладони» (*nikom neću pokazati / moje jedino imanje / moju malu mapu za bijeg / nacrtanu na znojnom dlanu*)⁶. И далее: «даже когда ты стоишь спокойно и молчишь / в тебе все пульсирует, движется, плывет, ускользает и бежит» (*i kad stojiš mirno i šutiš / u tebi sve pulsira, kreće se, plovi, bježi i trči*)⁷.

Путешествие, как воплощение постоянного движения, ведет лирическую героиню по знакомым улицам, по просторам памяти, по клеткам собственного тела:

*Kad sam putovala solo, našla sam centar
za strah
tačno mi je u sredini, ispod ruba prsnog koša*

*Odmah pokraj njega,
nalazi se centar za ljubav, malo je niže
njega sam locirala u samoći, u mirovanju*

*Eto, to je mapa koju mogu dati
nekom tko bi istraživao divljinu i nepoznato
više od toga ni sama ne znam*

(«Когда я путешествовала соло, я нашла центр / страха / он у меня точно посередине, под краем грудины / Сразу рядом с ним / находится центр любви, чуть ниже / его я лоцировала в одиночестве, в покое / Вот, это карта, которую я могу дать / тому, кто исследует глушь и неизвестность / большего я и сама не знаю»)⁸.

Картой, ключом к путешествию, сакральным предметом становится поэзия. По этому принципу и людей можно разделить на тех, кто знает язык поэзии, и тех, коммуникация с кем невозможна⁹. Среди них лирическая героиня ищет «того самого», и рефлексия любовных отношений составляет большую долю текста. «Город стал минным полем / ненуж-

ных любовей и любовников» (*Grad je postao minsko polje / nepotrebnih ljubavi i ljubavnika*)¹⁰, — заключает она. Ритм города диктует свое, любовь уходит и приходит, не всегда счастливая, не всегда взаимная. Перед нами возникает круговорот людей, как будто мы сидим в кафе на оживленной улице, наблюдая за прохожими.

Одиночество в толпе — важный мотив городского текста и сборника Приселац: «даже когда мы вместе, мы вместе одиноки» (*i kad smo zajedno, zajedno smo sami*)¹¹. Лишь иногда возможно счастливое уединение двоих, в четырех стенах, в замке из одеял, в сплетении рук и ног. Или же — встреча единомышленников, которые «слушают одну музыку и говорят на одном языке», стирающая границы между бывшими югославскими республиками¹².

Югославия в сборнике возникает еще как элемент авторской идентичности: в стихотворениях, посвященных матери и брату, в воспоминаниях о детстве¹³.

В тексте возникают многочисленные топонимы: улицы Загреба, кафе и рестораны, районы города, пригороды, другие города и регионы Хорватии, соседних стран, Европы, и даже более глобально — появляются Япония и Индия. Однако наиболее ярким оказывается противопоставление Загреб — Белград, в котором Белград воплощает своеобразного двойника-антипода, лучшее, «более нежное» Я¹⁴, далекого возлюбленного¹⁵. Кроме топонимов, контекст культуры отражается в именах творческих деятелей, «своих» и общемировых. Обращение к ним категориально расширяет загребский текст, превосходя пространство сугубо физическое, создавая нематериальную сеть ассоциаций, выстраивая картину города, который, не теряя собственной неповторимости, является в то же время и глобальным Городом, в котором «столько людей / что один утром поднимает солнце / другой дует, разгоняя облака / третий взметает пыль на улице / четвертый меняет цвет светофора / пятый двигает птичьи крылья» (*toliko ljudi / da jedan ujutro diže sunce / drugi piri i raspuhuje oblake / treći podiže prašinu na ulici / četvrti mijenja boju semafora / peti pticama pomiče krila*)¹⁶.

Бабочки, птицы и другие проявления природы встречаются в тексте редко, исключение составляют парки, где природа заключена в строго отведенные ей границы, иногда также фигурируют комнатные растения в горшках, маленькие островки природы в городском пространстве¹⁷. При этом уход за растением сравнивается с пестованием чувств¹⁸.

Заканчивается сборник строками «если оно [одиночество] здесь / значит я больше не одна» (*ako je ona tu / onda više nisam sama*)¹⁹. Одинокая прогулка лирической героини не была одинокой — ей сопутствовали знакомые улицы, случайные прохожие, воспоминания и размышления. Ее город — как любимая книга, которую можно перечитывать с любой страницы. Они могут пробуждать в нас разные чувства, но каждая страница книги — каждая улица города — при повторном прочтении обретают новые, более глубокие смыслы.

Примечания

¹ *Rundek D. Prije praga // Priselac M. Masarykova. Zagreb, 2020. S. 11.*

² *Анциферов Н.П. Книга о городе. Л., 1926. С. 3.*

³ *Топоров В.Н. Петербург и петербургский текст русской литературы // Труды по знаковым системам / отв. ред. Ю.М. Лотман. Тарту, 1984. Вып. 18. С. 4–29.*

⁴ См., например: *Шмидт Н.В. “Городской текст” в поэзии русского модернизма. М., 2007.*

⁵ *Priselac M. Masarykova. S. 7; Šimpraga S. Zagrebačke ulice tuđih mrtvaca // Zarez. 2008. N X/244. S. 20. URL: <https://www.zarez.hr/clanci/zagrebacke-ulice-tudih-mrtvaca> (дата обращения: 20.10.2025).*

⁶ *Priselac M. Masarykova. S. 15.*

⁷ *Ibid. S. 20.*

⁸ *Ibidem.*

⁹ Как в стихотворениях «Ревнивица» (Ljubomorica) С. 85, и «Ни звука» (Ni slovca) С. 43.

¹⁰ *Ibid. S. 46.*

¹¹ *Ibid. S. 18.*

¹² *Ibid. S. 106.*

¹³ *Ibid. S. 32–35.*

¹⁴ *Ibid. S. 108.*

¹⁵ *Ibid. S. 88.*

¹⁶ *Ibid. S. 22.*

¹⁷ *Ibid. S. 27.*

¹⁸ *Ibid. S. 64.*

¹⁹ *Ibid. S. 122.*

РУССКО-СЛАВЯНСКИЕ ЛИТЕРАТУРНЫЕ СВЯЗИ

DOI: 10.31168/2619-0869.2025.65

Светолик Ранкович: сербский писатель — русский ученик

Деяна Малич

НИУ ВШЭ,
Москва, Российская Федерация;
email: malicdejana97@gmail.com
ORCID: 0009-0000-8939-7507

Ключевые слова: Светолик Ранкович, сербская и русская литература, культура, жизнь, творчество

Svetolik Ranković: Serbian Writer — Russian Student

Dejana Malić

HSE University,
Moscow, Russian Federation;
e-mail: malicdejana97@gmail.com
ORCID: 0009-0000-8939-7507

Keywords: Svetolik Ranković, Serbian and Russian literature, culture, life, creativity

Литературная карьера сербского писателя Светолика Ранковича (1863– 1899) короче, чем у любого другого значительного сербского писателя XIX столетия. Она напоминает, кажется, нередко критикуемую, но характерную для его произведений композицию: сначала — растянута, а перед концом лихорадочна и ускорена. Последние, самые плодотворные годы жизни и творчества Светолика Ранковича

выпадают на последние годы XIX в., и трудно переоценить их значимость и вклад в сербскую литературу: три романа, двадцать пять рассказов, несколько богословских статей и переводов с русского языка.

Его одиссея началась совсем недалеко от Белграда, где он учился в гимназии и окончил духовную семинарию, после чего он продолжил обучение в России, где начался его творческий путь. Хотя он появился в «культурной и общественной жизни Королевства Сербии в 1889 г., через год по окончании Киевской духовной академии»¹, которая являлась «самой известной православной высшей школой»², литература в жизни Светолика Ранковича возникла намного раньше. Когда это произошло, определить сложно, учитывая, что о его «литературном образовании мало данных»³. «Первый оригинальный рассказ Ранковича “Жена уездного начальника” датируется 1885 г.; однако, его первый опубликованный рассказ “Осенние картины” был напечатан в 1892 г.»⁴. Рассказы «Крест и молитва», «Милосердие и Дядя Милосав» опубликованы в 1894 г., но их «моральный дидактизм и оптимизм могут указать нам и на время создания этих рассказов: это было, вероятно, между 1884 и 1886 годами»⁵, когда Ранкович делает свои первые шаги в стенах Киевской духовной академии.

Интерес к русской литературе с годами только продолжал расти. Это можно объяснить тем, что в 60–80-е гг. XIX в. «влияние России на сербскую культуру и сербскую общественную мысль было самым глубоким, сильным и плодотворным за последние два столетия [...] К концу XIX в. сербский интерес к русской литературе и культуре становится все более разнообразным»⁶. Отметим, что сам Ранкович русский язык знал *прекрасно* и, следовательно, мог читать произведения русской литературы в оригинале. Уже в молодости Ранкович, получивший богословско-философское образование, изучавший не только историю русской, но и мировой литературы, говорил, что русский язык знает в совершенстве и может преподавать его вместе с историей русской литературы. Из-за воодушевления, с которым он рассказывал колле-

гам о русской литературе и России, он характеризуется ими как «пламенный русофил»⁷. Характерно, при этом, что ни одного иностранного языка, кроме русского, Светолик Ранкович не знал.

Одиссея Светолика Ранковича продолжается возвращением в Сербию по маршруту Крагуевац — Ниш — Белград — Ниш — Белград. В 1890 г. он на отлично сдал так называемый *професорски*⁸ экзамен по теме «О гомилетике в русской церкви во второй половине XVIII и первой половине XIX в.»⁹. Упомянув, между прочим, Ранковича, автор «Литературных воспоминаний» Андра Гаврилович утверждал, что он уговорил его подать заявку на упомянутый экзамен «и что даже исправил и язык в его сюжете, потому что Ранкович [...] все еще не мог свободиться от многих русизмов, принятых во время долгой учебы в России»¹⁰.

Нельзя найти информацию об особенном внимании к произведениям Светолика Ранковича «во время, когда их публиковали»¹¹. О жизни и творчестве Ранковича начали писать в начале XX в., когда его не стало. Что же касается влияния русской литературы на Ранковича, то этот вопрос остается проблемой «актуальной в нашем литературоведении и критике и после второй мировой войны»¹². Ее актуальность обусловлена недостаточно исследованным влиянием русской литературы на творчество Светолика Ранковича, которое мало изучено в российском литературоведении.

Знание русской литературы не могло не повлиять на творчество Ранковича. Кроме пессимизма, узнаваемой черты его личности и (почти) приобретенной черты русской литературы, Светолик Ранкович связан «больше всех других сербских реалистов с тогдашней русской литературой»¹³ своим отношением к человеку. Сравнительный анализ литературного наследия русских реалистов и романов Ранковича привел к выводу, что «обращение Ранковича к русским реалистам шло в двух направлениях: одно из них — более общее, более широкое — включает и Гоголя, и Лермонтова, и Гончарова; другое — более узкое, но зато более глубокое, в центре которого был не только Толстой, но и Достоевский»¹⁴, влияние которых «было

решающим на сербских реалистов XIX века¹⁵ и переводами, которыми мы обязаны Светолику Ранковичу, как, например, переводы Салтыкова-Щедрина, Короленко, Толстого. Ранкович как писатель целиком и полностью «выходит из шинели русской школы» и «его более, чем какого-либо другого сербского писателя, можно назвать русским учеником»¹⁶.

На поэтическом уровне «уже в первом романе [...] писатель применил тот же прием объективирования образа с помощью детализации, который Лермонтов, например, использует в создании портрета Печорина, — контраст между выражением глаз и лица героя [...] Вообще, создавая образ, Ранкович придает доминирующее значение портрету, а в портрете особенно глазам»¹⁷. Особенность «Лесного царя», «Сельской учительницы» и «Монаха»¹⁸ отчасти заключается в молнии зеленоватых глаз Джурицы, дьявольском взгляде Любицы и покорном выражении лица Любомира, который «как будто молится Богу».

Большинство исследователей, за некоторым исключением (Милько Йованович), подчеркивали, что для Ранковича образцом для подражания является Тургенев («как наиболее сродный и близкий»¹⁹), также называли в качестве самой важной для него фигуры Льва Толстого. Далеко не все соглашались с тем, что «Любица сербская Анна Каренина»²⁰, хотя это сходство не отрицал и сам писатель: «В записках Милана Шевич [...] отмечено, что Ранкович сразу по возвращении из Букова читал “Сельскую учительницу” Андре Николичу; в тот послеполуденный час их застал в винограднике у Николича Димитр Ризов, тогдашний болгарский посланник в Белграде. Когда Ранкович кончил чтение, Ризов сказал: “Анна Каренина”. Ранкович усмехнулся. Почему смеетесь? — спросил Ризов. — То же самое сказал мне один мой приятель»²¹.

Пока одни видели в Джурице, лесном царе, преступника Раскольникова, о Станке писали как о Соне, идентифицируя «Преступление и наказание» с «Лесным царем», другие в «Сельской учительнице» узнали тенденцию романа, которая в известной мере напоминает «Идиота», Митропан

утверждал, что «с всесторонним рассматриванием его творчества не согласуются утверждения [...] о том, что есть сходство между Джурицей (“Лесной царь”) и Раскольниковым (“Преступление и наказание”), или что Гойко (“Сельская учительница”) послужил отчасти прототипом князя Мышкина (“Идиот”)»²², ибо сведения о чтении русских Светолика Ранковича «весьма размыты, особенно по отношению к Достоевскому не установлено, читал ли его вообще Ранкович»²³. Ответ на это мог бы быть найден в форме совершенно новой статьи о интертекстуальном диалоге (преступников) С.П. Ранковича и Ф.М. Достоевского.

В статье «Чем сербские реалисты обязаны Гоголю» Таня Попович, кроме восприятия Гоголя и переводов его произведений в Сербии, пишет о влиянии этого русского классика на литературу сербского реализма. Выбор, который она сделала (Йован Грчич Миленко, Милован Глишич, Стеван Сремац, Янко Веселинович, Бранислав Нушич) не включает Светолика Ранковича, но значит ли это, что она его не считала реалистом и что, как «именно повествовательный мир Гоголя может считаться образцом домашней литературы в ее переходе от романтики к реализму»²⁴, так и Ранкович является образцом домашней литературы в ее переходе от реализма к модернизму?

Ж. Божович отмечает, что «наиболее одаренные читатели начинают писать под влиянием наиболее читаемых писателей»²⁵. Был ли Светолик Ранкович более талантливым писателем, чем читателем, не вопрос данной работы. Но, если бы мы пытались ответить на него, как и на тезис Вученова, что «не всякое литературное вдохновение плодотворно»²⁶, то исправить в известной мере несправедливость в отношении к Ранковичу можно только обратившись к источнику, который является «самым важным, лучшим, верным»²⁷ — литературному творчеству Светолика Ранковича.

Примечания

¹ *Саџак М.* Религијски елементи у прози Светолика Ранковића. Београд, 1996. С. 405. Цитаты из этой и всех дальнейших работ на сербском языке переведены автором.

- ² *Вулетић В.* У руско-српском књижевноисторијском простору. Београд, 2006. С. 14.
- ³ *Глигорић В.* Српски реалисти. Београд, 1970. С. 179.
- ⁴ *Најдановић М.* Српски реализам у XIX веку. Београд, 1962. С. 135.
- ⁵ *Саџак М.* Религијски елементи у прози Светолика Ранковића. С. 406.
- ⁶ Там же. С. 34.
- ⁷ *Глигорић В.* Српски реалисти. С. 180.
- ⁸ В современном русском языке наиболее близкими по значению являются термины «профессиональный экзамен» и/или «экзамен для преподавателей».
- ⁹ О црквеном беседништву у руској цркви у другој половини 18. и првој половини 19. века.
- ¹⁰ *Стевановић П.* Светолик П. Ранковић, живот и рад (предговор *Целокупним делима* (књига трећа)) Београд, 1929. С. 11–12.
- ¹¹ Там же. С. 180.
- ¹² *Бабовић М.* Светолик Ранковић и руски реалистички роман // Књижевна историја. 1976. Год. 8. Бр. 31. С. 400.
- ¹³ *Вученов Д.* Трагом епохе реализма: студије и огледи о епохи, ствараоцима и историчарима. Крушевац, 1981. С. 23.
- ¹⁴ *Бабовић М.* Светолик Ранковић и руски реалистички роман. С. 403.
- ¹⁵ *Јерemiћ Љ.* Трагички видови старијег српског романа: (од Јакова Игњатовића до Светолика Ранковића) Нови Сад: Књижевна заједница Новог Сада; Београд: Институт за теорију књижевности и уметности, 1987. С. 233.
- ¹⁶ *Скерлић Ј.* Историја нове српске књижевности. Београд, 1967. С. 388.
- ¹⁷ *Бабовић М.* Светолик Ранковић и руски реалистички роман. С. 403.
- ¹⁸ Первоначальное название его третьего, последнего романа.
- ¹⁹ *Јовановић М.* Људи слабе воље у делима Светолика Ранковић. Београд, 1971. С. 29.
- ²⁰ *Митропан П.* О руском утицају на Светолика Ранковића // Летопис Матице српске. 1979. Год. 155. Књ. 424. Св. 4, окт. С. 1028.
- ²¹ *Бабовић М.* Светолик Ранковић и руски реалистички роман. С. 408.
- ²² Там же. С. 1028.
- ²³ Там же. С. 1027.
- ²⁴ *Поповић Т.* Шта српски реалисти дугују Гогољу. Београд, 2018. С. 120.
- ²⁵ *Божовић З.* Чехов као драмски писац код Срба. Београд, 1985. С. 16.
- ²⁶ *Вученов Д.* О српским реалистима и њиховим претходницама. Београд, 1970. С. 150.
- ²⁷ *Јовановић М.* Људи слабе воље у делима Светолика Ранковић. С. 29.

DOI: 10.31168/2619-0869.2025.66

Традиции изучения современной хорватской литературы в отечественном литературоведении

Александр Сергеевич Морозов

Институт славяноведения РАН,
Москва, Российская Федерация;
e-mail: alexmo1313@gmail.com

Ключевые слова: Хорватия, современная литература, литературоведение, постъюгославский контекст, рецепция

Traditions of Studying Modern Croatian Literature in Russian Literary Studies

Aleksander S. Morozov

Institute of Slavic Studies RAS,
Moscow, Russian Federation;
e-mail: alexmo1313@gmail.com

Keywords: Croatia, modern literature, literary studies, post-Yugoslavian context, receptivity

Современная хорватская литература, развивающаяся в контексте постъюгославского культурного пространства, представляет собой сложное и многогранное явление. Ее изучение требует понимания исторических, социальных и политических процессов, повлиявших на ее формирование.

Одним из крупнейших исследователей литературы Хорватии в отечественном литературоведении является Галина Яковлевна Ильина. Ее работы не только обогатили знания о хорватской литературе, но и способствовали формированию интереса к ней в России. В течение своей научной карьеры Г.Я. Ильина активно исследовала не только хорватскую лите-

ратуру, но и другие славянские литературы, владела широким контекстом, была человеком энциклопедических знаний.

Исследования Галины Яковлевны охватывают большой и сложный период развития литератур народов Югославии — XX в. Она является соавтором следующих фундаментальных работ отечественной славистики: «История литератур западных и южных славян в трех томах» (2001)¹, в которой ее перу принадлежат обзорные главы, посвященные хорватской литературе межвоенного и послевоенного периодов; «История литератур Восточной Европы после Второй мировой войны в двух томах» (2001)², в которой Ильина — автор обзорных глав, одна из которых посвящена литературе Югославии 1945–1960-х гг., а вторая — хорватской литературе 1970–1980-х гг.

Исследования Ильиной отличаются подходом, сочетающим литературоведческий анализ с привлечением исторического и культурологического контекста. Она изучала жанровые особенности романа, аспекты формирования общего литературного контекста югославян, особенности развития реализма в югославской литературе 1970-х гг., специфику хорватского постмодернизма и др. Ильина также уделяет особое внимание культурному контексту, в котором создается то или иное произведение. Она исследует влияние исторических событий на литературу Хорватии и показывает, как эти события отражаются в текстах авторов («Хорватская литература XX века как традиция», 2016)³. Она также активно использует сравнительный подход в своих исследованиях. Так, например, она проводит параллели между современными хорватскими авторами и их коллегами из других стран, что позволяет выявить общие тенденции и уникальные черты: сравнение творчества Дубравки Угрешич с произведениями русских писательниц помогает понять влияние феминистских идей на формирование женского голоса в литературе.

В своей монографии «Хорватская литература XX века» (2015)⁴ Ильина впервые в истории отечественной славистики обобщает многолетние исследования и представляет глубокое и всестороннее исследование литературного процесса в Хорватии на протяжении всего XX в.: описывается

эпоха Хорватского модерна, период межвоенного двадцатилетия (1918–1941), литература периода борьбы с фашизмом, литература социалистической федерации (1945–1960; 1970–1980), а также литература периода 1990-х гг. — момент становления независимой Хорватии. Здесь рассматриваются творчество ключевых авторов (К.Ш. Джальский, Й. Козарац, Я. Лесковар, Й. Кулунджич, П. Шегедин, М. Божич, Н. Фабио, З. Ферич, Д. Угрешич, С. Дракулич, П. Павличич, М. Кошчеца и др.), литературные направления (реализм, символизм, импрессионизм, неоромантизм, модернизм, разные формы реализма, импрессионизм, социалистический реализм, постмодернизм — в соответствии с периодизацией), а также социально-исторический контекст, в котором развивалась хорватская литература.

Таким образом, Галина Яковлевна Ильина — один из наиболее авторитетных российских исследователей современной хорватской литературы. Ее работы охватывают широкий спектр тем: от постмодернистской поэтики до проблем исторической памяти. Ее научное наследие и дальнейшее развитие заложенных ею направлений способствует углублению культурного диалога между Россией и Хорватией.

Еще одним исследователем, внесшим существенный вклад в изучение хорватской литературы, является Полина Владимировна Королькова, которая активно занимается изучением хорватской литературы XX–XXI вв., уделяя особое внимание постмодернистским тенденциям и инструментам осмысления прошлого. Среди наиболее значимых работ П.В. Корольковой можно выделить статьи о постмодернизме в хорватской литературе, где она анализирует игровые и интертекстуальные приемы в произведениях Неделько Фабрио («Русское измерение» и «Смерть Вронского», 2014)⁵; исследования о литературе «постъюгославского пространства», в которых рассматривается, как хорватские писатели переосмысливают наследие социалистической эпохи⁶. Ее публикации не только вносят вклад в академическую славистику, но и способствуют популяризации хорватской литературы среди русскоязычных читателей.

Наталья Витальевна Злыднева — российский исследователь, доктор искусствоведения, ее исследования посвящены в том числе хорватской и балканской литературе. В ее статье «Вброд через реку перемен: категория границы в романе Дубравки Угрешич» (2020)⁷ рассматривается творчество одной из самых значимых современных хорватских писательниц — Дубравки Угрешич. Н.В. Злыднева анализирует роман Угрешич сквозь призму категории границы — не только как географического или политического феномена, но и как метафоры культурной, языковой и идентичностной переходности.

Евгения Викторовна Шатько, югославист, посвятила несколько работ творчеству хорватского писателя М. Ерговича, в которых она фокусируется на том, как в прозе Ерговича конструируется топос Сараева⁸ — не просто как географического места, а как сложного культурно-исторического и эмоционального феномена, связанного с памятью, травмой и ностальгией по утраченной Югославии. Через анализ пространственной поэтики в романе Шатько раскрывает одну из ключевых тем творчества Ерговича: невозможность вернуть прошлое, но и невозможность его забыть⁹.

Российские исследования хорватской литературы представляют собой значимое направление славистики, характеризующееся комплексным подходом, сочетающим глубокое понимание историко-культурного и социополитического контекста с литературоведческим анализом (с привлечением разных теоретических подходов). Особую роль в становлении этого научного направления сыграли работы Г.Я. Ильиной, чьи фундаментальные исследования, включая монографию «Хорватская литература XX века», заложили методологическую основу для изучения хорватского литературного процесса.

Значительный вклад в развитие этого направления внесли исследования П.В. Корольковой, а также Н.В. Злыдневой и Е.В. Шатько, в которых разрабатываются такие актуальные проблемы, как поэтика пространства, категория границы и механизмы культурной памяти.

Перспективы дальнейшего развития данного научного направления связаны с углубленным изучением новейших тенденций хорватской литературы, расширением компаративных исследований и укреплением научного сотрудничества между российскими и хорватскими учеными. Особую актуальность приобретает задача систематизации и теоретического осмысления накопленного исследовательского опыта, что позволит не только сохранить, но и развить сложившиеся традиции отечественного изучения хорватской литературы.

Примечания

- ¹ История литератур западных и южных славян. М., 2001. Т. 3: Литература конца XIX — первой половины XX века (1890-е годы — 1945 год) / Редколлегия третьего тома: Л.Н. Будагова (отв. ред.), Р.Ф. Доронина, С.В. Никольский.
- ² История литератур Восточной Европы после Второй мировой войны. М., 2001. Т. 2: 1970–1980-е гг. / Ред. коллегия: С.А. Шерлаимова, В.А. Хорев (отв. ред.), Г.Я. Ильина.
- ³ *Ильина Г.Я.* Хорватская литература XX века как традиция // *Славянский альманах.* 2016. № 3–4. С. 267–277.
- ⁴ *Ильина Г.Я.* Хорватская литература XX века. М., 2015. 440 с.
- ⁵ «Русское измерение» и интертекстуальность романа Неделько Фабрио «Смерть Вронского» // *Россия и русский человек в восприятии славянских народов* / отв. ред. А.В. Липатов, Ю.А. Созина. М., 2014. С. 479–496.
- ⁶ Войны и конфликты XX в. на территории Хорватии и их влияние на развитие современного хорватского литературного языка. // *Мир в слове. Слово в мире.* Вып. 4: сборник статей / отв. ред. Т.Е. Автухович. Гродно, 2023. С. 145–151.
- ⁷ *Злыднева Н.В.* Вброд через реку перемен: категория границы в романе Дубравки Угрешич // *Славянский альманах.* 2020. № 3–4. С. 363–382.
- ⁸ *Шатько Е.В.* Топос Сараево в прозе хорватского писателя М. Ерговича (на материале сборника рассказов «Сараевское Мальборо») // *Славянский мир в третьем тысячелетии.* 2019. Т. 14. № 3–4. С. 116–129; *Постмодернизм в славянских литературах* / отв. ред. Н.Н. Старикова. М., 2004. 206 с.
- ⁹ *Шатько Е.В.* Сараево. План города»: специфика хронотопа // *Славянский альманах.* 2020. № 3–4. С. 412–422.

DOI: 10.31168/2619-0869.2025.67

**Диалог двух народов:
Русско-сербские историко-
культурные связи
(На примере очерка Ю.М. Лоцица
«Веселин»)**

Анастасия Максимовна Швецова

Белорусский государственный университет,
Минск, Республика Беларусь;
e-mail: shvetsova772@gmail.com
ORCID: 0009-0003-3943-2126

Ключевые слова: Ю.М. Лоциц, специфика, русско-сербские связи, национальная идентичность, православие, история, культурное наследие

**Dialogue Between Two Peoples:
Russian-Serbian Historical
and Cultural Ties
(Based on the Example
of Y.M. Loshchits's Essay "Veselin")**

Anastasia M. Shvetsova

Belarusian State University,
Minsk, Republic of Belarus;
e-mail: shvetsova772@gmail.com
ORCID: 0009-0003-3943-2126

Key words: Yu.M. Loshitz, specificity, Russian-Serbian relations, national identity, Orthodoxy, history, cultural heritage

В творчестве русского православного писателя Ю.М. Лоцица (р. 1938) неизменно присутствует тема русско-сербских исторических и культурных связей (сборник «Русский сказ — сербская притча», романная диалогия «Унион» и «Полумир»,

авторское стихотворение «Прощание с Сербией», статья «Герои при конце света» и др.). Более того, он сам принимает активное участие в культурных связях России и Сербии, встречается с известными сербскими общественными и культурными деятелями (Срето Танасич, Владимир Ягличич, Сречко Йованович и др.). Им также выполнены многочисленные переводы сербской поэзии (песни Косовского эпического цикла, произведения таких поэтов, как Джура Якшич, Милан Ракич, Драгиша Васиц, Джордже Николич, Владимир Ягличич, Зоран Костиц и Десанка Максимович). Помогает ему в этом хорошее владение сербским языком, позволяющее точно передать «дух сербской речи». Присутствие темы русско-сербских связей в творчестве писателя, его непосредственное участие в культурной жизни двух славянских стран, а также хорошее владение сербским языком ярко отражены в рассказах и очерках «Сербские имена» (1991–2015 гг.).

Очерк-воспоминание «Веселин» (2015) Ю.М. Лоцица служит примером того, как с помощью художественного слова можно фиксировать и интерпретировать исторические события, сохранять память о выдающихся личностях и культурных достижениях.

Цель данной статьи — выявить специфику русско-сербских исторических и культурных взаимосвязей в очерке Ю.М. Лоцица «Веселин».

Стоит отметить, что для данного очерка характерна «документальность, точное воспроизведение реальных фактов и явлений, действующих лиц, часто в сопровождении прямого истолкования и оценки автора. В такие очерки нередко вводится образ рассказчика, описывающего встречи и разговоры с героями, передающего свои наблюдения, впечатления, обобщения»¹. Исходя из этого, мы и будем анализировать очерк «Веселин» как очерк-воспоминание, в основу которого лег сюжет его личных контактов с конкретным героем — Веселином Джуретичем, — историческим лицом, именем которого и назван очерк, а также оценка исторических событий, на фоне которых эти контакты происходили. В частности: приезд Веселина Джуретича на открытие Международного

фонда славянской письменности (председателем его избран академик Никита Толстой), празднование 1000-летия Крещения Руси, собрание координационного совета «Русской энциклопедии», восстановление православных храмов (Храма Святого Саввы в Белграде и Храма Христа Спасителя в Москве), подъем национального самосознания в Сербии и России.

Структура очерка фрагментарна, она состоит из отдельных четырех небольших частей, объединенных общей идеей-замыслом — показать роль Веселина на фоне исторических реалий Сербии и России.

Интерес представляет и специфика хронотопа, он не просто «объединяет время и пространство, но и служит ключевым элементом в создании смысла и структуры литературного произведения»². Время в очерке дискретно (история и современность), а место — «бинарное поле», включающее Россию и Сербию, что дает возможность Ю.М. Лоцицу так организовать художественный мир произведения, чтобы читатель смог представить не только культурно-исторические достопримечательности Сербии, но и атмосферу национальной жизни этого народа, представителем которого является Веселин Джуретич — сербский историк, общественный деятель, воспринимающий русскую культуру как наиболее близкую своей собственной. По своему мировоззрению он идеалист, искренне верящий в духовное единство России и Сербии. Он энергичный, темпераментный человек, носитель сербского национального характера. В его речи смешиваются русский и сербский языки, отражая культурное единство славянских народов. Яркое подтверждение вышесказанного — сцена, где Веселин восклицает: «Потрясающе! И это победа — ваша и наша большая победа!» (*Съйно! И ово е победа — ваша и наша велика победа!*)³. Этими словами Ю.М. Лоциц передает искреннее переживание Веселина, его убежденность в важности культурного взаимодействия.

В очерке мы наблюдаем активное взаимодействие автора (Лоцица) и протагониста (Веселин Джуретич). Здесь раскрывается проблема субъективности и самовыражения автора. Сочетая исторический факт и вымысел, писатель

использует художественные возможности очеркового жанра, реконструирует его в русле эстетической формы. При этом делает установку на подлинность материала, основанного на конкретном взаимодействии, отдельных его деталях. Ю.М. Лоциц «не просто фиксирует факты, а придает им живую форму, благодаря чему читатель ощущает себя свидетелем великих событий»⁴.

Важен и историко-культурный контекст, наравне с пониманием атмосферы Сербии, ментальности ее народа и его социального быта. В очерке он представлен следующими ключевыми событиями конца 1980-х гг.: празднование 1000-летия Крещения Руси, учреждение Международного фонда славянской письменности, подъем национального самосознания в Сербии и многое другое.

Рассказывая о значимых для всего славянства событиях, Ю.М. Лоциц упоминает и своего близкого коллегу, Никиту Ильича Толстого, чья личная и профессиональная жизнь были также тесно связаны с русско-сербскими взаимосвязями. После революции 1917 г. семья Н.И. Толстого, советского и русского лингвиста-слависта, правнука писателя Льва Толстого, эмигрировала в Сербию. Данный факт повлиял на становление автора нескольких сотен работ по истории славянских литературных языков, диалектологии славянства, а также создателя сербохорватско-русского словаря: «И только что учрежден в Советском Союзе Международный фонд славянской письменности и культуры, а председателем его избран академик Никита Толстой... И только что собрался Координационный совет такой долгожданной “Русской энциклопедии” — во главе с академиком Олегом Трубачевым...». Ю.М. Лоциц в очерке отмечает, что эти события предшествуют глобальным переменам, связанным с распадом Югославии и СССР.

Лингвистические особенности в передаче живой устной речи главного героя Веселина ярко выражены в ее стилизации под русско-сербский симбиоз. Автором используются разговорные формы (*Слушайте, сьяйно разумем!* / «Слушайте, превосходно понимаю!»), риторические выражения

(Сьяйно! Живели! Превосходно! Будем!), создающие эффект живого общения. Эти элементы помогают писателю передать национальный колорит, усилить эмоциональную насыщенность повествования.

Главная идея очерка — необходимость культурного единения славянских народов. Через образ Веселина Джуретича писатель выражает мысль о неразрывной связи сербской и русской истории, духовной общности двух народов.

Очерк несет в себе и патриотический пафос, подчеркивая важность исторической памяти, национальной истории и сохранения культурного наследия. Так, сцена посещения стройки храма в Белграде показывает, как идея духовного единства воплощается в архитектуре. Эпизод с Белградским храмом Святого Саввы⁵, который, как и московский Храм Христа Спасителя, символизирует духовное возрождение, занимает важное место в структуре очерка. История их восстановления удивительным образом пересекается, так как пример сербских зодчих стал важным аргументом в пользу возведения собора в Москве. Очевидно, что опыт Сербии послужил моделью возрождения православного величия, немалую роль сыграл в этом и сам Ю.М. Лоциц: «Но свои впечатления тех минут мне, пожалуй, не пересказать сегодня проще и непосредственней, чем сделал это вскоре же, по возвращении домой, написав для “Литературной России” статью под названием “Глаза боятся, а руки делают”. Начал я ее с краткого рассмотрения доводов, достаточно громко звучавших в те дни в российском обществе, на тему о ненужности, неуместности или, по крайней мере, несвоевременности даже поднимать сам вопрос о восстановлении в Москве Храма Христа Спасителя. Причем, среди “скептиков”, как ни странно, чуть ли не громче иных звучали как раз голоса людей, истово верующих. Статья моя имела у нас в стране, как представляется, некоторые, причем, вовсе не маловажные последствия».

Специфика русско-сербских исторических и культурных взаимосвязей в очерке Ю.М. Лоцица «Веселин» выявлена согласно поставленной цели и представлена на следующих

уровнях: 1) исторический контекст (очерк фиксирует ключевые события конца 1980-х гг.); 2) осмысление культурных и духовных связей (Веселин Джуретич, главный герой очерка, является страстным приверженцем идеи славянского единства, а упомянутые храмы выступают символами духовного возрождения); 3) литературные особенности построения очерка (фрагментарность, прием ретроспекции, а также передача колорита живой русско-сербской речи).

Анализ данного произведения с точки зрения жанровой специфики показывает, что Ю.М. Лощицу удалось объединить в очерке публицистическую точность с художественной выразительностью. Ю.М. Лощиц продемонстрировал через произведение малого жанра, как личная история и воспоминания могут стать частью большого исторического нарратива, передающего дух времени и национальные общеславянские ценности.

Примечания

- ¹ Чайка Л.А. Жанровое и композиционное своеобразие очерков А.А. Бестужева-Марлинского о Кавказе // Известия РГПУ им. А.И. Герцена. 2007. № 40. С. 307.
- ² Бахтин М.М. Вопросы литературы и эстетики. М., 1975. С. 234–407.
- ³ Лощиц Ю.М. Русский сказ — Сербская притча. Повести, рассказы, беседы, романы. М., 2015. 576 с.
- ⁴ Гуминский В.Д. О писателе Юрии Лощице. URL: <https://loshchits.ru/archives/47> (дата обращения: 09.03.2025).
- ⁵ Хошев А.Ю. Строительство храма св. Саввы в Белграде: опыт взаимодействия церкви и общества в рамках одного проекта общенационального значения // Власть. 2024. № 2. С. 203–211.

DOI: 10.31168/2619-0869.2025.68

Образ Владислава Сырокомли в русскоязычном дискурсе второй половины XIX в.

Марина Петровна Воробей

Центр исследований белорусской культуры,
языка и литературы НАН Беларуси,
Минск, Республика Беларусь;
e-mail: 3-Zna@mail.ru
ORCID: 0009-0006-1529-8227

Ключевые слова: белорусская литература XIX в., Владислав Сырокомля, литературная критика XIX в., публицистика XIX в., литературные взаимосвязи

The Image of Władysław Syrokomla in the Russian-Speaking Discourse of the Second Half of the 19th Century

Maryna P. Varabei

Center for the Belarusian Culture,
Language and Literature Researches
of the National Academy of Sciences of Belarus,
Minsk, Republic of Belarus;
e-mail: 3-Zna@mail.ru
ORCID: 0009-0006-1529-8227

Keywords: Belarusian literature of the 19th century, Władysław Syrokomla, literary criticism of the 19th century, journalism of the 19th century, literary connections

Творческое наследие Владислава Сырокомли (наст. имя Людвик Кондратович, 1823–1862) нашло широкий отклик в литературной среде Российской Империи. Интерес к произведениям Владислава Сырокомли, их распространению

подтверждается в том числе количеством переводов на русский язык как художественных текстов, так и иных трудов, появлением отзывов и рецензий. В данном материале обратим внимание на то, как складывается образ писателя-представителя так называемой «краевой литературы», одного из последних романтиков, патриота и демократа Владислава Сырокомли в высказываниях отдельных авторитетных представителей русской интеллигенции «большой земли».

В русскоязычной периодике второй половины XIX в., где так или иначе фигурировала личность Владислава Сырокомли, следует отметить издания «Литовский вестник», «Иллюстрация» («Иллюстрированная газета»), «Московские ведомости», «Вести Западной России», «Русское богатство», «Живописное обозрение», «Минский листок», «Вестник Европы», «Наблюдатель», «Отечественные записки» (именно здесь вышла рецензия на избранные произведения 1879 г.), «Русская мысль». Следует отметить, что последнее нередко становилось своеобразной «трибуной народов», выступавшей площадкой для переводной литературы и репрезентации ее критикой.

Среди важных книжных изданий Владислава Сырокомли нужно назвать «Историю польской литературы от начала ее до настоящего времени» в переводе с польского языка Ф. Кузминского (Т. 1 — 1860, Т. 2 — 1862.), сборники произведений: «Избранные стихотворения Людвиг Кондратовича (Владислава Сырокомля)» (1879 г., Т. 1, был запланирован и второй том, однако, он так и не вышел), брошюра «Людвиг Кондратович (Сырокомля). Биографический очерк польского поэта с приложением его стихотворений» (1901).

Популярность произведений автора подчеркивается еще одним интересным фактом: поэту приписывают чужие произведения. Например, исследователь В. Вильчински приводит случай, когда Л. Мей переводит стихотворения «Грузинке» и «Украинке» с пометкой «Из Сырокомли», хотя стихотворения принадлежат С. Винницкому¹. Поэт А. Плещеев в 1850-е г. под влиянием Э. Сераковского, Б. Залеского, Э. Желиговского в оренбургской ссылке переводит стихи Сырокомли².

Кроме того, Л. Кондратович попал в число опальных писателей: в 1860-х г. за распространение его произведений был приговорен к ссылке книгоиздатель Ф. Завадский. Стоит отметить, однако, отзывчивость к нему некоторых цензоров, например, П.В. Кукольника. Как отмечает Д.С. Прокофьева на основании архивных документов, именно П. Кукольник подписывал произведения Кондратовича к публикации (которые Третье отделение не разрешало распространять, а печатные экземпляры впоследствии изымали из продажи). Кроме того, исследовательница подчеркивает, что Владислав Сырокомля и П. Кукольник неоднократно пересекались в работе статистического комитета, археологической комиссии, в Музее древностей в Вильне, сотрудничали в периодических изданиях, а также могли встречаться на музыкальных и литературных вечерах³. Потому, возможно, виленский цензор назвал Л. Кондратовича «любимцем здешней публики», отметил легкость и приятность чтения произведений Сырокомли, а также зафиксировал, что они «перейдут в отдаленнейшие времена и будут читаны позднейшим потомством, как будто только что вышедшие в свет»⁴.

Писатель Н.С. Лесков в своих путевых записках «Из одного дорожного дневника» называет Кондратовича «любимым из современных польских поэтов», рассуждает о безвременной смерти своего кумира* и судьбе его семьи. Также Лесков отмечает, что «певца-скорби и любви», Сырокомлю, «знают не только в Литве и Польше, но и вообще во всех славянских землях, и где его знали, там его любили за его симпатический талант и неуклонно честное направление»⁵. И Н. Лесков, и многие, кто близко знал Л. Кондратовича, уважали в певце Литвы самоотверженность и бескорыстие, преданность делу, несмотря на жизненные трудности.

В конце XX в. творчество Л. Кондратовича концептуально рассматривалось в контексте литературного и общественного движения конца 1880-х гг. Так, исследователь С.С. Орленко

* Н. Лесков, если опираться на записи, прибыл в Виньну 7 сентября 1862 г. (по старому стилю), на три дня опоздав на похороны Владислава Сырокомли.

приводит аргументацию причин популярности произведений Владислава Сырокомли в конце XIX в., обосновывая открытие журнала «Русская мысль» в 1880 г. поэмой «Маргер», подчеркивает, что такой выбор «мог быть обусловлен не только интересом к одному из крупнейших поэтов славянского мира. Редакция тем самым могла выражать осуждение непримиримости революционных экстремистов, которые к тому времени уже трижды покушались на жизнь царя, и жестокости мер правительства, старающегося подавить нарастающее народное возмущение. Никакая преданность идее не способна оправдать насилие, нет и не может быть божества, в жертву которого стоило бы принести свою или чужую жизнь — такое звучание обретала главная мысль польского поэта в России в начале 1880-х годов»⁶. Приведенные С. Орленко мотивы видятся естественными для того времени, автор подчеркивает либерализм журнала «Русская мысль» и объединение вокруг него славянофилов.

Лирическая поэзия Владислава Сырокомли получила широкое признание русскоязычного читателя, что отразилось и в отзывах. Например, приведем высказывание Николая Аксакова: «Сырокомлю, может быть, больше, чем кого бы то ни было, можно назвать поистине народным поэтом, народным гуслиром, как он называл себя, не потому, конечно, чтобы он влагал в свои песнопения внешние черты народной жизни, копировал, передразнивал народ с наблюдательностью этнографа, а потому, что он жил его чувством, глубоко заглядывал в его душу»⁷.

Важным литературно-критическим произведением является монографический очерк В.Д. Спасовича, посвященный жизни и творчеству Владислава Сырокомли. Автор идентифицирует Л. Кондратовича в национальном и историко-литературном контексте, называя его «польским поэтом литовской школы», последним в числе наиболее способных и наиболее самостоятельных последователей А. Мицкевича. В. Спасович обращается к отдельным произведениям разных периодов, размышляет о равновесии ума и сердца у Владислава Сырокомли, а также проводит параллели в его

творчестве с русским поэтом революционного романтизма К. Рылеевым (стоит отметить, что поэма «Войнаровский» переведена Л. Кондратовичем на польский язык). Спасович отмечает основные особенности творчества Сырокомли, резюмируя, что «прелесть его поэзии заключается не в высоте полета, не в богатстве и разнообразии сюжетов, даже не в манере и методе песни, но в той личной особенности, какую мы наблюдаем в гортани соловья и которую найдем в беззаветном увлечении поэта, в том что его личная натура делала из него как бы самый совершенный музыкальный инструмент, отзывавшийся стройно и громко на каждое прикосновение, притом невольно, так что он звучал до самой той минуты, когда порвались струны»⁸. Действительность, современные изменения в общественной жизни художественно преломлялись у Кондратовича в том числе через отражение исторических событий, и хотя В. Спасович не особенно высоко оценивает исторические произведения автора, все же замечает в них уникальность: «Дело в том, что пристрастие к прошедшему, влюбленность в это прошедшее являлись у Кондратовича лишь частицей того сильного и горячего чувства, которое охватывало его со всех сторон, господствовало в душе его безраздельно, проникало его до мозга костей. Этим безграничным чувством была у него любовь к родному краю, как к необходимой ему стихии, вне которой ему казалось невозможным дышать и существовать»⁹.

Таким образом, на основании изученных избранных материалов можно сделать вывод о том, что Владислав Сырокомля в общественном и литературном дискурсе второй половины XIX в. представляется популярной личностью, выделяющейся своим особым взглядом на окружающую действительность. Русскоязычные авторы обращали внимание на творчество Владислава Сырокомли-творца, но также и гражданина, близкого в отношении гражданской позиции, универсальности ценностных ориентиров.

Примечания

- ¹ *Вильчински В.* Некоторые замечания о русских переводах Владислава Сырокомли и его современников // Русская литература. Историко-культурный журнал. 1976. № 4. С. 194.
- ² Там же.
- ³ *Прокофьева Д.С.* «Струн вещей пламенные звуки...». М, 1990. С. 139–140.
- ⁴ *Кукольник П.В.* Путешествие по Замковой улице. // Виленский вестник. 1860. № 1, 1 января — 14, 16, 18, 19, 21–27, 1 апреля. Цитируется по: Lib.ru: «Классика» [Электронный ресурс], 2018. URL: http://az.lib.ru/k/kukolxnik_p_w/text_0060.shtml (дата обращения: 31.03.2025).
- ⁵ *Лесков Н.С.* Из одного дорожного дневника. URL: <https://www.litres.ru/book/nikolay-leskov/iz-odnogo-dorozhnogo-dnevnika-175503/> (дата обращения: 30.03.2025).
- ⁶ *Орленко С.С.* Журнал “Русская мысль” в литературно-общественном движении 1880-х годов. Саратов, 1991. С. 60.
- ⁷ *Аксаков Н.П.* Людвиг Кондратович (Вл. Сырокомля): Опыт характеристики // Русская мысль. 1880. № 1. Критика. С. 13.
- ⁸ *Спасович В.Д.* Собрание сочинений В.Д. Спасовича. СПб, 1913. Т. 1. С. 6–7.
- ⁹ Там же. С. 33.

СОДЕРЖАНИЕ

СЕКЦИЯ «ИСТОРИЯ»

Проблемы изучения истории Церкви

К. А. Юрьев

Об историографии вопроса определения даты смерти святого Мефодия..... 4

Н. Р. Белова

Мотив воздаяния Девы Марии и святых в чешскоязычной католической литературе эпохи Барокко 10

В. И. Короневский

Понятия «мученик» и «мученичество» в сочинении протоиерея Иоанна (Корчинского) «Страдальцы и мученики за веру православную и народность русскую...» 15

А. А. Чибисова

Историческое обоснование автокефалии православной церкви в Польше 20

Символы и сакральное в истории славян

В. А. Есис

Символическое значение мечей, преподнесенных в дар древнерусским князьям: англосаксонские и скандинавские параллели 25

А. Ю. Перетяцько

Люди со сверхъестественными свойствами в «Историческом сведении Войска Донского о Верхне-Курмоярской станице» Е.Н. Кательникова 31

Город и общество в Раннее Новое время

Н. С. Соколов

Семья в г. Нимбурке в эпоху Тридцатилетней войны. По данным завещаний 38

Н. В. Евстафьев

Три Софии XVI в.: балканский город в сочинениях православных, западнохристианских и мусульманских авторов 45

Н. С. Даниленков

Территориальная локализация и продолжительность фиксации гайдучества на территории Румелии в XVI — начале XVII века 52

**Образ «другого» в русско-польских отношениях
в Раннее Новое время**

Я. В. Мартынова

Антикорольевская оппозиция Речи Посполитой в донесениях русского резидента П. Возницына (1688–1689 гг.) 58

**Территориальные споры на Балканах
на рубеже XIX–XX вв.**

М. Ф. Аль-Сальхади

Россия и сербская церковная политика в Старой Сербии во второй половине XIX — начале XX в. 68

**Взгляды на место славянских народов в Европе
в XVIII — начале XX в.**

А. А. Лапунов

Славистические изыскания и наследие И.Г. Гердера: этапы и характерные особенности 74

Д. С. Паламарчук

Формирование взглядов Михала Чайковского на славянство 80

А. М. Дронов

Взгляды Й. Штросмайера и М. Гранича на положение России в славянском мире по донесениям русских дипломатов (1870–1871 гг.) 88

А. Е. Стекачев

Югославянская идея в программах и документах хорватской социал-демократии на рубеже XIX–XX вв. 98

И. Д. Ерофеев

- «Славянский клуб» в Кракове как пример
самоорганизации интеллектуальной среды
в Западной Галиции 105

**Источники, историография,
методы исследования**

Л. В. Феноменова

- К вопросу о смысле понятий оппозиция и диссидентство
(на примере Чехословакии периода «нормализации») 111

А. Л. Ильинский

- Идеи туранизма, как особенность венгерской
внешней политики в XXI в. 117

М. Ю. Анхимюк

- Цифровые архивы как основа исследования
политической истории Чехии конца XX — начала XXI в.:
источниковедческий анализ и методологические вызовы 122

**Страны Центральной и Юго-Восточной Европы
на современном этапе развития**

Ф. Н. Кривцов

- Взгляды Лешека Мочульского на роль Польши
в интеграционных процессах Центральной
и Восточной Европы в 1980–1990-е гг. 128

Д. О. Гребенюк

- Публичные оценки Болгарской социалистической партией
Пятидневной войны 2008 г. 134

Польские деятели в вихре событий XIX в.

Р. А. Килин

- Из истории польской политической ссылки
в Новгородской губернии. Иероним Бороздич 141

А. Ю. Макушин

- Взгляды Станислава Щепановского на систему
польского образования в Галиции 148

Пресса о событиях конца XIX – начала XXI в.

Д. В. Андряков

- Убийство Стефана Стамболова по материалам
российской периодической печати 155

Бинюе Ту

- Восприятие образа Балкан и саморефлексия
в китайской прессе первой трети XX в. 162

А. Е. Ткаленко

- Убийство Зорана Джинджича: основные версии
22 года спустя 172

Проблемы

славянских национальных меньшинств в XX в.

К. С. Борисенко

- Болгарское этническое меньшинство (болгары) в переписях
населения Турецкой Республики 1927–1965 гг. 178

А. А. Камардин

- Судьба Лужицы в ходе формирования земель
Восточной Германии в 1990-м году 188

Н. Ю. Шишов

- Защита этнических венгров Карпатского региона
в политике первых демократически избранных
правительств Венгерской Республики 1990–1998 гг. 193

Проблемы истории Чехословакии и Польши в межвоенный период

Т. В. Гимадеев

- Чешские историки, день памяти магистра Яна Гуса
и «казус Мармаджи» (1925) 200

Т. Д. Меркушина

- Д. Ллойд Джордж на Парижской мирной конференции
1919–1920 гг.: польский взгляд 206

СЕКЦИЯ «ИСТОРИЯ КУЛЬТУРЫ»

К. И. Метелица

Образы мятежников в белорусско-литовских летописях 216

Е. Е. Клейменова

Специфика оппозиции «свой / чужой»
в книге репортажей «Россия вблизи и издалека»
Н.Ф. Мельниковой-Папоушковой 222

Ю. О. Сорожкина

«Третье место»: кафаны как часть облика Белграда
второй половины XIX — начала XX в. 229

П. В. Симонова

Образ города в романе В. Мрштика «Санта Лючия»
(корпусное исследование) 235

А. В. Бочарова

Визуальное воплощение славянской идеи
в художественных проектах А. Мухи 243

И. О. Абашев

Вклад в московское зодчество и роль
в профессиональном сообществе династии архитекторов
шляхетского происхождения Пиотровичей 249

Александра Попова

Посткоммунистический апокалипсис в фильме
Анджея Жулавского «Шаманка» 255

Д. А. Вдовин

Мировая душа Кристиана Люпы:
«Чайка» на сценах Польши и России 266

СЕКЦИЯ «ЯЗЫКОЗНАНИЕ»

Вопросы лексикологии и ономастики

А. С. Алексеева

Церковнославянская правка рутенского текста:
«приклад» о чернокнижнике и рыцаревой жене 274

Н. П. Иордани

О развитии терминологического значения слова *съставъ* 281

Франческо Брессан

О некоторых этико-переводческих аспектах: перевод
сибирского русского пиджина на итальянский язык 287

Ю. В. Островская (Горноскуль)

Славянские и латинские дублеты
в церковном румынском языке 293

**Славянская этнолингвистика
и фольклор**

А. С. Кобыскан

Русские народные лирические песни села Красный Яр:
эмоциональный космос традиционной культуры 300

Ю. А. Долгих

Нечистый дух или Морфей?
Персонаж «кикимора» в русских мифологических словарях
второй половины XVIII — первой четверти XIX в. 306

А. И. Чиварзина

Цветовая палитра сравнений: уникальные образы
балканских языков 313

Г. А. Маркадеев

Имена персонажей чешских заговоров 319

**Функциональные аспекты
грамматики и лексики славянских языков**

Е. М. Шилова

Варьирование форм приставочных местоименных наречий
с пространственно-временной семантикой
в одном южнорусском говоре 325

Р. С. Фисун

Что лицензирует неопределенные местоимения?
Славянский взгляд на лицензирующие контексты 333

М. И. Хажомия

Прерывисто-смягчительный способ глагольного действия:
русский язык vs. сербский/хорватский 341

В. В. Каприелова

Синкретизм в сербской лексической системе 349

М. А. Волкова

- Явления феминизации на синтаксическом уровне
в современном словенском языке 354

Славянская социалингвистика**И. Н. Каменнов**

- Языковая идентичность буневцев в Бачке 359

Е. А. Дадыкина

- Именные формулы в сербских листках-некрологах:
структура и функции 363

В. А. Немчинов

- Потомки чешских и словацких переселенцев
в аргентинской провинции Чако: полевое исследование
языка и культуры 372

А. С. Зарецкая

- Структурные особенности чешско-английского переключения
кодов в компьютерно-опосредованной коммуникации
(на материале социальной сети *X/Twitter*) 377

Г. П. Пилипенко, А. А. Пивоваренко

- Языковая ситуация славянских диаспор в Чили,
Аргентине и Парагвае 384

СЕКЦИЯ «ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ»**Поэтика: проза****М. А. Марушина**

- Женские образы в трилогии М. Пуймановой
«Люди на перепутье» 392

Д. А. Балаклеец

- Пространство природы в прозе Б. Шульца
и романе П. Хюлле «Вайзер Давидек»
в контексте мифопоэтики 397

А. А. Затолокина

- Мифопоэтическое пространство в романе
Зиранны Затели «И в сумерках они приходят вновь»
и романе Горана Петровича «Атлас, составленный небом» 404

Я. О. Бондарь

- Тело как травма или исцеление в романах
Дубравки Угрешич 410

Поэтика: поэзия**А. Р. Кашина**

- Эволюция поэтического мировоззрения Й. Дучича:
от декаданса к философской лирике на примере
мотива смерти в циклах «Сенке по води» (1900–1901)
и «Лирика» (1943) 416

Л. А. Винокурова

- Мир и человек в поэтических сборниках Радека Малого
2000-х гг. 422

А. А. Конева

- Прогулка по Загребу с Мирелой Приселац
(городской текст в поэтическом сборнике «Масарикова») 428

Русско-славянские литературные связи**Деяна Малич**

- Светолик Ранкович: сербский писатель — русский ученик 434

А. С. Морозов

- Традиции изучения современной хорватской литературы
в отечественном литературоведении 440

А. М. Швецова

- Диалог двух народов:
Русско-сербские историко-культурные связи
(На примере очерка Ю.М. Лоцица «Веселин») 445

М. П. Воробей

- Образ Владислава Сырокомли в русскоязычном дискурсе
второй половины XIX в. 451

Научное издание

ИНСТИТУТ СЛАВЯНОВЕДЕНИЯ РАН

**СЛАВЯНСКИЙ МИР:
ОБЩНОСТЬ И МНОГООБРАЗИЕ**

Материалы
конференции молодых ученых
в рамках Дней славянской письменности и культуры,
20–21 мая 2025 г.

Ответственные редакторы:

Е. С. Узенёва, О. В. Хаванова

Компьютерная верстка:

П. Н. Морозов

Общероссийский классификатор продукции
ОК-034-2014 (КПЕС 2008); 58.11.1 — книги, брошюры печатные

Институт славяноведения РАН
119334, г. Москва, Ленинский просп., д. 32-А, корп. «В»
Адрес электронной почты:
inslav@inslav.ru

Подписано в печать 30.12.2025. Формат 60×84¹/₁₆
Гарнитура Century Schoolbook. Бумага офсетная
Печать цифровая. Усл. печ. л. 27,09
Объем 29,13 печ. л.

Заказ № 87.

Тираж 500 экз.